

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 11

Ноябрь 2023

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

<https://gospravo-journal.ru>

М.С. Строгович: теоретик советского уголовного процесса • Капитализм и плутократия • Регионализм и регионализация: проблемы и перспективы в праве • Обзор концепций юридической анимии в зарубежной и отечественной социолого-правовой мысли • Цивилизационный подход к правам человека: к 75-летию Всеобщей декларации прав человека • Реальный мир как дополнение метавселенной (грядущие трансформации права) • Предпосылки принятия и сущность основных положений Концепции правовой политики Республики Беларусь • Регулирование торговли и снабжения правительством генерала Деникина в годы Гражданской войны в России

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 11 2023 Ноябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. — первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. — по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревич, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, д. 10
е-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Москва

© Российская академия наук, 2023
© Институт государства и права РАН, 2023
© Составление. Редакция журнала
«Государство и право», 2023

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 11 2023 November

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief

A.N. Savenkov,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedelev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchayev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Institute of State and Law of the RAS, 2023
© Editorial Board of “State and Law”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 11, 2023

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

М.С. Строгович: теоретик советского уголовного процесса <i>А.Н. Савенков, С.Б. Россинский</i>	7
* * *	
Капитализм и плутократия <i>А.Д. Керимов</i>	29
Регионализм и регионализация: проблемы и перспективы в праве <i>С.Б. Нанба</i>	38

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Обзор концепций юридической аномии в зарубежной и отечественной социолого-правовой мысли <i>Д.А. Липинский, А.А. Иванов</i>	49
---	----

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Защита прав и интересов сторон при взыскании с застройщика неустойки за нарушение сроков передачи объекта долевого строительства дольщику <i>А.В. Пушкина</i>	64
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Объективное право в свете современной материалистической теории права Обзор материалов обсуждения книги В.М. Сырых «Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. I. Объективное право и формы его выражения» <i>А.В. Малько, В.В. Трофимов, В.Ю. Панченко, Н.В. Кроткова</i>	72
Каноническое право в современном теолого-правовом познании В.В. Баган. Генезис и онтология канонического права Православной Церкви: научно-теологическое и научно-юридическое исследование <i>А.И. Овчинников</i>	86
* * *	
Юридическая сила источника права: проблема оснований <i>М.Ю. Спирин</i>	93
Использование категории образа в процессе доказывания по уголовным делам (постановка проблемы и ее решение на примере деятельности следователя) <i>Е.А. Доля</i>	99

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Цивилизационный подход к правам человека: к 75-летию Всеобщей декларации прав человека <i>А.Н. Савенков, Н.В. Колотова</i>	108
---	-----

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Возмещение потерь и страхование: сущность, сходства и различия институтов <i>И.В. Климов</i>	124
---	-----

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере цифровых финансовых активов и цифровой валюты

М.М. Долгиева

132

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

О системности правовой политики в сфере организации особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности

О.А. Лакаев

139

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Финансовый рынок Российской Федерации: понятие, основные векторы развития

М.Н. Кобзарь-Фролова

147

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Реальный мир как дополнение метавселенной (грядущие трансформации права)

Ю.М. Батулин, С.В. Полубинская

155

В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ

Предпосылки принятия и сущность основных положений Концепции правовой политики Республики Беларусь

О.И. Чуприс

170

ЗА РУБЕЖОМ

Универсализм в социальной политике скандинавских государств

А.И. Черкасов

178

Содействие правосудию в современной мусульманской модели уголовного судопроизводства (на примере уголовно-процессуального законодательства Исламской Республики Афганистан)

В.С. Латыпов

185

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Регулирование торговли и снабжения правительством генерала Деникина в годы Гражданской войны в России

В.Г. Медведев

193

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

«Мягкая сила» и её перспективы в условиях кризиса государства как формы и способа бытия человека

А.Л. Панищев

201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сравнительное конституционное право: новые подходы, концепции и категории (Всероссийский «круглый стол»)

Н.В. Варламова, Т.А. Васильева

207

Обзор материалов научно-практического форума с международным участием «Актуальные проблемы сравнительно-исторического правоведения и теоретико-правовых исследований»

Д.В. Зорилэ, Е.Н. Трикоз, А.С. Туманова

216

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / отв. ред. А.Я. Капустин

А.Н. Вылегжанин, С.А. Лобанов, Р.А. Каламкарян

224

CONTENTS

Number 11, 2023

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

- M.S. Strogovich: theorist of the Soviet Criminal Procedure
A. N. Savenkov, S. B. Rossinskiy 7

* * *

- Capitalism and plutocracy
A. D. Kerimov 29

- Regionalism and regionalization: problems and prospects in law
S. B. Nanba 38

SOCIOLOGY OF LAW

- Review of the concepts of legal anomie in foreign and domestic socio-legal thought
D. A. Lipinsky, A. A. Ivanov 49

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

- Protection of the rights and interests of the parties in recovery from the developer for the breach of the terms of transfer of the object of sharing construction to the shareholder
A. V. Pushkina 64

DISCUSSIONS AND DEBATES

- Objective law in the light of modern materialistic theory of law
Review of the discussion materials of the book by V. M. Syrykh
"Fundamentals of the materialistic theory of law: in 4 vols.
Vol. I. Objective law and forms of its expression"
A. V. Mal'ko, V. V. Trofimov, V. Yu. Panchenko, N. V. Krotkova 72

- Canonical Law in modern theological and legal cognition
V. V. Bagan. Genesis and ontology of the Canonical Law of the Orthodox Church:
scientific-theological and scientific-legal research
A. I. Ovchinnikov 86

* * *

- Legal force of the source of law: the problem of foundations
M. Yu. Spirin 93

- He use of image category in the process of proving in criminal cases
(formulation of the problem and its solution on the example of investigator's activity)
E. A. Dolya 99

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

- Civilizational approach to human rights: on the 75th anniversary of the Universal Declaration
of Human Rights
A. N. Savenkov, N. V. Kolotova 108

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

- Reimbursement of losses and insurance: essence, similarities and differences
I. V. Klimov 124

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY	
Criminal law protection of public relations in the field of digital financial assets and digital currency <i>M.M. Dolgieva</i>	132
LAW AND ECONOMICS	
On the consistency of legal policy in the field of organization of special administrative and legal regimes of economic activity <i>O.A. Lakaev</i>	139
BUDGET, TAXES, BANKS	
Financial market of the Russian Federation: concept, main vectors of development <i>M.N. Kobzar-Frolova</i>	147
INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY	
The real world as augmented metaverse (coming transformations of law) <i>Yu.M. Baturin, S.V. Polubinskaya</i>	155
IN THE COUNTRIES – MEMBERS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES	
Prerequisites for the adoption and essence of the main provisions of the Concept of Legal Policy of the Republic of Belarus <i>O.I. Chupris</i>	170
ABROAD	
Universalism in social policy of the Scandinavian states <i>A.I. Cherkasov</i>	178
Assistance to justice in the modern muslim model of criminal proceedings (on the example of criminal procedure legislation Islamic Republic of Afghanistan) <i>V.S. Latypov</i>	185
PAGES OF HISTORY	
Regulation of trade and supply by the government of general Denikin during the Russian Civil War <i>V.G. Medvedev</i>	193
SCIENTIFIC REPORTS	
“Soft power” and its prospects in the context of the crisis of the state as a form and mode of human existence <i>A.L. Panishchev</i>	201
SCIENTIFIC LIFE	
Comparative Constitutional Law: new approaches, concepts and categories (All-Russian the “Round Table”) <i>N.V. Varlamova, T.A. Vasilieva</i>	207
Review of the materials of the Scientific and Practical Forum with international participation “Actual problems of comparative-historical jurisprudence and theoretical-legal research” <i>D.V. Zorile, E.N. Trikoz, A.S. Tumanova</i>	216
CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY	
The modern concept of the interaction between International and domestic law / res. ed. A. Ya. Kapustin <i>A.N. Vylegzhanin, S.A. Lobanov, R.A. Kalamkaryan</i>	224

===== ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: =====
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

УДК 343.1
ББК 67.410.2

**М.С. СТРОГОВИЧ:
ТЕОРЕТИК СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

© 2023 г. А. Н. Савенков*, С. Б. Россинский**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: an61s@yandex.ru*

***E-mail: s.rossinskiy@gmail.com*

Поступила в редакцию 09.10.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена жизни, творчеству и научному наследию выдающегося советского ученого-процессуалиста, члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора Михаила Соломоновича Строговича (1894–1984).

Рассматриваются основные этапы профессионального пути ученого: от обучения в гимназии и институте до заслуженного признания лидером советской уголовно-процессуальной науки. Анализируются наиболее существенные публикации автора, посвященные природе уголовного процесса, состязательности, презумпции невиновности, обеспечению прав личности и другим важнейшим вопросам, возникающим в связи с предварительным расследованием и судебным разбирательством уголовных дел. Высказанные М.С. Строговичем позиции оцениваются с точки зрения востребованности для развития современной уголовно-процессуальной доктрины, современного законодательства и правоприменительной практики.

При подготовке статьи использовались материалы личного дела М.С. Строговича и другие документы из архива Института государства и права РАН.

Ключевые слова: Институт государства и права РАН, Михаил Соломонович Строгович, обвинение, право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности, принцип состязательности, советское правосудие, социалистическая законность, уголовное преследование, уголовный процесс.

Цитирование: Савенков А.Н., Россинский С.Б. М.С. Строгович: теоретик советского уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 11. С. 7–28.

DOI: 10.31857/S102694520028704-5

M.S. STROGOVICH: THEORIST OF THE SOVIET CRIMINAL PROCEDURE

© 2023 A. N. Savenkov*, S. B. Rossinskiy**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: an61s@yandex.ru

**E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Received 09.10.2023

Abstract. The article is dedicated to the life, work and scientific heritage of the outstanding Soviet scientist-proceduralist, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor Mikhail S. Strogovich (1894–1984).

The main stages of the scientist's professional path are considered: from studying at a gymnasium and institute to well-deserved recognition as the leader of Soviet criminal procedure science. The author's most significant publications are analyzed, which are devoted to the nature of the criminal process, adversarialism, the presumption of innocence, ensuring individual rights and other important issues that arise in connection with the preliminary investigation and trial of criminal cases. Expressed by M. S. Strogovich evaluates the positions from the point of view of their relevance for the development of modern criminal procedure doctrine, modern legislation and law enforcement practice.

When preparing the article, materials from personal file were used M. S. Strogovich and other documents from the archives of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Mikhail S. Strogovich, accusation, the right of the accused to defense, presumption of innocence, principle of competition, Soviet justice, socialist legality, criminal prosecution, criminal process.

For citation: Savenkov, A. N., Rossinskiy, S. B. (2023). M. S. Strogovich: theorist of the Soviet Criminal Procedure // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 7–28.

На общем фоне множества ученых-процессуалистов, живших и работавших в советский период развития уголовной юстиции, всегда выделялось и продолжает выделяться имя члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора Михаила Соломоновича Строго-

вича. Это имя известно каждому человеку, так или иначе связанному с научными исследованиями в области судостроительства, судопроизводства, правоохранительной и правозащитной деятельности. М. С. Строгович — не просто крупный ученый-правовед. Он был и остается общепризнанным научным лидером, «патриархом» советского уголовного процесса, одним из создателей советской уголовно-процессуальной доктрины и советского уголовно-процессуального законодательства. Его долгая и насыщенная жизнь — наглядный пример

честного и преданного служения своей стране, законности и юридической науке.

Михаил Соломонович — потомственный юрист. Он родился 29 (17) сентября 1894 г. в Санкт-Петербурге, однако вскоре семья переехала в Москву. Его отец, Соломон Юльевич, много лет служил в Управлении Московско-Курской железной дороги, а после революции работал в советских государственных учреждениях; мать, Софья Моисеевна, была домохозяйкой.

В 1913 г. М. С. Строгович окончил с серебряной медалью 2-ю Московскую гимназию¹, а в 1915 г. поступил на экономический факультет Московского коммерческого института, впоследствии переименованного в Институт народного хозяйства им. К. Маркса (ныне — Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова); одновременно начал подрабатывать частными уроками. Однако намерения стать экономистом так и не

¹ См.: «Московская 2-я гимназия...: Жирмунский Александр, Строгович Михаил, Тонис Адольф» (см.: Сведения о лицах иудейского исповедания, допущенных к выпускным и окончательным экзаменам зрелости в 1913 г. по учебным заведениям Московского учебного округа // ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 14. Д. 27. Л. 78).

были доведены до конца — сказала «юридическая» наследственность. Уже на втором курсе института студент Строгович увлекся правоповедением и начал скрупулезно изучать правовые, в том числе «судебные», дисциплины.

Полностью завершить очное образование Михаил Соломонович так и не смог: помешала революция. В 1918 г. он начал трудовую деятельность в качестве секретаря одного из отделов Народного комиссариата просвещения, а затем служил экономистом отдела экономических исследований Высшего совета народного хозяйства РСФСР, в связи с чем в 1919 г. был вынужден временно прервать свое пребывание в институте. Возможность закончить обучение представилась лишь через несколько лет: в 1923 г. М.С. Строгович без отрыва от службы успешно сдал оставшиеся экзамены, а в 1924 г. подготовил и защитил дипломную работу «Суд и администрация», удостоенную самой высокой оценки: «весьма удовлетворительно».

Начало профессиональной деятельности М.С. Строговича в сфере уголовной юстиции было положено в 1920 г., когда его как молодого и перспективного специалиста приняли на работу секретарем в штат только что организованного Главного революционного военного трибунала войск внутренней охраны. Это был сложный период формирования институтов вновь образованной социалистической государственности, в том числе ранней советской системы судебных и правоохранительных органов, — время, когда ввиду понятных причин многие энергичные, талантливые, склонные к усердию и проявлявшие работоспособность молодые люди могли рассчитывать на стремительный карьерный рост и быстрое продвижение по службе. По всей вероятности, Михаил Соломонович полностью оправдал проявленное к нему доверие и возложенные на него надежды, поскольку всего через год возглавил отдел статистики Революционного военного трибунала Республики, потом — организационно-инструкторский отдел расположенного в Орджоникидзе Северо-Кавказского отделения Верховного трибунала при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, а в 1923 г. (в 29 лет!) стал следователем-докладчиком Верховного Суда РСФСР.

Следующие 15 лет жизни М.С. Строговича были посвящены практической деятельности в органах советской прокуратуры: он служил помощником прокурора Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР, занимал ответственные должности в Прокуратуре РСФСР, а затем и в Прокуратуре СССР; в течение нескольких лет работал под непосредственным руководством прокурора СССР А.Я. Вышинского. Именно тогда и был накоплен бесценный практический опыт, впоследствии

сыгравший огромную роль в его доктринальных изысканиях по проблемам уголовной юстиции.

В этих непростых условиях без отрыва от прокурорской практики он начал заниматься научной работой, активно писал и публиковался, в своих книгах и статьях часто спорил с оппонентами, по многим вопросам имел собственную, далеко не всегда разделяемую коллегами, в том числе А.Я. Вышинским, точку зрения; с 1937 г. по совместительству стал работать в Институте права АН СССР.

Прекрасно понимая predeterminedную многолетними национальными традициями взаимосвязь исследовательской и педагогической деятельности, осознавая невозможность проведения подлинно научных изысканий без тесного контакта с ведущей профессурой и студенческой аудиторией, Михаил Соломонович находил возможность преподавать в высших учебных заведениях, в частности с 1933 г. читал лекции, проводил семинарские занятия, а затем и заведовал кафедрой на юридическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, преподавал во Всесоюзной правовой академии, в Юридическом институте Прокуратуры СССР, а с 1933 по 1934 г. занимал должность заместителя директора Московского юридического института им. П.И. Стучки.

В 1938 г. М.С. Строгович успешно защитил докторскую диссертацию «Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности», став одним из первых советских докторов юридических наук в области уголовного судопроизводства. В 1939 г. за выдающиеся научные достижения заслужил высокое признание академического сообщества — был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В это же самое время оставил прокурорскую практику и всецело сосредоточился на научной деятельности — по приглашению А.Я. Вышинского перешел на постоянную работу в Институт права АН СССР, где вскоре начал заведовать секцией судебного права, одновременно заняв ответственный пост ученого секретаря.

Однако уже в 1941 г. работу в Институте права АН СССР пришлось оставить: началась война. Михаил Соломонович был мобилизован в Красную Армию и вместе со многими учеными-правоведами в звании военного юриста 1-го ранга направлен для прохождения службы в Военно-юридическую академию РККА в качестве

профессора, а затем и начальника кафедры судебного права. В 1943 г. вступил в ВКП(б). Во время немецкого наступления на Москву совместно с другими преподавателями и слушателями академии был эвакуирован в Среднюю Азию, в Ашхабад. Но даже находясь в глубоком тылу и отдавая большие силы обучению весьма востребованных для нужд фронта военных юристов, он изыскивал возможности для продолжения научной работы. Беспокоившие автора в этот сложный период проблемы по понятным причинам в основном были связаны с военно-уголовной юстицией, организацией и деятельностью военно-следственных, военно-прокурорских и военно-судебных органов. В начале 1942 г. ученый на время вернулся из эвакуации, отправился с группой других специалистов на Калининский фронт, где в течение нескольких недель собирал эмпирические данные для своих исследований. Итоги всех этих усилий нашли отражение в ряде публикаций, в частности в учебнике уголовного процесса для военных юристов (1941), учебных пособиях «Обвинительное заключение» (1942), «Предание суду военного трибунала» (1942), «Гарантии установления материальной истины в боевой обстановке» (1943) и др.

Во время Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками М.С. Строгович наряду с К.П. Горшениным, А.Н. Трайниным, Б.С. Маньковским, Л.Ф. Кузьминым и другими известными правоведами был включен в возглавляемую А.Я. Вышинским специальную Комиссию, созданную при Главном обвинителе от СССР для научного консультирования советской делегации². Комиссии удалось сформулировать целый ряд предложений и практических рекомендаций, поспособствовавших изобличению обвиняемых в совершении инкриминируемых им военных преступлений, не выходя за рамки общепризнанных на тот момент принципов судебного права и канонов правосудия.

В течение нескольких послевоенных лет Михаил Соломонович оставался сотрудником Военно-юридической академии РККА (впоследствии — Военно-юридической академии Советской Армии) — ввиду ряда объективных обстоятельств начальство отказывалось удовлетворять прошения о его демобилизации. Окончательно распрощаться с военной службой и с новыми силами погрузиться в научно-исследовательскую деятельность удалось лишь в 1952 г.

С этого времени основным местом работы М.С. Строговича вновь стал Институт права АН СССР (впоследствии — Институт государства и права

АН СССР); ученый находился в его стенах еще более 30 лет, до последних дней жизни. В разные годы он возглавлял сектор проблем социалистической законности, сектор конституционных проблем социалистических государств, сектор уголовного права и процесса, сектор общих проблем уголовного судопроизводства. Одновременно М.С. Строгович продолжал активно заниматься педагогической деятельностью: читал лекции в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, во Всесоюзном институте усовершенствования работников юстиции, в Высшей школе МВД СССР, руководил кафедрой права в Академии общественных наук при ЦК КПСС и т.д.

Путь ученого к общему признанию и вершинам научной славы был далеко не безоблачным. За свою долгую жизнь Михаилу Соломоновичу пришлось столкнуться с множеством трудностей и преград, неоднократно испытать на себе проiski врагов и недоброжелателей. Например, ввиду «неправильности» происхождения окончивший гимназию с серебряной медалью (!) М.С. Строгович сразу не смог поступить в высшее учебное заведение — такая возможность представилась лишь через два года. По этой же причине в 1949 г., несмотря на долгую службу в прокуратуре и Вооруженных Силах, он попал в число главных «космополитов» советской юриспруденции и в течение нескольких последующих лет находился в опале, подвергаясь систематической травле и гонениям. Тогда как в 1976 г., будучи выдвинут в качестве кандидата в действительные члены Академии наук СССР, Михаил Соломонович, напротив, пострадал именно из-за своего прокурорского прошлого, в частности из-за работы под руководством А.Я. Вышинского. Он был необоснованно обвинен в причастности к известным политическим репрессиям, поэтому не получил требуемой поддержки в академической среде — на Общем собрании членов АН СССР его кандидатура не набрала необходимого количества голосов³.

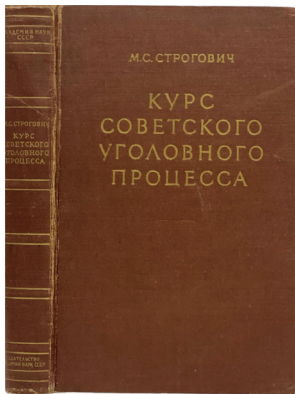
М.С. Строгович внес значительный вклад в развитие советской юридической науки в целом и уголовно-процессуальной доктрины в частности. За свою плодотворную жизнь он опубликовал свыше 300 научных работ, включая более 20 крупных монографий и целый ряд статей в ведущих юридических журналах⁴. Большую часть его творческого

³ Подробнее см.: Кудрявцев В.Н. Грустный эпизод // Опередивший время: к столетию со дня рождения М.С. Строговича / под ред. В.М. Савицкого, А.М. Ларина. М., 1994. С. 190–196.

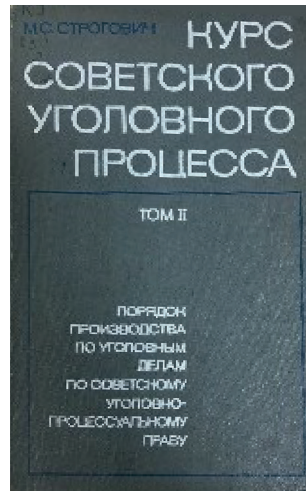
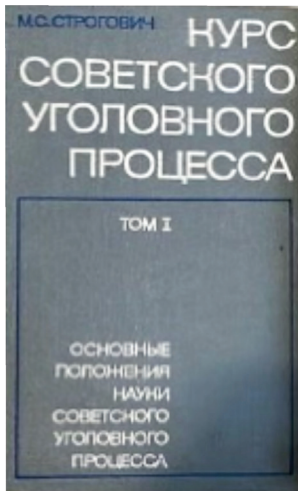
⁴ См., напр.: Строгович М.С. К реформе уголовно-процессуального кодекса // Сов. государство. 1932. № 9–10. С. 156–168; Его же. О системе науки судебного права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 55–70; Его же. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1953. № 7. С. 58–72; Его же. О дознании

² См. подр.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 310.

наследия составляют учебно-методические публикации, в том числе несколько авторских учебников уголовного процесса, предназначенных для различных категорий обучающихся: от слушателей курсов советского права до студентов классических университетов.

В качестве особой заслуги ученого надлежит признать подготовку фундаментального «Курса советского уголовного процесса», первоначально опубликованного в виде единой книги (1958), а затем существенно доработанного и переизданного в двух томах (1968, 1970). Курс представляет собой систематизирован-

ное изложение уголовно-процессуальной доктрины, поэтому до сих пор остается востребованным, является настольной книгой для многих ученых-процессуалистов и рекомендуется для обязательного изучения всем аспирантам, адъюнктам,

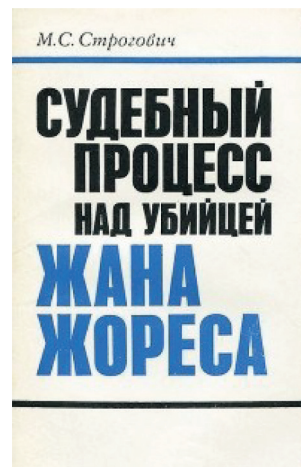
и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Соц. законность. 1957. № 5. С. 19–26; *Его же*. О самостоятельности и процессуальных функциях в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1962. № 2. С. 106–114; *Его же*. Философия и правоведение (Некоторые методологические вопросы юридической науки) // Сов. государство и право. 1965. № 6. С. 74–82; *Его же*. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Соц. законность. 1974. № 9. С. 50–53; *Его же*. Сущность юридической ответственности // Сов. государство и право. 1979. № 5. С. 72–78; *Его же*. Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Сов. государство и право. 1983. № 2. С. 70–76; *Его же*. Об оправдании ввиду недоказанности участия подсудимого в совершении преступления // Правоведение. 1983. № 5. С. 45–52.

ным начинающим исследователям проблем уголовного судопроизводства.

Другие работы автора также получили должное признание юридической общественности и вызвали множество положительных откликов, а его монография «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» (1955) была удостоена премии Президиума Академии наук СССР. Некоторые публикации М.С. Строговича были переведены на иностранные языки.

При этом круг интересов ученого не ограничивался лишь вопросами уголовного судопроизводства — Михаил Соломонович нередко выходил за рамки собственно уголовно-процессуальной науки и увлеченно работал над смежными, а иногда и достаточно отдаленными проблемами. Например, он являлся соавтором трех крупных работ по теории государства и права: двух вузовских учебников (1940, 1949) и коллективного труда «Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве» (1962). Неоднократно принимал участие в подготовке публикаций, посвященных общим проблемам социалистической законности и обеспечения прав советских граждан, интересовался методологией юридической науки.

Имя ученого можно обнаружить в числе авторов известной монографии «Проблемы судебной этики» (1974); его же перу принадлежат несколько адресованных будущим военным юристам учебных пособий по логике (1941, 1946, 1948) и др. Кроме того, М.С. Строгович был талантливым публицистом, излагал свои мысли в понятной для широких масс литературной форме. В частности, им был подготовлен памфлет «Свободу греческим патриотам!» (1959), написаны брошюры «Социалистическая законность — незыблемый принцип нашей общественной жизни» (1969), «Судебный процесс над убийцей Жана Жореса» (1971).

Михаил Соломонович постоянно выступал с открытыми лекциями и научными докладами. Он свободно владел английским, немецким и французским языками и неоднократно направлялся в зарубежные командировки. Например, в 1946 г. представлял советскую правовую науку на первом учредительном съезде Ассоциации юристов-демократов в Париже, в 1957 г. участвовал в работе VII конгресса Международной ассоциации уголовного права в Афинах, посещал ГДР, Нидерланды, Португалию, другие страны, в 1959 г. был избран действительным членом Польской академии наук, а в 1975 г. — почетным доктором Ягеллонского университета в Кракове. Его выступления всегда отличались содержательностью, яркостью и харизматичностью, вызывали живой интерес, обычно завершались множеством вопросов, сопровождались бурными и продолжительными аплодисментами.

Будучи одним из самых крупных ученых-правоведов, М.С. Строгович много времени посвящал правотворческой, консультационной и общественной деятельности. В конце 50-х годов именно ему как бесспорному лидеру советских процессуалистов было доверено возглавить Комиссию, созданную для подготовки известной реформы уголовно-процессуального законодательства и разработки Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. На протяжении нескольких десятилетий ученый являлся членом Научно-методического совета Прокуратуры СССР, принимал активное участие в работе других консультативных органов, а с 1946 по 1955 г. заведовал редакцией права издательства «Иностранная литература» при Совете Министров СССР.

За многолетний труд, большие достижения и успехи в научно-исследовательской, педагогической и других видах деятельности, пропаганду советского права М.С. Строгович был удостоен двух орденов Трудового Красного Знамени, орденов Октябрьской Революции и Дружбы народов, медалей «За боевые заслуги», «За доблестный труд», ряда других государственных наград, имел множество грамот и благодарностей, в том числе за разработку проекта Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

* * *

Начало плодотворной научной деятельности М.С. Строговича совпало с периодом становления и развития ранней советской уголовной юстиции в целом и уголовного судопроизводства в частности. Это было время, когда ввиду завершения послереволюционных потрясений, перехода Советского государства к новой экономической политике и постепенного восстановления мирной жизни

потребовались более «спокойные», социально ориентированные по сравнению с военным коммунизмом формы и методы государственного администрирования, когда понадобилось создание полноценной, присущей любой цивилизованной стране системы права и законодательства, когда появились запросы на частичное возрождение исконных правовых ценностей, когда возникла необходимость в реставрации понятия «закон» и категории «законность», когда на смену «судебным» декретам и неоднократно корректируемым временным правилам революционно-уголовной, в первую очередь трибунальной, юстиции пришли положения первых подлинно кодифицированных источников советского уголовно-процессуального права — «пробного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. и принятого всего через несколько месяцев «обновленного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г.

Разработанная в достаточно сжатые сроки группой советских юристов с дореволюционным прошлым система уголовно-процессуального законодательства во многом основывалась на признаваемых буржуазными пережитками, а фактически никем не отвергнутых прежних доктринальных подходах к уголовной юстиции, в том числе к механизмам дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел. Итоги правотворческой деятельности начала 20-х годов были детерминированы преимущественными намерениями, заменив «вывески», т.е. поменяв наименования судебных и правоохранительных органов на более революционные, в целом сохранить передовые для своего времени, детально выверенные и достаточно хорошо апробированные постулаты классической романо-германской модели уголовного судопроизводства, лежащие в основе уголовно-процессуального права Российской Империи.

Вместе с тем, невзирая на высокую степень ответственности по отношению к дореволюционным подходам, советская система уголовной юстиции ввиду известных причин — идеологической несовместимости, принципиально новой модели организации государственного управления и т.д. — уже не могла полностью соответствовать дореволюционным лекалам; принятые в этой сфере нормативные акты, в частности Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 и 1923 гг., серьезно отличались от «царского» законодательства. А наметившиеся практически сразу вызванные усилением репрессивности уголовного судопроизводства и кадровым голодом правотворческие тенденции стали импульсом для еще большего отдаления от классических романо-германских постулатов и инкрементального формирования собственной, самобытной,

в определенном смысле уникальной советской модели уголовного судопроизводства⁵.

В этой связи возникла объективная необходимость в надлежащем доктринальном обеспечении проводившихся преобразований, научном осмыслении осуществляемых реформ; появились запросы на подготовку адресованной претендентам на работу в органах уголовной юстиции и доступной для понимания учебной литературы. Причем полностью довериться в решении подобных и в определенном смысле дерзких задач исключительно перешедшим на службу в советские учреждения представителям старой школы не представлялось возможным — многие из них оказались просто неспособными полностью изменить прежние взгляды и подлинно проникнуться новой, основанной на принципах марксизма-ленинизма и установках советской власти парадигмой государственной политики в области предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Иными словами, уголовно-процессуальной науке понадобилась «свежая кровь», стала ощущаться потребность в притоке молодых и амбициозных специалистов, готовых по-новому взглянуть на насущные проблемы доктрины, законодательства и правоприменительной практики. Именно в таких условиях и начал раскрываться талант М.С. Строговича.

В 20-х годах Михаил Соломонович стал активно публиковаться в периодических изданиях юридической направленности. Уже тогда был замечен его индивидуальный стиль, предполагающий интеграцию фундаментальности анализа предмета исследования с четкостью, ясностью, простотой изложения материала и доступностью для понимания потенциальными читателями выдвигаемых суждений и формулируемых умозаключений.

Наглядный пример такого стиля — статья «Кассационная жалоба в уголовном деле (ответ т. Мерэну)»⁶ как научная реакция на опубликованную несколькими месяцами ранее работу одного из членов Верховного Суда РСФСР⁷.

Исходя из буквального толкования ст. 349 УПК РСФСР 1923 г., автор (т. Мерэн) оценивал кассационное обжалование как способ опротестования стороной приговора народного суда лишь в части формального нарушения прав и интересов участников уголовного судопроизводства, считал недопустимой возможность пересмотра существа дела,

высказывался о неприемлемости ревизионного начала кассационной инстанции, предполагавшегося в соответствии со ст. 412 прежнего УПК РСФСР 1922 г. По его мнению, обязательные для суда ревизионные процедуры надлежало толковать только в качестве процессуальной гарантии обеспечения прав неграмотных и не имеющих защитников лиц. Одновременно автор, намекая на пристрастие защитников к представлению обеспеченных слоев населения, упрекал их в попытках обжалования существа приговоров, т.е. в непонимании смысла советского законодательства.

В ответной статье М.С. Строгович не оставил без внимания ни один аргумент, ни одну реплику своего оппонента. В частности, было указано на невозможность фрагментарного толкования отдельных правовых норм без учета системности уголовно-процессуального законодательства, т.е. без понимания их взаимосвязи с другими положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, в том числе с положениями, регламентирующими основания отмены приговоров. При этом значение ревизионного порядка кассационного производства было увязано с контролем над деятельностью судов первой инстанции как максимальной гарантией публичных интересов, указано на неприемлемость определения дальнейшей судьбы жалобщика исходя из правильности составления жалобы и профессиональности его защитника. М.С. Строгович всегда старался отстаивать интересы защиты, расценивая ее в качестве важнейшей уголовно-процессуальной институции. Поэтому, отвечая своему оппоненту, он не согласился с высказанным в адрес Коллегии защитников упреком, указав, что давать подобные оценки на основании одного лишь субъективного впечатления, не имея более объективных данных, просто непозволительно⁸.

Начиная со второй половины 20-х годов в юридической литературе стали все более заметны тенденции, связанные с политизацией уголовного судопроизводства, с пониманием роли уголовной юстиции как составной части общего механизма построения социализма и защиты советской государственности от внутренних и внешних врагов. Так, многие государственные деятели и весьма авторитетные ученые видели в уголовном процессе всего лишь инструмент классовой борьбы, средство обеспечения революционной законности и пролетарской диктатуры, ратовали за безусловную подчиненность судебной системы, прокуратуры, органов дознания и предварительного следствия политической воле и программным

⁵ См.: *Росинский С.Б.* Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 61–63.

⁶ *Строгович М.С.* Кассационная жалоба в уголовном деле (ответ т. Мерэну) // Рабочий суд. 1927. № 8. С. 669–674.

⁷ См.: *Мерэн Л.* Кассационная жалоба как судебный документ в уголовно-кассационном деле // Там же. № 4.

⁸ См. подр.: *Ветрова Г.Н.* «Опередивший время» — Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 119, 120.

документам Коммунистической партии, директивам и предписаниям советской власти. В этой связи все чаще стали высказываться предложения о более активном внедрении в правоприменительную практику внесудебных репрессий и других квазипроцессуальных механизмов расследования и «разбирательства» дел об отдельных видах и категориях противоправных деяний, об оправдании насилия принципом революционной целесообразности и т.п. Подобные тенденции явно не способствовали развитию уголовной юстиции в духе общепризнанных правовых ценностей, а напротив, приводили к выхолащиванию классических постулатов уголовной юстиции.

Публикуясь в ведущих юридических изданиях, М.С. Строгович был вынужден избегать резкой критики указанных тенденций, не вступать в дискуссии с апологетами политизации уголовно-процессуальной науки, ссылаться в своих трудах на работы классиков марксизма-ленинизма, программные документы, решения Коммунистической партии и тому подобные источники. В противном случае его работы вряд ли бы смогли увидеть свет, а сам автор вполне мог оказаться в числе репрессированных. Однако Михаил Соломонович старался избегать излишней идеологизации своих публикаций, а требуемые пропагандистские штампы — о роли партии в формировании уголовной юстиции, о приоритете отвечающего интересам народа советского уголовного процесса над загнивающим буржуазным и т.д. — использовать лишь в необходимом объеме. Рассматривая самые острые и актуальные вопросы судостроительства и уголовного судопроизводства, он пытался сосредоточиться на подлинно юридических проблемах доктрины, законодательства и правоприменительной практики, обосновывать свои позиции не цитатами из работ В.И. Ленина, не резолюциями съездов ВКП(б), а выстроенными в безупречные логические цепочки сугубо правовыми доводами и аргументами, обусловленными обобщением эмпирического материала, широким научным кругозором, надлежащим пониманием и уже начинающим накапливаться профессиональным опытом.

К концу 20-х годов в юридических публикациях, в первую очередь в периодике, разгорелись научные дебаты о перспективах развития и дальнейших реформах советского уголовного права и процесса. Некоторые авторы настаивали на достаточно серьезных преобразованиях в этом сегменте правового регулирования — ратовали за большую алгоритмизацию уголовной юстиции, за существенное сокращение судебной дискреционных полномочий, в частности за сведение практики разрешения уголовных дел к набору стандартных программ. Так, например, Н.В. Крыленко не усматривал необходимости в использовании судьями принципа

справедливости реализации уголовного закона, подразумевающего соответствие и соразмерность применяемой меры уголовно-правового воздействия (наказания) характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения (подготовки) и личности виновного. Автор был убежден в отсутствии потребности предоставления судьям права решать подобные вопросы по своему усмотрению в установленных соответствующей санкцией пределах, а вместо этого предлагал дифференцировать все преступления на три категории, предусмотрев за них четкие виды и размеры наказаний (репрессий) как форм социальной защиты. Кроме того, Н.В. Крыленко высказывался за введение т.н. института «неопределенных» приговоров, предполагающего право тюрем, лагерей, прочих пенитенциарных учреждений увеличивать либо снижать сроки и способы наказания в зависимости от личности осужденного и его поведения⁹.

М.С. Строгович выступал решительно против подобных новаций, справедливо полагая, что они ведут к полной утрате, по крайней мере к ограничению, независимости и самостоятельности суда в вопросах разрешения уголовных дел. Он отмечал, что подобные правила просто не позволят дифференцированно оценивать устанавливаемые в ходе судебных заседаний обстоятельства содеянного и назначать требуемые наказания, а будут predisposing к уравниванию разных по степени опасности для общества лиц только лишь на основании формального включения совершенных ими преступлений в одну и ту же группу. Одновременно автор резко выступал против «неопределенных» приговоров, поскольку усматривал в них проявление обвинительного уклона.

Аргументируя свою позицию, М.С. Строгович обращал внимание на индивидуальность каждого акта криминального поведения, на существование множества совершенно разных, но вместе с тем подпадающих под идентичную квалификацию преступных деяний, в связи с чем указывал на недопустимость применения к виновным мер уголовной репрессии в автоматическом режиме. Поэтому основную роль в применении уголовного закона он возлагал именно на судебское усмотрение — полагал, что лишь суду принадлежит исключительное право на осуществление уголовной репрессии, на определение вида и точного размера уголовного наказания, в том числе на возможность смягчения квалификации деяния и применения условного осуждения¹⁰.

⁹ См., напр.: Крыленко Н. В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР // Еженедельник сов. юстиции. 1928. № 22. С. 641–643.

¹⁰ См.: Строгович М. С. На путях к новому уголовному праву // Рабочий суд. 1929. № 9 (169). С. 654–667.

М.С. Строгович опасался, что в противном случае живых судей придется заменить автоматами, поскольку ни один человек к механической генерации правоприменительных решений просто не способен. И в этой связи нетрудно заметить, что выраженные почти 100 лет назад взгляды не только не утратили своего значения, а напротив, стали еще более актуальными и подлежащими обязательному доведению до сведения законодателя. В настоящее время, когда все громче звучат призывы к цифровизации уголовного судопроизводства, все активнее обсуждаются модные, но, по всей вероятности, не до конца осознаваемые самими авторами идеи о замене судей теми самыми автоматами — обладателями т.н. искусственного интеллекта, а по факту современного программного обеспечения, предполагающего очень большое, однако лимитированное (!) множество заранее продуманных «ходов» — позиции М.С. Строговича о недопустимости замены способного к рациональному мышлению, формированию выводов и умозаключений правоприменителя на бездушную, ограниченную набором стандартных решений машину представляются более чем уместными.

В это же время в юридической литературе стал активно обсуждаться вопрос об очередной кардинальной реформе уголовного судопроизводства. В частности, было подготовлено несколько проектов обновленного Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и аналогичных законодательных актов других союзных республик. При этом основная цель предполагаемой реформы виделась ее инициаторам в максимальном упрощении уголовного судопроизводства. Например, предполагалось введение ряда внесудебных механизмов рассмотрения и разрешения уголовных дел об определенных преступлениях, упразднение института предварительного следствия посредством его слияния с дознанием, разделение всех норм уголовно-процессуального права на обязательные и технические и т.д.

Будучи непосредственным участником этих обсуждений, признавая их большое значение для развития доктрины и правотворческой политики государства, М.С. Строгович всегда выступал за стабильность законодательства и являлся противником необоснованного упрощения процессуальной формы¹¹. В его работах неоднократно отмечалась перегруженность юридических публикаций предложениями о внесении поправок в закон, необходимость сосредоточения внимания авторов на более фундаментальных вопросах уголовно-процессуальной науки. Без надлежащего уяснения этих вопросов, писал ученый, без

подлинного осознания фундаментальных положений советского уголовного процесса все предложения по реформированию и оптимизации законодательства изначально обречены на провал, поскольку теоретически неосмысленные изменения не способны разрешить существующих проблем, а наоборот, приведут к еще большим трудностям в правоприменительной практике¹².

К слову, подобные предостережения имеют существенное значение именно для современной уголовно-процессуальной науки и правотворческой политики государства. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс постоянно подвергается изменениям и дополнениям, зачастую иницируемым «специалистами», достаточно посредственно понимающими смысл соответствующих юрисдикционных механизмов и игнорирующими базовые принципы классической кодификации законодательства: стабильность, системность и т.д. Еще большее количество правотворческих предложений содержится в многочисленных научных публикациях, авторы которых, зачастую забывая о подлинном предназначении юридической науки, по всей вероятности, не желая осознавать либо просто будучи не способными уразуметь глубинные проблемы и закономерности уголовного судопроизводства, а видя только самую верхушку айсберга, буквально наперегонки стремятся к формулированию все новых и новых точечных поправок в уголовно-процессуальное законодательство¹³.

Одновременно М.С. Строгович призывал к весьма бережному отношению к процессуальной форме, считая ее не пустой формальностью, а необходимым условием надлежащего расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Тогда как пренебрежение процессуальной формой называл упрощенчеством, оценивая его как приносящее большой вред законности и интересам правосудия¹⁴. Освещенные в трудах М.С. Строговича дискуссии об упрощении и деформализации уголовного судопроизводства и его отдельных процедур не прекращаются по сей день, ученые продолжают спорить о смысле, роли и значении процессуальной формы для правоприменительной практики, необходимости или неприемлемости ее дифференциации, возможности или невозможности снизить либо полностью исключить формализацию отдельных процессуальных механизмов. Правда, в настоящее время подобные

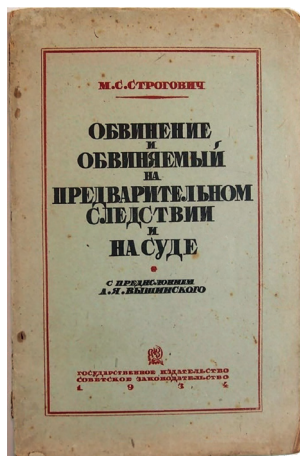
¹² См.: там же. С. 9.

¹³ Подробнее об этом см.: *Росинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–132.

¹⁴ См.: *Строгович М.С.* Рационализация уголовного процесса // Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР. 1927. № 3. С. 15.

¹¹ См.: *Строгович М.С.* К пересмотру УПК (о принципиальной и методологической стороне вопроса) // Рабочий суд. 1928. № 1 (137). С. 8–11.

дискуссии обуславливаются несколько иными по сравнению с обстоятельствами 100-летней давности причинами: целесообразностью процессуальной экономии, сокращением дознавательской, следственной, прокурорской и судебной бюрократии, излишней заформализованностью уголовно-процессуальной деятельности и т.д. Но участники таких дискуссий все равно уделяют должное внимание работам М.С. Строговича, а многие продолжают придерживаться намеченного в них вектора.

На рубеже 20–30-х годов Михаила Соломоновича все сильнее стали привлекать проблемы осуществления функции обвинения и обеспечения прав обвиняемых. В 1934 г. на строгий суд юридической общественности была представлена работа «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде», в определенном смысле ставшая предтечей его дальнейших исследований, посвящен-

ных сущности и природе советского уголовного процесса, принципу состязательности и теории процессуальных функций. В монографии исследовались вопросы функции обвинения как основного направления процессуальной деятельности органов прокуратуры и предварительного следствия, реализуемой в целях преследования опасных (предполагающих опасность для государства лиц, а также их изобличения в совершении определенных преступлений.

Автором был поставлен один весьма важный, по сути, предопределивший сферу его последующих научных интересов вопрос о характере, структуре (элементах) и содержании правоотношений, возникающих между носителями обвинительной функции, с одной стороны, и лицами, подлежащими привлечению к уголовной ответственности, — с другой. Пытаясь подступить к ответу на данный вопрос, М.С. Строгович писал, что такие правоотношения должны иметь обоюдный характер — сводиться к воздействию субъектов обвинительной деятельности на положение обвиняемых путем осуществления реализуемых в установленных законом формах государственно-властных полномочий и, наоборот, к воздействию обвиняемых на субъектов обвинительной деятельности путем использования своих прав, предоставленных для защиты от обвинения. Иными словами, автор пытался обосновать сущность подобных правоотношений как продукта, возникающего

в результате своеобразной процессуальной реакции между публичными полномочиями стороны обвинения (соответствующих государственных органов и должностных лиц) и диспозитивными возможностями стороны защиты (подозреваемых, обвиняемых, защитников)¹⁵. Кстати, именно в данной монографии Михаил Соломонович озабочился вопросом о разграничении подозреваемого и обвиняемого как разных участников уголовного судопроизводства, свойственных для различных этапов осуществления в отношении них уголовного преследования¹⁶.

В этой связи был сделан достаточно важный вывод о необходимости определения статуса обвиняемого, характера и природы его процессуальных возможностей через призму теории правоотношений. Кроме того, в адрес государственных органов и должностных лиц, осуществляющих функцию обвинения, были высказаны пожелания о недопустимости ограничения или ущемления прав обвиняемого, о чутком и вдумчивом отношении к его положению, о проявлении к нему внимательности, как к любому другому живому человеку. Ни коим образом не отрицая классовый характер деятельности органов предварительного следствия и прокуратуры, не опровергая их направленность на обеспечение диктатуры пролетариата и борьбу с чуждыми для советского общества субъектами, М.С. Строгович вместе с тем писал об ошибочности понимания этих органов лишь в контексте решения репрессивных задач. Он обращал внимание на воспитательную роль носителей функции обвинения, которую видел не столько в принуждении, сколько в объективном установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обязательном соблюдении прав обвиняемых¹⁷.

Автора особо беспокоил вопрос об осуществлении функции обвинения в ходе предварительного следствия. Прекрасно осознавая так и не выхоленный в ходе революционных потрясений исконный судебно-следственный характер досудебного производства, он утверждал, что ввиду отсутствия полноценных сторон возложенные на следователя обвинительные полномочия в определенном смысле интегрируются с полномочиями, направленными на полное, всестороннее и объективное установление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, т.е. фактически говорил о некоем слиянии функции обвинения с функцией предварительного расследования. М.С. Строгович совершенно справедливо рассматривал уголовное

¹⁵ См.: *Строгович М.С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде* / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1934. С. 7.

¹⁶ См.: там же. С. 32–34.

¹⁷ См.: там же. С. 25, 26.

преследование, в частности собирание обвинительных доказательств, лишь как одно из направлений работы следователя, тогда как к другому направлению относил принятие мер, направленных на защиту обвиняемого, в первую очередь на его ограждение от незаконного и необоснованного обвинения¹⁸. Иными словами, автор пытался сформулировать важнейший постулат советского досудебного производства — возложение на органы предварительного следствия как бы двуединой функции, предполагающей обязанность собирания как обвинительных, так и оправдательных (контробвинительных) доказательств, исследования как негативных, так и позитивных для обвиняемого фактов, принятия во внимание как отягчающих, так и смягчающих ответственность обстоятельств, и т.п.

Несмотря на подробное освещение поднятых М.С. Строговичем проблем в многочисленных научных трудах целого ряда советских и постсоветских ученых, невзирая на более или менее удачные попытки их разрешения в ходе последующих реформ уголовно-процессуального законодательства, многие из них так и не потеряли своей актуальности, по-прежнему побуждают к жарким дискуссиям, оказывают негативное влияние на качество правового регулирования соответствующих правоотношений, приводят к серьезным ошибкам и затруднениям в правоприменительной практике. Так, в настоящее время ученые в очередной раз вернулись к обсуждению вопроса о разграничении процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого. Высказываются самые разные точки зрения: от возвращения к дореволюционным и ранним советским механизмам предварительного расследования, вообще не предполагавшим наделяния подозреваемого уголовно-процессуальной правосубъектностью, до полной ликвидации предварительного следствия с присущим ему статусом обвиняемого и установления единой формы прокурорско-полицейского дознания, превращающей подозреваемого в основного субъекта досудебного производства со стороны защиты.

До сих пор так и не разрешен поднимавшийся М.С. Строговичем вопрос о двуединстве функций органов предварительного расследования. В современной доктрине и правоприменительной практике эта проблема невольно актуализировалась вследствие введения в действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ чуждого для национальных правовых традиций принципа состязательности в англосаксонском понимании данного феномена, предполагающего абсолютный запрет на какое бы то ни было слияние процессуальных функций, превратившего следователя

(дознателя) из субъекта-расследователя в субъекта-преследователя (обвинителя), стремящегося в силу закона лишь к изобличению человека в совершении преступления. Указанный изъян оказался настолько существенным, что даже попал в поле зрения Конституционного Суда РФ, попытавшегося в меру своих возможностей смягчить допущенный перегиб, нивелировать очевидные противоречия.

В этой связи стоит вспомнить, что именно с принципом состязательности были связаны многие фундаментальные труды ученого, именно он долгие годы предопределял основной вектор исследований автора.

М.С. Строгович уделял состязательности самое пристальное внимание, считая его одним из базовых условий уголовного судопроизводства. Тем более что в 20–30-е годы наиболее радикально настроенные советские исследователи вообще не признавали этого принципа, считая его унаследованной от буржуазного процесса догмой, а порядок рассмотрения и разрешения уголовного дела в условиях равноправия сторон и наделяния обвиняемого комплексом необходимых для защиты юридических возможностей — противоречащим упрощению процессуальной формы и мешающим борьбе с врагами народа и революции.

Уже начиная с 1927 г. в публикациях М.С. Строговича стали заметны призывы к безусловному сохранению состязательности как важнейшего постулата уголовной юстиции, гарантирующего советским гражданам надлежащий уровень защиты от вполне возможных следственных и судебных ошибок, от некачественности расследования и судебного разбирательства дел. Соглашаясь с буржуазными корнями этого принципа, автор вместе с тем подчеркивал отсутствие какой-либо взаимосвязи феномена состязательности как такового с сущностью капиталистической формации, одновременно поясняя, что отказ от predetermined им правовых гарантий может отбросить уголовный процесс далеко назад — к гораздо более примитивным формам, например к средневековой инквизиции или дореформенной (до 1864 г.) российской модели уголовного правосудия с присущими им письменностью судопроизводства и индифферентным (опереточным) участием некоего докладчика, «объективно» и «беспристрастно» доводящего до сведения суда все обвинительные и контробвинительные доводы¹⁹.

Однако было бы ошибочным считать М.С. Строговича апологетом англосаксонских правовых ценностей, в настоящее время активно

¹⁸ См.: *Строгович М.С.* Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / под ред. и с предисл. А.А. Вышинского. С. 28, 29, 34.

¹⁹ См.: *Строгович М.С.* Рационализация уголовного процесса. С. 14–17.

пропагандируемых представителями т.н. либерально-юридической общественности. Михаил Соломонович никогда не воспринимал состязательность уголовного процесса как некое юридическое соревнование в красноречии или профессиональной прозорливости, как приоритет процедуры судебных дебатов над их предметом, как проистекающий под наблюдением пассивного судьи-рефери спор сторон ради победы. Девизом, проходившим красной нитью через его публикации, служил принципиально иной тезис: «в спорах рождается истина!» Именно установление истины как фундамента для любого судебного приговора автор и считал генеральной целью процессуального доказывания, предопределяющей и смысл, и содержание уголовного судопроизводства. Более того, сущность принципа состязательности в англосаксонском истолковании подвергалась резкой критике. В подобном подходе он усматривал лишь отголоски основанной на свободе конкуренции (состязательности производителей и поставщиков товаров и услуг) капиталистической парадигмы существования и развития буржуазного общества.

Смысл принципа состязательности М.С. Строгович видел совершенно в другом: в предоставлении обвиняемому широкого спектра процессуальных возможностей и создании эффективных юридических гарантий для их реального обеспечения, расширении сферы деятельности защитника, равноправии сторон, презумпции невиновности, разделении функции прокуратуры и суда. В частности, он призывал к признанию неприемлемым участия в судебном процессе прокурора в отсутствие защитника, к недопустимости сокращения списков предполагаемых к вызову свидетелей либо отказов от допросов уже вызванных свидетелей, заявлял о невозможности исключения из судебного разбирательства прений сторон и т.д. Кроме того, он активно поддерживал идеи о расширении круга уголовных дел частного обвинения со свойственными им возможностями использования примирительных процедур, ратовал за распространение такого порядка на все имущественные преступления с незначительным ущербом. Выступал за формирование полноценного института потерпевшего как автономного субъекта уголовного судопроизводства, отстаивающего собственные, далеко не всегда совпадающие с публичными интересы, наделенного диспозитивными возможностями для самостоятельного участия в уголовном преследовании и обжалования судебных решений.

Вообще состязательности и обеспечению прав обвиняемых М.С. Строгович всегда уделял особое внимание, считал исследование связанных с ними проблем важнейшим, приоритетным, в определенной степени титульным направлением уголовно-процессуальной науки. Поэтому неудивительно,

что именно этим вопросам во многом была посвящена его докторская диссертация «Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности»; нет ничего странного и в том, что впоследствии он неоднократно возвращался к рассмотрению данной проблематики.

Михаил Соломонович был убежденным сторонником принципа состязательности, считал его концептуальным правовым постулатом, обуславливающим саму природу уголовного процесса, фундаментом, определяющим всю систему уголовно-процессуальных отношений в целом и форму проведения любых процессуальных действий и принятия любых процессуальных решений в частности, а разницу в подходах к смыслу и содержанию данного принципа в различных правовых доктринах — основным критерием для дифференциации существующих типов и моделей уголовного судопроизводства, в том числе для отграничения национальной модели от зарубежных аналогов. Уже самым названием своей докторской диссертации автор провозгласил понимание состязательности как базиса всей теории советского уголовного процесса, как общественно-правового феномена, детерминирующего его задачи, функции, систему, социальные ориентиры и т.д.

Идеи М.С. Строговича о состязательности оказались особо востребованными и получили новый импульс для развития уже в постсоветский период ввиду перехода России к новым политическим и социально-экономическим реалиям с присущим им приоритетом прав и свобод личности, признанием на конституционном уровне целого ряда демократических принципов, в том числе принципа реализации судебной власти. Ввиду объективной необходимости определения пути дальнейшего развития уголовного судопроизводства, с одной стороны, отвечающего самым передовым стандартам правосудия в цивилизованном государстве, а с другой — учитывающего накопленный в этой сфере опыт и богатые национальные традиции уголовной юстиции, высказанные несколько десятков лет назад тезисы о состязательности не как о юридическом турнире сторон, а именно как о разумном балансе полномочий государства и прав личности, как о возможности максимального использования защитой своих правомочий представляются более чем актуальными и своевременными, а публикации М.С. Строговича — намного опередившими свою эпоху. Сегодня, когда распространенные в 90-е годы позиции поборников англосаксонских правовых ценностей постепенно сходят на нет, а долгое время ассоциируемый именно с «либеральным» влиянием феномен состязательности расценивается многими конъюнктурно настроенными авторами чуть ли не как правовая ересь, когда законодатель начинает осторожно признавать

допущенные ранее перегибы в нормативном регулировании целого ряда процессуальных механизмов, взгляды ученого вполне могут стать той базой, тем научным фундаментом, на котором в обозримом будущем удастся сконструировать обновленную, максимально приемлемую для российского общества концепцию уголовного судопроизводства и перенаправить вектор развития уголовно-процессуальной доктрины, законодательства и правоприменительной практики в несколько иное русло.

Тем более что и сам М.С. Строгович шел таким же путем: методологически оттолкнувшись от принципа состязательности, ему удалось свести основные положения уголовно-процессуального права в единую, целостную, стройную и predisposed к развитию систему, а после подкрепления результатами других, в том числе сравнительно-правовых, научных исследований сформировать классическую теорию советского уголовного процесса со всеми необходимыми атрибутами. Именно его перу принадлежит признаваемое многими учеными в качестве классического одно из самых известных определений уголовного процесса как установленной законом системы действий уполномоченных государственных органов (должностных лиц), протекающих в рамках правоотношений между указанными органами (должностными лицами), с одной стороны, и наделенными соответствующими полномочиями гражданами — с другой²⁰. Данной дефиницией автор подчеркивал своеобразное единство, сбалансированность предназначения всей уголовно-процессуальной деятельности в целом и отдельных процессуальных отношений в частности, обращал внимание на правосубъектность всех участников судопроизводства независимо от выполняемой ими роли, на недопустимость восприятия граждан как безропотных «объектов» реализации государственно-властных полномочий, в том числе понимания обвиняемых (подозреваемых) как бесправных «объектов» уголовного преследования. И поэтому в дальнейших публикациях он продолжил писать о необходимости укрепления и совершенствования процессуальных гарантий обеспечения прав личности, в которых усматривал одного из «китов» социалистической законности.

Кстати, предложенный им подход к пониманию советского уголовного процесса разделялся далеко не всеми авторами. Например, известные советские ученые М.А. Чельцов и Д.С. Карев, конечно, признавая вполне очевидные факты правового взаимодействия властных и невластных субъектов предварительного расследования и судебного разбирательства, тем не менее, по всей вероятности, не считали соответствующими правоотношения

определяющими смысл этой деятельности — не включали их в собственные дефиниции уголовного судопроизводства²¹. Вступая в полемику с оппонентами, М.С. Строгович мотивировал свою точку зрения стремлением трактовать уголовный процесс как правовую категорию и общественное явление. Он писал о невозможности подлинного понимания сущности советского уголовного процесса без осознания участия в этой деятельности обвиняемого, защитника, потерпевшего, других имеющих собственные интересы лиц, говорил, что именно данный признак ставит свойственные социалистическому государству досудебные и судебные процедуры в выигрышное положение по сравнению с более примитивными формами уголовного правосудия. Одновременно автор предлагал считать возникающие между участниками правоотношения формой уголовного судопроизводства, а саму деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда — его содержанием²².

В подобном контексте им были сформулированы и другие важнейшие постулаты уголовного судопроизводства, подлежащие использованию при определении вектора дальнейшего развития уголовно-процессуальной политики государства и соответствующих правотворческих инициатив. К таковым ученый относил: а) должную формализацию уголовно-процессуальной деятельности, выражаемую в надлежащей регламентации любых процессуальных процедур, обеспечивающую правовую определенность и продуктивность реализации полномочий органов предварительного расследования, прокуратуры, суда и одновременно приводящую к невозможности рецидивов упрощенчества; б) укрепление юридических гарантий обеспечения реализации функции защиты, в том числе расширение диспозитивных полномочий обвиняемого (подозреваемого) и усиление роли защитника; в) нормативное закрепление единства, всеобщности и обязательности уголовно-процессуальной формы для обеспечения унифицированного порядка работы всех судебных и правоохранительных органов по всем уголовным делам на всей территории социалистического государства; г) жесткое разграничение процессуальных функций, предполагающее гетерогенность обвинения (уголовного преследования), защиты и правосудия (разрешения уголовного дела), с возложением первой на прокуратуру и органы предварительного

²¹ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1948. С. 10, 11; Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 5.

²² См., напр.: Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 68, 69; *Его же*. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 34.

²⁰ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 36.

расследования, второй — на обвиняемого (подозреваемого) и его защитника, а третьей — на суд²³.

Как уже отмечалось, М.С. Строгович обращал особое внимание на несводимость функции обвинения исключительно к участию государственного обвинителя в судебном заседании. Он писал, что фрагменты обвинительной деятельности усматриваются и в работе следственных органов, как бы совмещающих функции обвинения и расследования уголовного дела, в связи с чем ратовал за самое пристальное отношение к досудебному обеспечению прав личности. Кстати, в этой связи автор неоднократно высказывал официально легализованную лишь многими годами позднее идею о возможности обжалования заинтересованными лицами следственных постановлений о прекращении уголовного дела в судебном порядке. Еще в конце 20-х годов он указывал, что подобные следственные акты фактически предполагают судебный характер и по своей юридической роли весьма схожи с приговорами, что с ними могут быть не согласны ни потерпевшие, ни гражданские истцы, ни различные общественные организации, ни даже обвиняемые, поэтому предлагал предусмотреть механизмы проверки законности и обоснованности соответствующих правоприменительных позиций в судебном заседании²⁴.

В 1951 г. М.С. Строгович опубликовал фундаментальную монографию «Уголовное преследование в советском уголовном процессе», в которой подвел определенные итоги своих научных изысканий по данной проблематике. В частности, раскрыл сущность, содержание и допустимые пределы уголовного преследования как основной формы деятельности стороны обвинения, убедительно доказал его взаимосвязь с целью и предназначением советского уголовного процесса, обосновал ключевую роль принципа социалистической законности при изблечении человека в совершении инкриминируемого преступления, рассмотрел способы уголовного преследования, присущие предварительному расследованию, производству в суде первой инстанции и кассационному производству.

М.С. Строгович считал уголовное преследование сложной системой процессуальных приемов органов предварительного расследования и прокуратуры, направленных на обеспечение возможности реализации функции обвинения. К таким приемам он относил: 1) действия, связанные с собиранием доказательств, способствующих изблечению обвиняемого либо установлению отягчающих его

ответственность обстоятельств; 2) принудительные действия, обслуживающие решение задач изблечения обвиняемого: предъявление обвинения, меры пресечения, вызовы на допрос и т.д.; 3) действия прокурора по поддержанию государственного обвинения в судебном заседании, т.е. убеждению суда в виновности данного лица и необходимости назначения ему уголовного наказания²⁵. При этом начало уголовного преследования связывалось исключительно со следственным актом о привлечении в качестве обвиняемого. М.С. Строгович допускал возможность осуществления таких приемов только в отношении конкретного лица (*in personam*), одновременно указывая на неприемлемость смешения момента начала уголовного преследования с возбуждением уголовного дела в отношении неустановленного человека, т.е. по факту выявленного преступления (*in rem*)²⁶.

Продолжая настаивать на трехфункциональном характере уголовного судопроизводства, автор писал о возможности уголовного преследования (реализации функции обвинения) только в самой тесной взаимосвязи с двумя другими функциями — защитой и разрешением уголовного дела. Он отмечал, что в отсутствие защиты уголовный процесс превратится в сугубо обвинительную деятельность, тогда как без уголовного преследования (обвинения) функция защиты вообще утратит всякий смысл, поскольку станет неясно, кого и от чего требуется защищать. Автор в очередной раз обращал внимание на автономность судебной функции (функции разрешения уголовного дела), на ее отделение от функции как обвинения, так и защиты, на предназначенность для выполнения руководящей и решающей процессуальной роли.

Эти идеи были особенно заметны на фоне очередного усиления и активного продвижения иных научных позиций, не предполагающих необходимости гетерогенного разграничения процессуальных функций. Ведь во многих послевоенных публикациях отстаивалась точка зрения о неприемлемости трехфункциональной концепции для советского уголовного процесса, о ее несоответствии требованиям всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела²⁷. Именно она, вопреки призывам М.С. Строговича, получила законодательную поддержку, фактически найдя отражение в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г. и соответствующих республиканских уголовно-процессуальных кодексах,

²⁵ См.: *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 56.

²⁶ См.: там же. С. 65.

²⁷ См., напр.: Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. М., 1959. С. 64, 127.

²³ См., напр.: *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. С. 118, 119.

²⁴ См.: *Строгович М.С.* Новый проект Уголовно-процессуального кодекса // Рабочий суд. 1928. № 18 (154). С. 1381, 1382.

в том числе в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. Идеи о состязательном характере уголовного судопроизводства были легализованы гораздо позже, лишь в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ, причем с большим креном в сторону англосаксонских правовых ценностей, что предопределило формальный отказ разработчиков Кодекса (но не процессуальной доктрины и правоприменительной практики!) от принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. Поэтому, как уже отмечалось, споры и дискуссии по этому поводу не прекращаются, хотя позиции М.С. Строговича, будь они должным образом восприняты и осмыслены законодателем, вполне могли бы поспособствовать формированию разумного компромисса.

К субъектам уголовного преследования в досудебном производстве М.С. Строгович относил следователя и прокурора, а в судебном заседании — только прокурора (государственного обвинителя)²⁸. Одновременно в очередной раз обращалось внимание на двудединую функцию органов предварительного следствия — еще раз подчеркивалось, что на следователя возложена не только функция обвинения, но и в определенной степени функция защиты.

Монография «Уголовное преследование в советском уголовном процессе» стала очередным, хотя далеко не последним этапом развития взглядов М.С. Строговича на роль потерпевшего как функционального участника правоотношений, возникающих в сфере уголовной юстиции. В данной работе автор указывал на отсутствие необходимости включения потерпевшего в круг субъектов уголовного преследования и возложения на него процессуальной функции обвинения, за исключением уголовных дел частного обвинения. Он увязывал основное предназначение потерпевшего с осуществлением несвойственной публичным правоотношениям функции предъявления обвиняемому и поддержания гражданского иска о возмещении причиненного преступлением материального ущерба, которую считал по своей природе гражданско-процессуальной, подлежащей реализации как совместно с уголовным делом, так и в отдельном от него порядке гражданского судопроизводства. Вместе с тем М.С. Строгович продолжал настаивать на понимании потерпевшего как полноценного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, обладающего рядом правовых возможностей, например способного ходатайствовать о допросе свидетелей и собирании иных доказательств, обжаловать прокурору решение о прекращении уголовного дела, предъявлять и поддерживать гражданский иск и т.д.²⁹

²⁸ См.: *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. С. 97, 138.

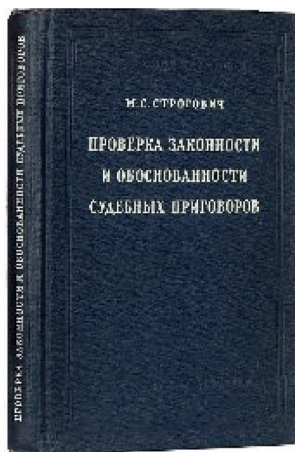
²⁹ См.: там же. С. 17, 18.

Представляется, что именно эти научные усилия сыграли немаловажную роль в появлении ст. 53 и 54 УПК РСФСР 1960 г. (соответствующих статей уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик), устанавливающих статусы потерпевшего и гражданского истца как автономных участников уголовного судопроизводства, — тех самых положений, которые дали импульс для дальнейшего развития процессуального учения о потерпевшем и гражданском истце, что в конце концов привело к их пониманию как факультативных субъектов уголовного преследования, как лиц, способных наряду с дознавателем, следователем, прокурором принимать участие в изобличении обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления. Поэтому позднее М.С. Строгович несколько пересмотрел свои прежние взгляды о роли и функциональном предназначении потерпевшего, опираясь на положения Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г. и новых на тот момент республиканских кодексов, стал писать о нем как об «обвинителе», как о субъекте обвинительной деятельности по всем уголовным делам независимо от частного или публичного характера уголовного преследования, располагающим возможностью использования соответствующих диспозитивных правомочий по своему усмотрению³⁰.

Результаты указанных научных изысканий не утратили своей важности и в современных условиях. Несмотря на, казалось бы, достаточно четкое нормативное регулирование статусов потерпевшего и гражданского истца в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ, эти субъекты остаются одними из самых противоречивых и неоднозначных участников российского уголовного процесса, а соответствующие положения правовой доктрины и законодательства продолжают побуждать к спорам и дискуссиям. Например, по-прежнему до конца непонятно подлинное предназначение потерпевшего в уголовном судопроизводстве: как исключительно физического (юридического) лица, пострадавшего от преступления и поэтому выступающего в качестве объекта публичного «сострадания», процессуальной «жалости», требующего восстановления в отношении него социальной справедливости, или как полноценного участника уголовно-процессуальных отношений, возникающих ввиду потребности реализации права на доступ к правосудию; до сих пор сохраняется неясность в вопросах разграничения потерпевшего и гражданского истца, приводящая к «страховочной» практике одновременного

³⁰ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 255, 256.

наделения понесшего ущерб лица обоими процессуальными статусами, и т.д.³¹

Рассматривая послевоенный период научной деятельности М.С. Строговича, нельзя обойти вниманием опубликованную в 1956 г. монографию «Проверка законности и обоснованности судебных приговоров». Эта книга стала итогом серии исследований, посвященных заботившим автора условиям обеспечения эффективности уголовного-репрессивной политики государства, в частности

сти вынесения законных, обоснованных и справедливых актов правосудия. Ученого всегда беспокоили допускаемые при постановлении приговоров ослабляющие режим социалистической законности и поэтому препятствующие успешному решению задач уголовной юстиции судебные ошибки, в том числе приводящие к осуждению невиновных или, наоборот, к освобождению от заслуженной ответственности преступников. Причем большую роль в инкрементальном преодолении этих проблем, повышении объективности выводов суда, обеспечении их максимального соответствия требованиям материальной истины М.С. Строгович всегда отводил различным формам проверки приговоров как необходимого атрибута советского правосудия: кассации, надзору, возобновлению производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств.

Генеральный тезис указанной монографии, проходящий красной нитью через все ее содержание, состоял в отрицании юридического признания правильности не вступившего в законную силу приговора и одновременном призыве к возложению на вышестоящие суды обязанности по осуществлению тщательной и скрупулезной проверки законности, обоснованности и справедливости такого приговора при поступлении соответствующей жалобы или протеста. При этом автор решительно возражал против любых попыток ограничения прав осужденных на обжалование приговоров, ратовал за безусловный запрет на «поворот к худшему», т.е. на возможность вышестоящего суда усилить квалификацию инкриминируемого лицу преступления, назначить более строгое наказание и т.д.

Одним из самых серьезных направлений научных изысканий М.С. Строговича стала проблематика уголовно-процессуального доказывания в целом и теории судебных доказательств в частности. Рассматривая данные вопросы, он постоянно стремился проводить свои исследования и формулировать выводы на стыке позиций Л.Е. Владимирова, М.В. Духовского, В.К. Случевского, И.Я. Фойницкого, других известных представителей дореволюционной школы и возникших после Октябрьской революции основанных на постулатах марксистско-ленинской философии советских представлениях об уголовно-процессуальном познании и доказывании. Наиболее обстоятельно эти проблемы были рассмотрены в опубликованной в 1947 г. книге «Учение о материальной истине в уголовном процессе» и в увидевшей свет несколькими годами позднее, в 1955 г., фундаментальной монографии «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе».

Даже непосвященному читателю уже по названиям указанных работ должно быть понятно, что самым важным, ключевым вопросом всей теории уголовно-процессуального доказывания М.С. Строгович считал проблему установления судом объективной (материальной) истины как гносеологического фундамента законного, обоснованного и справедливого приговора. Будучи безусловным сторонником диалектического материализма и методологически отталкиваясь от одного из самых известных постулатов этого философского учения — о практической познаваемости окружающей реальности, автор неоднократно подчеркивал потребность в детальном установлении по каждому уголовному делу объективной (материальной) истины, состоящей в полном и точном соответствии действительности выводов судьи, прокурора, следователя о входящих в предмет доказывания и требующих юридической оценки обстоятельствах, в том числе о фактах виновности либо невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц³². Он считал обнаружение истины одним из важнейших принципов уголовного судопроизводства, неукоснительное соблюдение которого расценивал как первостепенное условие успешности борьбы с преступностью, меткости уголовной репрессии, доброкачественности судебных приговоров и их убедительности для населения, а также эффективности осуществления профилактической и воспитательной функций социалистического правосудия³³. Одновременно М.С. Строгович утверждал, что советский уголовный процесс в силу своей простоты,

³¹ См. подр.: *Росинский С.Б.* Потерпевший: проблемы уголовно-процессуального статуса // Юрист-Правоведь. 2020. № 3 (94). С. 69–75.

³² См.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 19.

³³ См.: там же. С. 20, 21.

реалистичности и рациональности предоставляет органам предварительного расследования и суду все необходимые возможности для установления истины, полного, всестороннего и объективного познания значимых обстоятельств, а при возникновении познавательного «сбоя» и допущении правоприменительной ошибки — для ее скорейшего исправления³⁴.

В 1990–2000-е годы ввиду возникших под влиянием англосаксонской доктрины тенденций к отказу от объективной (материальной) истины как цели доказывания и предопределенного ими исключения положения о полноте, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела из уголовно-процессуального законодательства в некоторых источниках, в первую очередь в «свободных» интернет-ресурсах, можно было встретить достаточно негативные оценки соответствующих позиций М.С. Строговича и солидарных с ним ученых: от жестких обвинений в безвольном потакании «тоталитарному» режиму и партийному «начальству» до более мягких упреков в ошибочности взглядов, неверном понимании сущности доказывания в состязательном процессе. Кроме того, учение об объективной (материальной) истине неоднократно подвергалось критике за безальтернативность, отмечалось, что ввиду действующей в СССР цензуры, недопустимости инакомыслия сторонники альтернативных научных взглядов в самом лучшем случае просто не могли рассчитывать на опубликование своих трудов.

Конечно, подобные оценки абсолютно несправедливы, они не соответствуют действительности и предопределены не столько несогласием с позициями М.С. Строговича и его единомышленников, сколько стремлением к отрицанию советской уголовно-процессуальной доктрины как таковой. На самом деле идеи об объективной (материальной) истине как цели уголовно-процессуального доказывания были далеко не единственными. В научных публикациях 30–50-х годов можно встретить и совершенно иные высказывания. В частности, еще в 1937 г. (!) С.А. Голунский отождествил цель доказывания не с достижением материальной истины, а всего лишь с разрешением поставленным перед правосудием вопросом без расчета на перспективу последующего расширения границ судебного познания³⁵. Несколько позднее, в 1948 г., В.С. Тадевосян, вступив в полемику с М.С. Строговичем, посчитал возможность достижения объективной (материальной) истины сугубо гипотетической, допустил реализацию подобной цели лишь

в теории. При этом автор обратил внимание на то, что, имея достаточно скромный когнитивный потенциал субъектов процессуального доказывания, достижение абсолютного, исключаяющего «белые пятна» познавательного результата в реальных условиях осуществления правосудия практически невозможно³⁶.

Да и вообще взгляды М.С. Строговича на объективную (материальную) истину в уголовном процессе были далеко не так прямолинейны, наивны и ригористичны, как это может показаться на первый взгляд. Он прекрасно осознавал (просто не мог не осознавать!) весьма посредственные ретроспективно-познавательные возможности человека, тем более возможности следователя, прокурора, суда по установлению события преступления и прочих имеющих значение для дела обстоятельств, существенно ограниченные требованиями процессуальной формы и профессиональной этики. В его работах справедливо указывалось, что содержащиеся фрагменты истинного знания выводы органов предварительного расследования и суда могут быть сгенерированы лишь на основе данных, которые получены и исследованы в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, т.е. предполагают уголовно-процессуальную форму. Вместе с тем отмечалось, что самого по себе соблюдения процессуального порядка недостаточно для признания полученных выводов истинными, что таковыми их надлежит признавать не формально, а по существу, т.е. материально, в связи с чем и предлагалось именовать подобную истину материальной. Кстати, именно поэтому М.С. Строгович всегда уделял особое внимание презумпции невиновности, подразумевающей толкование в пользу обвиняемого (подозреваемого) сомнений, обусловленных невозможностью установления каких-либо фрагментов предмета доказывания. В противном случае существование данного принципа просто теряло бы всякий смысл.

Иными словами, говоря о материальном характере истины в советском уголовном процессе, М.С. Строгович как бы противопоставлял ее истине формальной, которую отождествлял со свойственной для инквизиционного процесса теорией формальных доказательств. Называя такую истину квазиистиной, псевдоистиной, кажущейся истинной, суррогатом истины, он понимал под ней соответствие выводов судебно-следственных органов неким формальным условиям: наличию определенного количества свидетельских показаний,

³⁴ См.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 21.

³⁵ См.: Проблемы уголовной политики. Кн. IV / под ред. Н.В. Крыленко. М., 1937. С. 60, 61.

³⁶ См.: *Тадевосян В.С.* К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Сов. государство и право. 1948. № 6. С. 65–72.

удостоверения какого-либо факта определенным документом и т.д.³⁷

Высказанные 70 лет назад эти позиции по-прежнему представляют изрядный научный интерес и побуждают к острой полемике. В современных условиях развития уголовно-процессуальной доктрины и законодательства, характеризующихся расширением сферы использования формальных средств доказывания (в частности, преюдициальных фактов), распространением не предполагающих классических механизмов доказывания упрощенных порядков предварительного расследования и судебного разбирательства, появлением целого ряда публикаций и правотворческих инициатив, как пропагандирующих полное обесценивание материальной истины, так и, напротив, ратующих за еще большую формализацию ее установления (в том числе за введение нормативного предписания об установлении истины), взгляды М.С. Строговича продолжают оставаться в самой гуще научных дискуссий и скрупулезно анализируются практически каждым ученым, рискнувшим направить свои усилия на исследование методологических проблем уголовно-процессуально-го доказывания.

Достаточно много внимания М.С. Строгович уделял сущности доказательств, как подлежащих собиранию, исследованию, проверке, оценке и использованию познавательных активов, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств (материальной истины) и последующему обоснованию приговоров либо других правоприменительных решений. Он придерживался распространенного в середине XX в. дуалистического (как бы двойственного) подхода к пониманию доказательств: с одной стороны, считал таковыми промежуточные факты, вызывающие в свой совокупности убежденность в реальности или мнимости тех или иных фрагментов предмета доказывания, с другой — относил к ним (к доказательствам) предусмотренные законом источники сведений об этих фактах: свидетельские показания, заключения экспертов, вещественные доказательства, документы и пр.³⁸

Для своего времени дуалистический подход был достаточно удачной попыткой объяснения сложной и многогранной природы уголовно-процессуальных доказательств. Будучи более совершенной вариацией распространенного несколько ранее фактологического подхода, он сохранял основные

преимущества диалектико-материалистической основы теории доказывания: 1) понимание доказательств как логических доводов, аргументов, силлогистических посылок для формулирования выводов, составляющих фактическую основу приговоров либо иных правоприменительных решений; 2) признание доказательствами не апостериорных оснований для судебного убеждения (каковыми их считали многие дореволюционные ученые), а конкретных фактов. Одновременно дуалистический подход, увязывая доказательства с предусмотренными законом источниками полезных сведений, предопределял четко установленный порядок их собирания и процессуального оформления.

Вместе с тем подобным позициям были присущи и некоторые недостатки. В частности, такое понимание доказательств детерминировало потребность оценки на предмет достоверности и юридической пригодности к использованию в доказывании (допустимости) объективно существующих фактов. При этом принципиальная невозможность подобной оценки просто не принималась во внимание. Данное противоречие подметили несколько позднее — ученые-процессуалисты начали не без оснований заявлять, что сами по себе факты нельзя признавать доброкачественными или недоброкачественными, поскольку они либо есть, либо их нет³⁹. Кроме того, дуалистический подход был основан на смешении в единый массив и вытекающих из следов-отображений сведений, и выводимых путем их умственной генерации промежуточных фактов, что обуславливало доктринально-правовую неопределенность. Поэтому в более поздних работах М.С. Строгович был вынужден признать сложность подобного понимания доказательств⁴⁰, однако посчитал такую шероховатость вполне закономерной⁴¹.

Со временем дуалистический подход утратил свою приоритетность. Начиная с 60-х годов в научных публикациях стали высказываться достаточно близкие, но все же несколько иные точки зрения, появились лиминальный (переходный), синтетический, а чуть позднее — кибернетический (информационный) подходы к сущности уголовно-процессуальных доказательств⁴². Тем не менее взгляды М.С. Строговича и солидарных с ним авторов, по сути, стали методологическим фундаментом всех

³⁹ См., напр.: Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. С. 148.

⁴⁰ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 291.

⁴¹ См.: там же. С. 294.

⁴² См. подр.: *Росинский С.Б.* Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя... // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 190–195.

³⁷ См., напр.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 37; *Его же.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 310, 311.

³⁸ См.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 237; *Его же.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 288, 289.

последующих научных позиций. Ведь именно они были первой попыткой определения места и выявления роли доказательств в присущих уголовному процессу сложных и витиеватых механизмах доказывания и обоснования правоприменительных решений. Ввиду надлежющего осмысления многоступенчатости ретроспективного познания в трудах М.С. Строговича был сделан очень важный вывод о необходимости использования в доказывании и predeterminedенных следами-отображениями первичных информационных активов, способствующих установлению промежуточных фактов, и самих фактов (как бы вторичных активов), позволяющих мысленно реконструировать входящие в предмет доказывания обстоятельства либо убедиться в их отсутствии.

Несмотря на весьма широкий и разносторонний спектр научных интересов, Михаила Соломоновича никогда не покидала привязанность к проблемам, с рассмотрения которых, по сути, и началось его становление как крупного ученого — к процессуальному положению обвиняемого и гарантиям обеспечения его прав и законных интересов, усиливающим состязательное начало уголовного судопроизводства. Причем со временем его все сильнее стали привлекать различные аспекты презумпции невиновности и реализации права обвиняемого на защиту.

Сегодня эти правовые ценности, легально введенные в систему принципов уголовного судопроизводства (ст. 14, 16 УПК РФ), воспринимаются как само собой разумеющиеся, не вызывающие сомнения аксиоматические данности. Однако такой «правозащитный» климат существовал далеко не всегда — М.С. Строговичу достаточно долго приходилось отстаивать подобные идеи, фактически идя наперекор официальному вектору государственной политики в сфере уголовной юстиции, осознанно принимая на себя все связанные с этим риски. Например, в 1968 г. ему пришлось пережить цензурное исключение из текста уже напечатанного первого тома «Курса советского уголовного процесса» тезиса о необходимости введения презумпции невиновности в уголовно-процессуальное законодательство. По неожиданно поступившему «сверху» указанию весь более чем 13-тысячный тираж монографии был в спешном порядке изъят со склада издательства и подвергнут технической коррекции, выраженной в замене «проблемного» листа на новый, не содержащий столь «крамольного» предложения⁴³. «Следы» этой коррекции можно обнаружить, если внимательно ознакомиться с внешним

⁴³ См. подр.: Савицкий В.М. Когда теория становится реальностью // Опередивший время: к столетию со дня рождения М.С. Строговича / под ред. В.М. Савицкого, А.М. Ларина. С. 15, 16.

видом и содержанием 351-й страницы книги⁴⁴.

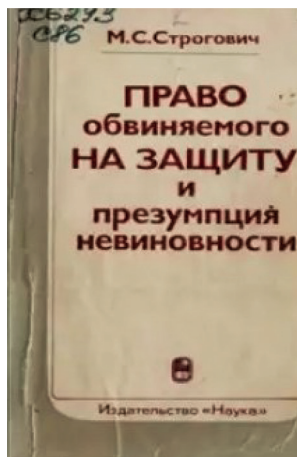
Лишь после принятия в 1977 г. новой на тот момент Конституции СССР (т.н. Конституции развитого социализма) цензурные требования в части ос-

вещения презумпции невиновности и прочих гарантий обеспечения прав обвиняемых заметно ослабили — вектор государственной поли-

тики в сфере уголовной юстиции повернулся в другую сторону. Так, ст. 158 Конституции СССР прямо предписывала обеспечивать обвиняемому право на защиту, а ст. 160 содержала один из важнейших постулатов презумпции невиновности: прямой запрет на признание лица виновным в совершении преступления и назначения ему уголовного наказания иначе как в соответствии с законом и на основании приговора суда; аналогичными положениями характеризовались и принятые впоследствии основные законы союзных республик. Поэтому уже 16 июня 1978 г. было принято в определенной степени знаковое постановление Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту», в котором такое право объявлялось одним из конституционных принципов Советского государства, а судам рекомендовалось принимать необходимые меры для его использования как важной гарантии установления истины и постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Одновременно разъяснялось, что обвиняемого (подсудимого) надлежит считать невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, что обязанность доказывания обвинения возложена на обвинителя, что недопустимо обременять обвиняемого (подсудимого) обязанностью доказывания своей невиновности, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и что все неустранимые сомнения следует толковать в пользу обвиняемого (подсудимого).

Подобные обстоятельства предопределили новый этап научных изысканий М.С. Строговича, итогом которых стала опубликованная в 1984 г. монография «Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности». На основании результатов изучения тенденций развития советской

⁴⁴ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 351.

государственности и правовой системы, обстоятельного и скрупулезного анализа материалов правоприменительной практики автор постарался доказать первостепенное значение этих принципов для обеспечения подлинно законного, обоснованного и справедливого характера социалистического правосудия. В частности, утверждалось, что правильное понимание и применение презумпции

невиновности (к слову, М.С. Строгович считал ее не столько классической презумпцией, сколько юридической фикцией⁴⁵) позволяет исключить следственную либо судебную тенденциозность, обвинительный уклон, практику принятия поспешных решений о привлечении к уголовной ответственности лишь на основании подозрения, впечатления, предвзятого мнения. Говорилось, что презумпция невиновности предполагает бережное отношение к личности, защищает от уголовного преследования по случайному стечению обстоятельств, ложному оговору, содействует применению уголовных репрессий исключительно к нарушителям уголовного закона, лицам, причиняющим вред обществу и правопорядку, создающим угрозу безопасности и благополучию честных граждан⁴⁶.

Ввиду естественных биологических причин книга оказалась последней крупной работой М.С. Строговича — своеобразным венцом его многолетних научных исследований процессуального положения обвиняемых, гарантий обеспечения их прав и законных интересов. Она увидела свет уже после смерти автора, не дожившего до момента ее опубликования всего несколько месяцев, и, таким образом, стала достойным завершением профессионального и творческого пути великого ученого, в течение многих лет последовательно отстаивавшего право обвиняемого на защиту и презумпцию невиновности как непеременные атрибуты уголовного правосудия в цивилизованном государстве.

* * *

Уже почти 40 лет с нами нет Михаила Соломоновича. Но его научные позиции и выводы не теряют своей актуальности и значения для развития уголовно-процессуальной доктрины, совершенствования

законодательства и оптимизации правоприменительной практики. Ссылки на труды М.С. Строговича, имеющего один из самых высоких индексов цитирования среди ученых-правоведов, можно найти практически в любой публикации (монографии, научной статье, диссертации и т.д.), посвященной сущности и порядку уголовного судопроизводства в целом, а также самым разным уголовно-процессуальным правоотношениям, самым разным аспектам судебной, прокурорской, адвокатской, следственной и дознавательской деятельности. Современные ученые-процессуалисты в своих изысканиях продолжают идти по намеченным им направлениям научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ветрова Г.Н.* «Опередивший время» — Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 119, 120.
2. Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. М., 1959. С. 64, 127, 148.
3. *Крыленко Н.В.* Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР // Ежедневник сов. юстиции. 1928. № 22. С. 641–643.
4. *Кудрявцев В.Н.* Грустный эпизод // Опередивший время: к столетию со дня рождения М.С. Строговича / под ред. В.М. Савицкого, А.М. Ларина. М., 1994. С. 190–196.
5. *Мерзл Л.* Кассационная жалоба как судебный документ в уголовно-кассационном деле // Рабочий суд. 1927. № 4.
6. Проблемы уголовной политики. Кн. IV / под ред. Н.В. Крыленко. М., 1937. С. 60, 61.
7. *Росинский С.Б.* Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя... // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 190–195.
8. *Росинский С.Б.* Потерпевший: проблемы уголовно-процессуального статуса // Юристы-Правоведь. 2020. № 3 (94). С. 69–75.
9. *Росинский С.Б.* Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 61–63.
10. *Росинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–132.
11. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 310.
12. *Савицкий В.М.* Когда теория становится реальностью // Опередивший время: к столетию со дня рождения М.С. Строговича / под ред. В.М. Савицкого, А.М. Ларина. М., 1994. С. 15, 16.
13. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 5.
14. *Строгович М.С.* К пересмотру УПК (о принципиальной и методологической стороне вопроса) // Рабочий суд. 1928. № 1 (137). С. 8–11.

⁴⁵ См.: *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В.М. Савицкого. М., 1984. С. 80, 81.

⁴⁶ См.: там же. С. 74, 75.

15. *Строгович М.С.* К реформе уголовно-процессуального кодекса // Сов. государство. 1932. № 9–10. С. 156–168.
16. *Строгович М.С.* Кассационная жалоба в уголовном деле (ответ т. Мерэну) // Рабочий суд. 1927. № 8. С. 669–674.
17. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. I. С. 34, 36, 255, 256, 288, 289, 291, 294, 310, 311, 351.
18. *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 19–21, 37, 237.
19. *Строгович М.С.* На путях к новому уголовному праву // Рабочий суд. 1929. № 9 (169). С. 654–667.
20. *Строгович М.С.* Новый проект Уголовно-процессуального кодекса // Рабочий суд. 1928. № 18 (154). С. 1381, 1382.
21. *Строгович М.С.* О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Соц. законность. 1957. № 5. С. 19–26.
22. *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Соц. законность. 1974. № 9. С. 50–53.
23. *Строгович М.С.* О системе науки судебного права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 55–70.
24. *Строгович М.С.* О состязательности и процессуальных функциях в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1962. № 2. С. 106–114.
25. *Строгович М.С.* Об оправдании ввиду недоказанности участия подсудимого в совершении преступления // Правоведение. 1983. № 5. С. 45–52.
26. *Строгович М.С.* Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1934. С. 7, 25, 26, 28, 29, 32–34.
27. *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1953. № 7. С. 58–72.
28. *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В.М. Савицкого. М., 1984. С. 74, 75, 80, 81.
29. *Строгович М.С.* Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Сов. государство и право. 1983. № 2. С. 70–76.
30. *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 68, 69, 118, 119.
31. *Строгович М.С.* Рационализация уголовного процесса // Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР. 1927. № 3. С. 14–17.
32. *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности // Сов. государство и право. 1979. № 5. С. 72–78.
33. *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 17, 18, 56, 65, 97, 138.
34. *Строгович М.С.* Философия и правоведение (Некоторые методологические вопросы юридической науки) // Сов. государство и право. 1965. № 6. С. 74–82.
35. *Тадевосян В.С.* К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Сов. государство и право. 1948. № 6. С. 65–72.
36. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1948. С. 10, 11.

REFERENCES

1. *Vetrova G.N.* “Ahead of its time” – Mikhail Solomonovich Strogovich // Judicial Power and Criminal Procedure. 2018. No. 1. P. 119, 120 (in Russ.).
2. Issues of legal proceedings and judicial system in the new legislation of the USSR / ed. by S.A. Golunsky. M., 1959. P. 64, 127, 148 (in Russ.).
3. *Krylenko N.V.* Principles of revision of the Criminal Code of the RSFSR // Weekly of Soviet Justice. 1928. No. 22. P. 641–643 (in Russ.).
4. *Kudryavtsev V.N.* Sad episode // Ahead of its time. On the centenary of the birth of M.S. Strogovich / ed. by A.M. Larin, V.M. Savitsky. M., 1994. P. 190–196 (in Russ.).
5. *Meren L.* Cassation complaint as a judicial document in a criminal cassation case // Workers’ Court. 1927. No. 4 (in Russ.).
6. Problems of criminal policy. Book IV / ed. by N.V. Krylenko. M., 1937. P. 60, 61 (in Russ.).
7. *Rossinskiy S.B.* Evidence in Criminal Procedure: the view of a scientist 10 years later... // Proceedings of the IGP of the RAS. 2023. Book 18. No. 3. P. 190–195 (in Russ.).
8. *Rossinskiy S.B.* Victim: problems of criminal procedural status // Lawyer – Legal expert. 2020. No. 3 (94). P. 69–75 (in Russ.).
9. *Rossinskiy S.B.* The Russian system of pre-trial proceedings as a synthesis of various types of Criminal Procedure // State and Law. 2023. No. 4. P. 61–63 (in Russ.).
10. *Rossinskiy S.B.* Criminal procedural form VS rules of criminal procedural paperwork // Proceedings of the IGP of the RAS. 2023. Book 18. No. 1. P. 116–132 (in Russ.).
11. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for the name of Peace. M., 2021. P. 310 (in Russ.).
12. *Savitskiy V.M.* When theory becomes reality // Ahead of its time. On the centenary of the birth of M.S. Strogovich / ed. by A.M. Larin, V.M. Savitskiy. M., 1994. P. 15, 16 (in Russ.).
13. Soviet Criminal Procedure: textbook / ed. by D.S. Karev. M., 1956. P. 15, 16 (in Russ.).
14. *Strogovich M.S.* Towards a revision of the Code of Criminal Procedure (on the fundamental and methodological side of the issue) // Workers’ Court. 1928. No. 1 (137). P. 8–11 (in Russ.).
15. *Strogovich M.S.* Towards the reform of the Criminal Procedure Code // Soviet State. 1932. No. 9–10. P. 156–168 (in Russ.).
16. *Strogovich M.S.* Cassation complaint in a criminal case (reply vol. I’m freezing) // Workers’ Court. 1927. No. 8. P. 669–674 (in Russ.).
17. *Strogovich M.S.* Course of Soviet Criminal Procedure. M., 1968. Book 1. P. 34, 36, 255, 256, 288, 289, 291, 294, 310, 311, 351 (in Russ.).
18. *Strogovich M.S.* Material truth and judicial evidence in Soviet Criminal Procedure. M., 1955. P. 19–21, 37, 237 (in Russ.).
19. *Strogovich M.S.* On the path to a new Criminal Law // Workers’ Court. 1929. No. 9 (169). P. 654–667 (in Russ.).

20. *Strogovich M.S.* New draft of the Criminal Procedure Code // Workers' Court. 1928. No. 18 (154). P. 1381, 1382 (in Russ.).
21. *Strogovich M.S.* About the inquiry and preliminary investigation and on the "unified investigative apparatus" // Social Legality. 1957. No. 5. P. 19–26 (in Russ.).
22. *Strogovich M.S.* On the unified form of criminal proceedings and the limits of its differentiation // Social Legality. 1974. No. 9. P. 50–53 (in Russ.).
23. *Strogovich M.S.* On the system of the science of judicial law // Soviet State and Law. 1939. No. 3. P. 55–70 (in Russ.).
24. *Strogovich M.S.* On adversarial and procedural functions in Soviet criminal proceedings // Pravovedenie. 1962. No. 2. P. 106–114 (in Russ.).
25. *Strogovich M.S.* On the acquittal due to the lack of evidence of the defendant's participation in the commission of a crime // Pravovedenie. 1983. No. 5. P. 45–52 (in Russ.).
26. *Strogovich M.S.* The prosecution and the accused at the preliminary investigation and at trial / ed. by A. Ya. Vyshinsky. M., 1934. P. 7, 25, 26, 28, 29, 32–34 (in Russ.).
27. *Strogovich M.S.* The right of the accused to defense in the Soviet Criminal Procedure // Soviet State and Law. 1953. No. 7. P. 58–72 (in Russ.).
28. *Strogovich M.S.* The right of the accused to defense and the presumption of innocence / ed. by V.M. Savitsky. M., 1984. P. 74, 75, 80, 81 (in Russ.).
29. *Strogovich M.S.* Presumption of innocence and termination of criminal cases on non-rehabilitating grounds // Soviet State and Law. 1983. No. 2. P. 70–76 (in Russ.).
30. *Strogovich M.S.* The nature of the Soviet Criminal Procedure and the principle of competition. M., 1939. P. 68, 69, 118, 119 (in Russ.).
31. *Strogovich M.S.* Rationalization of the Criminal Procedure // Bulletin of the Supreme Court of the USSR and the Prosecutor's Office of the Supreme Court of the USSR. 1927. No. 3. P. 14–17 (in Russ.).
32. *Strogovich M.S.* The essence of legal responsibility // Soviet State and Law. 1979. No. 5. P. 72–78 (in Russ.).
33. *Strogovich M.S.* Criminal prosecution in Soviet Criminal Procedure. M., 1951. P. 17, 18, 56, 65, 97, 138 (in Russ.).
34. *Strogovich M.S.* Philosophy and jurisprudence (Some methodological issues of legal science) // Soviet State and Law. 1965. No. 6. P. 74–82 (in Russ.).
35. *Tadevosyan V.S.* On the issue of establishing material truth in the Soviet Procedure // Soviet State and Law. 1948. No. 6. P. 65–72 (in Russ.).
36. *Cheltsov M.A.* Soviet Criminal Procedure. M., 1948. P. 10, 11 (in Russ.).

Сведения об авторах

САВЕНКОВ Александр Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Российской академии наук, главный редактор журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-3862-3188

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ROSSINSKIY Sergey B. — Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

КАПИТАЛИЗМ И ПЛУТОКРАТИЯ

© 2023 г. А. Д. Керимов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 8017498@mail.ru

Поступила в редакцию 04.07.2023 г.

Аннотация. В статье анализируется диалектическая взаимозависимость капитализма и плутократии. Предлагается дефиниция последней. Выявляются две важнейшие, диаметрально противоположные тенденции в определении различными сегментами правящих элит современных государств своих ценностных установок и, соответственно, направлений конкретно-практической деятельности. Акцентируется внимание на том, что активно действующая в нашей стране прозападная интеллигенция состоит не только из либерально ориентированных лиц творческих профессий, но и отдельных представителей властных структур. Автор выражает поддержку той части отечественного истеблишмента и связанной с ней патриотически настроенной интеллигенции, которая ставит своей целью всестороннее возрождение могущества России. Он вместе с тем считает, что для достижения победы над коллективным Западом необходима понимаемая в широком смысле мобилизация всех институтов государства и общества, которая невозможна без отказа от субстанциональных политических, экономических и духовно-нравственных основ буржуазного строя.

Ключевые слова: несправедливость, плутократия, капитализм, власть, государство, буржуазия, интеллигенция, либерализм, патриотизм.

Цитирование: Керимов А.Д. Капитализм и плутократия // Государство и право. 2023. № 11. С. 29–37.

DOI: 10.31857/S102694520028708-9

CAPITALISM AND PLUTOCRACY

© 2023 A. D. Kerimov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 8017498@mail.ru

Received 04.07.2023

Abstract. In this article the author analyzes the dialectical interdependence of capitalism and plutocracy. The definition of plutocracy is proposed. The author reveals two important and diametrically opposed trends in how various segments of the ruling elites in modern states define their values and, accordingly, what specific practical actions they take. Attention is focused on the fact that the pro-Western, which is very active in our country, consists not only of liberal-minded people of creative professions, but also individual representatives of power structures. The author expresses strong support for a part of the domestic establishment and the associated patriotic intelligentsia that aim at a comprehensive revival of the power of Russia. At the same time, the author is sure that in order to achieve victory over the collective West the mobilization of all institutions of the state and society, understood in a broad sense, is necessary, which is impossible without abandoning the substantial political, economic, spiritual and moral foundations of the bourgeois system.

Key words: injustice, plutocracy, capitalism, power, state, bourgeoisie, intelligentsia, liberalism, patriotism.

For citation: Kerimov, A.D. (2023). Capitalism and plutocracy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 29–37.

Вопиющая социальная несправедливость, поразившая все континенты и страны, все нации и народности, — отличительная черта отнюдь не только стародавних, безвозвратно канувших в Лету времён, но, конечно же, и нынешнего периода исторического развития человечества. От неё испокон веку мучительно и безвинно страдали и продолжают страдать люди¹. Её многочисленные явные и завуалированные, зримые и сокрытые от праздного взгляда безобразные проявления, грубо попирающие права и свободы, жестоко унижающие честь и достоинство личности, вселяющие в души безверие и разочарование, без труда обнаруживаются буквально повсюду, на каждом шагу и абсолютно во всех сферах общественно-го бытия. Это в полной мере относится и к области государственно-правовой, о чём красноречиво свидетельствует тот факт, что плутократия представляла и сегодня представляет собой самую распространённую разновидность политического режима.

I

Попытаемся предложить максимально чёткое и ясное, притом достаточно функциональное определение данного понятия. Оно, пожалуй, могло бы быть следующим. Плутократия (др.-греч. *πλοῦτος* — богатство, *κράτος* — мощь, сила, власть) — тип политического режима (при наличии высокого имущественного избирательного ценза может рассматриваться и как элемент формы правления), прежде всего характеризующийся тем, что реальная власть в государстве принадлежит наиболее состоятельным слоям населения, наиболее зажиточным гражданам. Соответственно, значимые для народа стратегические решения принимаются либо непосредственно его самыми богатыми представителями, либо в результате их целенаправленного, интенсивного и эффективного воздействия на государственные институты и структуры. Лица,

обладающие большими деньгами, таким образом, прямо и (или) косвенно осуществляют властные полномочия. У них всегда есть эта привилегия, вне зависимости от того, располагают ли они необходимыми личностными качествами, способностями и навыками, обширными знаниями, житейским опытом и мудростью, должным уровнем интеллектуального развития, образованности и профессионализма, что само по себе несправедливо. Как резонно подчёркивает А.С. Панарин, невозможно закрывать глаза на то обстоятельство, что люди, заполучившие монополию на государственное руководство, в состоянии менять облик общества и катастрофически ломать обычное, привычное течение жизни².

Власть богатых детерминирована, с одной стороны, тем, что в классово антагонистической общественной системе материально-финансовое могущество в той или иной, но неизменно в существенной степени гарантирует политическое, нередко и идеологическое господство. С другой — тем, что индивиды, захватившие в масштабах страны бразды верховного правления, вполне легально, по итогам общенациональных выборов или же насильственно, вооружённым путём, и в дальнейшем уверенно и твёрдо удерживающие их в руках, оказываются со временем (в любой цивилизации, при любой социально-экономической формации, за исключением, естественно, коммунистической) собственниками огромных богатств и ресурсов, созданных как органической и неорганической природой, так и непрерывным, напряжённым и терпеливым трудом народов. Истеблишмент получает прерогативу безраздельного владения, пользования и распоряжения этими богатствами. Власть и богатство исконно взаимообусловлены, они постоянно воспроизводят, с успехом репродуцируют друг друга. Плутократия в эксплуататорских обществах есть феномен закономерный, и посему он распространён практически повсеместно. Очень сложно, если вообще возможно, указать страну, в которой не укоренился бы названный политический режим.

¹ Трудно не согласиться с итальянским историком и государственным деятелем П. Коллетта, утверждавшим, что справедливость необходима народу даже более, нежели цивилизация (см.: Афоризмы: по иностранным источникам / сост. П.П. Петров, Я.В. Берлин; предисл. Н.М. Грибачёва. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1985. С. 115).

² См.: Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 14.

Неудивительно, что первоочередной задачей истеблишмента становится сохранение, притом, как правило, какими угодно средствами, статус-кво, сложившегося положения вещей, а именно гегемонии правящей страты, обеспечение перманентной действенной защиты её активов, фундаментальных кастовых ценностей и интересов, традиционно комфортного образа жизни и т.п. (помимо, разумеется, выполнения функций и задач, де-факто имеющих важное значение и заведомо полезных для всех без исключения членов социума). В.И. Ленин был прав, когда настаивал на том, что государство — это особый аппарат для систематического применения насилия и подчинения людей насилию, машина для поддержания господства одного класса над другим³.

При капиталистическом способе производства таким, т.е. господствующим, классом выступает буржуазия. Тезис, сформулированный в 1848 г. К. Марксом и Ф. Энгельсом в знаменитом произведении «Манифест Коммунистической партии», согласно которому государство есть комитет, управляющий делами данного класса⁴, по сути своей верен⁵.

Заметим, кстати, что подобной точки зрения придерживаются не только сторонники марксизма, но в известной мере и многие, не разделяющие базовых постулатов этого учения величайшие мыслители. Среди них, например, Л.Н. Толстой. Достаточно вспомнить его сравнение государства с шайкой разбойников, в котором он отдаёт предпочтение последней⁶.

Приведённый марксистский тезис, бесспорно, актуален. С той, однако, принципиальной разницей, что ситуация с тех пор усугубилась и теперь комитет по управлению делами капиталистов работает скорее ради охраны и приумножения выгод, привилегий и преимуществ не всей названной общественной группы, а прежде всего её высшего слоя: реально властвующей в отдельной стране (зачастую и на глобальном уровне) элиты. К ней мы относим высокопоставленных чиновников, видных политических деятелей,

финансовых магнатов, крупных промышленников и предпринимателей, руководителей и собственников авторитетнейших СМИ, глав религиозных конфессий, выдающихся интеллектуалов — словом, всех, кому принадлежат бразды правления в важнейших сферах — экономике, политике, культуре, военной, административной, информационно-коммуникативной областях и др., кто в состоянии кардинально менять ход событий, оказывать определяющее воздействие на судьбы целых народов.

Более того, ныне эта элита идёт дальше. Она стремится приватизировать или уже приватизировала государство (государственный аппарат), что фактически и произошло в США, Западной Европе, многих других государствах. Такая устремлённость вполне понятна. Она продиктована неодолимым эгоистическим желанием беспощадно выхолостить ту неотъемлемую, органическую и весьма весомую часть его внутреннего содержания, его имманентной природы и априорного предназначения, которая объективно ориентирована на решение вопросов и задач общеобщественного уровня и масштаба. Власти предрежащие (вернее, их основная масса) хотят во что бы то ни стало использовать изначально имеющиеся у государства поистине гигантские возможности и разнообразные ресурсы⁷ исключительно в своих целях, трансформировать его в эффективно функционирующую бизнес-корпорацию, сфокусированную в первую очередь на обслуживании собственных своекорыстных интересов. И, надо признать, обычно им это удаётся. В результате нездоровую, ядовитую атмосферу, преобладающий дух, царящий в подавляющем большинстве нынешних великих и малых государств, можно охарактеризовать ярким четверостишием из поэмы Н.А. Некрасова «Современники»:

*«Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдёт грабеж огульный,
И — случится крррах!»⁸*

Так и вышло. Но нельзя забывать, что нет ничего пагубнее, как справедливо подчёркивал Ж.-Ж. Руссо, чем влияние частных интересов на общественные дела⁹.

⁷ Около ста лет тому назад Х. Ортега-и-Гассет резонно отметил, что государство превратилось в чудовищную машину немыслимых возможностей, действующую фантастически точно и оперативно. Оно, по мнению испанского философа, есть средоточие общества, где довольно лишь нажатия кнопки, чтобы огромные рычаги молниеносно обработали каждую пядь социального тела (см.: *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс* / пер. с исп. А. Гелескула. М., 2020. С. 128, 129).

⁸ Стихотворения Н.А. Некрасова. Посмерт. изд.: в 4 т. Т. III. 1873—1877. СПб., 1879. С. 289.

⁹ См.: Афоризмы: по иностранным источникам / сост. П.П. Петров, Я.В. Берлин; предисл. Н.М. Грибачёва. 3-е изд., перераб. и доп. С. 15.

³ См.: Ленин В.И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. Июнь — декабрь 1919. М., 1970. С. 68, 73, 75, 79, 81, 83, 84.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1970. С. 27.

⁵ Здесь нельзя не обратить внимание на чрезвычайно существенное, но постоянно, упорно и злонамеренно игнорируемое обстоятельство: основатели марксистской теории прекрасно и уж точно не хуже других понимали, что государство неизбежно выполняет функции, удовлетворяющие в том числе и общие интересы, запросы и потребности. Они ясно осознавали, что его роль, конечно, вовсе не сводится лишь к классовому господству. На это указывает, в частности, Г.А. Багатурия, чьё мнение как ведущего специалиста-марксоведа, безусловно, следует признать компетентным (см.: *Багатурия Г.А. Контуры грядущего: избр. произв.* М., 2014. С. 137).

⁶ См.: Толстой Л.Н. Путь жизни. 1910 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 45. Серия первая. Произведения. М., 1956. С. 263.

II

В сущности, на нынешнем этапе истории мы являемся свидетелями усиления борьбы между двумя альтернативными векторами развития, двумя противоположными тенденциями. Одна, явно вредоносная, крайне разрушительная для человечества, отдельных государств проистекает из глубоко порочной, безнравственной, но, к сожалению, в целом успешно реализуемой установки нобилитета любыми путями, применяя всяческие средства, хитроумные приёмы и методы, изощрённые политические технологии, как говорится, прибавить к рукам, максимально приспособить органы и учреждения публичной власти к своим нуждам. Следование таким курсом верно предвещает в ближайшем будущем чиновничий произвол, беззаконие, бесправие, к тому же массовое обнищание населения, неумолимо ведёт к обострению издавна существующего противоречия между государством и руководимым им социумом, к постепенной утрате ими своей провиденциальной судьбы, к их ослаблению, увяданию, разложению и в конце концов к гибели.

Вторая, принципиально иная, хорошо различимая и при этом несомненно позитивная направленность эволюционирования управленческих структур, их взаимоотношений с обществом обусловлена намерением господствующей элиты, проникнута спасительной альтруистической идеей обеспечить всемерную нацеленность соответствующих институтов на приоритетную всеобъемлющую защиту национальных интересов, заботу о рядовых гражданах, равно и на мобилизацию народа для воплощения в жизнь того грандиозного замысла, который фатально предуготован ему Демиургом истории. Очевидно, что возобладание такой тенденции сулит процветание и благоденствие. Однако это возможно лишь в том случае, если подобные намерения и идеи неотъемлемо, органично входят в систему ценностных ориентиров элиты.

Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что во многих странах даже самый высший слой, наиболее привилегированный сегмент истеблишмента, рассматриваемый в этическом контексте, т.е. с точки зрения исповедуемой им морали, отнюдь не однороден и совсем не единодушен. Его представители вовсе не обязательно придерживаются совпадающих или хотя бы в значительной степени схожих аксиологических установок, правил и норм, в совокупности определяющих их отношение ко всему остальному социуму. Напротив, их взгляды и убеждения по вопросу о том, что есть нравственно и допустимо, а что — безнравственно и неприемлемо, не только ощутимо разнятся, но нередко и откровенно антагонистичны.

Посему часть индивидов, принадлежащих к верхам правящего клана, выказывая удручающую недальновидность, действует крайне цинично и аморально, постоянно поступает беззастенчиво эгоистически, беспрестанно думает исключительно о себе,

об удовлетворении своих примитивных, низших, по преимуществу сугубо материальных и плотских потребностей. Другая же их часть никоим образом не противопоставляет себя народу, не стремится дистанцироваться, отгородиться и отделиться от него. Она понимает, что тысячами невидимых, но прочных нитей неразрывно и навечно связана с ним, его судьбой и поэтому естественно в первую очередь озабочена нуждами и запросами, надеждами и чаяниями своих соотечественников. Она вдохновляется величием Родины, беззаветной и преданной любовью к ней, испытывает чувство гордости за Отчизну и в силу этого сосредоточена на каждодневной, тяжёлой и кропотливой работе во имя её прогрессивного развития, достойного и светлого будущего.

Следует заметить, что в среде лиц умственного труда обыкновенно принято резко критиковать, беспощадно ругать власть, огульно, поверхностно и без разбора обвиняя абсолютно всех её репрезентантов в неугомонной погоне за наживой, в страсти к ненасытному и вульгарному стяжательству, в неумном патологическом корыстолюбии и, конечно, начисто отказывая им в приверженности высоким идеалам. Такое поведение многих людей творческих профессий, предполагающее категорическое неприятие, перманентное гневное осуждение любых шагов и инициатив политически и экономически господствующего меньшинства, вызвано преобладающим в интеллигентской среде умонастроением, которое в эпоху повального увлечения либерализмом почти беспрепятственно вошло в моду, стало считаться неприменным атрибутом, неким непреложным правилом хорошего тона. Это умонастроение, скорее, даже устойчивую, агрессивную и непреклонную позицию можно в нескольких словах охарактеризовать следующим образом: власть по самой своей сути априори, всегда и во всём вредоносна, вне сомнения, враждебна по отношению к обществу и личности, ввиду чего мы неизменно и настойчиво будем восставать против неё. Но всякому здравомыслящему человеку ясно, что подобный взгляд на вещи далеко не в полной мере соответствует реальности, а вытекающая из него целеустановка неоправданна и неконструктивна. В данном случае интеллигенции явно недостаёт беспристрастности и объективности.

К тому же если она станет в течение долгого времени упорствовать в отстаивании такой позиции, то в итоге естественно окажется в лагере радикальных анархистов, отрицающих нужность официальной публичной власти в принципе. Б.Н. Чичерин настаивал на том, что русский либерал, теоретически вообще не признает никакой власти. Он хочет повиноваться лишь тем законам, которые ему нравятся. Самая, казалось бы, необходимая деятельность государства рассматривается им как притеснение; общеобязательные нормы, чиновники, полиция и т.п. расцениваются им

как порождения возмутительного деспотизма¹⁰. Удивительно, но суждение, высказанное отечественным философом, историком и правоведом более 150 лет тому назад и доныне актуально.

Амбивалентность восприятия власти нынешней либерально настроенной интеллигенцией состоит в том, что она, с одной стороны, ненавидит государственные структуры, презирает министров и парламентариев, а с другой — панически боится остаться без их защиты и покровительства, наедине с непонятным ей, диким и тёмным в её представлении народом. Она в массе своей страшится охлократии и нередко безотчётно тяготеет к сильному государству¹¹.

III

В России и в ряде других стран противоборство между двумя кратко и схематично описанными выше частями правящей элиты (а также сочувствующими и примыкающими к каждой из них интеллектуалами), в котором именно государство, его органы и учреждения выступают одновременно в качестве и арены поединка, и возжеленного приза, сегодня обострилось чрезвычайно. Что касается конкретно нашего Отечества, то здесь по мере усиления конфронтации с Североатлантическим альянсом, особенно после начала специальной военной операции на Украине, поработённой Западом¹², это обострение проявилось предельно откровенно и явственно. Иначе, собственно, и не могло быть.

Вынуждены с сожалением признать, что приблизительно со второй половины 80-х годов прошлого столетия США и их союзникам по НАТО довольно быстро удалось, используя различные способы (вплоть до прямой вербовки спецслужбами и банального подкупа), привлечь на свою сторону значительное количество политиков, чиновников, деятелей науки и культуры, порою обычных обывателей, сформировав тем самым в России мощную оппозицию. Рекрутированные в неё либерально юстированные, одолеваемые космополитизмом¹³ и, разумеется, во

многих отношениях нечистоплотные с нравственной точки зрения лица уже долгие годы не только упорно выказывают фанатичную приверженность к стремительно вырождающимся и нередко цинично-лицемерным ценностям, утвердившимся на Западе, но и демонстрируют удручающе некритическое, часто ошибочное осмысление изобретённых там теоретических систем, построений и конструкций в гуманитарной и обществоведческой областях, равно как и неадекватное восприятие порочной практики их воплощения в действительности.

Эти угодливые, неколебимые в низком раболепстве приспешники врагов нашей Отчизны являются, в сущности, лишь бездарными эпигонами тех учений и доктрин, зачастую псевдонаучных положений и постулатов, моральных норм и аксиологических установок, которые в совокупности и составляют идеологическую основу т.н. современного цивилизованного мира. Они крайне односторонне, в корне неправильно, примитивно и в конечном счёте извращённо-ложно трактуют такие фундаментальные категории общественного бытия, как справедливость, нравственность, свобода, демократия, права личности и т.п.¹⁴

В их планы вовсе не входило, да и поныне отнюдь не входит интенсивное творческое освоение того лучшего — выдающегося и блистательного, изысканного и рафинированного, — что было воздвигнуто за истекшие две тысячи лет в духовной сфере человеческим гением западной ойкумены. Они тщатся сугубо механически внедрить, искусственно, насильственно

названный феномен совершенно несостоятелен, поскольку он — не более чем голая абстракция или утопия. Космополитизм не соответствует своему наименованию, ибо в нём нет ничего космического: ведь космос, мир, вселенная — одна из иерархических ступеней, конкретно определённая индивидуальность. Каждый отдельный человек приобщается к космической, вселенской жизни исключительно через глубокое погружение, творческое вращение в жизнь национальную, через жизнь всех индивидуальных иерархических ступеней, под которыми Н.А. Бердяев понимает личность, нацию, весь род людской, мироздание, Бога. Посему он считает космополитизм уродливым, неосуществимым выражением мечты о некоем едином и братском, по сути, идеальном человечестве, отрицанием и угашением значимости всего оригинального, уникального и самобытного, всякого образа и обличья, проповедью отвлеченного человека и отвлеченного человечества.

По поводу позиции Л.Н. Толстого Н.А. Бердяев верно подмечает, что даже толстовское непротivление, как бы убегающее от всего, связанного с национальностью, оказывается на самом деле абсолютно национальным, русским, так как формальное отречение от национальности может быть сугубо национальным (см.: *Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности*. Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова. М., 1918. С. 94, 95, 97).

¹⁴ Именно о недопустимости подобного истолкования названных понятий логически доказательно и мудро рассуждает Предстоятель Русской Православной Церкви — Патриарх Кирилл (см.: *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о русском мире* / сост. А.В. Шипков. М., 2015. С. 79—104; *Его же. Слово о традиции и современном обществе*. М., 2016).

¹⁰ См.: *Чичерин Б.Н.* Мера и границы // Наше время. 1862. № 11.

¹¹ О сильном государстве см.: *Керимов А.Д., Куксин И.Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М., 2017.

¹² См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. // Росс. газ. 2023. 22 февр.

¹³ Русской философской традиции присуще резкое обличение такого, т.е. заражённого космополитизмом, миропонимания социальной действительности. Хотя, справедливости ради, нельзя не отметить, что мы подчас сталкиваемся, например в случае с Л.Н. Толстым, и с противоположной позицией, которая, однако, по нашему мнению, не является превалирующей. Как бы там ни было, отечественное научно-интеллектуальное наследие изобилует беспощадным и убедительным развенчанием космополитизма. В этом плане выделяется Н.А. Бердяев. Он полагает, что и философски, и практически

и грубо имплантировать в живую, чувствительную ткань великой, древней и самобытной русской культуры инородные, чуждые, притом по преимуществу содержательно скудные, убогие, неотвратимо демонстрирующие любые трансцендентные начала.

Представители оппозиции обнаруживают холодное равнодушие, презрительное безразличие, выражающееся в самых осязательных и наглядных формах, к насущным потребностям и надобностям россиян — своих же сограждан. Зато они, будучи уполномоченными могущественных олигархов и реально властвующих политиков Запада, поверенными магнатов американского и европейского капитала, выказывают потрясающую восприимчивость к личному, разумеется, исключительно материальному обогащению, искреннюю озабоченность индивидуальным комфортом, удобством и благополучием. Необходимость достижения превратно понимаемого успеха, при этом, заметим, конечно же, любой ценой, стала для них основным, в сущности говоря, всепоглощающим руководящим жизненным принципом. Поразительно, но им почти незнакомы другие виды мотиваций осмысленной целенаправленной человеческой деятельности.

По весьма точному наблюдению Ф. Ницше, прошлые натуры тем и выделяются, что незыблемо и рьяно блюдут свою личную выгоду. Стремление к этой выгоде у них неумнее, сильнее самых сильных влечений. Их «мудрость» и их себялюбие как раз в том и состоит, чтобы не соблазняться идущими от сердца страстями и не совершать нецелесообразных поступков¹⁵. Неудивительно, что они мастерски овладели всеми хитростями и тонкостями торговли национальными интересами, сделав из их бессовестной и гнусной распродажи отлично организованный и очень доходный частный бизнес.

Возвышенные, благородные чувства ответственности, векового священного долга перед Родиной, преданности своему народу вызывают у них лишь инстинктивно-безотчётное отторжение, циничное и демонстративное пренебрежение. К ним как нельзя лучше подходят нелюбимые слова Ф. Ницше: «Если же они воочию убеждаются в отсутствии своекорыстных умыслов и прибылей, то благородный человек кажется им каким-то глупцом: они презирают его в его радости и смеются над блеском его глаз. “Как можно радоваться собственному убытку, как можно с открытыми глазами очутиться в проигрыше! С благородными склонностями должна быть связана какая-то болезнь ума”, — так думают они и при этом поглядывают свысока, не скрывая презрения к радости, которую сумасшедший испытывает от своей вязчивой идеи»¹⁶.

¹⁵ См.: *Ницше Ф.* Весёлая наука. Злая мудрость. М., 2008. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 46, 47.

Таким примитивным субъектам недоступно постижение того, казалось бы, очевидного, неопровержимого факта, что именно служение высшим целям, целям надындивидуального порядка¹⁷, сознательное и настойчивое культивирование глубоких патристических чувств в том числе, а может быть, и прежде всего одухотворяют личность, наполняют особым сакральным смыслом её земное бытие, самоё её существо.

Между тем патриотизм, самоотверженная любовь к Отчизне органически свойственны и всему русскому этносу в целом, и подавляющему большинству его неотъемлемой части — русской интеллигенции. Подобная мировоззренческая позиция, соответствующее психологическое состояние всегда были присущи истинной российской интеллигенции. В качестве примера приведём рассуждения её яркого представителя — М.Е. Салтыкова-Щедрина, по мнению которого идея общего блага — это идея, согревающая патриотизм. Какими бы замкнутыми, тесными пространствами мы ни ограничивали её действие (пусть даже территорией одного лишь Княжества Монако), она всё-таки — единственное звено, приобщающее нас к известной среде и заставляющее радоваться и страдать теми радостями и страданиями, кои зачастую затрагивают нас самым отдалённым образом. Человек, настаивает писатель в заключение своей мысли, развивается к восприятию идеи о человечестве через патриотизм, воспитательное значение которого в связи с этим громадно¹⁸.

IV

Несмотря на трудности и перипетии, смертельные опасности и угрозы современного исторического периода жизни нашего Отечества, обусловленные враждебной, явно деструктивной политикой коллективного Запада и противоборством финансируемой им оппозиции, полагаем, что сегодня есть веские основания для оптимистического взгляда в будущее. Ведь налицо — воодушевляюще позитивные, вселяющие в сердце спокойную уверенность коренные сдвиги, качественные, надеемся, необратимые изменения в понимании реалий социальной действительности (и на внутрисоциальном, и на международном уровне) не только большинством обычных людей, но и немалой частью правящих кругов. А это весьма

¹⁷ Н.А. Бердяев, пожалуй, был прав, когда в 1932 г. утверждал, что призванность служению сверхличной цели, великому целому, отражающая религиозное понимание жизни, ослабела в Европе ещё с эпохи Ренессанса и уступила место отныне господствующим воззрениям либерального и индивидуалистического толка, т.е. по сути совершенно противоположным (см.: *Бердяев Н.А.* Духовное состояние современного мира // Путь. Орган русской религиозной мысли / под ред. Н.А. Бердяева, при участии Б.П. Вышеславцева. Париж, 1932. № 35. С. 62).

¹⁸ См.: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М., 1969. Т. 7. С. 169.

существенно, поскольку не кто иной, как власть принимает судьбоносные для всех и каждого решения.

Создаётся впечатление, неоспоримо подтверждаемое конкретными фактами, что многие высшие руководители страны в самом деле всецело поглощены заботами о благе сограждан, максимально сконцентрированы на отстаивании их нужд и потребностей, равно и интересов всего государства. Они сфокусированы в первую очередь на том, чтобы в кратчайшие сроки вернуть России лидирующие позиции в мире, в полной мере восстановить её как великое государство, противостоять постоянно усиливающемуся агрессивному давлению со стороны Североатлантического альянса. На это чётко указывает, в частности, то обстоятельство, что инициированная Президентом РФ реформа Конституции РФ 2020 г. (именно реформа, ибо поправки к ней, несомненно, носят глубокий, широкомасштабный и принципиальный характер) нацелена на всевозможное упрочение фундаментальных основ российского общества и государства.

Имеется в виду установление, согласно которому Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности, и во исполнение её — прямой запрет на какие бы то ни было действия (за исключением делимитации, демаркации и редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, и даже на призывы к подобным действиям (ч. 2¹ ст. 67 Конституции РФ). В данном случае также подразумеваем жёсткие, но, по нашему убеждению, адекватные и совершенно справедливые требования к должностным лицам различного, в том числе и самого высокого, уровня, работающим в сфере публичной власти: речь идёт главным образом об ограничениях, касающихся наличия гражданства либо вида на жительство другого государства или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, равно как и об ограничениях, касающихся наличия счетов (вкладов), денежных средств и ценностей в иностранных банках (например, ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81 Конституции РФ). Безусловно, обращаем внимание и на нормы, закрепляющие верховенство Основного Закона по сравнению с решениями межгосударственных органов (в частности, ст. 79), и на другие не менее важные в указанном смысле конституционные установления.

Но всё же, пожалуй, наиболее существенное значение в рассматриваемом контексте имеет то, что в редакции Конституции РФ 2020 г., по сути, поставлена грандиозная задача, зафиксирована общая стратегическая и вовсе не долгосрочная, рассчитанная на длительную перспективу, а напротив, на ближайшее

будущее цель — полностью и во всех отношениях возродить былые мощь и могущество нашей страны, преумножить их и обеспечить на все времена ей статус сверхдержавы. Достижение этой глобальной цели, бесспорно, соответствует сокровенным упованиям, мессианским ожиданиям русского народа, осознанию, точнее, чувствованию им своей богоизбранности, своей провиденциальной роли в истории и отвечает тем самым подлинным и незыблемым национальным интересам. Так, и никак иначе должно трактовать базовые принципы и идеи, заложенные в одобренных общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. изменениях в Конституции РФ, согласно которым Российская Федерация признаётся правопреемником (правопродолжателем) СССР (ч. 1 ст. 67¹), сохраняет преемственность в развитии государства (ч. 2 ст. 67¹)¹⁹ и др. Очевидность и однозначность именно такого толкования обусловлены тем, что практически на всём протяжении своего существования и Киевская Русь, и Русское царство, и Российская Империя, и СССР являлись великими державами.

Ни для кого не составит труда привести ещё немало разнообразных фактов (и не обязательно из знакомой и привычной нам юридической сферы), свидетельствующих о неустанном и неослабном стремлении части высшего руководства к тому, чтобы мобилизовать всё общество, включая правящий класс, на реализацию названной и множества других целей и задач, во весь рост встающих сегодня перед нашей Отчиной. У нас нет и тени сомнения в том, что такая мобилизация необходима. Без неё мы не сможем ни результативно противодействовать США, всему коллективному Западу, который в течение долгих столетий и, конечно же, в настоящий исторический момент буквально алчет безвозвратной гибели русского мира, хочет нанести ей стратегическое поражение, ни гарантировать её дальнейшее прогрессивное и всестороннее эволюционирование, ни закрепить вновь обретаемое ею, притом весьма стремительно, положение сверхдержавы, ни, наконец, справиться с суровыми и опасными как объективно детерминированными, так и стохастически появляющимися вызовами времени, порою экзистенциально угрожающими нашей Родине.

¹⁹ Можно только восторженно приветствовать то, что 17 июня — в последний день проведения Петербургского международного экономического форума 2023 г. на берегу Финского залива, напротив парка 300-летия Северной столицы, на почти 180-метровые, самые высокие в Европе флагштоки были подняты три гигантских флага — бело-сине-красный (триколор Петра I), чёрно-жёлто-белый (утв. Указом Александра II) и красный (периода социализма), символизирующих единство нашего народа, его нынешнего и ушедших поколений, диалектическую взаимосвязь и неразрывность различных этапов отечественной истории.

V

Однако здесь возникает архиважный вопрос: возможно ли должным образом и в полной мере осуществить мобилизацию (рассматриваемую не в сугубо военном смысле, а понимаемую гораздо шире, как приведение в напряжённо-деятельное, максимально работоспособное состояние всех институтов и структур социума и государства, подразумевающую продуктивное использование всех имеющихся сил, средств и ресурсов, в особенности людских), оставаясь в рамках капиталистического строя и идеально соответствующего ему плутократического режима?

Ответ на поставленный вопрос предельно ясен, и он, естественно, отрицательный. Нет необходимости обстоятельно, входя во все подробности, доказывать, что капитализм и порождаемая, перманентно воспроизводимая им на различных уровнях и в многочисленных учреждениях публичной власти плутократия чудовищно несправедливы и безнравственны. Они отравляют весь социальный организм в целом, тлетворно влияют на мысли и чувства отдельных личностей, извращают отношения между ними, ломают их и без того нередко горестные судьбы. Возрастающая аморальность, изощрённая порочность данной системы, сформированного ею общества потребления, объясняются бесчеловечностью, а следовательно, изначальной пагубностью её основополагающей аксиомы, которую можно, не мудрствуя лукаво, используя обыденный язык, охарактеризовать очень просто: всё продаётся и всё покупается.

Эта догма, агрессивно навязываемая либерально ориентированными представителями буржуазной правящей элиты подавляющего большинства стран мира и, как ни прискорбно, принимаемая существенной частью их населения за истину, этот ненормальный, отвратительный принцип жизнеустройства подобно жёсткой демонической воле господствует над ограниченными и заурядными, неискушёнными и незрелыми умами, фатально предопределяя, подчиняя себе настроения, вкусы, предпочтения и в конечном счёте повседневное поведение масс.

Очевидно и то, что значительное количество самых разных видов имущества ни при каких обстоятельствах не должно принадлежать физическим лицам. Речь идёт о естественных богатствах, миллионы лет создаваемых природой, и о творениях человеческого гения как в науке, так и в искусстве. Они являются всеобщим достоянием и посему подлежат безусловному изъятию из сферы частного владения, пользования и распоряжения.

Ясно и то, что частную собственность отнюдь не всегда надо расценивать, как это обычно злонамеренно и куда реже ошибочно делается, в качестве непременно наиболее эффективной формы собственности (например, по сравнению с государственной),

обеспечивающей неуклонное поступательное и быстрое продвижение по пути прогресса. Ярчайшее доказательство тому — впечатляющие успехи, грандиозные завоевания СССР во многих областях, в том числе и ряде отраслей экономики. Но в Советском Союзе, напомним, не было ни частной собственности на средства производства, ни свободного рынка, ни конкуренции. Зато были: плановое хозяйство, энтузиазм трудящихся и в основном хорошо функционирующая система их мотивации, искусно сочетавшая материальные и нематериальные поощрения и наказания.

Окидывая мысленным взором всю историю русской цивилизации и говоря весьма обобщённо, не акцентируя внимания на несущественных деталях и второстепенных моментах, мы вправе ответственно заявить, что именно в эпоху социализма, несмотря на все несомненно имевшиеся его недостатки и изъяны, Россия достигла наивысшего расцвета в своём развитии. Этот явный и неоспоримый триумф русского мира, зримо воплотившийся в выдающихся свершениях СССР, вполне естествен и закономерен. Ведь он детерминирован, помимо прочего, тем фундаментальным законом целенаправленной человеческой деятельности, тем парадоксальным, но глубоко истинным и важнейшим принципом жизни, который был блестяще сформулирован А. Дж. Тойнби: для достижения какой-то определенной цели следует стремиться не к ней самой, а к чему-то более возвышенному, находящемуся далеко за её пределами²⁰. Данная максима универсальна: она относится равно и к индивиду, и к этносу, и к церкви, и к государству. А Советский Союз, его многонациональный народ, как известно, неизменно ставили перед собой гораздо более высокие цели, нежели простое увеличение валового внутреннего продукта и банальное обогащение граждан. В нашем Отечестве никогда не угасала, всегда органически жила вожденная и благородная мечта о светлом и справедливом будущем.

* * *

Учитывая перечисленные и другие факторы, приходим к однозначному выводу: осуществить всестороннюю мобилизацию российского общества, аппарата публичной власти можно лишь при условии решительного отказа от субстанциональных экономических, политических, духовно-нравственных основ буржуазного строя, от режима плутократии в частности. Отрадно, что осознание этой истины, т.е. непреложной необходимости в таком отказе, пусть пока медленно, постепенно, шаг за шагом, но неотвратимо происходит в среде наиболее ответственных, гуманистически ориентированных

²⁰ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова; под ред. В.И. Уколовой и Д.Э. Харитоновича. М., 2010 (Библиотека истории и культуры). С. 528.

представителей правящей элиты нашей страны. Данная прогрессивная тенденция, конечно же, нуждается во всяческой поддержке, особенно со стороны интеллигенции, как светской, так и церковной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афоризмы: по иностранным источникам / сост. П.П. Петров, Я.В. Берлин; предисл. Н.М. Грибачёва. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1985. С. 15, 115.
2. Багатурия Г.А. Контуры грядущего: избр. произв. М., 2014. С. 137.
3. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Путь. Орган русской религиозной мысли / под ред. Н.А. Бердяева, при участии Б.П. Вышеславцева. Париж, 1932. № 35. С. 62.
4. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова. М., 1918. С. 94, 95, 97.
5. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М., 2017.
6. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о русском мире / сост. А.В. Шипков. М., 2015. С. 79–104.
7. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово о традиции и современном обществе. М., 2016.
8. Ленин В.И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. Июнь — декабрь 1919. М., 1970. С. 68, 73, 75, 79, 81, 83, 84.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1970. С. 27.
10. Ницше Ф. Весёлая наука. Злая мудрость. М., 2008. С. 46, 47.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. М., 2020. С. 128, 129.
12. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 14.
13. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. // Росс. газ. 2023. 22 февр.
14. Салтыков-Шchedrin М.Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1969. Т. 7. С. 169.
15. Стихотворения Н.А. Некрасова. Посмерт. изд.: в 4 т. Т. III. 1873–1877. СПб., 1879. С. 289.
16. Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова; под ред. В.И. Уколовой и Д.Э. Харитоновича. М., 2010 (Библиотека истории и культуры). С. 528.
17. Толстой Л.Н. Путь жизни. 1910 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 45. Серия первая. Произведения. М., 1956. С. 263.
18. Чичерин Б.Н. Мера и границы // Наше время. 1862. № 11.

Сведения об авторе

КЕРИМОВ Александр Джангирович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

REFERENCES

1. Aphorisms: according to foreign sources / comp. P.P. Petrov, Ya. V. Berlin; preface by N.M. Gribachev. 3rd ed., reprint and add. M., 1985. P. 15, 115 (in Russ.).
2. Bagaturia G.A. Contours of the future: selected works. M., 2014. P. 137 (in Russ.).
3. Berdyaev N.A. The spiritual state of the modern world // Path. Organ of Russian religious thought / ed. by N.A. Berdyaev, with the participation of B.P. Vysheslavtsev. Paris, 1932. No. 35. P. 62 (in Russ.).
4. Berdyaev N. The fate of Russia. Experiments on psychology in military and national studies / ed. by G.A. Lehman and S.I. Sakharov. M., 1918. P. 94, 95, 97 (in Russ.).
5. Kerimov A.D., Kuksin I.N. A strong state as a determining factor of social progress. M., 2017 (in Russ.).
6. Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia. Seven words about the Russian world / comp. A.V. Shchipkov. M., 2015. P. 79–104 (in Russ.).
7. Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia. A word about tradition and modern society. M., 2016 (in Russ.).
8. Lenin V.I. About the state. Lecture at the Sverdlovsk University on July 11, 1919 // Lenin V.I. Complete works. Vol. 39. June — December 1919. M., 1970. P. 68, 73, 75, 79, 81, 83, 84 (in Russ.).
9. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. M., 1970. P. 27 (in Russ.).
10. Nietzsche F. Fun science. Evil Wisdom. M., 2008. P. 46, 47 (in Russ.).
11. Ortega y Gasset H. The Uprising of the masses / transl. from Spanish by A. Geleskula. M., 2020. P. 128, 129 (in Russ.).
12. Panarin A.S. Global political forecasting in conditions of strategic instability. M., 1999. P. 14 (in Russ.).
13. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of February 21, 2023 // Ross. gas. 2023. February 22 (in Russ.).
14. Saltykov-Shchedrin M.E. Collected works: in 20 vols. M., 1969. Vol. 7. P. 169 (in Russ.).
15. Poems by N.A. Nekrasov. Posthumous ed.: in 4 vols. Vol. III. 1873–1877. St. Petersburg, 1879. P. 289 (in Russ.).
16. Toynbee A.J. Comprehension of history / transl. from English by E.D. Zharkova; ed. by V.I. Ukolova and D.E. Kharitonovich. M., 2010 (Library of History and Culture). P. 528 (in Russ.).
17. Tolstoy L.N. The way of life. 1910 // Tolstoy L.N. Collected works. Vol. 45. The first series. Works. M., 1956. P. 263 (in Russ.).
18. Chicherin B.N. Measure and boundaries // Our time. 1862. No. 11 (in Russ.).

Authors' information

KERIMOV Alexander D. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ПРАВЕ

© 2023 г. С. Б. Нанба

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: nanbasaria@gmail.com

Поступила в редакцию 19.12.2022 г.

Аннотация. В статье в основу пространственного развития государства положены институциональный смысл и значение региона как исходной полисистемной категории науки и законодательства. В предмете правового регулирования понятие региона раскрывается в структурной связи экономики, юриспруденции, социологии. Исследование регионального развития предполагает выяснение соотношения понятий «регионализм» и «регионализация». В концепции авторского понимания регионализм представляет собой идентификационную основу региона, а регионализация – практическую трансформацию публичной власти. На основе этого автором предложены подходы к категоризации регионализма и регионализации в понятийном аппарате современной юриспруденции.

Ключевые слова: регион, регионализация, регионализм, территория, пространство, публичная власть, местное самоуправление, территориальное развитие, децентрализация, идентичность.

Цитирование: Нанба С.Б. Регионализм и регионализация: проблемы и перспективы в праве // Государство и право. 2023. № 11. С. 38–48.

DOI: 10.31857/S102694520028714-6

REGIONALISM AND REGIONALIZATION: PROBLEMS AND PROSPECTS IN LAW

© 2023 S. B. Nanba

*Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation, Moscow*

E-mail: nanbasaria@gmail.com

Received 19.12.2022

Abstract. In the article of the spatial development of the state is based on the institutional meaning and significance of the region as the original polysystemic category of science and legislation. In the subject of legal regulation, the concept of a region is revealed in the structural connection of economics, jurisprudence, and sociology. The study of regional development involves clarifying the relationship between the concepts of “regionalism” and “regionalization”. In the concept of the author’s understanding, it is the identification basis of the region, and regionalization is the practical transformation of public authority. Based on this, the author proposes approaches to the categorization of regionalism and regionalization in the conceptual apparatus of modern jurisprudence.

Key words: region, regionalization, regionalism, territory, space, public authority, local self-government, territorial development, decentralization, identity.

For citation: Nanba, S.B. (2023). Regionalism and regionalization: problems and prospects in law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 38–48.

Введение

Пространство планеты Земля имеет множество видов, которые определенным образом структурированы, а также классифицируются различными направлениями научного познания. Для научных и практических целей виды пространств имеют определенные единицы. В частности, единицей изучения и научного осмысления, равно как и практического использования и планирования пространственного развития, выступает регион.

Регион представляет собой зафиксированное на карте мира или конкретного государства пространство, имеющее определенный статус и характеристики. Причем соответствующие характеристики могут быть как естественно-научными (например, физико-географическими), так социальными (например, политико-правовыми). Настоящее исследование сосредоточено на анализе социальных характеристик регионов, призванных идентифицировать их юридический (правовой) статус.

Представляется, что введению в структуру научного знания понятия «регион» предшествовал термин «провинция» как собирательное наименование для относительно крупных территориальных единиц¹. Осмысление различных социальных характеристик региона находится в фокусе исследований, в частности, философии², социологии³, экономики, политологии⁴, юриспруденции⁵.

¹ См.: Мир политической науки: в 2 кн. Кн. 1. Категории / отв. ред. А.Ю. Мельвиль. М., 2004. С. 592.

² Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: сб. материалов конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. 27 июня – 1 июля 2005 г. / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2006.

³ См.: Региональная идентификация в дискурсе социального пространства России: социологическое измерение // Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений) / под науч. рук. М.К. Горшкова, В.А. Ильина и др. Вологда, 2015. С. 92–119.

⁴ См.: Карпенко А.М. Региональная идентичность как категория политической практики: дис. ... полит. наук. М., 2008.

⁵ См.: Прохорова М.Ю. Поиски оптимальной организационной формы международного сотрудничества: от регионализма к универсализму // Вестник СПбУ. Сер. «Право». 2015. № 4. С. 31–43; Лексин И. Федерализм и регионализм в политико-правовой природе современной России // Федерализм. 2015. № 3. С. 115–126; Малько А.В., Кроткова Н.В., Саломатин А.Ю. Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» по теме «Федерализм: эволюция и современное состояние» // Государство и право. 2016. № 12. С. 111–117; Мамсуров Т.Д. Регионализм: главная тенденция правовой эволюции // Журнал рос. права. 2001. № 4. С. 12–20; Ким Ю.В. Федерализм, регионализм и региональная политика: вопросы методологии // Росс. юрид. журнал. 2008. № 6. С. 56–66; Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 2010. С. 192; и др.

Кроме того, проводятся исследования регионов в рамках бинарного взаимодействия научных дисциплин: политической социологии, социологии пространства, политической регионалистики и др.

Общественные науки изучают факторы развития территориальных сообществ (геополитические, географические, экономические, социокультурные, конфессиональные и др.), страны и их регионы как субъекты международных и внутригосударственных отношений. В общественных науках стержневая роль отводится именно территориальным сообществам, идентификации и самоидентификации населения регионов, реализуемые как непосредственно, так и через органы публичной власти. Политико-правовой аспект изучения регионов связан прежде всего с познанием политико-правовых аспектов региональной жизни, выражающихся во многом в явлениях регионализма и регионализации. В свою очередь, основой любого такого исследования выступает понятие «регион».

Регион: подходы к интерпретации в междисциплинарном дискурсе

Научный поиск в сфере регионалистики, равно как и в иных научных дисциплинах (юриспруденции, политологии, социологии и т.д.), связанный с проблематикой территориального устройства, территориального развития, территориального управления, основывается на понятии «регион». В доктрине сложились различные подходы к его определению, однако законодательная дефиниция на текущий момент отсутствует. Такое определение важно и своевременно. Однако не возникнет ли в этой связи риск, обозначенный в римской формуле *omnis definitio periculosa est*. Отдельные исследователи отрицают возможность выработки унифицированного определения, отмечая, что «иерархию регионов определяет только научная проблема. Регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся»⁶. Признавая известную сложность выработки дефиниции рассматриваемого понятия, М. Китинг экспонирует регион как «ускользающее понятие, включающее различные территориальные уровни и широкое социальное содержание»⁷.

В географии предложено базовое междисциплинарное определение: «регион – это территория, по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта

⁶ Айзард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. М., 1966. С. 5, 6.

⁷ Keating M. The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change. Edward Elgar Publishing, 1998. P. 75.

целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории»⁸. Э. Маркузен конкретизирует, что «регион — это исторически эволюционирующее, компактное территориальное сообщество, которое содержит в себе физическое окружение, социоэкономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от других регионов и территориальных единиц, таких как город или нация»⁹.

Как представляется, в основе выделения региона лежит сочетание комплекса природно-географических, материально-технических, социально-экономических и политико-правовых факторов. Именно комплексный междисциплинарный подход к определению и классификации регионов представляется наиболее оптимальным.

В рамках общественных наук понятие «регион» имеет ряд значений¹⁰. Речь идет об определенной территории, представляющей собой географически выделенную часть пространства планеты Земля, наделенной соответствующим правовым статусом. Это может быть и территориальная единица государства (административно-территориальная единица, автономное образование, субъект федерации или некоторое объединение названных территориальных образований), и территория объединения государств, сходных по определенным характеристикам (например, государства Юго-Восточной Азии), либо целенаправленно объединившихся в межгосударственный союз различной степени интеграции (например, Европейский Союз). Таким образом, возможно выделение регионов государства и регионов мира. Первые относятся к территориальным единицам государства, вторые — к союзам государств.

В юридической доктрине сформированы подходы, позволяющие идентифицировать различные атрибуты и свойства региона. Во-первых, это крупный географический ареал (например, Азиатско-Тихоокеанский регион, Юго-Восточная Азия и т.д.). Во-вторых, союз государств (например, Европейский Союз) либо территория нескольких стран, сходных в политико-правовом или национально-культурном плане. В-третьих, любые территории, объединенные общими признаками (историческими, географическими, политическими, экономическими). В этой связи выделяют социально-философский подход, учитывающий особенности менталитета, традиций, мировоззрения;

исторический подход — территории с утраченной идентичностью (например, Галиция, Трансильвания, Буковина); геополитический подход — ареалы политических сил, центров «силы», типов цивилизаций; экономический подход — специализация производства или хозяйственная целостность (плановые, программные экономические регионы). В-четвертых, регион выступает наиболее крупной территориальной единицей государства.

Задача юридической науки состоит в определении статуса региона посредством установления его территории и границ, прав и обязанностей региональных органов. В самом общем виде регион — любая относительно крупная часть территории государства, наделенная соответствующим статусом, пространственные пределы (границы) которого нормативно утверждены¹¹.

Существенной проблемой идентификации региона в Российской Федерации является соотношение понятий «регион» и «субъект Российской Федерации». Согласно Основам государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года¹² регион — часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации. Принятый подход является основой для дальнейшего развития законодательства.

В фокусе юридической науки и практики целесообразно рассматривать регион в значении, тождественном конструкции субъект Российской Федерации. В связи с необходимостью достижения исследовательских целей, задач регулирования и управления оправдано выделение более крупных территорий, охватывающих несколько регионов, такие территории можно обозначить понятием «макрорегион»¹³.

В отношении регионов мира политической наукой выдвигается ряд условий или признаков, при которых совокупность государств может быть названа «регионом». В частности, речь идет об общности исторических судеб, определенной культурной специфике (материальной и духовной),

¹¹ См.: *Чертков А. Н.* Правовое регулирование территориального устройства России: концепция и прогноз: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 2012. С. 182–185.

¹² Утв. Указом Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 (см.: СЗ РФ. 2017. № 45, ст. 637).

¹³ Согласно положениям Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» макрорегион — часть территории Российской Федерации, которая включает в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования (см.: СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3378).

⁸ *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 145.

⁹ *Markusen A.* Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishes, 1987. P. 17.

¹⁰ См.: Политическая энциклопедия: в 2 т. / под ред. Г. Ю. Семигина. М., 1999. С. 331, 332.

схожести типа экономики, оформление членства в надгосударственном объединении. В этой связи формулируется вывод, что в системе международных отношений «регион» — это пространство, характеризующееся внутренней целостностью, единством или генетической взаимосвязью между ее частями, специфической ролью в структуре международных отношений и признание этой роли всеми (или основными) участниками внешнеполитического процесса¹⁴.

В целом можно утверждать, что регион является частью правового пространства государства, его характеризуют следующие признаки: 1) наличие конституционно-правового статуса; 2) система управления региональными задачами и процессами; 3) политико-правовое выражение жизнедеятельности сообщества людей, проживающих в регионе; 4) специфические природно-климатические, демографические, социокультурные и иные условия; 5) установленные и признанные границы.

Следует отметить, что именно регион является исходной категорией в региональных исследованиях общественных наук, в том числе юриспруденции. При этом исследование регионов включает явления регионализма и регионализации.

Регионализм как идентификационная основа регионов

Значение региональных процессов как внутри государств, так и на межгосударственном уровне стало весьма значительным в XXI в. Термин «регионализм» прочно вошел в оборот исследователей общественных наук. При этом его значение не имеет единого, унифицированного определения. Более того, под регионализмом нередко понимают совершенно различные процессы, в частности, такие как децентрализация публичной власти, развитие местного самоуправления, возрастание роли публичных территориальных коллективов в политико-правовой жизни, усиление этнокультурного компонента в гражданских обществах разных государств, формирование межгосударственных союзов, развитие международных региональных организаций, национально-освободительные движения, сепаратизм.

В политических науках исследование регионализма получило наибольшее развитие. Регионализм рассматривается, в частности, как стратегия региональных элит и (или) идеология региональных политических объединений, направленная на расширение регионами своих компетенций (движение «снизу»), своего рода процесс самоструктурирования общества, политической,

экономической и социокультурной мобилизации регионов. Данный процесс ведет к территориальной стратификации общества и направлен на извлечение преимуществ из естественного территориального деления современных государств¹⁵. При этом регионализм признается и как часть международной системы, выражающаяся в самостоятельной универсальной активности. Следует отметить, что в ходе длительного исторического развития регионы существовали в виде империй, союзов, сфер влияния. Однако впервые они начинают функционировать как самостоятельные единицы в начале XX в. после окончания Первой мировой войны¹⁶.

Представляется, что «регионализм» состоит в идентификации и самоидентификации территориальных сообществ, выраженных в идеях, нормах и отношениях, направленных на сохранение самобытности и повышение правового статуса региона внутри государства или в международных отношениях.

Дуалистическая трактовка регионализма определяется как внутригосударственным регионализмом, выражающимся в стремлении к развитию самобытности частей территории государства, выделяемых не только административно, но и политически, социально, экономически, культурно, так и межгосударственным, проявляющимся в процессах объединения государств, близких по определенным критериям и с общей самоидентификацией.

В текущих социально-экономических условиях прослеживается усиление тенденций внутригосударственного регионализма. Регионы различных государств активно выражают приверженность своей идентичности как во внутригосударственных отношениях, так и на уровне внешних связей, социально-экономического и культурного сотрудничества. В зависимости от заявленных целей выделяют политический, экономический и культурный регионализм. Вместе с тем нельзя не отметить условность такой классификации. Явление регионализма имеет комплексный характер, включает духовно-культурный, социально-экономический и иные компоненты. В том числе экономические интересы нередко влекут стремление к расширению прав регионов, политической автономии, обретению федеративного статуса.

Представляется не вполне обоснованным рассматривать политический регионализм лишь как результат противостояния между центром

¹⁴ См.: Есин Р.О. Современный регионализм: новые направления в теории // Философия и политология (проблемы управления). 2009. № 3. С. 170, 171.

¹⁵ См.: Гонтарева И.Б. Проблема корреляции федерализма и регионализма в России // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2003. № 6. С. 60–64.

¹⁶ См. подр.: Михайленко Е.Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс. Екатеринбург, 2014.

и регионами, региональными и национальными элитами. Последнее допустимо при опоре на широкий общественно-государственный фундамент, стремлении большей части населения и элит к региональной идентичности. Это своего рода способ управления, включающий элементы консенсуса между центром и регионами и между самими регионами. Такое публичное управление направлено на развитие каждого региона, реализацию региональных инициатив, выражение региональной идентичности населения страны без ущерба общегосударственной идентичности. Опыт Европейского Союза наглядно демонстрирует не только утрату «провинциализма» и тенденций конфронтации с центром в современном регионализме, но и смыкание межгосударственного регионализма с внутригосударственным, поскольку его все большая федерализация способствует регионализации власти в государствах-участниках.

Следует отметить, что не только межгосударственный, но и внутригосударственный регионализм открывает принципиально новые возможности. Практическая ориентированность направлена на разрешение межрегиональных противоречий и конфликтов как между сопредельными регионами, так и между центром и провинциями. Регионализм позволяет обеспечить политическую стабильность в рамках установленных юридических процедур, заявить населению и элитам регионов о своей самобытности, интересах, проблемах. Вместе с тем следует отделять регионализм от явлений иной природы, например таких как сепаратизм. В ситуации, при которой регионализм не получил легитимационное оформление, не был трансформирован в регионализацию власти, управления, экономики и иных значимых сфер жизни общества, перешел в деструктивные формы, возможно его преобразование в сепаратизм.

Риски перехода неконструктивного регионализма в сепаратизм во многом обусловлены недостатками в деятельности публичных органов власти, в том числе чрезмерным усилением централизации. Именно сочетание декларирования высокого статуса союзной республики СССР и излишней централизации фактического публичного управления позднего СССР и вмешательство партийных структур в дела регионов во многом способствовали его распаду (что было характерно и для Чехословакии, СФРЮ).

В Российской Федерации на конституционном уровне основы регионализма можно проследить в положениях, устанавливающих предметы ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, единство системы публичной власти. Вместе с тем представляется обоснованной необходимость дальнейшего развития региональных

аспектов в законодательстве о публичной власти, а также в отраслевом законодательстве (экологическом, социальном и др.)¹⁷.

Принимая во внимание необходимость институционального комплексного публичного управления регионализма, представляется целесообразной идея реконструкции специализированного федерального органа исполнительной власти в сфере регионального развития. В рассматриваемом контексте существенное значение приобретает развитие территориальных моделей организации публичной власти. Помимо усиления координации деятельности территориальных органов федеральных органов государственной власти в рамках федеральных округов, важно развитие и внутрирегиональных моделей, в том числе системы гибкого перераспределения полномочий между регионами и муниципальными образованиями.

При этом важно дальнейшее совершенствование статусов отдельных регионов и отдельных территорий как макрорегионального уровня (в частности, макрорегионов¹⁸, ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации, регионов Дальнего Востока и Забайкалья), так и внутрирегионального уровня (в частности, федеральная территория «Сириус», закрытое административно-территориальное образование, свободный порт Владивосток). Публичная политика по данным вопросам осуществляется в рациональном направлении, но не всегда своевременно и эффективно.

Проблемой остается правовое регулирование комплексного территориального управления. Ведущая роль в выработке такого регулирования должна отводиться Государственному Совету Российской Федерации¹⁹ с учетом его обновленного конституционного статуса. В обозначенном направлении возможен учет отечественного опыта СССР в части экономического и управленческого районирования, прогнозирования и планирования развития территорий²⁰. В частности, речь идет об исследовании компетенции Госплана

¹⁷ Отчасти это сделано в Федеральном законе от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I), ст. 8973).

¹⁸ См.: Бухвальд Е. М. Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования // Журнал рос. права. 2019. № 11. С. 131–143.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III), ст. 8039.

²⁰ См.: Покровская А. Б. Правовое положение Госплана СССР: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 1982; Тимченко И. А. Экономическое районирование и административно-территориальное деление союзной республики / отв. ред. А. П. Таранов. Киев, 1983.

СССР в направлении потенциального и перспективного использования в деятельности действующих и создаваемых в будущем федеральных органов исполнительной власти. В текущих социально-экономических условиях наряду с прогнозами и программами развития следует выделить национальные проекты. Они должны стать объектом пристального внимания в управленческой практике и развитии регионов.

Необходимо признать, что регионализм в первую очередь — это идентификация и самоидентификация регионального сообщества людей, территориального публичного коллектива. И лишь во вторую — позиция региональных элит, политико-административные институты и др. Представляется оправданным всесторонне развивать институты и выражение их интересов и запросов, осуществлять поиск способов учета региональных интересов, их баланса и в деятельности системы органов публичной власти, и в социально-экономическом развитии, включая бизнес, и в институтах гражданского общества. Значительная роль в этом направлении отводится институтам гражданского общества. В этой связи необходимо дальнейшее развитие местного самоуправления в части форм прямой демократии, начиная с уровня территориального общественного самоуправления, что станет своего рода «площадкой» для участия граждан в региональной политической и правовой жизни. В противном случае прогнозируемы столкновения интересов и различных групп граждан, и различных регионов, что несет риски сдерживания развития потенциала регионов и государства в целом.

Как представляется, конструктивное развитие регионализма направлено на регионализацию публичной власти, в том числе и в форме федерализма. Именно внутригосударственный регионализм видится основой федерализации единого государства, в то время как межгосударственный регионализм может привести к формированию федеративного государства из ранее независимых государств. Федерализм едва ли необходим и возможен без существенного развития регионализма, при том, что регионализм может иметь место и в унитарном государстве²¹. В свою очередь, регионализм может оставаться лишь на доктринальном уровне без практического воплощения, может вести к той или иной степени регионализации, а может способствовать развитию федерализма.

²¹ См.: Касаткина Н.М. Автономия и регионализм (Европейская модель) // Очерки конституционного права иностранных государств: учеб. и науч.-практ. пособие / отв. ред. Д.А. Ковачев. М., 1999. С. 126; Коданева С.И. Британский регионализм: конституционная реформа: науч. изд. М., 2004.

Регионализация как практическая трансформация публичной власти

Регионализация связана с процессами перераспределения компетенции, различных властных функций и полномочий, их передачи с государственного уровня на внутригосударственный региональный уровень (внутригосударственная регионализация) или на наднациональный уровень, объединения государств, составляющих регион мира (межгосударственная регионализация).

Регионализация выражается в становлении и развитии новых институциональных форм, отвечающих новой роли регионов в процессе принятия решений на национальном и наднациональном уровнях²², а также учитывающих интересы регионов в различных сферах (политика, управление, экономика и иные).

В международном плане регион означает объединение на договорной основе или в силу совпадения интересов и условий жизни двух и более государств. В этой связи межгосударственная регионализация, очевидно, лежит в плоскости межгосударственных союзов.

В юридических исследованиях межгосударственная регионализация представлена опытом функционирования отдельных организаций. Так, экономический регионализм на основе практик ВТО определяют в широком смысле как любое соглашение государств, направленное на поощрение торговли между соответствующими странами²³. Наряду с торговыми соглашениями предметом межгосударственных экономических соглашений выступают инвестиционные, производственные, инновационные и иные отношения. Такой подход иллюстрируют, но не может в полной мере описать и тем более раскрыть механизм регионализации.

Межгосударственную экономическую регионализацию целесообразно рассматривать как тенденцию в международном праве к созданию региональных систем и механизмов управления ими с целью повышения конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальных рынков и обеспечения стабильного развития региона в целом²⁴. При этом организации региональной экономической интеграции называют наиболее

²² См.: Смагина Л.А. Регион как проект политической практики современного государства // Власть. 2007. № 2. С. 23–28.

²³ См.: *Nsour M.F.A. Rethinking the World Trade Order: Towards a Better Legal Understanding of the Role of Regionalism in the Multilateral Trade Regime.* Sidestone Press, 2010. P. 3; *Carpenter T. In Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System.* Patric Law. Richard Baldwin. Cambridge University Press, 2008. P. 13.

²⁴ См.: Путилин И.И. О понятии экономического регионализма в международном праве // Московский журнал междунар. права. 2015. № 4. С. 151–157.

действенным способом руководства интеграционными процессами²⁵.

Регионализация как феномен — сравнительно новое явление, но имеет предысторию в многочисленных союзах территорий, которые формировали единое государство, сохраняя свою специфику, либо союзов самих государств. В условиях биполярного мира второй половины XX в. формировались региональные межгосударственные объединения: Лига арабских государств (1945), Тихоокеанский пакт безопасности (АНЗЮС, 1951), Организация договора о Юго-Восточной Азии (1954), Организация центрального договора (1955), Организация африканского единства (1963). Число, а главное значение межгосударственных региональных союзов лишь возрастает. К динамично развивающимся союзам относятся: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), БРИКС, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Указанные союзы четко артикулируют свою общую идентичность и интересы, согласуют предпринимаемые меры внешней и отчасти внутренней политики, по ряду вопросов выступают единым субъектом на международной арене. Для Российской Федерации межгосударственная регионализация заключается в участии и нередко формировании систем наднациональных структур, в частности, Союзное государство, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др.

В связи с изложенным возможно определить, что межгосударственная регионализация в целом представляет собой устойчивую систему международных договоров, институтов, правовых норм и взаимных обязательств, обеспечивающую перераспределение части компетенции от государств к надгосударственным структурам для эффективного достижения общих целей.

При исследовании внутригосударственной регионализации следует учитывать, что на развитие регионов государства влияние оказывает как общегосударственная политика, так и мировые процессы, в том числе проходящие в соответствующих регионах мира. Данное влияние может иметь позитивные (развитие технологий, освоение пространств, рост в определенной сфере отношений) и негативные (кризисы, конфликты, санкции) эффекты.

Влияние международной регионализации на внутринациональную регионализацию значительно не только в аспекте пространственного развития государств, но и в контексте гражданской,

национальной, культурной и иных идентичностей людей и их общностей. Такая идентичность может быть и трансграничной (например, этнические общности за рубежом, разделенные этносы, различного рода землячества). Интерференция международной регионализации на внутринациональную регионализацию связана также и с процессами глобализации, которые формируют универсализацию социальных институтов. При этом защита государственного суверенитета, границ и юрисдикции остается актуальной задачей каждого государства. Развитие регионов необходимо выстраивать именно в данном направлении в целях исключения ослабления роли государства и возникновения сепаратизма в условиях регионализации.

Внутригосударственная регионализация представляет собой трансформацию государственно-территориального устройства, отличную от децентрализации управления. В результате регионализации регионам передаются не только исполнительные, но и законодательные полномочия, формируются выборные региональные представительные органы, складывается система нормативных правовых актов, возрастает их финансово-экономическая самостоятельность²⁶. Децентрализация власти ориентирована на решение определенных функциональных задач в определенных сферах, тогда как современная регионализация более многомерна и включает в себя многие аспекты публичного управления²⁷.

В этом контексте федерализм представляет собой высшую степень регионализации, закрепляя на конституционном уровне разграничение компетенции между федерацией и ее субъектами, формируя основы правового статуса субъекта Российской Федерации, его самостоятельность в пределах установленной компетенции, гарантии учета мнения субъектов Федерации при изменении границ между субъектами Российской Федерации. Статус регионов как субъектов федерации не может определяться статикой, поскольку их компетенция и границы могут изменяться. Федерализм гарантирует как саморазвитие регионам и защиту их территориальной целостности, так и сложившееся единство государства и его суверенитет.

Во многих унитарных европейских государствах процессы регионализации привели к тому, что сама модель государственности рассматривается в качестве региональной или регионалистской.

²⁶ См.: Кузнецова С.Д. Процесс регионализации в государственно-территориальном устройстве европейских стран: конституционно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

²⁷ См.: Раньжина И.В. Регионализация-модернизация-федерализация: механизм политического взаимодействия и воздействия на государственность стран Европы // Европа. 2014. № 13. С. 164–177.

²⁵ См. подпр.: Кашкин С.Ю., Четвертиков А.О. Основы интеграционного права. М., 2014. С. 93.

Регионализация охватывает либо все регионы примерно в равной мере (например, Франция, Италия), либо неравномерно (асимметрично), т.е. по отношению лишь к некоторым территориальным единицам государства (например, Испания, Соединенное Королевство). В государствах Азии также можно проследить тенденцию к регионализации, как симметричной (Япония), так и асимметричной (КНР). Преимуществом регионалистской модели выступает сочетание предоставления региональным органам государственной власти достаточно широких полномочий при невысокой степени самостоятельности регионов, прежде всего за счет низкой легитимности и политического значения их органов государственной власти. Такое сочетание позволяет эффективно распределять компетенцию и практически исключает развитие регионального сепаратизма. Недостаток указанной модели состоит в том, что полномочия, делегируемые региональным органам власти, нередко оказываются недостаточными для эффективного выполнения ими управленческих функций и могут быть изъяты центральной властью в установленном порядке²⁸.

Регионализация рассматривается также и в аспекте закономерного итога кризиса как традиционного государства-нации, так и всеобщей глобализации. Межгосударственная и внутригосударственная регионализация представляют собой перераспределение полномочий от общенационального уровня — в одном случае «снизу вверх», т.е. к наднациональным институтам и органам, в другом случае — «сверху вниз», т.е. к регионам страны, что нередко сопровождается и дальнейшей властной диффузией на местный уровень, в том числе к институтам гражданского общества.

Процесс регионализации неоднороден, не линеен, имеет различное содержательное наполнение в государствах и союзах государств. В этой связи представляется оправданным рассматривать регионализацию как объективный процесс перераспределения полномочий от общегосударственного уровня на внутрирегиональный и надгосударственный уровни и формирования межрегиональных и межгосударственных структур.

Стержневым условием внутригосударственной регионализации следует назвать осознанное стремление широких слоев общества к самоуправлению, как и реальную способность осуществлять такое самоуправление на региональном, муниципальном и общественном уровнях²⁹. Ключевая предпосыл-

ка межгосударственной регионализации видится в осознании общих интересов элитами и широкими слоями населения союзных государств, которые можно обеспечить лишь путем совместных действий. Общность таких интересов нередко базируется на историческом и социокультурном единстве народов, но всегда преломляется во взаимовыгодных моделях сотрудничества, прежде всего экономического.

Следует отметить, что регионализация нередко выступает одной из граней демократизации жизни общества и государства. Это и трансформация РСФСР в Российскую Федерацию в 90-х годах прошлого века³⁰, и федерализация Бельгии в тот же период времени, и углубление интеграции в Европейском Союзе на рубеже веков. При этом регионализация может вести как к образованию или обновлению федерации (Российская Федерация, Индонезия, Индия, Пакистан, Австрия, Бельгия), так и юридически закреплять новый тип отношений центра и регионов без построения федерации (Франция, Италия, Испания, Португалия, Казахстан). Регионализация, сопровождающаяся федерализацией, в большей степени симметрична, чем регионализация без федерализации. Субъекты федераций, как правило, обладают равным правовым статусом, но могут иметь определенную специфику. Регионалистские государства нередко имеют регионы-лидеры или «моторы» регионализации, поэтому регионализация осуществляется асимметрично в большей (Испания) или в меньшей степени (Италия).

Во всех названных случаях регионализация (как сопровождающаяся федерализацией, так и нет) стала выражением стремления к модернизации политических и правовых систем, с целью всестороннего развития и нахождения места государства или союза государств в современном мире. Регионализация представляется формой успешного функционирования национального государства в условиях усложнения социальных, экономических, экологических и культурно-исторических проблем. Центростремительные процессы глобализации уравниваются центробежными тенденциями регионализации (как межгосударственной, так и внутригосударственной). Для каждого региона значимо не только обеспечение самостоятельности внутреннего управления, но и связей с другими регионами, с центром, международными структурами, поскольку внутригосударственная и межгосударственная регионализация развиваются зачастую одновременно. Европейские

²⁸ См.: *Чертков А. Н.* Указ. соч. С. 103, 104.

²⁹ Под общественным уровнем понимается и территориальное общественное самоуправление, и активность различных институтов гражданского общества.

³⁰ См.: Закон РСФСР от 25.12.1991 г. № 2094-1 «Об изменении наименования государства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 2, ст. 62.

государства с симметричной и асимметричной регионализацией вовлечены в межгосударственную регионализацию в рамках Европейского Союза. Российская Федерация, выстраивая федерацию нового типа, одновременно инициировала регионализацию на постсоветском пространстве, а также в рамках ШОС и БРИКС.

Значимым трендом в развитии регионализации, призванным открыть и обеспечить новые возможности использования цифровых технологий, рост цифровой связанности, выступает ее адаптация к цифровым условиям. Цифровое пространство меняет конфигурации традиционных пространств. Развитие правового регулирования в этом направлении открывает новые возможности для управления с использованием новейших технологий. Первоочередные задачи цифровизации в процессе регионализации определяются: повышением эффективности публичного управления, оптимизацией публичного контроля, упрощением и унификацией правил, повышением доступности публичных услуг. Внедрение цифровых технологий способствует ускорению управленческих процессов, обработки информации и обмена ею, преодолению традиционных управленческих барьеров, а также создает условия доступности власти посредством цифрового пространства, горизонтальной и вертикальной сопредельности регионов. Вместе с тем следует принимать во внимание риски и вызовы цифровизации: конкуренция компетенций и разность подходов публичных структур, объективные трудности интеграции цифровых сервисов и баз данных при неясности правового режима их цифровых данных.

Заключение

Вышесказанное позволяет заключить, что регион — это наиболее территориально крупное внутригосударственное образование (регион государства) либо союз государств (регион мира), имеющие определенный правовой статус, систему публичного управления, компетенцию, установленные и признанные границы, а также общую публично-правовую идентификацию и самоидентификацию.

Общность регионализма и регионализации выражается в их контрарности как централизму, централизации и унификации, так и сепаратизму и дезинтеграции. Речь идет об обеспечении самобытности регионов, защиты их интересов в государстве и в мире, но без цели отделения региона от страны или противопоставления другим регионам.

В то же время различие состоит в том, что регионализм представляет собой стратегию формирования и защиты интересов регионов, а регионализация — способ перераспределения компетенции в пользу регионов. При этом стратегия может

оставаться на уровне доктрины, а может быть воплощена нормативно и в практике государственного управления. Таким образом, регионализм (как идея) может сопровождаться регионализацией (как практической моделью), а может и не привести к ней.

Именно праву должна принадлежать ведущая роль в определении параметров развития регионализма и регионализации. Отдельные исследования в этом направлении проводятся в форме научно-прикладных работ³¹. Вместе с тем актуальными направлениями представляются: формирование методологической базы, категориально-понятийного аппарата правовых исследований региональных вопросов, познания правового регионализма и правовой регионализации. Основными предметами этих юридических научных исследований должны стать такие категории, как «регион», «регионализм» и «регионализация», в публично-правовом значении данных понятий.

Под правовым регионализмом предлагается понимать публично-правовую идентификацию и самоидентификацию территориальных сообществ, проявляющих себя в идеях, нормах и правоотношениях, направленных на сохранение самобытности и повышение правового статуса региона как части государства (внутригосударственный регионализм) или региона мира в международных отношениях (межгосударственный регионализм).

Правовая регионализация представляет собой практический процесс правового обеспечения перераспределения компетенции с общегосударственного уровня на внутригосударственный региональный уровень (внутригосударственная регионализация) и уровень межгосударственных региональных организаций или объединения государств, составляющих регион мира (межгосударственная регионализация), а также формирования внутригосударственных межрегиональных (регион как область государства) и межгосударственных региональных (регион мира) структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. М., 1966. С. 5, 6.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 145.
3. Бухвальд Е.М. Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования // Журнал рос. права. 2019. № 11. С. 131–143.

³¹ См., напр.: Тихомиров Ю.А. Социально-правовые исследования в регионах. М., 2011. С. 169–222; Фролов Г.М. Исполнительная власть: организация и взаимодействие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2000. С. 24–29.

4. *Гоптарева И.Б.* Проблема корреляции федерализма и регионализма в России // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2003. № 6. С. 60–64.
5. *Есин Р.О.* Современный регионализм: новые направления в теории // Философия и политология (проблемы управления). 2009. № 3. С. 170, 171.
6. *Карпенко А.М.* Региональная идентичность как категория политической практики: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
7. *Касаткина Н.М.* Автономия и регионализм (Европейская модель) // Очерки конституционного права иностранных государств: учеб. и науч.-практ. пособие / отв. ред. Д.А. Ковачев. М., 1999. С. 126.
8. *Кашкин С.Ю., Четвертиков А.О.* Основы интеграционного права. М., 2014. С. 93.
9. *Ким Ю.В.* Федерализм, регионализм и региональная политика: вопросы методологии // Росс. юрид. журнал. 2008. № 6. С. 56–66.
10. *Коданева С.И.* Британский регионализм: конституционная реформа: науч. изд. М., 2004.
11. *Кузнецова С.Д.* Процесс регионализации в государственно-территориальном устройстве европейских стран: конституционно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
12. *Лексин И.* Федерализм и регионализм в политико-правовой природе современной России // Федерализм. 2015. № 3. С. 115–126.
13. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Саломатин А.Ю.* Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» по теме «Федерализм: эволюция и современное состояние» // Государство и право. 2016. № 12. С. 111–117.
14. *Мамсуров Т.Д.* Регионализм: главная тенденция правовой эволюции // Журнал рос. права. 2001. № 4. С. 12–20.
15. Мир политической науки: в 2 кн. Кн. 1. Категории / отв. ред. А.Ю. Мельвиль. М., 2004. С. 592.
16. *Михайленко Е.Б.* «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс. Екатеринбург, 2014.
17. *Покровская А.Б.* Правовое положение Госплана СССР: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 1982.
18. Политическая энциклопедия: в 2 т. / под ред. Г.Ю. Семигина. М., 1999. С. 331, 332.
19. *Прохорова М.Ю.* Поиски оптимальной организационной формы международного сотрудничества: от регионализма к универсализму // Вестник СПбУ. Сер. «Право». 2015. № 4. С. 31–43.
20. *Путилин И.И.* О понятии экономического регионализма в международном праве // Московский журнал междунар. права. 2015. № 4. С. 151–157.
21. *Раньжина И.В.* Регионализация-модернизация-федерализация: механизм политического взаимодействия и воздействия на государственность стран Европы // Европа. 2014. № 13. С. 164–177.
22. Региональная идентификация в дискурсе социального пространства России: социологическое измерение // Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений) / под науч. рук. М.К. Горшкова, В.А. Ильина и др. Вологда, 2015. С. 92–119.
23. *Смагина Л.А.* Регион как проект политической практики современного государства // Власть. 2007. № 2. С. 23–28.
24. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: сб. материалов конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. 27 июня – 1 июля 2005 г. / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2006.
25. *Тимченко И.А.* Экономическое районирование и административно-территориальное деление союзной республики / отв. ред. А.П. Таранов. Киев, 1983.
26. *Тихомиров Ю.А.* Социально-правовые исследования в регионах. М., 2011. С. 169–222.
27. *Фролов Г.М.* Исполнительная власть: организация и взаимодействие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2000. С. 24–29.
28. *Чертков А.Н.* Правовое регулирование территориального устройства России: концепция и прогноз: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 2012. С. 103, 104, 182–185.
29. *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран. М., 2010. С. 192.
30. *Carpenter T.* In Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System. Patric Law. Richard Baldwin. Cambridge University Press, 2008. P. 13.
31. *Keating M.* The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change. Edward Elgar Publishing, 1998. P. 75.
32. *Markusen A.* Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishes, 1987. P. 17.
33. *Nsour M.F.A.* Rethinking the World Trade Order: Towards a Better Legal Understanding of the Role of Regionalism in the Multilateral Trade Regime. Sidestone Press, 2010. P. 3.

REFERENCES

1. *Aizard U.* Methods of regional analysis. Introduction to the science of regions. M., 1966. P. 5, 6 (in Russ.).
2. *Alaev E.B.* Socio-economic geography. Conceptual and terminological Dictionary. M., 1983. P. 145 (in Russ.).
3. *Buchwald E.M.* Legal regulation of strategic spatial and territorial planning // Journal of Russ. law. No. 11. P. 131–143 (in Russ.).
4. *Goptareva I.B.* The problem of correlation of federalism and regionalism in Russia // Herald of the Orenburg State University. 2003. No. 6. P. 60–64 (in Russ.).
5. *Esin P.O.* Modern regionalism: new directions in theory // Philosophy and political science (problems of management). 2009. No. 3. P. 170, 171 (in Russ.).
6. *Karpenko A.M.* Regional identity as a category of political practice: dis. ... Candidate of Political Sciences. M., 2008 (in Russ.).

7. *Kasatkina N.M.* Autonomy and regionalism (European model) // Essays on the constitutional law of foreign states: studies and Scientific Practical manual / res. ed. D.A. Kovachev. M., 1999. P. 126 (in Russ.).
8. *Kashkin S. Yu., Chetvertikov A.O.* Fundamentals of Integration law. M., 2014. P. 93 (in Russ.).
9. *Kim Yu. V.* Federalism, regionalism and regional policy: issues of methodology // Russian Legal Journal. 2008. No. 6. P. 56–66 (in Russ.).
10. *Kodaneva S.I.* British regionalism: Constitutional reform: scientific publication. M., 2004 (in Russ.).
11. *Kuznetsova S.D.* The process of regionalization in the state-territorial structure of European countries: constitutional and legal analysis: dis. ... PhD in Law. M., 2020 (in Russ.).
12. *Leksin I.* Federalism and regionalism in the political and legal nature of modern Russia // Federalism. 2015. No. 3. P. 115–126 (in Russ.).
13. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Salomatin A. Yu.* Review of the All-Russian Scientific Conference in the form of the "Round Table" of journals "State and Law" and "Legal policy and legal life" on the topic "Federalism: evolution and modern state" // State and Law. 2016. No. 12. P. 111–117 (in Russ.).
14. *Mamsurov T.D.* Regionalism: the main trend of legal evolution // Journal of Russ. law. 2001. No. 4. P. 12–20 (in Russ.).
15. The world of political science: in 2 books. Book 1. Categories / ed. A. Yu. Melville. M., 2004. P. 592 (in Russ.).
16. *Mikhailenko E.B.* "Old" and "new" regionalism: theoretical discourse. Yekaterinburg, 2014 (in Russ.).
17. *Pokrovskaya A.B.* The legal status of the Gosplan of the USSR: dis. ... PhD in Law: 12.00.02. M., 1982 (in Russ.).
18. Political Encyclopedia: in 2 vols / ed. by G. Yu. Semigin. M., 1999. P. 331, 332 (in Russ.).
19. *Prokhorova M. Yu.* The search for the optimal organizational form of international cooperation: from regionalism to universalism // Herald of SPbU. Ser. "Law". 2015. No. 4. P. 31–43 (in Russ.).
20. *Putilin I.I.* On the concept of economic regionalism in International Law // Moscow Journal of International Law. 2015. No. 4. P. 151–157 (in Russ.).
21. *Ranzhina I.V.* Regionalization-modernization-federalization: the mechanism of political interaction and impact on the statehood of European countries // Europe. 2014. No. 13. P. 164–177 (in Russ.).
22. Regional identification in the discourse of the social space of Russia: the sociological dimension // Russian society: transformations in regional discourse (results of 20-year measurements) / under the scientific hands of M.K. Gorshkov, V.A. Ilyina, etc. Vologda, 2015. P. 92–119 (in Russ.).
23. *Smagina L.A.* Region as a project of political practice of the modern state // Power. 2007. No. 2. P. 23–28 (in Russ.).
24. Socio-cultural portrait of the region. Standard program and methodology: collection of materials of the conference "Socio-cultural map of Russia and prospects for the development of Russian regions". Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Center for the Study of Socio-Cultural Changes. June 27 – July 1, 2005 / ed. by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. M., 2006 (in Russ.).
25. *Timchenko I.A.* Economic zoning and administrative-territorial division of the Union Republic / ed. by A.P. Taranov. Kiev, 1983 (in Russ.).
26. *Tikhomirov Yu.A.* Socio-legal studies in the regions. M., 2011. P. 169–222 (in Russ.).
27. *Frolov G.M.* Executive power: organization and interaction / res. ed. Yu. A. Tikhomirov. M., 2000. P. 24–29 (in Russ.).
28. *Chertkov A.N.* Legal regulation of the territorial structure of Russia: concept and forecast: dis. ... Doctor of Law: 12.00.02. M., 2012. P. 103, 104, 182–185 (in Russ.).
29. *Chirkin V.E.* Constitutional Law of foreign countries. M., 2010. P. 192 (in Russ.).
30. *Carpenter T.* In Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System. Patric Law. Richard Baldwin. Cambridge University Press, 2008. P. 13.
31. *Keating M.* The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change. Edward Elgar Publishing, 1998. P. 75.
32. *Markusen A.* Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishes, 1987. P. 17.
33. *Nsour M.F.A.* Rethinking the World Trade Order: Towards a Better Legal Understanding of the Role of Regionalism in the Multilateral Trade Regime. Sidestone Press, 2010. P. 3.

Сведения об авторе

НАНБА Сариа Беслановна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

Authors' information

NANBA Sariya B. — PhD in Law, Leading Researcher at the Center for Public Law Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia

ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНОМИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

© 2023 г. Д. А. Липинский*, А. А. Иванов**

Тольяттинский государственный университет

*E-mail: dmitri8@yandex.ru

**E-mail: ale_iv@mail.ru

Поступила в редакцию 28.05.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию юридической аномии в работах зарубежных исследователей. Анализируется история возникновения данного понятия, определяется взаимосвязь юридического и социального в аномии. Делается вывод о наличии нескольких подходов к пониманию аномии в целом и ее юридической составляющей в частности. Дается критический анализ ряда существующих концепций. На основании изучения существующих критериев выделения видов социальной и юридической аномии авторами предложена собственная классификация концепций правовой аномии. Сформулирован вывод о применимости зарубежных концепций аномии с позиции отечественных подходов и традиций к юридическим исследованиям.

Ключевые слова: юридическая аномия, правовая безнормативность, концепции аномии, правовая неопределённость, причины и условия аномии, социология права, зарубежные концепции аномии.

Цитирование: Липинский Д.А., Иванов А.А. Обзор концепций юридической аномии в зарубежной и отечественной социолого-правовой мысли // Государство и право. 2023. № 11. С. 49–63.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

DOI: 10.31857/S102694520028715-7

REVIEW OF THE CONCEPTS OF LEGAL ANOMIE IN FOREIGN AND DOMESTIC SOCIO-LEGAL THOUGHT

© 2023 D. A. Lipinsky*, A. A. Ivanov**

Togliatti State University

*E-mail: dmitri8@yandex.ru

**E-mail: ale_iv@mail.ru

Received 28.05.2023

Abstract. The article examines the approaches that exist in relation to the understanding of legal anomie in the works of foreign researchers. The history of the emergence of this concept is analyzed, the relationship between legal and social in the process of conducting relevant research is considered. Concludes that there are several approaches to understanding anomie in general and its legal component in particular. The conditions of occurrence of legal anomie are identified and classified. It is noted that some of these conditions are also present in the Russian Federation. Based on the study of the existing criteria for the allocation of types of social and legal anomie, the authors proposed own classification of the types and concepts of legal anomie. The conclusion is formulated about the applicability of foreign concepts of anomie from the perspective of domestic approaches and traditions to legal research.

Key words: foreign jurisprudence, scientific research, legal uncertainty, legal concepts, sociological approach, legal anomie.

For citation: Lipinsky, D.A., Ivanov, A.A. (2023). Review of the concepts of legal anomie in foreign and domestic socio-legal thought // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 49–63.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Введение

Понятие «юридическая аномия» выступает новым для отечественной юриспруденции. Новым не в том смысле, что оно ранее не употреблялось в юридическом лексиконе, а в смысле разработки наукой теории государства и права. Анализ диссертационных, монографических и иных работ показывает, что к данной проблематике теории права не обращались. Между тем, как известно, теория государства и права — наука обобщающая, выявляющая наиболее общие закономерности, а аномия проникает во все структурные элементы правовой системы, может становиться неотъемлемой чертой (характеристикой) правовой жизни. В условиях переживания российским обществом периода затяжного кризиса, когда ушли в историю прошлые ценности, а новые массово отвергаются либо еще не сформированы, исследование и разрешение проблем юридической аномии представляется как одно из условий выхода из сложившейся ситуации. Необходимость подобного исследования предопределена еще и тем, что в советский период развития юридической науки понятие «аномия» практически не применялось ввиду эссенциалистской установки устойчивости существующего строя, его ценностей и наличия особого правосознания — социалистического.

Современные реалии свидетельствуют о том, что аномия и безответственность проникли практически во все слои общества. Явления юридической аномии даже в постсоветский период не исследовались учеными-юристами, а только частично затрагивались в работах, посвященных правосознанию, правовому нигилизму и девиантному поведению, несмотря на наличие социологического направления в юриспруденции и буквального значения понятия «аномия» как беззакония и безнормативности. Оно и сейчас продолжает развиваться в рамках социологии. Вместе с тем в зарубежных странах его изучают как социологи, так и ученые-юристы.

В связи с этим представляется значимым анализ и обобщение зарубежных концепций данного негативного явления с экстраполяцией на российскую правовую действительность. Во вводной части настоящей статьи обращаем внимание на само ее название, в котором соединяется социологическая и правовая составляющая. У читателя может возникнуть вопрос, почему? Это обусловлено рядом аспектов: во-первых, существуют единичные работы социологов, в которых они пытаются

вычленив из общей аномии правовую составляющую; во-вторых, как будет показано далее в работах зарубежных ученых, правовая и общесоциальная составляющая часто исследуются во взаимосвязи; в-третьих, проблемы юридической аномии отражались в работах отечественных криминологов. Между тем последние сами признают, что изучают ее исключительно с позиции предмета и метода своей науки¹, акцентируя внимание на причинах преступности и личности преступника.

Обзор различных концепций социальной аномии необходим и для того, чтобы определить, насколько или в какой их части они могут быть приемлемы для формирования понятия «юридическая аномия». Несмотря на то что социологам принадлежит безусловное первенство в исследовании явления аномии, многие из их концепций оторваны от реальной правовой жизни либо разработаны к определенному периоду существования общества; или в их основе находится какое-то одно из проявлений юридической аномии.

Основная часть исследования

Известно, что понятие «аномия» было введено в научный оборот Э. Дюркгеймом в XIX в. и обосновано в целом цикле его фундаментальных работ. Однако стоит напомнить и о ставшем давно крылатым выражении Т. Гоббса о «войне всех против всех», в основе которого находится состояние отсутствия институциональных норм. Примечательно, что Э. Дюркгейм, впрочем, как и другие исследователи, избегал строгого определения аномии. Такой подход предопределен многообразием различных форм ее проявления в нормативной системе общества. Причины аномии Э. Дюркгейм видит в кардинальных изменениях, происходящих в государственно-организованном обществе, когда возникают новые ценности, потребности, а соответственно, и появляется необходимость в упорядочивании отношений по их достижению. В связи с этим новые нормы приходят на смену устаревшим и могут не восприниматься членами общества, в результате чего возникает состояние хаоса или безнормия, которое также обусловлено и тем, что стремительно развивающиеся отношения просто не успевают быть упорядоченными. Вместе с тем действуют созданные спонтанно, а также формально не зафиксированные различные правила и стандарты. В дословном понимании

¹ См.: Плетнев А. В. Теория аномии в современной криминологии // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7. Ч. 5.

«безнормие» — это отсутствие социальных, в том числе и правовых, норм. Э. Дюркгейм вкладывал в данное понятие отсутствие норм, направленных на удовлетворение потребностей индивидуумов, а также регулятивных норм, упорядочивающих различные стороны общественных отношений². Примечательно, что собственную теорию ученый разрабатывал в период кризиса французского общества, связанного с переходом от сельского к городскому хозяйству. Циклы развития любого общества, как первобытного, так и государственно-организованного, связаны с наличием кризисов, несущих в себе положительные и отрицательные моменты, поэтому anomia — это его неизбежный «спутник». На одних этапах она усиливается, а на других, наоборот, сводится к минимуму. Следует отметить, что в своих работах Э. Дюркгейм акцентировал внимание не только на аномии как таковой, но и на ее последствиях — росте числа самоубийств, стремительном качественно-количественном скачке преступности, увеличении аморального поведения, не являющегося наказуемым. Им также было введено понятие «аномическое самоубийство»³, в основе которого находится отчуждение субъекта от общества, непринятие его принципов и различных установок. Если обратиться к «Философскому энциклопедическому словарю», то в нем, по сути, в краткой форме отражены позиции о понятии социальной аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертона⁴.

В научной литературе часто принято противопоставлять теории аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертона⁵, но, думается, что в них больше общего, чем отличий, так как обе концепции основаны на классической социологии, а также разрабатывались в период кризисов с той лишь разницей, что эмпирическим материалом для последней послужила великая депрессия в США. Р. Мертон отстаивал позицию о том, что определенная степень аномии является нормой для общества. Если переложить этот тезис на юридический язык, то он будет звучать так: определенный уровень правонарушаемости и иных отклонений от требований юридических норм, а также правового нигилизма — это норма. С этим можно согласиться только при условии отрицательного отношения к нормам, которые устарели и не отражают состояния отношений

и потребностей общества. По своей сути из определения аномии следует и известный тезис об утопичности идеи полного искоренения преступности. Как отмечают в зарубежных исследованиях, теоретические основы социальной аномии, разработанные ее основоположниками, не утратили своего значения и с некоторыми уточнениями могут быть экстраполированы на современную социально-правовую действительность⁶.

Анализ работ зарубежных ученых показал, что проблематика социального и собственно юридического в них объединяется. В подтверждение выказанного тезиса приведем выводы из зарубежных исследований, опубликованных в конце XX — начале XXI в.: «аномическое поведение относится к неупорядоченному социальному явлению, вызванному состоянием действующего законодательства в процессе трансформации новой и старой системы государственных законоположений»⁷; «разрыв между социальными целями и средствами привел к социальной аномии, которая затем вызвала девиантное поведение, включая похищения, убийства и побеги из дома, увеличивая вероятность пропажи без вести»⁸; «несправедливое развитие создает условия аномии и коллективно формирует новую культуру или субкультуру, отличную от доминирующей. Терроризм в данном случае следует рассматривать с точки зрения социальной криминологии, первопричиной терроризма в этом регионе является непонимание правительством радикализма в отношении ценности неприкосновенности земли и неприкосновенности охраны природы и осуществление на уровне государства варианта развития, противоречащего данным ценностям»⁹ и т.д.

Подобный анализ вышеназванных работ, посвященных аномии и ее последствиям, позволяет прийти к выводу, что грань между социальным и собственно юридическим в данном случае представляется эфемерной. Это обусловлено тем, что в состоянии аномии субъект выстраивает поведение иным образом, чем в случаях, когда его деятельность основывается на системе правовых норм. При этом такое поведение часто выступает

² См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод исследования. М., 1990. С. 230; *Его же*. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц. А.Б. Гофмана. М., 1995.

³ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с франц. А.Н. Ильинского. М., 1994. С. 120.

⁴ См.: Философский энциклопедический словарь / сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М., 1999. С. 22.

⁵ См.: Merton R. Social structure and anomie // *American sociological rev.* Wash., 1938. Vol. 3. No. 5. P. 672–682; Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой. М., 2006.

⁶ См.: Hovermann A. Anomia, institutionelle Anomie und Vorurteile — Der Beitrag ausgewählter anomietheoretischer Ansätze zur Erklärung Gruppenbezogener Dissertation eingereicht zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie (Dr. phil.) der Fakultät für Soziologie Universität Bielefeld Bielefeld. August 2015. URL: <https://www.researchgate.net/publication/301560391>

⁷ She B. Deep Learning-Based Text Emotion Analysis for Legal Anomie // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13.

⁸ Zhe L., Gang L., Junjun Z. et al. Spatiotemporal Evolution and Formation Mechanism of Missing-Person Incidents in the United States [美国失踪人口的时空格局演变与影响机制] // *Tropical Geography*. 2022. No. 42(9). P. 1475–1487.

⁹ Papahit H.I., Damayanti A. Subcultures Terrorism in Pegunungan Tengah Papua // *Res Militaris*. 2022. No. 12(2). P. 135–155.

юридически значимым и ему дается соответствующая оценка со стороны государства. Грань между anomией социальной и anomией юридической, следовательно, представляется весьма условной ввиду взаимосвязи и взаимодействия всей системы социальных норм, а как известно, юридические нормы являются ее составной частью.

Как отмечает итальянский исследователь F. Poggi, «термин “аномия” имеет по крайней мере три способа использования в теории права. Первый, пожалуй, самый известный, был распространен Э. Дюркгеймом, который понимает “аномию” как состояние без норм, которое делает отношения социальной группы нестабильными, препятствуя тем самым их интеграции, сотрудничеству. Согласно Э. Дюркгейму, аномия вызывает когнитивный диссонанс между нормативными ожиданиями и повседневной реальностью. Во втором значении под anomией понимается естественное состояние, предшествующее появлению государства и права. Наконец, последнее ее значение указывает на особое состояние, именуемое “аномичное общество”, основанное на беззаконии. В данном случае аномия понимается прежде всего как неуважение к законам и стандартам»¹⁰.

Аномия (за исключением естественного состояния) связана в первую очередь с явлением, которое можем назвать «кризисом права, который... можно рассматривать в различных аспектах: кризис, приводящий к состоянию, подобному anomии; кризис, порождающий новые формы регулирования, которые могут быть прерывистыми, дискреционными, несправедливыми, что вновь провоцирует аномичную ситуацию. Кроме того, кризис права определяется...: во-первых, как кризис источника права, созданного демократически избранным парламентом; во-вторых, в виде нивелирования принципа верховенства закона»¹¹. Юридический характер anomии, таким образом, может быть обусловлен особенностями ее возникновения, в качестве которых могут выступать разногласия по поводу компетенции высших органов власти; несовершенство и противоречивость действующего законодательства.

Анализ взглядов зарубежных ученых о понятии юридической anomии приводит к мысли о необходимости классификации существующих концепций. Следует отметить, что ранее уже предпринимались такие попытки. Так, М. Орру выделяет следующие виды anomии: «война всех против всех», характеризующаяся полным отсутствием

институциональных норм (Т. Гоббс); радикальная аномия, появляющаяся в результате полного отсутствия основных этических норм и ценностей (М. Вебер); ситуация, при которой цели и стремления лишены ограничений и никем не регулируются, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не устоялись; разделение труда не способно продуцировать позитивные контакты между членами общества и эффективную регуляцию социальных отношений (Э. Дюркгейм); конфликт между культурой и социальными структурами, а также несоответствие целей и доступных средств их достижения, в силу чего субъекты прибегают к незаконным способам реализации собственных интересов (Р. Мертон)¹².

Обращаем внимание на значительную неопределенность в понимании anomии в социологии. В свою очередь, это отражается и в юридических исследованиях, характеризующихся механическим переносом социологических концепций на правовую материю. Часто учеными оно используется лишь в одном из значений, существующих в социологии, и с переносом чуждой терминологии в юриспруденцию. Между тем необходимо выявлять именно юридические признаки явления, учитывая, но не злоупотребляя тем, что правовая аномия есть разновидность anomии социальной. Поэтому, принимая во внимание уже разработанные концепции социальной anomии другой наукой, к их безусловному принятию в отношении anomии юридической следует отнестись критично. Даже в тех случаях, когда рассматривается, например, группа криминологических воззрений о понятии anomии, что обусловлено особенностями предмета и метода данной науки, не являющейся исключительно юридической.

Предлагаем проводить классификацию концепций юридической anomии не по признакам, свойственным тому или иному пониманию юридической или общесоциальной anomии, а на основе особенностей воплощения данного явления в правовой жизни общества.

При подготовке данного обзора нами было проанализировано 525 научных работ зарубежных авторов, затрагивающих в той или иной степени понятие anomии, преимущественно вышедших в 2018–2023 гг. Кроме того, было изучено 200 работ иностранных ученых, в которых термин «аномия» не употребляется, но рассматриваются проблемы деформации и столкновения правовых культур; вопросы правовой определенности и неопределенности в праве, которые при известных условиях выступают одним из проявлений юридической

¹⁰ Poggi F. *Anomia y Estado de derecho* // i-Latina 0 (2017). P. 1–19. URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra/anomia-y-estado-de-derecho-884350/>

¹¹ Ibid.

¹² См.: Orru M. *Weber on anomie* // Sociological forum. Oxford, 1989. Vol. 4. No. 2. P. 263–270.

аномии. При анализе каждой из концепций будем приводить ссылки на работы только нескольких ученых, так как в противном случае текст будет чрезмерно «загроможден» сносками, да и установленные требования к объему статьи не позволяют сделать это ввиду того, что только список литературы будет занимать более 30 страниц.

С учетом указанного критерия и на основе анализа проведенного анализа существующих исследований выделим следующие направления понимания юридической аномии в зарубежной социолого-правовой мысли.

Во-первых, «законодательные» концепции аномии. Так, значительная часть существующих научных работ связана с исследованием аномических процессов, происходящих в законодательстве. А. Goldin и другими учеными отмечается «наличие неформальности и культурной аномии в трудовом законодательстве Латинской Америки, выражающееся в преувеличении значения наличия закона, чем его эффективного применения»¹³. Выделяя данную концепцию в качестве относительно самостоятельной, мы основываемся на том, что многие исследователи акцентируют внимание на одном из недостатков правового регулирования либо их совокупности: недостаточном или избыточном правовом регулировании; наличии пробелов; «мертвых» нормах; противоречивости практики реализации правовых норм, что при кажущемся наличии формальной нормативности в конечном счете приводит к безнормативности.

Во-вторых, лингво-юридические концепции аномии, делающие акцент на понимании юридических терминов. Так, Ё. Пук указывает на проблему лингвокультуры, выражающей языковые и культурные различия, встречающиеся в каждом языке права, которые касаются лексики и принципов редактирования правовых актов¹⁴, что обуславливает явление неоднозначного понимания местным населением одних и тех же юридических терминов, эмплематизированных в законодательство различных современных государств. А. Piszcz и Н. Sierocka также рассматривают проблему, как элементы юридического языка могут быть связаны с культурными (внеязыковыми) факторами, влияющими на формирование языковых единиц. Судебный дискурс может отражать культуру данной системы правосудия, а юридическая

интерпретация влияет на уровень правовой культуры¹⁵. Данные авторы пытаются ответить на вопрос: могут ли теории юридического толкования быть универсальными или только применимыми к конкретным правовым культурам. J. Reynolds определяет лингвистические и культурные сложности в рамках иммиграционного юридического консультирования¹⁶. Как указывает другой ученый, исламские культурные юридические термины никогда не могут быть правильно юридически истолкованы, если переводчик полностью не знаком с исламским правом и исламской правовой культурой¹⁷, что в конечном счете приводит к юридической аномии со стороны субъекта.

В-третьих, государственно-правовые концепции аномии. Их можно связать с исследованием процессов государственного развития и устройства, а также процессов распада государственных и межгосударственных объединений. Так, G. Tremonti, исследуя процессы, возникающие в результате выхода Соединенного Королевства из Европейского Союза, пишет о невозможности реального разделения между Соединенным Королевством и ЕС, в результате чего данная международная структура может рассматриваться как затронутая аномией¹⁸. Обширную группу соответствующих исследований составляют проявления аномии в постсоветских и постсоциалистических государствах. Например, Т. Bornand и О. Klein анализируют детерминированные распадом Югославии процессы демократизации насилия на субнациональном уровне¹⁹, А. Bittencourt отмечает, что «чрезвычайное положение — это не диктатура, а пустое пространство права, зона аномии, в которой все правовые определения — и прежде всего самое различие между public и private — отключены. Следовательно, все те доктрины, которые пытаются напрямую связать чрезвычайное положение с законом, являются ложными»²⁰. Рассматривая процессы государственного строительства, считаем, что восприятие социального благополучия,

¹⁵ См.: Piszcz A., Sierocka H. The Role of Culture in Legal Languages, Legal Interpretation and Legal Translation // International Journal for the Semiotics of Law. 2020. No. 33(3). P. 533–542.

¹⁶ См.: Reynolds J. Investigating the language-culture nexus in refugee legal advice meetings // Multilingua. 2020. No. 39(4). P. 395–429.

¹⁷ См.: Alwazna R. Y. Culture and law: The cultural impact on Islamic legal statements and its implications for translation // International Journal of Legal Discourse. Vol. 2. No. 2. 2017. P. 225–241.

¹⁸ См.: Tremonti G. Brexit and the rest // Law and Economics Yearly Review. 2021. No. 10. P. 63–66.

¹⁹ См.: Petrović D. Ordinary Affects During the Democratization of Violence in the Context of the Breakup of Yugoslavia // Politička misao. 2022. Vol. 59. No. 4. P. 167–191.

²⁰ Bittencourt A. H. Estado de exceção — da ditadura militar à constituição federal De 1988: A anomia que ainda existe no Brasil // Revista do MPC. March 11th. 2021. P. 12–36.

¹³ Goldin A. Sobre los Derechos del Trabajo de América Latina: evolución y perspectivas // Trabajo y Derecho. 2019. No. 48. P. 12–23.

¹⁴ См.: Iluk Ё. Language- And Legal Culture Peculiarities in Selected Swiss Constitutional Acts including a Translational Perspective // Comparative Legilinguistics. 2021. No. 46(1). P. 91–109.

аномия, политический интерес и политическая слабость определяют отношение к демократии²¹. Ученые, которых мы объединили в представителей указанной концепции, непосредственно связывают аномию с процессами, происходящими в государственно-правовой надстройке. При определении аномии ими не анализируются процессы, происходящие в сфере культуры, правовой коммуникации, правосознании и так далее.

В-четвертых, криминологические» концепции аномии, связывающие различные аномичные состояния с преступностью в целом или преступлениями той или иной направленности. Так, в одном исследовании разрабатывается модель противодействия коррупции, предполагающая выделение факторов, способствующих коррумпированному поведению, включающих в свое содержание социальную нестабильность и неопределенность²². Другими авторами, опираясь на принципы теории социальной дезорганизации, моделируется влияние структурных коррелятов района на состояние преступности в различных урбанизированных сообществах²³. Весьма часты в данном отношении исследования аномичной природы преступных проявлений радикализма и терроризма, в которых установлены сходные результаты, связывающие аномию с синдромом, включающим чувство бессмысленности, бессилия, изоляции, самоотчуждения и агрессивным поведением²⁴. Среди прочих причин аномичного экстремизма называются социальные изменения, восприятие неравенства или наличие определенных ценностных ориентаций²⁵. В литературе также утверждается, что современные общества по своей природе способствуют аномичным тенденциям, способствующим не только девиантности

и преступности низшего класса, к которым традиционно применялась теория аномии, но также правонарушаемости элиты общества²⁶. На основе криминологических концепций аномии также предсказывается появление криминальных зон в мегаполисах²⁷.

Криминологами различных государств теория аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертон используется для объяснения: причин похищения детей²⁸; отношения менеджеров к уклонению от уплаты налогов²⁹; причин преступности в развивающихся странах и незаконного оборота наркотических средств³⁰; преступности несовершеннолетних³¹ и иных разновидностей их отклоняющегося поведения³²; социальной дезорганизации³³; взаимосвязей преступности среди взрослых и несовершеннолетних³⁴; зависимостей между социальным напряжением и уровнем убийств³⁵; влияния идеологической и политической составляющей на рост преступности. В последнем аспекте интересно исследование J. García-Martínez, анализирующего влияние идеологических и политических переменных на рост преступности. С этой точки зрения преступная деятельность связана с прогрессирующим кризисом политических, социальных и судебных институтов. Государство своими действиями создает идеологические, правовые или культурные условия, оправдывающие или защищающие нарушение установленных норм. Учитывая

²⁶ См.: Nikos Passas. Anomie and corporate deviance // Contemporary Crises. 1990. No. 14. P. 157–178.

²⁷ См.: Rinaldi K. The emergence of crime areas in Pekanbaru city in the view of anomie theory // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2019. No. 10(3). P. 201–214.

²⁸ См.: Bello P.O. Socio-economic dynamism and the expansion of child kidnapping for ransom in Nigeria // Cogent Social Sciences. 2022. No. 8(1).

²⁹ См.: Vo T.D., Tuliao K.V., Chen C.W. Managers Ethics of Tax Evasion: The Roles of Family, Religion, and Social Conditions // E&M Economics and Management. 2022. No. 25(3). P. 53–68.

³⁰ См.: Bautista G., Vera J., Zaragoza M. Conducta antisocial, alienación y anomia en jóvenes infractores y jóvenes sin oportunidades // La psicología social en México. January 2012. Vol. XIII. P. 129–134.

³¹ См.: Bautista G., Vera J. Conducta antisocial, anomia y alienación en adolescentes mexicanos // DIRE. 2015. No. 6. P. 48–60.

³² См.: Vera J., Bautista G., Zaragoza M. Efectos de la anomia, alienación y confianza en la conducta antisocial en jóvenes fuera del sistema escolar y laboral // Civilizar. 2014. No. 14. P. 155–164.

³³ См.: Adeleke F.G. Child delinquency in communal conflict areas in southwestern Nigeria // Journal of Community Psychology. 2019. No. 47. P. 790–804.

³⁴ См.: Collins A.M., Menard S. Anomie and Adult Crime // Journal of Developmental and Life-Course Criminology. 2021. No. 7. P. 420–448.

³⁵ См.: Yeom Y., Choi J. The spatiotemporal dynamics and structural covariates of homicide in the Republic of Korea, 2008–2017: A dynamic spatial panel data approach // Geospatial Health. 2022. No. 17.

²¹ См.: Laca Arocena F.A., Santana Aguilar H., Ochoa Madrigal Y., Mejía Ceballos J.C. Percepciones de bienestar social, anomia, interés e impotencia política en relación con las actitudes hacia la democracia // Liberabit: Lima (Perú). 2011. No. 17(1). P. 7–18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.scielo.org.pe/scielo.php?pid=S1729-48272011000100002&script=sci_abstract

²² См.: Sami N., Adam J. Vanhove A Model of the Institutionalization of Corruption During the Rebuilding Process // Public Integrity. 2020. No. 22. P. 170–186.

²³ См.: Opoku-Ware J., Akuoko K.O., Ofori-Dua K., Dapaah J.D. Mensah Modeling the Structural Effects of Residential Instability, Family Disruptions, and Social Support on Neighborhood Crime Perceptions: A Partial Test of Social Disorganization Theory // Deviant Behavior. 2022. No. 43. P. 743–763.

²⁴ См.: Adam-Troian J., Bonetto E., Araujo M. et al. Positive associations between anomia and intentions to engage in political violence: Cross-cultural evidence from four countries. Peace and Conflict // Journal of Peace Psychology. 2020. No. 26. P. 217–223.

²⁵ См.: Heyder A., Gaßner A. Deprivation, anomia, and value orientation as predictors for right-wing extremism. A representative study from Germany [Anomia, deprivation und werteorientierung zur vorhersage rechtsextremistischer einstellungen. Eine empirische studie mit repräsentativdaten aus Deutschland] // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2012. No. 41. P. 277–298.

ситуацию структурной аномии, созданной именно теми, кто должен обеспечивать общественный порядок и управление страной, эта политическая легитимность насилия благоприятствует в том числе как произволу самой власти, осуществляющей применение силы с чисто политическими целями, так и явной безнаказанности преступной деятельности³⁶. К разновидности криминологических концепций можно отнести пенитенциарные воззрения на аномичные процессы, в которых акцентируется внимание на особенностях поведения осужденных за различные преступления³⁷.

В-пятых, в отдельную группу можно выделить виктимологические концепции аномии. В основе указанных концепций находится взаимосвязь поведения жертвы преступления с аномичными явлениями. Так, в исследовании R. H. Konkel, A. J. Hafemeister и L. E. Daigle определяется влияние социальной дезорганизации на сексуальную виктимизацию³⁸. В работе S. McNeeley и S. Overstreet указывается, как теория социальной дезорганизации может объяснить причины преступлений на почве ненависти. Кроме того, ими обосновывается взаимосвязь аномии и виктимизация некоторых групп населения³⁹. В других работах показана предрасположенность молодежи к насилию как результат аномичных явлений в обществе⁴⁰. В то же время повышенной виктимностью в данном отношении обладают и люди более старшего возраста. Например, в другом исследовании анализируются факторы воздействия аномии в сознании пожилых

лиц на их предрасположенность стать жертвой транспортного преступления⁴¹.

В-шестых, «статусные» концепции юридической аномии. В их основе находятся исследования проблем социальной дезорганизации, возникающей в связи с юридически неопределенным статусом субъектов права или отсутствием должного регулирования отношений, возникающих по поводу того или иного объекта права. В частности, T. Linden и T. Shirazi рассматривают проблему неурегулированности обращения криптовалюты, что обусловило невосприятие данного финансового инструмента⁴². Как отмечено в работе других авторов, «отсутствие отдельных норм, регулирующих правовое положение третьих лиц в условиях гражданского процесса, затрудняет надлежащее осуществление правосудия, нарушая право на юридическую определенность»⁴³. По сути, в основе данных концепций находятся явления полной или частичной безнормативности в отношениях, нуждающихся в правовой регламентации.

В-седьмых, культурно-дихотомические концепции юридической аномии. В их основе находится противопоставление двух явлений: правовой культуры и антикультуры; нормативных требований и практики их реализации; правовых традиций и конфликтов с ними, вызванных рецепцией законодательства; разрушающего воздействия антикультуры (субкультуры) на правовую культуру и подмену правовых норм «теневым» правом. Так, в исследовании A. Sbraccia и F. Vianello был показан конфликт тюремной субкультуры и правовой культуры, приводящий к состоянию аномии⁴⁴. В свою очередь, в работе A. Maculan и L. Sterchele, а также других ученых определяются противоречия между правовым регулированием поведения осужденных и их реальным поведением и, основываясь на наличии противоречий, определяется

³⁶ См.: *García-Martínez J.* Institutional deterioration in Venezuela as a factor associated with the emergency of crime [Deterioro institucional en Venezuela como factor asociado a la emergencia de la delincuencia] // *Iberoamerican Journal of Development Studies*. 2018. No. 7. P. 32–51.

³⁷ См.: *Zou C.* The Construction of Psychological Intervention Mechanism of Deep Learning in the Prevention of Legal Anomie // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13; *She B.* Op. cit.; *Ajah B. O., Nnam M. U., Ajah I. A.* Investigating the awareness of virtual and augmented realities as a criminal justice response to the plight of awaiting-trial inmates in Ebonyi State, Nigeria // *Crime Law Soc Change*. 2022. No. 77. P. 111–132.

³⁸ См.: *Konkel R. H., Hafemeister A. J., Daigle L. E.* The Effects of Risky Places, Motivated Offenders, and Social Disorganization on Sexual Victimization: A Microgeographic- and Neighborhood-Level Examination // *Journal of Interpersonal Violence*. 2021. No. 36. P. 8409–8434.

³⁹ См.: *McNeeley S., Overstreet S.* Lifestyle-routine activities, neighborhood context, and ethnic hate crime victimization // *Violence and Victims*. 2018. No. 33. P. 932–948.

⁴⁰ См.: *Takeiti B. A., Gonçalves M. V., de Oliveira S. P. A. S., Eli-siario T. S.* The state-of-the-art on youth, vulnerabilities, and violence: what do surveys tell us? [O estado da arte sobre as juventudes, as vulnerabilidades e as violências: O que as pesquisas informam?] // *Saude e Sociedade*. 2020. No. 29. P. 1–16.

⁴¹ См.: *Zhang H., Ge P., Pang X.* Impact factors of elder pedestrian anomie crossing behavior at signalized intersection [信号交叉口老年人失范过街的影响因素] // *Jiangsu Daxue Xuebao (Ziran Kexue Ban) / Journal of Jiangsu University (Natural Science Edition)*. 2021. No. 42. P. 62–66; *Phillips J. B.* Postincident Interpersonal Difficulty Among Adolescent Victims of Violent Crime // *Journal of Interpersonal Violence*. 2021. Vol. 36. Issue 9–10. P. 3994–4017.

⁴² См.: *Linden T., Shirazi T.* Markets in crypto-assets regulation: Does it provide legal certainty and increase adoption of crypto-assets? // *Financial Innovation*. 2023. No. 9. URL: <https://jfin-swufe.springeropen.com/articles/10.1186/s40854-022-00432-8>

⁴³ *Andrade Salazar O. L., Gallegos S. B., Rosillo, Abarca L. V.* The incidence of legal certainty and collection analysis by means of third party intervention in ecuadorian legislation | incidencia de la seguridad jurídica y análisis del cobro mediante la tercera coadyuvante en la legislación ecuatoriana // *Universidad y Sociedad*. 2022. No. 14. P. 541–551.

⁴⁴ См.: *Sbraccia A., Vianello F.* Legal culture and professional cultures in the prison system // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. No. 12. P. 1463–1491.

анемичность общественных отношений в данной сфере⁴⁵.

К напряжению или конфликту приводит рецепция законодательства, если население страны ее не воспринимает, а следовательно, не соблюдает или не использует предоставленные правомочия. В рассматриваемых исследованиях о проблемах аномии отмечается, что общепринятая правовая культура под влиянием имплементации меняется очень медленно и длительное время может сохраняться состояние аномии⁴⁶. Имплементация, не рассчитанная на правовые традиции и противоречащая им, затрудняет принятие как судебных решений, так и реализацию законодательства⁴⁷.

Следует заметить, что наличие субкультур, особенно в районах проживания меньшинств, может быть основным источником правового цинизма⁴⁸, определяемым подчас в виде одной из форм проявления аномии⁴⁹. В частности, подчеркивается, что существующее в настоящее время правовое регулирование государственного управления в Индонезии не соответствует культуре и истории индонезийской нации. Причина дезориентации демократии в указанном государстве предопределена культурной деградацией общества, которая детерминировала разрушение правовой и политической системы⁵⁰. В исследованиях отмечается, что многоуровневое понимание правовой культуры сосредоточено на решении основной проблемы: почему различные правовые порядки способны изменять социальную реальность и почему они иногда

не могут этого сделать из-за многоуровневости культуры и возникающих противоречий⁵¹.

В-восьмых, в отдельную группу можно выделить «международно-коллизийные» концепции юридической аномии. Так, рассматривая проблематику создания транснационального права, Н. Dedek указывает, что «существующие между государствами культурные различия и традиционный правовой плюрализм могут ограничить реализацию норм международного права»⁵². В другом труде отмечено, что культурные различия судей Международного Суда только подчеркивают некую «слабость» реализации норм международного права⁵³. Так, по мнению некоторых исследователей, культурное разнообразие, выраженное, например, в различных правовых системах, ставит под сомнение идею всеобщих прав человека, ибо глобальная «культура прав человека» в первую очередь рассматривается как формальный и институциональный порядок, основанный на определенном взгляде на равноправие субъектов, а в отдельных вполне легальных правовых культурах ряда стран она не воспринимается⁵⁴. Отмечено также, что с точки зрения современной формы государства представительная демократия — это одна из парадигм, проявляющаяся в сфере политики и права. Нынешняя европейская модель достигла уровня абстракции, необходимого для того, чтобы навязывать себя в качестве универсального стандарта и колонизировать политические процессы периферийных стран. В частности, в государствах Латинской Америки правовые системы способствовали распространению представительной демократии, криминализируя традиционные практики⁵⁵.

Значительное внимание уделяется процессам взаимодействия различных норм в странах ислама. И если большинство юристов-международников стремятся к закону универсальной силы, то представители исламских государств часто утверждают, что такой шаг подрывает традиционную культуру,

⁴⁵ См.: Maculan A., Sterchele L. The “left” and “right” arm of the prison: Prison work and the local legal culture of the penitentiary // Onati Socio-Legal Series. 2022. No. 12. P. 1492–1517; Rogan M. Examining the Role of Legal Culture as a Protective Factor Against High Rates of Pre-trial Detention: The Case of Ireland // European Journal on Criminal Policy and Research. 2022. No. 28. P. 425–433.

⁴⁶ См.: Dalberg-Larsen J. Human rights and national legal cultures: the case of Labour Law (Book Chapter) // Legal Cultures and Human Rights: the Challenge of Diversity, 2021. P. 103–105.

⁴⁷ См.: Nafstad I. Legal Silencing of Minority Legal Culture: The Case of Roma in Swedish Criminal Courts // Social and Legal Studies. 2019. No. 28. P. 839–858.

⁴⁸ См.: Zhao J., Zhang H., Zhao R. Sources of legal cynicism among students in China: the role of Western popular culture and social attachment // Journal of Crime and Justice. 2021. No. 44. P. 66–84.

⁴⁹ См.: Ameri T., Burgason K.A., DeLisi M. et al. Legal cynicism: Independent construct or downstream manifestation of antisocial constructs? New evidence // International Journal of Law and Psychiatry. 2019. No. 64. P. 211–218.

⁵⁰ См.: Graca S. Portuguese culture and legal consciousness: A discussion of immigrant women's perceptions of and reactions to domestic violence // International Journal of Law in Context. 2018. No. 14. P. 416–436.

⁵¹ См.: Febbrajo A. Typology of legal cultures (Book Chapter) // Law, Legal Culture and Society: Mirrored Identities of the Legal Order, 2018. P. 28–43.

⁵² Dedek H. Out of site: Transnational legal culture(s) (Book Chapter) // The Oxford Handbook of Transnational Law, 2021. P. 89–112.

⁵³ См.: Marissal A. Legal cultures and the internationalization of legal elites. The judges of the international court of justice as a case study [Cultures juridiques et internationalisation des élites du droit. Le cas des juges de la Cour internationale de Justice] // Droit et Société. 2020. No. 105. P. 343–359.

⁵⁴ См.: Hastrup K. Legal cultures and human rights: the challenge of diversity (Book) // Legal Cultures and Human Rights: the Challenge of Diversity, 2021. P. 1–199.

⁵⁵ См.: Wolkmer A.C., Ferrazzo D.A. Decolonial approach on democracy and legal culture in modernity // Revista Brasileira de Estudos Políticos. 2020. No. 120. P. 55–105.

дестабилизирует политическую и правовую структуру и посеет смятение среди людей⁵⁶.

В-девятых, концепции, основанные на развитии современных технологий. Условно их можно назвать «стагнационными концепциями». По своей сути они базируются на отставании правового регулирования от развития общественных отношений, обусловленных научно-техническим прогрессом. Законодатель не успевает оперативно реагировать на стремительное развитие интернет-отношений, появление роботизированной техники, различных средств коммуникаций и т.д.⁵⁷ Отмечается, что интенсивное развитие информационного общества, сопровождавшееся активным нивелированием социально-демографических характеристик как внутри отдельных сообществ, так и мира в целом, запустило механизм «стирания» этнической значимости⁵⁸, что не может не быть связано с явлением правовой аномии.

В-десятых, выделение группы «гендерных» концепций юридической аномии связано с гендерными причинами, обуславливающими правовую неопределенность отдельных субъектов права. Как пишет О. Douville, «ни один субъект не реализуется полностью как мужчина или женщина, как “транс” или “квир»»⁵⁹. Аналогично рассуждают М. Brinda⁶⁰ и N.K. Gupta⁶¹, исследовавшие нетрадиционные проявления сексуальности в их влиянии на аномию. Ввиду отличий социально-гуманитарной и общественной обстановки в Российской Федерации, подобного рода работы зарубежных исследователей имеют весьма сомнительную актуальность для отечественной правовой системы, а различные законодательные конструкции, определяющие правовой статус субъектов с нетрадиционной

сексуальной ориентацией, в принципе не могут быть имплементированы в отечественную правовую систему, и не только ввиду наличия законодательных запретов, но и на основе культурно-исторических, духовно-религиозных и иных традиций и ценностей. Отдельные труды могут быть полезны с криминологической точки зрения, ибо показывают различия между женской и мужской преступностью и особенности проявления аномии в правосознании мужчин и женщин⁶².

Анализ зарубежной литературы показывает, что определенная часть научных разработок посвящена не только прикладным, но и теоретико-методологическим проблемам юридической аномии. Так, ряд публикаций развивают основы, заложенные еще Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном⁶³; в других исследованиях делается акцент на необходимости изучения взаимосвязи аномии и макросоциальной преступности⁶⁴, а также разрабатываются шкалы измерения аномии применительно к отдельным государствам⁶⁵ либо проводится историко-правовой и сравнительно-правовой анализ аномичных проявлений в государственно-правовой надстройке⁶⁶. Некоторые из исследований по своему содержанию близки к нашему пониманию юридической аномии, ибо в качестве ее основных компонентов указывается безнормативность, дисфункциональность институтов государственной власти

⁵⁶ См.: Chamberlain A.W., Boggess L.N., Powers R.A. Neighborhood predictors of the gendered structure of non-lethal violent interactions // Social Science Research. 2021. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0049089X21000223?via%3Dihub>; Ganapathy N., Balachandran L. “Racialized masculinities”: A gendered response to marginalization among Malay boys in Singapore // Australian and New Zealand Journal of Criminology. 2019. No. 52. P. 94–110; McCaffree K. The Growth of Chinese Think Tanks and the Question of Crime // East Asia. 2018. No. 35. P. 43–58.

⁵⁷ См.: Tuttle J. Murder in the shadows: evidence for an institutional legitimacy theory of crime // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2019. No. 43. P. 13–27.

⁵⁸ См.: Messner S.F., Rosenfeld R., Hövermann A. Institutional Anomie Theory: An Evolving Research Program. In: Krohn M., Hendrix N., Penly Hall G., Lizotte A. (eds) Handbook on Crime and Deviance. Handbooks of Sociology and Social Research. Springer, Cham, 2019. P. 161–177.

⁵⁹ См.: Bashir H., Bala R. Development and Validation of a Scale to Measure Anomie of Students // Psychol Stud. 2019. No. 64. P. 131–139.

⁶⁰ См.: Mills C.E. A Common Target: Anti-Jewish Hate Crime in New York City Communities, 1995–2010 // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2020. Vol. 57. Issue 6. No. 57. P. 643–692; Doukellis Panagiotis. Entre violence et anomie dans le monde antique I remarques introductives // Dialogues d'histoire ancienne. 2019. Vol. 45/1. No. 1. P. 9–12; Braithwaite J., Braithwaite V., Cookson M., Dunn L. Anomie and Violence Non-truth and reconciliation in Indonesian peacebuilding — ANU E Press, 2010.

⁵⁶ См.: Piscatori J. Saudi arabia, culture change, and the international legal order (Book Chapter) // Law, Personalities, and Politics of the Middle East: Essays in Honor of Majid Khadduri, 2019. P. 64–90.

⁵⁷ См.: Gayol V., Flórez J.A.M. Jurisdictional culture and memory digitization of the “government of justice”. Data modeling and digital approach for the legal history of Ibero-America // Culture and History Digital Journal. 2018. No. 7(2) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cultureandhistory.revistas.csic.es/index.php/cultureandhistory/article/view/145> (дата обращения: 02.02.2023).

⁵⁸ См.: Salnikova S., Klymenko E., Yemelianova Y. Features of Consolidation of the Ukrainian Nation in the Conditions of Decentralization // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. No. 315. P. 329–340.

⁵⁹ Douville O. Gender relations and modernity [Relações de gênero e modernidade] // Psicologia Clinica. 2020. No. 32. P. 175–184.

⁶⁰ См.: Brinda M. Feminism: a de-colonial Indo-Caribbean consciousness // South Asian Diaspora. 2020. No. 12. P. 179–194.

⁶¹ См.: Gupta N.K. Out of bounds: Coerced invisibility and alternate sexualities // Sexuality, Gender and Policy. 2022. No. 5. P. 58–68.

и отсутствие реализации санкций⁶⁷, а по своей сути последнее означает безответственность субъектов.

Выводы

Анализ зарубежных концепций юридической аномии позволяет сформулировать ряд выводов, которые могут послужить основой для дальнейших исследований в данной области. Во-первых, в названных публикациях происходит смешение юридической и сугубо социальной составляющей аномии. Несмотря на то что право не существует вне социума, а сама юриспруденция относится к социальным наукам, все же необходимо ограничивать социальное и юридическое в аномии. В работах ученых-социологов (которые также пытаются анализировать юридическую аномию) не разграничиваются такие понятия, как «общество» и «государство», а также правовые и иные социальные нормы.

Во-вторых, авторы избегают давать лаконичное определение понятия «юридическая аномия». Возможно, это объясняется сложностью и многогранностью названного явления, а также наличием различных форм его выражения в различных сферах правовой жизни общества.

В-третьих, значительная часть исследований носит исключительно прикладной, а не теоретический характер, так как основной акцент в них делается на особенностях проявления юридической аномии в общественных отношениях с участием субъектов, относящихся к той или иной социальной группе.

В-четвертых, юридическая аномия связывается с теми или иными кризисными явлениями, происходящими в обществе и / или государстве на микроили макроуровне. При этом преобладают исследования микроуровня аномичных проявлений.

В-пятых, несмотря на существование языковых барьеров, связанных с различием терминологии в отечественной и зарубежной юриспруденции, аномия анализируется в трех основных компонентах правовой системы: институциональной; правореализационной и сфере правовой культуры, включая правосознание. В институциональном аспекте акцентируется внимание на отсутствии правовых норм, пробелах в праве, дисфункциональности органов государственной власти, избыточности правового регулирования, «мертвых» нормах. При анализе правореализации обращается внимание прежде всего на правонарушение и иные формы отклонения от установленных

требований, противоречивость судебной и иной практики (в том числе и на отсутствие ее единства), подмену законности политической целесообразностью и т.д.

Таким образом, правовая аномия неизбежно является неотъемлемой частью правовой культуры, правосознания и правовой системы общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод исследования. М., 1990. С. 230.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с франц. А.Н. Ильинского. М., 1994. С. 120.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц. А.Б. Гофмана. М., 1995.
4. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой. М., 2006.
5. Плетнев А.В. Теория аномии в современной криминологии // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7. Ч. 5.
6. Философский энциклопедический словарь / сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М., 1999. С. 22.
7. Adam-Troian J., Bonetto E., Araujo M. et al. Positive associations between anomia and intentions to engage in political violence: Cross-cultural evidence from four countries. *Peace and Conflict // Journal of Peace Psychology*. 2020. No. 26. P. 217–223.
8. Adeleke F.G. Child delinquency in communal conflict areas in southwestern Nigeria // *Journal of Community Psychology*. 2019. No. 47. P. 790–804.
9. Ajah B.O., Nnam M.U., Ajah I.A. Investigating the awareness of virtual and augmented realities as a criminal justice response to the plight of awaiting-trial inmates in Ebonyi State, Nigeria // *Crime Law Soc Change*. 2022. No. 77. P. 111–132.
10. Alwazna R.Y. Culture and law: The cultural impact on Islamic legal statements and its implications for translation // *International Journal of Legal Discourse*. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 225–241.
11. Ameri T., Burgason K.A., DeLisi M. et al. Legal cynicism: Independent construct or downstream manifestation of anti-social constructs? New evidence // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2019. No. 64. P. 211–218.
12. Andrade Salazar O.L., Gallegos S.B. Rosillo, Abarca L.V. The incidence of legal certainty and collection analysis by means of third party intervention in ecuadorian legislation | incidencia de la seguridad jurídica y análisis del cobro mediante la tercería coadyuvante en la legislación ecuatoriana // *Universidad y Sociedad*. 2022. No. 14. P. 541–551.
13. Bashir H., Bala R. Development and Validation of a Scale to Measure Anomie of Students // *Psychol Stud*. 2019. No. 64. P. 131–139.

⁶⁷ См.: Schenk J. Anomie in Slovakia in 2001 and 2008: Comparison and some methodological issues [Anómia na Slovensku v r. 2001 a 2008: porovnanie a niektoré metodologické problémy] // *Sociologia*. 2010. No. 42. P. 287–315.

14. *Bautista G., Vera J.* Conducta antisocial, anomia y alienación en adolescentes mexicanos // *DIRE*. 2015. No. 6. P. 48–60.
15. *Bautista G., Vera J., Zaragoza M.* Conducta antisocial, alienación y anomia en jóvenes infractores y jóvenes sin oportunidades // *La psicología social en México*. January 2012. Vol. XIII. P. 129–134.
16. *Bello P.O.* Socio-economic dynamism and the expansion of child kidnapping for ransom in Nigeria // *Cogent Social Sciences*. 2022. No. 8(1).
17. *Bittencourt A.H.* Estado de exceção – da ditadura militar à constituição federal De 1988: A anomia que ainda existe no Brasil // *Revista do MPC*. March 11th. 2021. P. 12–36.
18. *Braithwaite J., Braithwaite V., Cookson M., Dunn L.* Anomie and Violence Non-truth and reconciliation in Indonesian peacebuilding – ANU E Press, 2010.
19. *Brinda M.* Feminism: a de-colonial Indo-Caribbean consciousness // *South Asian Diaspora*. 2020. No. 12. P. 179–194.
20. *Chamberlain A.W., Boggess L.N., Powers R.A.* Neighborhood predictors of the gendered structure of non-lethal violent interactions // *Social Science Research*. 2021. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0049089X21000223?via%3Dihub>
21. *Collins A.M., Menard S.* Anomie and Adult Crime // *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*. 2021. No. 7. P. 420–448.
22. *Dalberg-Larsen J.* Human rights and national legal cultures: the case of Labour Law (Book Chapter) // *Legal Cultures and Human Rights: the Challenge of Diversity*, 2021. P. 103–105.
23. *Dedek H.* Out of site: Transnational legal culture(s) (Book Chapter) // *The Oxford Handbook of Transnational Law*, 2021. P. 89–112.
24. *Doukellis Panagiotis.* Entre violence et anomie dans le monde antique I remarques introductives // *Dialogues d'histoire ancienne*. 2019. Vol. 45/1. No. 1. P. 9–12.
25. *Douville O.* Gender relations and modernity [Relações de gênero e modernidade] // *Psicologia Clinica*. 2020. No. 32. P. 175–184.
26. *Febbrajo A.* Typology of legal cultures (Book Chapter) // *Law, Legal Culture and Society: Mirrored Identities of the Legal Order*, 2018. P. 28–43.
27. *Ganapathy N., Balachandran L.* “Racialized masculinities”: A gendered response to marginalization among Malay boys in Singapore // *Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2019. No. 52. P. 94–110.
28. *García-Martínez J.* Institutional deterioration in Venezuela as a factor associated with the emergency of crime [Deterioro institucional en Venezuela como factor asociado a la emergencia de la delincuencia] // *Iberoamerican Journal of Development Studies*. 2018. No. 7. P. 32–51.
29. *Gayol V., Flórez J.A.M.* Jurisdictional culture and memory digitization of the “government of justice”. Data modeling and digital approach for the legal history of Ibero-America // *Culture and History Digital Journal*. 2018. No. 7(2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cultureandhistory.revistas.csic.es/index.php/culture-andhistory/article/view/145> (дата обращения: 02.02.2023).
30. *Goldin A.* Sobre los Derechos del Trabajo de América Latina: evolución y perspectivas // *Trabajo y Derecho*. 2019. No. 48. P. 12–23.
31. *Graca S.* Portuguese culture and legal consciousness: A discussion of immigrant women’s perceptions of and reactions to domestic violence // *International Journal of Law in Context*. 2018. No. 14. P. 416–436.
32. *Gupta N.K.* Out of bounds: Coerced invisibility and alternate sexualities // *Sexuality, Gender and Policy*. 2022. No. 5. P. 58–68.
33. *Hastrup K.* Legal cultures and human rights: the challenge of diversity (Book) // *Legal Cultures and Human Rights: the Challenge of Diversity*, 2021. P. 1–199.
34. *Heyder A., Gaßner A.* Deprivation, anomia, and value orientation as predictors for right-wing extremism. A representative study from Germany [Anomia, deprivation und wertorientierung zur vorhersage rechtsextremistischer Einstellungen. Eine empirische studie mit repräsentativdaten aus Deutschland] // *Osterreichische Zeitschrift fur Politikwissenschaft*. 2012. No. 41. P. 277–298.
35. *Hovermann A.* Anomia, institutionelle Anomie und Vorurteile – Der Beitrag ausgewählter anomietheoretischer Ansätze zur Erklärung Gruppenbezogener Dissertation eingereicht zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie (Dr. phil.) der Fakultät für Soziologie Universität Bielefeld Bielefeld. August 2015. URL: <https://www.researchgate.net/publication/301560391>
36. *Iluk L.* Language- And Legal Culture Peculiarities in Selected Swiss Constitutional Acts including a Translational Perspective // *Comparative Legilinguistics*. 2021. No. 46(1). P. 91–109.
37. *Konkel R.H., Hafemeister A.J., Daigle L.E.* The Effects of Risky Places, Motivated Offenders, and Social Disorganization on Sexual Victimization: A Microgeographic- and Neighborhood-Level Examination // *Journal of Interpersonal Violence*. 2021. No. 36. P. 8409–8434.
38. *Laca Arocena F.A., Santana Aguilar H., Ochoa Madrigal Y., Mejía Ceballos J.C.* Percepciones de bienestar social, anomia, interés e impotencia política en relación con las actitudes hacia la democracia // *Liberabit: Lima (Perú)*. 2011. No. 17(1). P. 7–18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.scielo.org.pe/scielo.php?pid=S1729-48272011000100002&script=sci_abstract
39. *Linden T., Shirazi T.* Markets in crypto-assets regulation: Does it provide legal certainty and increase adoption of crypto-assets? // *Financial Innovation*. 2023. No. 9. URL: <https://jfin-swufe.springeropen.com/articles/10.1186/s40854-022-00432-8>
40. *Maculan A., Sterchele L.* The “left” and “right” arm of the prison: Prison work and the local legal culture of the penitentiary // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. No. 12. P. 1492–1517.
41. *Marissal A.* Legal cultures and the internationalization of legal elites. The judges of the international court of justice as a case study [Cultures juridiques et internationalisation des élites du droit. Le cas des juges de la Cour internationale de Justice] // *Droit et Societe*. 2020. No. 105. P. 343–359.
42. *McCaffree K.* The Growth of Chinese Think Tanks and the Question of Crime // *East Asia*. 2018. No. 35. P. 43–58.

43. *McNeeley S., Overstreet S.* Lifestyle-routine activities, neighborhood context, and ethnic hate crime victimization // *Violence and Victims*. 2018. No. 33. P. 932–948.
44. *Merton R.* Social structure and anomie // *American sociological rev.* Wash., 1938. Vol. 3. No. 5. P. 672–682.
45. *Messner S.F., Rosenfeld R., Hövermann A.* Institutional Anomie Theory: An Evolving Research Program. In: *Krohn M., Hendrix N., Penly Hall G., Lizotte A. (eds)* Handbook on Crime and Deviance. Handbooks of Sociology and Social Research. Springer, Cham, 2019. P. 161–177.
46. *Mills C.E.* A Common Target: Anti-Jewish Hate Crime in New York City Communities, 1995–2010 // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2020. Vol. 57. Issue 6. No. 57. P. 643–692.
47. *Nafstad I.* Legal Silencing of Minority Legal Culture: The Case of Roma in Swedish Criminal Courts // *Social and Legal Studies*. 2019. No. 28. P. 839–858.
48. *Nikos Passas.* Anomie and corporate deviance // *Contemporary Crises*. 1990. No. 14. P. 157–178.
49. *Orru M.* Weber on anomie // *Sociological forum*. Oxford, 1989. Vol. 4. No. 2. P. 263–270.
50. *Opoku-Ware J., Akuoko K.O., Ofori-Dua K., Dapaah J.D.* Mensah Modeling the Structural Effects of Residential Instability, Family Disruptions, and Social Support on Neighborhood Crime Perceptions: A Partial Test of Social Disorganization Theory // *Deviant Behavior*. 2022. No. 43. P. 743–763.
51. *Papahit H.I., Damayanti A.* Subcultures Terrorism in Pegunungan Tengah Papua // *Res Militaris*. 2022. No. 12(2). P. 135–155.
52. *Petrović D.* Ordinary Affects During the Democratization of Violence in the Context of the Breakup of Yugoslavia // *Politička misao*. 2022. Vol. 59. No. 4. P. 167–191.
53. *Phillips J.B.* Postincident Interpersonal Difficulty Among Adolescent Victims of Violent Crime // *Journal of Interpersonal Violence*. 2021. Vol. 36. Issue 9–10. P. 3994–4017.
54. *Piscatori J.* Saudi arabia, culture change, and the international legal order (Book Chapter) // *Law, Personalities, and Politics of the Middle East: Essays in Honor of Majid Khadduri*, 2019. P. 64–90.
55. *Piszc A., Sierocka H.* The Role of Culture in Legal Languages, Legal Interpretation and Legal Translation // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2020. No. 33(3). P. 533–542.
56. *Poggi F.* Anomia y Estado de derecho // *i-Latina 0* (2017). P. 1–19. URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra/anomia-y-estado-de-derecho-884350/>
57. *Reynolds J.* Investigating the language-culture nexus in refugee legal advice meetings // *Multilingua*. 2020. No. 39(4). P. 395–429.
58. *Rinaldi K.* The emergence of crime areas in Pekanbaru city in the view of anomie theory // *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2019. No. 10(3). P. 201–214.
59. *Rogan M.* Examining the Role of Legal Culture as a Protective Factor Against High Rates of Pre-trial Detention: The Case of Ireland // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2022. No. 28. P. 425–433.
60. *Salnikova S., Klymenko E., Yemelianova Y.* Features of Consolidation of the Ukrainian Nation in the Conditions of Decentralization // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. No. 315. P. 329–340.
61. *Sami N., Adam J.* Vanhove A Model of the Institutionalization of Corruption During the Rebuilding Process // *Public Integrity*. 2020. No. 22. P. 170–186.
62. *Sbraccia A., Vianello F.* Legal culture and professional cultures in the prison system // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. No. 12. P. 1463–1491.
63. *Schenk J.* Anomie in Slovakia in 2001 and 2008: Comparison and some methodological issues [Anómia na Slovensku v r. 2001 a 2008: porovnanie a niektoré metodologické problémy] // *Sociologia*. 2010. No. 42. P. 287–315.
64. *She B.* Deep Learning-Based Text Emotion Analysis for Legal Anomie // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13.
65. *Takeiti B.A., Gonçalves M.V., de Oliveira S.P.A.S., Elisario T.S.* The state-of-the-art on youth, vulnerabilities, and violence: what do surveys tell us? [O estado da arte sobre as juventudes, as vulnerabilidades e as violências: O que as pesquisas informam?] // *Saude e Sociedade*. 2020. No. 29. P. 1–16.
66. *Tremonti G.* Brexit and the rest // *Law and Economics Yearly Review*. 2021. No. 10. P. 63–66.
67. *Tuttle J.* Murder in the shadows: evidence for an institutional legitimacy theory of crime // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 2019. No. 43. P. 13–27.
68. *Vera J., Bautista G., Zaragoza M.* Efectos de la anomia, alienación y confianza en la conducta antisocial en jóvenes fuera del sistema escolar y laboral // *Civilizar*. 2014. No. 14. P. 155–164.
69. *Vo T.D., Tuliao K.V., Chen C.W.* Managers Ethics of Tax Evasion: The Roles of Family, Religion, and Social Conditions // *E&M Economics and Management*. 2022. No. 25(3). P. 53–68.
70. *Wolkmer A.C., Ferrazzo D.A.* Decolonial approach on democracy and legal culture in modernity // *Revista Brasileira de Estudos Politicos*. 2020. No. 120. P. 55–105.
71. *Yeom Y., Choi J.* The spatiotemporal dynamics and structural covariates of homicide in the Republic of Korea, 2008–2017: A dynamic spatial panel data approach // *Geospatial Health*. 2022. No. 17.
72. *Zhang H., Ge P., Pang X.* Impact factors of elder pedestrian anomie crossing behavior at signalized intersection [信号交叉口老年人失范过街的影响因素] // *Jiangsu Daxue Xuebao (Ziran Kexue Ban)* / *Journal of Jiangsu University (Natural Science Edition)*. 2021. No. 42. P. 62–66.
73. *Zhao J., Zhang H., Zhao R.* Sources of legal cynicism among students in China: the role of Western popular culture and social attachment // *Journal of Crime and Justice*. 2021. No. 44. P. 66–84.
74. *Zhe L., Gang L., Junjun Z. et al.* Spatiotemporal Evolution and Formation Mechanism of Missing-Person Incidents in the United States [美国失踪人口的时空格局演变与影响机制] // *Tropical Geography*. 2022. No. 42(9). P. 1475–1487.
75. *Zou C.* The Construction of Psychological Intervention Mechanism of Deep Learning in the Prevention of Legal Anomie // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13.

REFERENCES

1. *Durkheim E.* On the division of social labor. Research method. M., 1990. P. 230 (in Russ.).
2. *Durkheim E.* Suicide. Sociological etude / transl. from French by A.N. Ilyinsky. M., 1994. P. 120 (in Russ.).
3. *Durkheim E.* Sociology. Its subject, method, purpose / transl. from the French A.B. Hoffman. M., 1995 (in Russ.).
4. *Merton R.K.* Social theory and social structure / transl. from the English E.N. Egorova. M., 2006 (in Russ.).
5. *Pletnev A.V.* Theory of anomie in modern criminology // Modern scientific research and innovation. 2015. No. 7. Part 5 (in Russ.).
6. Philosophical Encyclopedic Dictionary / comp. E.F. Gubsky, G.V. Korableva, V.A. Lutchenko. M., 1999. P. 22 (in Russ.).
7. *Adam-Troian J., Bonetto E., Araujo M. et al.* Positive associations between anomia and intentions to engage in political violence: Cross-cultural evidence from four countries. Peace and Conflict // Journal of Peace Psychology. 2020. No. 26. P. 217–223.
8. *Adeleke F.G.* Child delinquency in communal conflict areas in southwestern Nigeria // Journal of Community Psychology. 2019. No. 47. P. 790–804.
9. *Ajah B.O., Nnam M.U., Ajah I.A.* Investigating the awareness of virtual and augmented realities as a criminal justice response to the plight of awaiting-trial inmates in Ebonyi State, Nigeria // Crime Law Soc Change. 2022. No. 77. P. 111–132.
10. *Alwazna R.Y.* Culture and law: The cultural impact on Islamic legal statements and its implications for translation // International Journal of Legal Discourse. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 225–241.
11. *Ameri T., Burgason K.A., DeLisi M. et al.* Legal cynicism: Independent construct or downstream manifestation of antisocial constructs? New evidence // International Journal of Law and Psychiatry. 2019. No. 64. P. 211–218.
12. *Andrade Salazar O.L., Gallegos S.B. Rosillo, Abarca L.V.* The incidence of legal certainty and collection analysis by means of third party intervention in ecuadorian legislation | incidencia de la seguridad jurídica y análisis del cobro mediante la tercería coadyuvante en la legislación ecuatoriana // Universidad y Sociedad. 2022. No. 14. P. 541–551.
13. *Bashir H., Bala R.* Development and Validation of a Scale to Measure Anomie of Students // Psychol Stud. 2019. No. 64. P. 131–139.
14. *Bautista G., Vera J.* Conducta antisocial, anomia y alienación en adolescentes mexicanos // DIRE. 2015. No. 6. P. 48–60.
15. *Bautista G., Vera J., Zaragoza M.* Conducta antisocial, alienación y anomia en jóvenes infractores y jóvenes sin oportunidades // La psicología social en México. January 2012. Vol. XIII. P. 129–134.
16. *Bello P.O.* Socio-economic dynamism and the expansion of child kidnapping for ransom in Nigeria // Cogent Social Sciences. 2022. No. 8(1).
17. *Bittencourt A.H.* Estado de exceção – da ditadura militar à constituição federal De 1988: A anomia que ainda existe no Brasil // Revista do MPC. March 11th. 2021. P. 12–36.
18. *Braithwaite J., Braithwaite V., Cookson M., Dunn L.* Anomie and Violence Non-truth and reconciliation in Indonesian peacebuilding – ANU E Press, 2010.
19. *Brinda M.* Feminism: a de-colonial Indo-Caribbean consciousness // South Asian Diaspora. 2020. No. 12. P. 179–194.
20. *Chamberlain A.W., Boggess L.N., Powers R.A.* Neighborhood predictors of the gendered structure of non-lethal violent interactions // Social Science Research. 2021. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0049089X21000223?via%3Dihub>
21. *Collins A.M., Menard S.* Anomie and Adult Crime // Journal of Developmental and Life-Course Criminology. 2021. No. 7. P. 420–448.
22. *Dalberg-Larsen J.* Human rights and national legal cultures: the case of Labour Law (Book Chapter) // Legal Cultures and Human Rights: the Challenge of Diversity, 2021. P. 103–105.
23. *Dedek H.* Out of site: Transnational legal culture(s) (Book Chapter) // The Oxford Handbook of Transnational Law, 2021. P. 89–112.
24. *Doukellis Panagiotis.* Entre violence et anomie dans le monde antique I remarques introductives // Dialogues d'histoire ancienne. 2019. Vol. 45/1. No. 1. P. 9–12.
25. *Douville O.* Gender relations and modernity [Relações de gênero e modernidade] // Psicologia Clínica. 2020. No. 32. P. 175–184.
26. *Febbrajo A.* Typology of legal cultures (Book Chapter) // Law, Legal Culture and Society: Mirrored Identities of the Legal Order, 2018. P. 28–43.
27. *Ganapathy N., Balachandran L.* “Racialized masculinities”: A gendered response to marginalization among Malay boys in Singapore // Australian and New Zealand Journal of Criminology. 2019. No. 52. P. 94–110.
28. *García-Martínez J.* Institutional deterioration in Venezuela as a factor associated with the emergency of crime [Deterioro institucional en Venezuela como factor asociado a la emergencia de la delincuencia] // Iberoamerican Journal of Development Studies. 2018. No. 7. P. 32–51.
29. *Gayol V., Flórez J.A.M.* Jurisdictional culture and memory digitization of the “government of justice”. Data modeling and digital approach for the legal history of Ibero-America // Culture and History Digital Journal. 2018. No. 7(2) [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://cultureandhistory.revistas.csic.es/index.php/cultureandhistory/article/view/145> (accessed: 02.02.2023).
30. *Goldin A.* Sobre los Derechos del Trabajo de América Latina: evolución y perspectivas // Trabajo y Derecho. 2019. No. 48. P. 12–23.
31. *Graca S.* Portuguese culture and legal consciousness: A discussion of immigrant women’s perceptions of and reactions to domestic violence // International Journal of Law in Context. 2018. No. 14. P. 416–436.
32. *Gupta N.K.* Out of bounds: Coerced invisibility and alternate sexualities // Sexuality, Gender and Policy. 2022. No. 5. P. 58–68.

33. *Hastrup K.* Legal cultures and human rights: the challenge of diversity (Book) // *Legal Cultures and Human Rights: the Challenge of Diversity*, 2021. P. 1–199.
34. *Heyder A., Gaßner A.* Deprivation, anomia, and value orientation as predictors for right-wing extremism. A representative study from Germany [Anomia, deprivation und wertorientierung zur vorhersage rechtsextremistischer einstellungen. Eine empirische studie mit repräsentativdaten aus Deutschland] // *Osterreichische Zeitschrift fur Politikwissenschaft*. 2012. No. 41. P. 277–298.
35. *Hovermann A.* Anomia, institutionelle Anomie und Vorurteile – Der Beitrag ausgewählter anomietheoretischer Ansätze zur Erklärung Gruppenbezogener Dissertation eingereicht zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie (Dr. phil.) der Fakultät für Soziologie Universität Bielefeld Bielefeld. August 2015. URL: <https://www.researchgate.net/publication/301560391>
36. *Iluk L.* Language- And Legal Culture Peculiarities in Selected Swiss Constitutional Acts including a Translational Perspective // *Comparative Legilinguistics*. 2021. No. 46(1). P. 91–109.
37. *Konkel R.H., Hafemeister A.J., Daigle L.E.* The Effects of Risky Places, Motivated Offenders, and Social Disorganization on Sexual Victimization: A Microgeographic- and Neighborhood-Level Examination // *Journal of Interpersonal Violence*. 2021. No. 36. P. 8409–8434.
38. *Laca Arocena F.A., Santana Aguilar H., Ochoa Madrigal Y., Mejía Ceballos J.C.* Percepciones de bienestar social, anomia, interés e impotencia política en relación con las actitudes hacia la democracia // *Liberabit: Lima (Perú)*. 2011. No. 17(1). P. 7–18 [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.scielo.org.pe/scielo.php?pid=S1729-48272011000100002&script=sci_abstract
39. *Linden T., Shirazi T.* Markets in crypto-assets regulation: Does it provide legal certainty and increase adoption of crypto-assets? // *Financial Innovation*. 2023. No. 9. URL: <https://jfin-swufe.springeropen.com/articles/10.1186/s40854-022-00432-8>
40. *Maculan A., Sterchele L.* The “left” and “right” arm of the prison: Prison work and the local legal culture of the penitentiary // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. No. 12. P. 1492–1517.
41. *Marissal A.* Legal cultures and the internationalization of legal elites. The judges of the international court of justice as a case study [Cultures juridiques et internationalisation des élites du droit. Le cas des juges de la Cour internationale de Justice] // *Droit et Societe*. 2020. No. 105. P. 343–359.
42. *McCaffree K.* The Growth of Chinese Think Tanks and the Question of Crime // *East Asia*. 2018. No. 35. P. 43–58.
43. *McNeeley S., Overstreet S.* Lifestyle-routine activities, neighborhood context, and ethnic hate crime victimization // *Violence and Victims*. 2018. No. 33. P. 932–948.
44. *Merton R.* Social structure and anomie // *American sociological rev.* Wash., 1938. Vol. 3. No. 5. P. 672–682.
45. *Messner S.F., Rosenfeld R., Hövermann A.* Institutional Anomie Theory: An Evolving Research Program. In: *Krohn M., Hendrix N., Penly Hall G., Lizotte A. (eds) Handbook on Crime and Deviance. Handbooks of Sociology and Social Research*. Springer, Cham, 2019. P. 161–177.
46. *Mills C.E.* A Common Target: Anti-Jewish Hate Crime in New York City Communities, 1995–2010 // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2020. Vol. 57. Issue 6. No. 57. P. 643–692.
47. *Nafstad I.* Legal Silencing of Minority Legal Culture: The Case of Roma in Swedish Criminal Courts // *Social and Legal Studies*. 2019. No. 28. P. 839–858.
48. *Nikos Passas.* Anomie and corporate deviance // *Contemporary Crises*. 1990. No. 14. P. 157–178.
49. *Orru M.* Weber on anomie // *Sociological forum*. Oxford, 1989. Vol. 4. No. 2. P. 263–270.
50. *Opoku-Ware J., Akuoko K.O., Ofori-Dua K., Dapaah J.D. Mensah* Modeling the Structural Effects of Residential Instability, Family Disruptions, and Social Support on Neighborhood Crime Perceptions: A Partial Test of Social Disorganization Theory // *Deviant Behavior*. 2022. No. 43. P. 743–763.
51. *Papahit H.I., Damayanti A.* Subcultures Terrorism in Pegunungan Tengah Papua // *Res Militaris*. 2022. No. 12(2). P. 135–155.
52. *Petrović D.* Ordinary Affects During the Democratization of Violence in the Context of the Breakup of Yugoslavia // *Politička misao*. 2022. Vol. 59. No. 4. P. 167–191.
53. *Phillips J.B.* Postincident Interpersonal Difficulty Among Adolescent Victims of Violent Crime // *Journal of Interpersonal Violence*. 2021. Vol. 36. Issue 9–10. P. 3994–4017.
54. *Piscatori J.* Saudi arabia, culture change, and the international legal order (Book Chapter) // *Law, Personalities, and Politics of the Middle East: Essays in Honor of Majid Khadduri*, 2019. P. 64–90.
55. *Piszc A., Sierocka H.* The Role of Culture in Legal Languages, Legal Interpretation and Legal Translation // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2020. No. 33(3). P. 533–542.
56. *Poggi F.* Anomia y Estado de derecho // *i-Latina 0* (2017). P. 1–19. URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra/anomia-y-estado-de-derecho-884350/>
57. *Reynolds J.* Investigating the language-culture nexus in refugee legal advice meetings // *Multilingua*. 2020. No. 39(4). P. 395–429.
58. *Rinaldi K.* The emergence of crime areas in Pekanbaru city in the view of anomie theory // *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2019. No. 10(3). P. 201–214.
59. *Rogan M.* Examining the Role of Legal Culture as a Protective Factor Against High Rates of Pre-trial Detention: The Case of Ireland // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2022. No. 28. P. 425–433.
60. *Salnikova S., Klymenko E., Yemelianova Y.* Features of Consolidation of the Ukrainian Nation in the Conditions of Decentralization // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. No. 315. P. 329–340.
61. *Sami N., Adam J.* Vanhove A Model of the Institutionalization of Corruption During the Rebuilding Process // *Public Integrity*. 2020. No. 22. P. 170–186.
62. *Sbraccia A., Vianello F.* Legal culture and professional cultures in the prison system // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. No. 12. P. 1463–1491.
63. *Schenk J.* Anomie in Slovakia in 2001 and 2008: Comparison and some methodological issues [Anómia na Slovensku

- v r. 2001 a 2008: porovnanie a niektoré metodologické problémy] // Sociologia. 2010. No. 42. P. 287–315.
64. *She B.* Deep Learning-Based Text Emotion Analysis for Legal Anomie // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13.
 65. *Takeiti B.A., Gonçalves M.V., de Oliveira S.P.A.S., Elisario T.S.* The state-of-the-art on youth, vulnerabilities, and violence: what do surveys tell us? [O estado da arte sobre as juventudes, as vulnerabilidades e as violências: O que as pesquisas informam?] // *Saude e Sociedade*. 2020. No. 29. P. 1–16.
 66. *Tremonti G.* Brexit and the rest // *Law and Economics Yearly Review*. 2021. No. 10. P. 63–66.
 67. *Tuttle J.* Murder in the shadows: evidence for an institutional legitimacy theory of crime // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 2019. No. 43. P. 13–27.
 68. *Vera J., Bautista G., Zaragoza M.* Efectos de la anomia, alienación y confianza en la conducta antisocial en jóvenes fuera del sistema escolar y laboral // *Civilizar*. 2014. No. 14. P. 155–164.
 69. *Vo T.D., Tuliao K.V., Chen C.W.* Managers Ethics of Tax Evasion: The Roles of Family, Religion, and Social Conditions // *E&M Economics and Management*. 2022. No. 25(3). P. 53–68.
 70. *Wolkmer A.C., Ferrazzo D.A.* Decolonial approach on democracy and legal culture in modernity // *Revista Brasileira de Estudos Politicos*. 2020. No. 120. P. 55–105.
 71. *Yeom Y., Choi J.* The spatiotemporal dynamics and structural covariates of homicide in the Republic of Korea, 2008–2017: A dynamic spatial panel data approach // *Geospatial Health*. 2022. No. 17.
 72. *Zhang H., Ge P., Pang X.* Impact factors of elder pedestrian anomie crossing behavior at signalized intersection [信号交叉口老年人失范过街的影响因素] // *Jiangsu Daxue Xuebao (Ziran Kexue Ban) / Journal of Jiangsu University (Natural Science Edition)*. 2021. No. 42. P. 62–66.
 73. *Zhao J., Zhang H., Zhao R.* Sources of legal cynicism among students in China: the role of Western popular culture and social attachment // *Journal of Crime and Justice*. 2021. No. 44. P. 66–84.
 74. *Zhe L., Gang L., Junjun Z. et al.* Spatiotemporal Evolution and Formation Mechanism of Missing-Person Incidents in the United States [美国失踪人口的时空格局演变与影响机制] // *Tropical Geography*. 2022. No. 42(9). P. 1475–1487.
 75. *Zou C.* The Construction of Psychological Intervention Mechanism of Deep Learning in the Prevention of Legal Anomie // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13.

Сведения об авторах

ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» Института права Тольяттинского государственного университета; 445020 Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

ИВАНОВ Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Конституционное и административное право» Института права Тольяттинского государственного университета; 445020 Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

Authors' information

LIPINSKY Dmitry A. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Law, Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., 445020 Samara Region, Togliatti, Russia

IVANOV Alexander A. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Law, Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., 445020 Samara Region, Togliatti, Russia

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СТОРОН ПРИ ВЗЫСКАНИИ С ЗАСТРОЙЩИКА НЕУСТОЙКИ ЗА НАРУШЕНИЕ СРОКОВ ПЕРЕДАЧИ ОБЪЕКТА ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ДОЛЬЩИКУ

© 2023 г. А. В. Пушкина

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.02.2023

Аннотация. В статье дается характеристика разнообразных подходов к определению размера неустойки за нарушение сроков передачи объекта долевого строительства, существующих на практике. Отмечается, что отсутствие единообразия в методике подсчёта размера такой неустойки снижает правовую определенность и, как следствие, доверие к судебной системе. Предлагается придерживаться буквального толкования закона при установлении даты, на которую должен определяться размер ключевой ставки Центрального банка РФ для расчёта подобных неустоек, а именно исходить из дня подписания акта приема-передачи объекта долевого строительства. Использование иного размера учетной ставки нередко ведет к ущемлению прав дольщиков, а неустойка перестает быть инструментом защиты слабой стороны в отношениях по долевному участию в строительстве. Если размер неустойки при такой методике подсчёта получается явно несоразмерным последствиям нарушения, для восстановления баланса интересов сторон можно использовать механизм снижения неустойки на основании ст. 333 ГК РФ, учитывая особенности каждой конкретной ситуации.

Ключевые слова: договор участия в долевым строительстве, законная неустойка, штрафная неустойка, защита прав потребителя, сверхкомпенсационная защита, ненадлежащее исполнение обязательства, неисполнение обязательства, судебное усмотрение.

Цитирование: Пушкина А. В. Защита прав и интересов сторон при взыскании с застройщика неустойки за нарушение сроков передачи объекта долевого строительства дольщику // Государство и право. 2023. № 11. С. 64–71.

DOI: 10.31857/S102694520028716-8

PROTECTION OF THE RIGHTS AND INTERESTS OF THE PARTIES IN RECOVERY FROM THE DEVELOPER FOR THE BREACH OF THE TERMS OF TRANSFER OF THE OBJECT OF SHARING CONSTRUCTION TO THE SHAREHOLDER

© 2023 A. V. Pushkina

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Received 15.02.2023

Abstract. The article describes a variety of approaches to determining the amount of a penalty for violation of the terms of transfer of an object of shared construction that exist in practice. It is noted that the lack of uniformity in the methodology for calculating the size of such a penalty reduces legal certainty and, as a result, trust in the judicial system. It is proposed to adhere to a literal interpretation of the law when setting the date on which the size of the key rate of the Central Bank of the Russian Federation should be determined for calculating such penalties, namely, to proceed from the day of signing the act of acceptance and transfer of the shared construction object. The use of a different size of the discount rate often leads to infringement of the rights of equity holders, and the penalty ceases to be a tool to protect the weak party in the relationship of

equity participation in construction. If the amount of the penalty with this method of calculation turns out to be clearly disproportionate to the consequences of the violation, to restore the balance of interests of the parties, you can use the mechanism for reducing the penalty on the basis of Art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation, taking into account the peculiarities of each specific situation.

Key words: contract for participation in shared construction, legal forfeit, penalty forfeit, protection of consumer rights, overcompensatory protection, improper performance of an obligation, non-performance of an obligation, judicial discretion.

For citation: *Pushkina, A.V. (2023). Protection of the rights and interests of the parties in recovery from the developer for the breach of the terms of transfer of the object of sharing construction to the shareholder // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 64–71.*

Многие исследователи¹ отмечают, что вопрос защиты субъективных гражданских прав и законных интересов — один из наиболее сложных в науке. Эта сложность в полной мере проявляется, когда решается ситуация о привлечении застройщика к ответственности за нарушение сроков сдачи объекта долевого строительства. При этом важно не только восстановить имущественную сферу дольщика, пострадавшего от такого рода нарушения. Выплата санкций не должна быть чрезмерно обременительной для застройщика, деятельность которого позволяет решать стоящие перед обществом социальные задачи.

Двойственная природа неустойки проявляется при её применении в связи с нарушением сроков передачи объекта долевого строительства уполномоченным лицам. С одной стороны, угроза взыскания неустойки стимулирует застройщика к надлежащему выполнению обязательства. С другой стороны, если срок всё-таки нарушается, неустойка как мера гражданско-правовой ответственности служит защите интересов участников строительства. Однако часто обеспечительная функция неустойки не срабатывает, и на первый план выходит её применение в качестве меры гражданско-правовой ответственности.

При взыскании такого рода неустоек важно, чтобы их размер был соразмерен нарушению. Защита прав слабой стороны договора не должна приводить к нарушению интересов более сильного контрагента. Деятельность застройщиков сводится не только к получению прибыли от реализации недвижимости, нередко в их обязанности входит обеспечение нового жилья инфраструктурой и социальными объектами. Но как профессиональные предприниматели, они отвечают независимо от вины. Поэтому, если, к примеру, просрочка произошла вследствие недобросовестности подрядчика, ответственность застройщика перед дольщиками всё равно наступит. Их деятельность зависит от многих непредсказуемых

факторов, поэтому всегда велик риск нарушения срока передачи объектов долевого строительства. В то же время они выполняют социально важную задачу — обеспечивают население жильём и объектами инфраструктуры. Поэтому снижение кредитоспособности застройщиков за счёт выплаты всех возможных санкций дольщикам может оказаться для общества невыгодным.

Неустойка за нарушение предусмотренного договором срока передачи объекта долевого строительства установлена в п. 2 ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»² (далее — Закон № 214-ФЗ). Для граждан-потребителей ее размер составляет одну стопятидесятую ключевой ставки Центрального банка РФ, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки.

Таким образом, исследуемая неустойка является законной. В п. 61 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»³ подтверждено устоявшееся толкование п. 2 ст. 332 ГК РФ, согласно которому размер законной неустойки может быть заранее изменен по соглашению сторон только в сторону увеличения, но не в сторону уменьшения.

Данная неустойка в соответствии со ст. 10 Закона № 214-ФЗ является штрафной, т.е. в отличие от зачётной неустойки взыскивается сверх убытков. Законодатель предоставляет дольщику сверхкомпенсационную защиту в силу особой значимости жилья для каждой семьи. А.Г. Карапетов⁴ отмечает, что в большинстве государств сложилось негативное отношение к штрафной неустойке, и иногда допускается её применение только по соглашению сторон. Да

¹ См., напр.: Михайлова Е.В., Чуча С.Ю., Летова Н.В., Соловьяненко Н.И. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 67. DOI: 10.31857/S102694520022201-2

² См.: СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I), ст. 40.

³ См.: Росс. газ. 2016. 4 апр.

⁴ См.: Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М., 2005.

и в отечественной цивилистике считается аксиомой, что меры гражданско-правовой ответственности нацелены на восстановление имущественной сферы потерпевшего лица, а не на её приращение. В то же время российское законодательство допускает возможность установления штрафной неустойки как в договоре, так и в законе. На практике договорная штрафная неустойка фактически не используется, но встречаются случаи закрепления штрафной неустойки в нормативных правовых актах.

Исследователи⁵ выделяют несколько причин появления в гражданском праве сверхкомпенсационных санкций. Во-первых, это использование частноправовых механизмов в тех случаях, когда одновременно затрагиваются и частный, и публичный интересы, при недостаточной эффективности публично-правовых санкций. Во-вторых, сложность доказывания размера понесенных убытков потерпевшим снижает вероятность его обращения в суд с такого рода требованиями, что приводит к безнаказанности нарушителей. А при установлении штрафной неустойки потерпевший имеет больше шансов на удовлетворение своих требований, и угроза этих санкций стимулирует должника к надлежащему исполнению обязательства. Таким образом, хотя штрафная неустойка и взыскивается в пользу частного лица, она одновременно может служить средством защиты публичных интересов.

Переместился в частноправовую сферу и штраф, который дольщик-потребитель может взыскать с застройщика в судебном порядке за то, что его требования не были удовлетворены добровольно. Правоведы отмечают неэффективность досудебного порядка урегулирования споров даже в тех случаях, когда он является обязательным⁶. В данном случае досудебный порядок урегулирования спора не обязателен. Однако, поскольку дольщик получает право на взыскание штрафа в случае неудовлетворения претензии, обычно сначала делается попытка досудебного урегулирования спора. Несмотря на угрозу штрафа, на претензии дольщиков застройщики по общему правилу не реагируют.

Данный штраф предусмотрен п. 6 ст. 13 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. «О защите прав потребителей»⁷ в размере половины суммы, присужденной

в пользу истца. В первоначальной редакции этого пункта было предусмотрено, что такого рода штраф в размере цены иска мог быть взыскан в федеральный бюджет. А если за защитой прав потребителя обращалось общественное объединение потребителей или орган местного самоуправления, то половина взысканного штрафа передавалась им.

Однако в 2004 г. упоминание о федеральном бюджете из данного пункта устранили, и вопрос об адресате взыскания данного штрафа с тех пор решался путём судебного толкования. В 2007 г. Президиум Верховного Суда РФ разъяснил, что такого рода штрафы должны взыскиваться в доход бюджетов муниципальных образований, в которых рассматривалось дело⁸. В 2012 г. позиция Пленума Верховного Суда⁹ изменилась, а предыдущее разъяснение было отозвано. Согласно новому толкованию, данный штраф подлежит взысканию в пользу потребителя, причём он должен быть истребован даже в тех случаях, когда истец такого требования не заявляет. Данный подход сохраняется и донныне¹⁰.

Таким образом, помимо компенсации морального вреда, убытков и неустойки за просрочку передачи объекта долевого строительства, дольщик может взыскать с застройщика ещё штраф в размере половины суммы указанных требований, если застройщик не удовлетворил его претензию в досудебном порядке. Сумма может оказаться весьма существенной и привести к нарушению баланса интересов сторон. Так, С.А. Краснова полагает, что «взыскание судом штрафа в пользу потерпевшего сверх присужденных компенсационных и сверхкомпенсационных сумм влечет необоснованное (не имеющее политико-правового основания) обогащение последнего»¹¹.

Чтобы не допустить значительного превышения взыскиваемых с застройщиков санкций над убытками дольщиков, суды часто по различным основаниям снижают размер неустойки за нарушение сроков сдачи объекта долевого строительства. Среди самых распространенных оснований — применение наиболее выгодной для застройщика ключевой ставки Центрального банка РФ и ссылка на ст. 333 ГК РФ

⁸ См.: Вопрос 29 «Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2006 года» (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.03.2007) // В официальных источниках опубликован не был.

⁹ См.: пункт 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Росс. газ. 2012. 11 июля.

¹⁰ См., напр.: пункт 11 «Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2022) // В официальных источниках опубликован не был.

¹¹ Краснова С.А. Указ. соч.

⁵ См., напр.: Краснова С.А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 1. С. 68–110; Слесарев В.Л., Кравец В.Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59–64.

⁶ См., напр.: Михайлова Е.В. Урегулирование споров в системе защиты гражданских прав // Нотариальный вестник. 2021. № 6. С. 35. DOI: 10.53578/1819-6624_2021_6_28

⁷ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15, ст. 766.

о несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства.

Однако для сохранения стабильности гражданского оборота важно, чтобы право обладало свойством определенности и не допускалось противоречащее друг другу толкование одной и той же нормы разными судами. Что касается размера ключевой ставки Центрального банка РФ, применяемой для расчёта неустойки за нарушение срока сдачи объекта долевого строительства, разнообразие подходов налицо.

В п. 2 ст. 6 Закона № 214-ФЗ, как отмечалось выше, говорится о применении ставки рефинансирования, действующей на день исполнения обязательства. На первый взгляд данная норма однозначно определяет момент, в который необходимо устанавливать размер ключевой ставки. Это — день, когда застройщик исполнил своё обязательство по передаче объекта долевого строительства, т.е. момент подписания акта приема-передачи. Такой подход встречается в судебной практике¹², обосновывается в научных исследованиях¹³, но он — далеко не единственный.

Наиболее распространенной¹⁴ является точка зрения, согласно которой право на неустойку у дольщика возникает с момента, когда истёк срок исполнения обязательства по передаче объекта долевого строительства. Нередко дольщик, не дожидаясь фактической передачи объекта, заявляет в суд требование о взыскании неустойки. И в такой ситуации нужен иной подход к определению размера ключевой ставки, здесь появляется простор для толкования указанной нормы. Но вопрос о правомерности взыскания неустойки до передачи объекта долевого участия заслуживает отдельного рассмотрения, и об этом речь пойдет ниже. Пока же отметим, что даже в ситуации, когда дольщик обращается в суд уже

после подписания акта приема-передачи объекта долевого строительства, суды по-разному определяют момент, в который необходимо устанавливать размер ключевой ставки для расчёта неустойки за просрочку передачи объекта долевого участия.

Если в течение просрочки размер ключевой ставки менялся, суды могут разбить её на периоды и в каждом из них применять ту ключевую ставку, которая действовала в соответствующий период¹⁵. Видимо, при такой логике суды берут за образец решения¹⁶, где неустойка рассчитывалась для дольщиков, которым еще не был передан объект долевого строительства. Представляется, что в ситуации, когда требование заявлено после подписания акта приема-передачи, подобный способ расчёта неустойки не соответствует положению п. 2 ст. 6 Закона № 214-ФЗ.

Еще больше неопределенности вызывают решения, в которых размер ключевой ставки определяется на последний день срока исполнения обязательства по передаче объекта долевого строительства, установленный в договоре. Подобный способ расчета можно рассматривать как вариант толкования закона в случаях, когда объект долевого строительства ещё не передан дольщику¹⁷. Но, если подписан акт приема-передачи с отступлением от сроков, предусмотренных в договоре, такого рода толкование¹⁸ представляется некорректным.

Менее распространенным является вариант использования размера ключевой ставки на день вынесения судебного решения¹⁹. Когда на момент рас-

¹⁵ См., напр.: Апелляционные определения Московского городского суда: от 22.05.2019 г. по делу № 33-20842/2019; от 06.02.2020 г. по делу № 33-5150/2020 // В официальных источниках опубликованы не были.

¹⁶ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 06.03.2019 г. по делу № 33-9832/2019 // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁷ «По смыслу приведенной правовой нормы при исчислении неустойки, подлежащей взысканию с застройщика в связи с просрочкой передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства, подлежит применению неустойка, действующая на последний день срока исполнения застройщиком обязательства по передаче указанного объекта» (см.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.10.2017 г. № 41-КГ17-26; апелляционное определение Московского городского суда от 30.05.2019 г. по делу № 33-23364/2019 // В официальных источниках опубликованы не были).

¹⁸ «Для целей начисления неустойки за просрочку передачи объекта дольщику определяющее значение имеет установленная договором дата окончания строительства и выполнения обязательства по договору...» (см.: Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 16.01.2018 г. по делу № 33-288/2018 // В официальных источниках опубликовано не было).

¹⁹ См., напр.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.08.2018 г. по делу № А32-50743/2017 // В официальных источниках опубликовано не было.

¹² См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2017 г. по делу № 33-44548/2017; Апелляционное определение Московского областного суда от 13.02.2017 г. по делу № 33-1382/2017; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25.09.2017 г. № 33-17380/2017 по делу № 2-836/2017; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.12.2019 г. № 15АП-20203/2019 по делу № А32-21826/2019 («при фактическом исполнении застройщиком обязательства по передаче объекта до даты вынесения решения о взыскании такой неустойки надлежит использовать в расчете ставку рефинансирования, действующую на момент передачи объекта долевого строительства, то есть на момент фактического исполнения») // В официальных источниках опубликованы не были.

¹³ См., напр.: Петрухин М.В. Срок и ответственность за его нарушение в договоре участия в долевом строительстве // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М., 2018. Вып. 23. С. 48–55.

¹⁴ См., напр.: Пластилина Н. Обманутые дольщики все равно остаются с пустыми руками? // Жилищное право. 2018. № 1. С. 97–112; Галузо В.Н. «Право на жилище» в Российской Федерации: миф или реальность? // Юрисконсульт в строительстве. 2020. № 6. С. 28–34.

смотрения дела акт приема-передачи ещё не подписан, такой подход можно с некоторыми оговорками рассматривать как восполняющий пробел закона. Если же дольщик предъявляет требование после приема объекта строительства с просрочкой, то подобный способ расчета противоречит законодательству. В последнее время в таком ключе начали рассуждать и суды. В приведенном примере вышестоящий суд изменил постановление апелляционной инстанции, применив размер ключевой ставки на день подписания акта приема-передачи квартиры²⁰.

В первое время были колебания и в практике использования формулы расчёта неустойки. Так, иногда получившуюся при расчете сумму делили на количество дней в году, исходя из того, что ставка установлена в процентах годовых. Некоторые исследователи делали попытки обоснования правильности такого подхода²¹. Однако практика не пошла по такому пути, так как при этом размер неустойки получался настолько маленьким, что она не могла ни восстановить имущественную сферу дольщика, ни стимулировать застройщика к надлежащему исполнению обязательства.

Отметим, что в большинстве случаев, когда суды применяли иную ставку рефинансирования, чем та, которая действовала на день подписания акта приема-передачи объекта строительства, это делалось в целях уменьшения размера взыскиваемой неустойки. Представляется, что такой путь устранения несоразмерности неустойки совершенному нарушению не способствует повышению доверия к судебной системе в целом.

Для всех участников оборота важна правовая определенность и единообразие в толковании закона. Если на практике допускаются разночтения при применении определенной нормы, по данному вопросу необходимо разъяснение высшей судебной инстанции или ее уточнение законодателем. Ясность могло бы внести указание компетентного органа о том, что для расчёта размера неустойки за просрочку передачи объекта долевого строительства следует использовать ключевую ставку Центрального банка РФ, действующую на день подписания акта приема-передачи объекта долевого строительства.

²⁰ Вышестоящая инстанция постановила: «С учетом изложенного при расчете неустойки, подлежащей взысканию с компании, суду следовало руководствоваться ставкой, действовавшей по состоянию на день исполнения обязательства по передаче дольщику квартиры» (см.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.01.2019 г. № Ф08-10682/2018 по делу № А32-50743/2017 // В официальных источниках опубликовано не было).

²¹ См.: *Трапезников В.А.* Установленная законом ответственность в долях от ставки рефинансирования: проблемы правоприменительной практики и пути их решения // Законодательство и экономика. 2013. № 6.

Практика идёт по пути предоставления возможности взыскания неустойки и в случаях, когда застройщик допустил просрочку, но ещё не передал объект долевого строительства дольщику. Вместе с тем дольщики нередко злоупотребляют такого рода правом, что может привести к нарушению баланса интересов сторон договора участия в долевом строительстве.

Если неустойка заявляется дольщиком после подписания акта приема-передачи, то ее сумма может оказаться существенной, и суд обычно старается ее уменьшить в несколько раз. Чтобы получить с застройщика более крупную сумму, дольщики неоднократно обращаются в суд за взысканием неустойки в течение периода просрочки до подписания акта приема-передачи. Чем меньше заявленная ко взысканию сумма, тем больше шансов, что она будет присуждена истцу в полном объеме. Иногда даже за один период просрочки неустойка взыскивается дважды²².

Подобная ситуация ведет к чрезмерной нагрузке на судебную систему, а поведение дольщиков при этом не всегда соответствует критериям добросовестности. Кроме того, п. 1 ст. 9 Закона № 214-ФЗ предоставляет дольщику право требовать расторжения договора в случае, если просрочка обязательства по передаче объекта долевого строительства составила более двух месяцев. Представляется, что только эту меру защиты можно применять дольщику, пока ему не передан объект долевого строительства. Такое нарушение можно рассматривать как неисполнение обязательства.

Так, А.Г. Карапетов отмечает, что «понятие “неисполнение обязательства” подразумевает само по себе не что иное, как текущую просрочку». С одной стороны, он полагает, что если кредитор уже отказался от договора, то он может взыскать помимо вызванных этим убытков ещё и неустойку за просрочку²³. В то же время А.Г. Карапетов относит неустойку за просрочку к числу санкций за ненадлежащее исполнение обязательства и пишет о необходимости выбора кредитором одного из вида санкций — либо за неисполнение, либо за ненадлежащее исполнение обязательств²⁴. Таким образом, рассуждения

²² См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 28.07.2022 г. по делу № 33-28463/2022 // В официальных источниках опубликовано не было.

²³ «В зависимости от цели их взыскания и того, что кредиторы включают в расчет, мы выделяем убытки, рассчитанные на случай прекращения обязательства (компенсаторные убытки), убытки в связи с принятием ненадлежащего исполнения (восполнительные убытки) и убытки за просрочку (мораторные убытки)... Если кредитор уже отказался от договора, то он может взыскать компенсаторные убытки, а также неустойку за неисполнение, неустойку за ненадлежащее исполнение или неустойку за просрочку» (см.: *Карапетов А.Г.* Указ. соч.).

²⁴ «Неисполнение (текущая просрочка исполнения) обязанности как факт нарушения может с учетом прописанных в законе

А.Г. Карапетова дают основание для различных трактовок допустимости взыскания неустойки за просрочку при отказе от договора.

В отношениях же, связанных с долевым участием в строительстве, возможность взыскания неустойки за просрочку сверх компенсации за отказ от договора может оказаться губительной для застройщика. Представляется, что должны быть объективные критерии разграничения между неисполнением и ненадлежащим исполнением обязательства. Если дольщик дождался получения ключей, то можно говорить о ненадлежащем исполнении и требовать неустойку за просрочку. А пока акт приема-передачи не подписан, можно квалифицировать эту ситуацию только как неисполнение обязательства и применять меры защиты, предусмотренные п. 1 ст. 9 Закона № 214-ФЗ. Если же дольщик реализует своё право на применение данных мер защиты, то он не превратит обязательство из ненадлежаще исполненного в неисполненное. Одновременное взыскание убытков, связанных с расторжением договора, и неустойки за просрочку представляется чрезмерным.

Практика же взыскания неустойки за просрочку до подписания акта приема-передачи объекта долевого участия основана на неправильном толковании закона. Не случайно в п. 2 ст. 6 Закона № 214-ФЗ говорится о ставке рефинансирования, действующей на момент исполнения обязательства. Значит, законодатель имеет в виду, что, когда дольщик обращается с требованием о взыскании данной неустойки, обязательство уже исполнено, но с нарушением срока. Здесь нет никакого пробела в части определения момента, на который должна устанавливаться ключевая ставка, если объект долевого строительства ещё не передали дольщику. Просто на этот случай неустойка законом не предусмотрена.

Неоднократное взыскание неустойки за небольшие периоды просрочки до передачи объекта долевого строительства может быть выгодно представителям дольщиков, которые получают гонорар за каждое выигранное дело. Поэтому чем чаще обращается в суд дольщик, тем больше заработает такая представитель. Но для общества в целом такая неустойка имеет больше минусов, чем плюсов.

возможностей и реакции кредитора повлечь использование им средств защиты:

а) предусмотренных за текущую просрочку исполнения обязательства как за результат нарушения (в первую очередь приостановление своего встречного исполнения, иск об исполнении в натуре, начисление пеней или процентов годовых, взыскание убытков, вызванных просрочкой, и некоторые другие);

б) либо предусмотренных в связи с полным или частичным прекращением обязательства как, опять же, результатом нарушения (односторонний отказ или расторжение по иску кредитора в судебном порядке, взыскание убытков, вызванных вынужденным расторжением договора, и некоторые другие)» (см.: *Карапетов А.Г.* Указ. соч.).

Распыляются ресурсы застройщика, которые должны направляться на строительство. Перегружается судебная система, которая и так едва справляется с наплывом дел, что ведёт к росту количества судебных ошибок.

Конечно, запрет взыскания неустойки с застройщика до передачи объекта долевого строительства может привести к негативной реакции дольщиков. Но представляется, это будет более мягкой мерой, чем установление периодов, в которые с застройщика нельзя взыскать ни неустойку, ни убытки, как это практикуется в последнее время²⁵. Бесспорно, что в период пандемии коронавируса и усилившегося санкционного давления на Российскую Федерацию расходы застройщиков возросли и они нуждались в предоставлении мер поддержки для того, чтобы выполнить свои обязательства по строительству жилья и социальных объектов. Но в то же время дольщики также оказались в трудной ситуации. В период просрочки им нередко приходилось платить проценты по ипотеке и снимать жильё. Однако если просрочка имела место в период с начала апреля 2020 г. до конца 2020 г., а также с конца марта 2022 г. до 30 июня 2023 г., то потребовать возмещения убытков с застройщика не получится, равно как и взыскать неустойку за эти периоды просрочки.

Таким образом, застройщикам оказаны беспрецедентные меры поддержки за счёт дольщиков. Однако даже если в период просрочки попадает время, в которое застройщик освобождён от ответственности перед дольщиком, суды нередко снижают размер неустойки и за оставшееся время, в которое дольщик имеет право на взыскание санкций с застройщика²⁶, ссылаясь на ст. 333 ГК РФ. Некото-

²⁵ См.: постановления Правительства РФ: от 02.04.2020 г. № 423 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве» // СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. IV), ст. 2280; от 26.03.2022 г. № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» // СЗ РФ. 2022. № 14, ст. 2263.

²⁶ См., напр.: Решение Хамовнического районного суда г. Москвы от 19.12.2022 г. по делу № 2-4046/2022 // В официальных источниках опубликовано не было.

рые исследователи²⁷ полагают, что следует вообще запретить возможность снижения неустойки для требований, предъявляемых гражданами-потребителями. Но такого рода крайние меры могут привести к росту потребительского экстремизма вместо ожидаемого положительного эффекта.

Хотя у сторон нередко возникают сомнения в допустимости снижения законной неустойки, Конституционный Суд РФ однозначно высказался насчёт возможности снижения по ст. 333 ГК РФ не только договорной, но и законной неустойки²⁸. Однако в случае, когда застройщик и так освобождается от ответственности за определенный период, снижать размер оставшейся неустойки представляется неоправданным.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «Применение статьи 333 ГК РФ по делам о защите прав потребителей возможно в исключительных случаях и по заявлению ответчика с обязательным указанием мотивов, по которым суд полагает, что уменьшение размера неустойки является допустимым»²⁹. Между тем снижение размера неустойки за просрочку сдачи объекта долевого строительства судами является скорее правилом, чем исключением, а мотивы такого снижения указываются далеко не всегда³⁰. Верховный Суд РФ рассматривает подобные нарушения в качестве оснований для отмены решений нижестоящих судов³¹. О важности указания в решении суда мотивов его вынесения подчеркивается и в научных исследованиях³².

Иногда для восстановления равновесия бывает необходимо снизить размер неустойки, заявленный дольщиком. Но это не должно становиться обязательным элементом подобных решений, следует проявлять индивидуальный подход в каждом случае.

²⁷ См., напр.: *Свирин Ю.А.* Правомерность снижения неустойки судом // Современное право. 2018. № 12. С. 74–78.

²⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2004 г. № 13-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бочаровой Нины Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁹ См.: пункт 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

³⁰ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2017 г. по делу № 33-44548/2017 // В официальных источниках опубликовано не было.

³¹ См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.10.2019 г. № 5-КГ19-149 // В официальных источниках опубликовано не было.

³² См., напр.: *Лебедь К.А.* Решение суда в системе гражданского процессуального права // Государство и право. 2022. № 12. С. 166. DOI: 10.31857/S102694520023311-3

Так, необходимо учитывать, что застройщик освобождается от ответственности за просрочку на длительные периоды времени, в которые дольщик может понести значительные убытки. Однако иногда дольщик недобросовестно способствует увеличению периода просрочки³³. В этом случае, напротив, справедливым было бы максимально снизить размер неустойки.

А.П. Кузнецов³⁴ отмечает, что реформирование законодательства об участии в долевом строительстве в основном направлено на защиту прав дольщиков и ужесточение ответственности застройщиков. В этой связи становится актуальным пожелание П. Хлебникова, высказанное им в 2019 г.: «Хочется верить, что суды и законодатели найдут необходимый баланс интересов на рынке застройки, чтобы чаша весов не качнулась в сторону коллапса на рынке и бесконечного роста цен на недвижимость»³⁵.

* * *

Таким образом, размер взыскиваемой неустойки за нарушение сроков сдачи объекта долевого строительства не должен полностью зависеть от усмотрения суда. Представляется, её не следует присуждать до подписания акта приёма-передачи объекта строительства дольщику. Что касается размера ставки рефинансирования, используемого для расчёта неустойки, видится корректным определять его на момент подписания акта приёма-передачи. Единый подход судов в данном вопросе устранил существующую правовую неопределённость. При снижении размера неустойки по ст. 333 ГК РФ суды должны использовать дифференцированный подход, определяя баланс интересов сторон в каждой конкретной ситуации. Для общества важны как интересы застройщика, строящего объекты недвижимости, так и интересы дольщика, который приобретает жильё в основном за свой счёт, не прибегая к помощи государства.

³³ «Так, дольщики создают искусственные препятствия для исполнения застройщиком своих обязательств со ссылкой на наличие существенных недостатков объекта долевого строительства, которые не позволяют использовать его по функциональному назначению или же затягивают процедуру передачи квартиры, игнорируя извещения застройщика» (см.: *Можилан С.А.* Практические вопросы снижения размера неустойки за нарушение сроков передачи объектов долевого строительства // Правовые вопросы недвижимости. 2021. № 1. С. 17–20).

³⁴ См.: *Кузнецов А.П.* Тенденции правового развития долевого строительства // Правовые вопросы недвижимости. 2017. № 2. С. 19–23.

³⁵ *Хлебников П.* Последствия нарушения сроков застройки // Жилищное право. 2020. № 1. С. 5–14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Галузо В.Н. «Право на жилище» в Российской Федерации: миф или реальность? // Юрисконсульт в строительстве. 2020. № 6. С. 28–34.
2. Карпетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М., 2005.
3. Краснова С.А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 1. С. 68–110.
4. Кузнецов А.П. Тенденции правового развития долевого строительства // Правовые вопросы недвижимости. 2017. № 2. С. 19–23.
5. Лебедь К.А. Решение суда в системе гражданского процессуального права // Государство и право. 2022. № 12. С. 166. DOI: 10.31857/S102694520023311-3
6. Михайлова Е.В. Урегулирование споров в системе защиты гражданских прав // Нотариальный вестник. 2021. № 6. С. 35. DOI: 10.53578/1819-6624_2021_6_28
7. Михайлова Е.В., Чуча С.Ю., Летова Н.В., Соловяненко Н.И. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 67. DOI: 10.31857/S102694520022201-2
8. Можилан С.А. Практические вопросы снижения размера неустойки за нарушение сроков передачи объектов долевого строительства // Правовые вопросы недвижимости. 2021. № 1. С. 17–20.
9. Петрухин М.В. Срок и ответственность за его нарушение в договоре участия в долевом строительстве // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М., 2018. Вып. 23. С. 48–55.
10. Пластинина Н. Обманутые дольщики все равно остаются с пустыми руками? // Жилищное право. 2018. № 1. С. 97–112.
11. Свиринов Ю.А. Правомерность снижения неустойки судом // Современное право. 2018. № 12. С. 74–78.
12. Слесарев В.Л., Кравец В.Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59–64.
13. Трапезников В.А. Установленная законом ответственность в долях от ставки рефинансирования: проблемы правоприменительной практики и пути их решения // Законодательство и экономика. 2013. № 6.
14. Хлебников П. Последствия нарушения сроков застройщика // Жилищное право. 2020. № 1. С. 5–14.
1. Galuzo V.N. "The right to housing" in the Russian Federation: myth or reality? // Legal adviser in construction. 2020. No. 6. P. 28–34 (in Russ.).
2. Karapetov A.G. Penalty as a means of protecting the creditor's rights in Russian and foreign law. M., 2005 (in Russ.).
3. Krasnova S.A. Overcompensation protection in Russian Civil Law: forms and limits // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. No. 1. P. 68–110 (in Russ.).
4. Kuznetsov A.P. Trends in the legal development of shared-equity construction // Legal issues of real estate. 2017. No. 2. P. 19–23 (in Russ.).
5. Lebed K.A. Court decision in the system of Civil Procedural Law // State and Law. 2022. No. 12. P. 166. DOI: 10.31857/S102694520023311-3 (in Russ.).
6. Mikhailova E.V. Settlement of disputes in the system of protection of civil rights // Notary Bulletin. 2021. No. 6. P. 35. DOI: 10.53578/1819-6624_2021_6_28 (in Russ.).
7. Mikhailova E.V., Chucha S. Yu., Letova N.V., Solovyanenko N.I. Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the conditions of globalization and digitalization of the state and society // State and Law. 2022. No. 9. P. 67. DOI: 10.31857/S102694520022201-2 (in Russ.).
8. Mozhilyan S.A. Practical issues of reducing the size of the penalty for violation of the terms of transfer of shared-equity construction objects // Legal issues of real estate. 2021. No. 1. P. 17–20 (in Russ.).
9. Petrukhin M.V. Term and responsibility for its violation in the contract of participation in shared construction // Comment of judicial practice / res. ed. K.B. Yaroshenko. M., 2018. Iss. 23. P. 48–55 (in Russ.).
10. Plastinina N. Deceived shareholders still remain empty-handed? // Housing Law. 2018. No. 1. P. 97–112 (in Russ.).
11. Svirin Yu. A. The legality of reducing the penalty by the court // Modern Law. 2018. No. 12. P. 74–78 (in Russ.).
12. Slesarev V.L., Kravets V.D. Penalty as an "overcompensation" sanction and features of its application in cases involving consumers // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2022. No. 3. P. 59–64 (in Russ.).
13. Trapeznikov V.A. Statutory liability in shares of the refinancing rate: problems of law enforcement practice and ways to solve them // Legislation and Economics. 2013. No. 6 (in Russ.).
14. Khlebnikov P. Consequences of violation of the terms of construction // Housing Law. 2020. No. 1. P. 5–14 (in Russ.).

Сведения об авторе

Authors' information

ПУШКИНА Анна Викторовна —
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

PUSHKINA Anna V. —
PhD in Law,
Senior Researcher of the Sector of Procedural Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ОБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ В.М. СЫРЫХ «ОСНОВЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА: В 4 Т. Т. I. ОБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО И ФОРМЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ»

© 2023 г. А. В. Малько^{1, 2, *}, В. В. Трофимов^{2, **}, В. Ю. Панченко^{3, 4, 5, ***}, Н. В. Кроткова^{6, ****}

¹Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Саратов

²Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

³Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва

⁴НИИ ФСИН России, г. Москва

⁵Московский университет им. А.С. Грибоедова

⁶Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: ri.sls@tsutmb.ru

***E-mail: panchenkovlad@mail.ru

****E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.11.2022 г.

Аннотация. В обзоре представлены материалы обсуждения книги доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых «Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. I. Объективное право и формы его выражения», которое состоялось в рамках дискуссионной площадки Международной научной конференции «Актуальный вектор государственно-правовых исследований: действительное право как форма отражения стратегий конфликта и сотрудничества в современном социуме (общетеоретический и социолого-правовой аспекты)», проведенной на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. В обсуждении приняли участие ученые из разных российских регионов, а также ряда зарубежных стран. В ходе дискуссии В.М. Сырых во вступительном слове обозначил то, как велась работа над книгой, чем было вызвано ее написание, какие цели и задачи в контексте этой работы были поставлены, выразил заинтересованность получить содержательные отклики на предлагаемое вниманию научное издание. Участники обсуждения, в свою очередь, поделились своими мнениями о монографии, высказали свои рекомендации и пожелания, задали автору вопросы, на которые получили соответствующие ответы.

Ключевые слова: В.М. Сырых, право, общество, объективное право, индивид, индивидуальное право, социальная связь, конкретное право, источники права, формы права, правотворчество, правоприменение, нормативные акты, судебная и административная практика, договоры, материализм, марксизм, К. Маркс, Ф. Энгельс, общая теория права, методология, методы правовой науки, социальные конфликты, социальное сотрудничество, правовопонимание, материалистическая теория права, позитивизм, советская наука права, постмодернизм.

Цитирование: Малько А.В., Трофимов В.В., Панченко В.Ю., Кроткова Н.В. Объективное право в свете современной материалистической теории права
Обзор материалов обсуждения книги В.М. Сырых «Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. I. Объективное право и формы его выражения» // Государство и право. 2023. № 11. С. 72–85.

DOI: 10.31857/S102694520028489-8

OBJECTIVE LAW IN THE LIGHT OF MODERN MATERIALISTIC THEORY OF LAW

REVIEW OF THE DISCUSSION MATERIALS OF THE BOOK BY V.M. SYRYKH “FUNDAMENTALS OF THE MATERIALISTIC THEORY OF LAW: IN 4 VOLS. VOL. I. OBJECTIVE LAW AND FORMS OF ITS EXPRESSION”

© 2023 A. V. Mal'ko^{1, 2, *}, V. V. Trofimov^{2, **, *}, V. Yu. Panchenko^{3, 4, 5, ***}, N. V. Krotkova^{6, ****}

¹Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Saratov

²Derzhavin Tambov State University

³All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Moscow

⁴Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow

⁵Griboedov Moscow State University

⁶Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: ri.sls@tsutmb.ru

***E-mail: panchenkovlad@mail.ru

****E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 08.11.2022

Abstract. The review presents the materials of the discussion of the book by the Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.M. Syrykh “Fundamentals of the materialistic theory of law”: in 4 vols. Vol. I. Objective law and forms of its expression”. The discussion took place as part of the Discussion Platform of the International Scientific Conference “Actual vector of state-legal research: valid law as a form of reflection of conflict and cooperation strategies in the modern society (general theoretical and sociological and legal aspects)”, held in Derzhavin Tambov State University. The discussion was attended by scientists from different Russian regions, as well as a number of foreign countries. During the discussion, V.M. Syrykh in his introductory remarks outlined how the work on the book was carried out, what caused it to be written, what goals and objectives were set in the context of this work, expressed interest in receiving meaningful feedback on the proposed scientific publication; the participants of the discussion, in turn, shared their opinions about the monograph, expressed their recommendations and wishes, asked the author questions, to which they received answers.

Key words: V.M. Syrykh, law, society, objective law, individual, individual law, social connection, specific law, sources of law, forms of law, lawmaking, law enforcement, regulations, judicial and administrative practice, contracts, materialism, Marxism, K. Marx, F. Engels, General theory of law, methodology, methods of legal science, social conflicts, social cooperation, legal understanding, materialistic theory of law, positivism, Soviet legal science, postmodernism.

For citation: Mal'ko, A.V., Trofimov, V.V., Panchenko, V. Yu., Krotkova, N.V. (2023). Objective law in the light of modern materialistic theory of law

Review of the discussion materials of the book by V.M. Syrykh “Fundamentals of the materialistic theory of law: in 4 vols. Vol. I. Objective law and forms of its expression” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 72–85.

6 октября 2022 г. на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Державинский университет) состоялось обсуждение книги доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых «Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. I. Объективное право и формы его выражения»¹. Мероприятие прошло в рамках дискуссионной площадки как программного компонента Международной научной конференции «Актуальный вектор государственно-правовых исследований: действительное право как форма отражения стратегий конфликта и сотрудничества в современном социуме (общетеоретический и социолого-правовой аспекты)», проведенной в Державинском университете 6–7 октября 2022 г. В обсуждении монографии приняли участие ученые из разных российских регионов, а также ряда зарубежных стран.

Ведущими дискуссионной площадки выступили **главный редактор журнала «Правовая культура», профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований Державинского университета, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько, главный редактор журнала «Государственно-правовые исследования», начальник НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Державинского университета, руководитель Научно-образовательного центра «Государственно-правовая политика современной России», д-р юрид. наук, доц. В.В. Трофимов, и.о. зав. кафедрой политологии, социологии и международных процессов Державинского университета, канд. социолог. наук, доц. А.В. Окатов.**

В своем приветственном слове к участникам и слушателям **проф. А.В. Малько** отметил важность данного мероприятия, его значимость как для автора, который получает возможность напрямую узнать мнение читателей о книге, так и для участников — ученых, которые имеют реальную возможность подискутировать с автором, задать интересующие вопросы и получить от самого автора на них ответы. Важно это и для науки в целом, поскольку, как отметили в своих кратких выступлениях в начале дискуссии соведущие мероприятия **доценты В.В. Трофимов и А.В. Окатов**, в ходе таких обсуждений рождаются новые идеи, новые взгляды, которые могут послужить основой для дальнейшего развития научного знания.

Автор монографии **д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ В.М. Сырых** во вступительном слове обозначил то, как велась работа над книгой, чем было вызвано ее написание, какие цели и задачи в контексте этой работы были поставлены, выразил заинтересованность получить содержательные отклики на предлагаемое вниманию научное издание. В частности, ученый отметил: «Научный интерес к марксистской теории права у меня проявился в связи с негативными и необоснованными оценками по адресу марксистской теории права, высказанными советско-российскими правоведами в период реставрации в стране рыночных отношений. Возникло желание установить правду, насколько названные оценки соответствуют аутентичной правовой доктрине классиков марксизма. Если соответствуют, то привести конкретные примеры

и показать, насколько и в какой мере К. Маркс и Ф. Энгельс грешили перед истиной, если нет подобных фактов, то защитить марксистскую теорию права от необоснованных обвинений.

Начальный этап исследования был архитрудным. Проблемы марксистской теории права в публикациях советских авторов сплошь и рядом были фальсифицированы, поскольку их авторы исходили из неверного понимания марксистского права как воли господствующего класса, возведенной в закон. Ключом к аутентичному пониманию марксизма послужили «Экономические рукописи» К. Маркса, подготовленные в период с 1857 по 1859 г., в которых автор обстоятельно обосновал принципы правовой формы исторически первого экономического отношения обмена: равенство, свобода воли, эквивалентность и взаимозависимость. Названные принципы были определены в качестве сущностных признаков права, не утративших своего значения по настоящее время.

Данные марксистские положения конкретизировали известный принцип марксизма о праве как форме экономических отношений, признанием принципов права как объективной основы этой формы. Соответственно, принципы права, имеющие объективный характер, действуют в статусе юридических закономерностей. Современная развитая система экономических отношений, в свою очередь, имеет присущую им правовую форму и развитую систему правовых принципов как юридических закономерностей. В то же время вопрос о системе принципов современного права нуждается в уточнении и конкретизации. Из современных источников система этих принципов, по нашему мнению, наиболее полно отражена во Всеобщей декларации прав человека ООН.

Правовые принципы, как и всякая закономерность, действуют в реально сущей действительности в виде возможности, а их реальное воплощение в непосредственной действительности обеспечивается предметно-практической деятельностью человека. Современный механизм перевода принципов права из возможности в действительность состоит из четырех элементов: позитивного права, индивидуального права, конкретного права и фактических отношений. Суть механизма состоит в том, чтобы обеспечить создание таких правопорядков, при которых каждое фактическое отношение соответствовало бы совокупности принципов права, образующих объективную основу этих отношений. Фактические отношения, не соответствующие той или иной части принципов права, представляют собой превращенную форму и к действительному праву никакого отношения не имеют.

В условиях простого товарного производства вследствие неразвитости экономических отношений и весьма простой совокупности принципов права *позитивное право* формировало само общество, а государство осуществляло принуждение к исполнению этих норм. С развитием системы экономических отношений государство взяло в свои руки процесс творения позитивного права. Эту обязанность оно несет по настоящее время, хотя далеко не все принимаемые им нормы непременно соответствуют своему объективному основанию. В связи с тем, что перевод позитивного права в конкретные отношения осуществляется действиями индивида и в его интересе, то каждый дееспособный индивид обладает своим *индивидуальным правом*. Как справедливо подчеркивал Г. Гегель, «всеобщее не обладает значимостью и не может быть совершено без особенного интереса» индивида.

¹ Сырых В.М. Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. I. Объективное право и формы его выражения. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2022. — 568 с.

Индивид, руководствуясь своим правом и действуя соответственно нормам позитивного права, вступает в конкретные отношения посредством заключения договора с другими равноправными субъектами права либо принятия в отношении него правоприменительного акта компетентным органом государства. Названные индивидуальные акты образуют массив конкретного права. Своеобразие последнего состоит в том, что оно органично переводит абстрактные нормы права и индивидуальное право в *конкретное право*. Данная форма завершает процесс перевода абстрактного права на уровень конкретного и открывает слагаемую для фактического обладания субъектами права материальными и духовными благами, гарантированными их субъективными правами.

Субъекты *фактических отношений* своими действиями и надлежащим образом реализуют свои обязанности и в качестве ответной меры получают те блага, во имя которых они вступали в конкретное отношение. Этим же актом завершается перевод объективного права в действительность, поскольку субъекты действовали правомерно и успешно обрели гарантированные им позитивным правом блага.

Раскрытие процесса перехода объективного права в действительность образует суть и содержание материалистической теории права, максимально полно соответствующей положениям классиков марксизма, сформулированным в их работах.

Далее участники мероприятия перешли к обсуждению книги автора и научной дискуссии по данному предмету.

В своем выступлении ведущий дискуссионной площадки профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Саратов), главный научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований Державинского университета, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько подчеркнул, что издание книги «Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. I. Объективное право и формы его выражения» — нерядовое явление, поскольку она «замахнулась» на самое святое в юриспруденции — на правопонимание. Причем именно в ней комплексно и наиболее полно излагается современная материалистическая теория права. В.М. Сырых не просто продолжает развивать марксистскую теорию права (которая, как правильно замечает автор, системно К. Марксом и Ф. Энгельсом не изложена в отдельной работе), он на основе марксистской теории создает, по сути, свою, ибо если марксизм дал главным образом историко-материалистическую и классовую интерпретацию права, то В.М. Сырых — во многом специально-юридическую его трактовку. Поэтому ученый выступает не только ярким представителем и продолжателем марксистской школы права, но и отцом-основателем современного ее понимания, по сути, модернизированной материалистической юридической доктрины.

Во многом ученый своей теорией каким-то удивительным образом объединил, точнее в определенной степени интегрировал идеи из других учений о праве — социологической, исторической, психологической, естественно-правовой, позитивистской научно-правовых школ. Хотя к последней (позитивистской) отношение где-то излишне жесткое и категоричное по сравнению с иными школами правопонимания. Нелюбовь к позитивизму связана, вероятно, еще и с тем, что В.М. Сырых больше всего пришлось дистанцироваться именно от нее, прилагая для этого весьма значительные усилия.

Для выстраивания своей теории он в полной мере использовал практически весь арсенал материалистической

диалектики, что может служить определенным наглядным пособием особенно для молодых ученых.

В монографии автор основательно и аргументированно исследует объективное право как систему его принципов, выступающих в качестве начала права и всего механизма правового регулирования. Затем он анализирует механизм перевода вышеназванных принципов из возможности в действительность, что осуществляется с помощью четырех взаимосвязанных стадий: 1) позитивного; 2) индивидуального; 3) конкретного; 4) фактического права.

С одной стороны, в книге присутствует достаточно стройная логика трансформации (перехода) объективного права в фактические отношения (через механизм формирования правового закона: от юридических норм (позитивного права) к правосознанию (индивидуальному праву), затем к договору в частном праве и правоприменительному акту в публичном праве (конкретному праву) и далее к фактическим отношениям (фактическому праву), в рамках которых осуществляется поведение субъектов права и удовлетворяются их интересы.

С другой стороны, в монографии есть и дискуссионные моменты, которые данную логику могут поставить под сомнение. В частности, остановимся на некоей внутренней противоречивости, присущей системе принципов, выступающих в качестве начала объективного права (причем, по мнению В.М. Сырых, характерных как для частного, так и для публичного права).

Так, в гл. 1 «Непосредственное право как форма обмена» анализируются возникновение и развитие (генезис) прежде всего частного права в форме правовых обычаев. Ведь речь идет об обмене в рамках экономических отношений, а затем и о более цивилизованной форме — договоре купли-продажи. Говоря об обмене, автор пытается обосновать обусловленность правовой формы содержанием данного обмена. Разумеется, обмен, будучи наипростейшим экономическим отношением, соответственно, и требовал к себе наипростейшие правовые формы и именно те, которые были присущи (адекватны) его природе и обеспечивали частные интересы. Вот почему называются равенство, свобода воли, эквивалентность и тому подобные принципы, олицетворяющие собой правовую форму лишь для обмена. Именно их В.М. Сырых вводит в разряд всеобщих принципов права, т.е. в разряд основных начал объективного права.

Но возникают вопросы: а подходят ли данные принципы для публичного права, которое, как известно, имеет дело прежде всего с общественными (публичными) интересами, и будут ли эти принципы иметь статус всеобщих и лежать в основе объективного права в целом, а не только его составной части — частного права?

Сам автор в полной мере на данные вопросы не отвечает. Но они «требуют» ответа, ибо частное и публичное право — разные сферы нашей жизнедеятельности, базирующиеся на разных принципах (разумеется, имея и немало общего между собой). На самом деле, обоснованно ли распространять принципы, присущие обмену, на публичную сферу, где доминирует другое содержание, требующее зачастую и иных правовых форм?

Поэтому, по мнению выступающего, рассматриваемая материалистическая теория права наиболее последовательно привязана к частному праву. Что касается публичного права, то здесь не все так однозначно, ибо, как самокритично признает В.М. Сырых, «система общих принципов публичного права пока что остается малоисследованной

и потому дискуссионной» (с. 291). Это еще усугубляется, по его словам, и неполнотой «имеющихся ныне знаний о сохранении объективного права...» (с. 298).

Таким образом, как отметил проф. А.В. Малько, есть еще над чем работать и что совершенствовать в рамках рассматриваемой нами теории.

Свой взгляд на отдельные аспекты содержания обсуждаемой книги представил профессор-эмеритус Высшей школы права Университета КазГЮУ им. М.С. Нарикбаева, главный редактор журнала «Право и государство» (Республика Казахстан, г. Астана), д-р юрид. наук, проф. С.Ф. Ударцев. Высоко оценив научный труд автора, отметив его глубину, всесторонность, оригинальность, ученый обратил внимание на ту часть работы, где рассматривается феномен т.н. предпозитивного права как формы объективного права. Интерес, по его мнению, вызывают суждения автора о том, что на примере предпозитивного права можно увидеть, что право способно возникать и существовать вне связи с государством, в рамках процессов социальной самоорганизации, что подтверждается примерами из области семейных отношений, отношений в области практики деятельности юридических лиц, иных хозяйствующих субъектов и т.п. На этом уровне, согласно концепции книги, рождаются те формы отношений, которые наиболее удобны, приемлемы для общества; многие выработанные обществом (подобранные общественной практикой) нормы (преднормы) уже затем формируются как позитивное право. В гл. 20 «Предпозитивное право как форма действительного объективного права» содержится много интересных мыслей, в частности, о том, что предпозитивное право предшествует процессам формирования позитивного права. С точки зрения В.М. Сырых, оно является более прогрессивным, на этой объективной основе выстраивается последующее обновление позитивного права. Однако здесь можно задать автору книги некоторые вопросы о том, всегда ли складывающиеся отношения (определяющие создание предпозитивного права) отличаются прогрессивным характером, всегда ли они конструктивны и могут быть моделью для отражения ее в последующем в позитивном праве? А если в них имеются негативные характеристики, то могут ли такие образцы отношений служить основой для правового развития государства (например, отношения с незаконными гражданами работников здравоохранения, труд которых еще часто незаслуженно недостаточно ценится, взятками чиновников и пр.)? Может быть, часть «предпозитивных» устойчивых отношений являются не предпозитивным правом, а неправом или неформальным нарушением позитивного права и могут никогда не стать позитивным правом? Всегда ли следующий шаг в этой эволюции на пути правообразования прогрессивен? И всегда ли эта эволюция движется в сторону позитивного права? Возникают вопросы о структуре, динамике и взаимосвязях составных элементов в предпозитивном праве. Какое место в нем занимают обычное право, прецеденты в деятельности социальных институтов, неформализованное естественное право индивидов, социальных групп, народов и т.д.? На эти вопросы имеет смысл найти ответы. Тем не менее в целом, как было указано ранее, книга познавательна, поднимает много вопросов, в том числе дискуссионных, содержит немало интересных размышлений автора об истории и современном состоянии права, в том числе о новых явлениях и процессах (например, о проблемах Интернета, где наблюдается «море» предпозитивного права, неформальных связей разной степени устойчивости и т.п.). Очевидно, что монография стимулирует движение мысли, вносит заметный вклад

в развитие теоретического знания о праве и будет интересна читателям.

В выступлении зав. кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Махачкала), канд. ист. наук, доц. Б.Б. Сулейманова в контексте обсуждения изложенной в книге концепции В.М. Сырых было обращено внимание на соотношение объективного права и правового регулирования. Как отметил выступающий, представленная «на суд» специалистов и всех интересующихся правом монография — продолжение концептуальной разработки признанного методолога права глубинных аспектов права, его сущности и проявления. Очевидно, перед нами уточнение базовых положений материалистической теории права, которая не только изучается, но и разъясняется, указывая на упрощения и отступления, допущенные в советской и постсоветской научной доктрине. Автором предприняты масштабные усилия раскрыть истинную природу права с позиции марксизма. Следует заметить, что анализируемая монография — продолжение серии работ, которые тематически и логически взаимосвязаны друг с другом. В частности, некоторые положения другого фундаментального исследования под названием «Материалистическая теория права: избранное»² известным правоведом развиты и конкретизированы в анализируемом труде. Безусловно, автором раскрыт комплекс вопросов, связанных с объективным правом. Одним из интересных аспектов, которому В.М. Сырых уделил значительное внимание, является правовое регулирование общественных отношений. Еще в начале книги ученый указывает на невозможность со стороны позитивного права, закона регулировать общественные отношения, «устанавливать права и обязанности действующих субъектов...» (с. 4). Такое утверждение представляется непривычным и даже неожиданным. В другом исследовании автор ставил под сомнение возможность регулирования правовыми нормами производственных отношений, оспаривая выводы С.Н. Братуся, которые были восприняты большинством советских ученых-правоведов³. В.М. Сырых поддерживает позицию, согласно которой производственные отношения, будучи отношениями, существующими независимо от воли и сознания людей, не могут быть урегулированы нормами права⁴. Между тем значительное число правоведов (С.Н. Братусь⁵, С.С. Алексеев⁶ и др.) полагают, что правовые нормы регулируют те из экономических отношений, которые поддаются волевому воздействию, следовательно, правовой регламентации. Эти отношения называются имущественными и регулируются в основном нормами гражданского права. Как представляется, эти выводы «ждут» к себе внимания. Однако В.М. Сырых развивает свои выводы. По его словам, вряд ли можно трактовать законодательное воздействие на сознание и волю субъектов правовых регуляций⁷. В другой монографии это утверждение становится категоричным. Полагаем, этими выводами известный правовед вновь поднял вопрос о природе и механизме правового

² Сырых В.М. Материалистическая теория права: избранное. М., 2011 (+CD).

³ См.: там же. С. 468, 469.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 11.

⁶ См.: Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск, 1959. С. 25.

⁷ См.: Сырых В.М. Материалистическая теория права: избранное. С. 469.

регулирования. В научной литературе правовое регулирование рассматривается преимущественно как воздействие на общественные отношения при помощи правовых средств с целью их упорядочивания, защиты и т.п.⁸ Однако ученый, не останавливаясь на этой позиции, обращается к своему главному аргументу: не может быть право регулятором общественных отношений, если оно «не в полной мере соответствует экономическим отношениям», если оно «представляет собой голый произвол»⁹. Может возникнуть закономерный вопрос: когда и в каких случаях право (законодательство) может стать настоящим, действительным правом? В концепции В.М. Сырых ответ находится на самом «верху»: «законодательная воля может обрести статус действительного права лишь при условии ее соответствия действующим экономическим отношениям, вытекающим из них принципам правовой формы» (с. 23). Приведенный вывод вытекает из подхода известного ученого и представляется логичным. Однако такая позиция может порождать некоторые сомнения: не есть ли она возрождение известного экономического детерминизма? Ведь К. Маркса упрекали и упрекают, с одной стороны, в переоценке значимости базиса, производственных отношений, с другой — в недооценке политики, права, религии и других социальных институтов и явлений. Последствия этих моментов ярко видны в учении марксизма о типологии государств. Между тем в книге В.М. Сырых эти положения не рассмотрены, о чем можно только пожалеть. Как оценить известные утверждения об отмирании государства, о социалистическом типе государства как о высшем типе? Важным представляется вопрос о соответствии права уровню развития экономических отношений. Право должно соответствовать не только экономическим, но и другим, и даже всем социальным, отношениям. Однако это требование не должно носить буквальный или тотальный характер, поскольку имеется опасность признания права недействующим из-за несоответствия экономическим отношениям. Так может восторжествовать «действительная экономическая законность». Не последним можно признать вопрос: кто же будет выносить окончательное решение о соответствии правовой формы требованиям экономических отношений?

Отказав позитивному праву в возможности регулировать общественные отношения, В.М. Сырых наделяет этим качеством индивида. Результатом «правового творчества» является индивидуальное право (с. 6). Механизм его появления известный правовед аргументирует следующим образом: позитивное право одолевается индивидуумом, отыскивается норма, выражающая его интерес; ставя государственную зависимость от своей воли и тем самым «формируя свое личное право». Все это, по его мнению, дает основание признать личность регулятором конкретных отношений (с. 7). Перед нами достаточно серьезный поворот в субъективную сторону, который фактически приравнивает концепцию В.М. Сырых к подходу Л.И. Петражицкого. Как известно, последний указывал на интуитивное право, которое имеет «индивидуальный», индивидуально-изменчивый характер»¹⁰.

Учение В.М. Сырых, которое еще изучается специалистами, может стать основой для очередной дискуссии о природе права, о соотношении с экономикой и другими

социальными институтами. Оценивая в целом представленный известным ученым-правоведом подход, хотелось бы обратить внимание на его масштабность и оригинальность, которые соседствуют с непривычностью ряда позиций, порождающей некоторые сомнения. Очевидно, наиболее зрелые и системные оценки еще впереди.

Продолжил дискуссию старший научный сотрудник Международной полицейской академии ВПА (г. Тула), канд. юрид. наук М.Ю. Осипов. В выступлении на тему «К вопросу о методологическом потенциале материалистической теории права В.М. Сырых» он отметил, что, размышляя над прочитанной книгой и участвуя в ее обсуждении, можно прийти к выводу о том, что методология изложения материала основана на использовании наряду с материалистическим подходом, как это ни парадоксально звучит, диалектики Шеллинга и Гегеля.

Если считать, что в основе права лежит поведение индивидуума и что именно индивидуум есть источник регуляции общественных отношений, то тогда в основе правопонимания должно лежать представление о праве субъективном как «наличном бытии свободной воли», по Гегелю, и тогда методологическая схема должна быть построена следующим образом: индивидуум — индивидуальное право — община — предпозитивное право — общество (государство) — позитивное право — мировое сообщество (человечество в целом) — объективное право.

При такой схеме осуществляется восхождение от конкретного права (индивидуального права) к абстрактному (общему праву). В этом случае очень хорошо прослеживается т.н. генезис права, который заключается в том, что право в своем развитии проходит несколько ступеней бытия: 1) индивидуальное право, на котором индивидуум формирует свои законные интересы и требования к другим лицам (стадия субъективного или индивидуального права); 2) общинное или предпозитивное право — стадия развития права, когда повторяющиеся требования и притязания находят свое закрепление в правовых обычаях, а возможно, также и в решениях судов, разбирающих те или иные споры; 3) затем наиболее удачные обычаи на уровне возникновения государства закрепляются в законах (стадия позитивного права), и наконец, повторяющиеся модели правового регулирования общественных отношений находят свое отражение в т.н. объективном праве, частью которого выступает международное право. Это одна точка зрения на право, и она связана с генетическими исследованиями права (исследованием генезиса права). При этом исследование генезиса права базируется на диалектическом методе «восхождения от конкретного к абстрактному» или применительно к теме, рассматриваемой В.М. Сырых, восхождение от индивидуального (субъективного) права (поскольку именно индивидуум, по его мнению, есть источник правового регулирования) через предпозитивное и позитивное право к объективному праву, частью которого выступает международное право.

Другая же точка зрения, которую автор в своей монографии отвергает, — это т.н. регулятивная парадигма, в основе которой лежит другой диалектический метод: восхождения от абстрактного к конкретному или применительно к рассматриваемой теме исследования от объективного права к индивидуальному праву через позитивное право и предпозитивное право.

Суть данной парадигмы заключается в следующем: объективное право (частью которого является международное право) выступает в качестве «параметров порядка», по

⁸ См., напр.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 289; Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1995. С. 203.

⁹ Сырых В.М. Материалистическая теория права: избранное. С. 469, 470.

¹⁰ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 383.

Г. Хакену, основателю синергетики, для позитивного, предпозитивного и индивидуального права и поведения субъектов права; в свою очередь, позитивное право — в качестве параметров порядка для предпозитивного и индивидуального права, а также поведения субъектов права; предпозитивное же право — в качестве параметров порядка для индивидуального права и поведения субъектов права; индивидуальное же право выступает в качестве параметров порядка для поведения субъектов права. Таким образом, образуется т.н. иерархическая структурированность системы правового регулирования.

Вместе с тем, отрицая регулятивную роль норм права, В.М. Сырых пишет, что «в теории управления, кибернетики нет и тени попыток наделять техническую документацию о регуляторе статусом реально действующего прибора, приписывать ей функции проектируемого регулятора» (с. 235).

Но проблема состоит в том, что сравнение норм права с технической документацией абсолютно некорректно с точки зрения системного подхода к праву. Дело в том, что техническая документация на приборы — внешняя документация относительно системы технического регулирования, поскольку она создана людьми, а не самим прибором.

Что же касается норм права, то здесь ситуация прямо противоположная, нормы права не есть техническая документация на прибор, но есть разновидность командных информационных сигналов, исходящих от субъекта управления и предназначенных для объектов управления (индивидуумов) и регламентирующих их поведение. Поэтому нормы права не есть нечто внешнее по отношению к системе регулирования, но есть порождение самой системы регулирования общественных отношений, самого «прибора», и поэтому ссылка на конструктивную и техническую документацию абсолютно несостоятельна, ибо в данном случае внутреннее (нормы права) выдается за внешнее (техническую и конструктивную документацию). Все это говорит о том, что при исследовании проблем правового регулирования необходимо использовать метод системного анализа, а не просто диалектический метод. Поэтому критика правового регулирования и отрицание регулятивной природы права является, на наш взгляд, научно несостоятельной.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что т. I книги В.М. Сырых «Основы материалистической теории права» посвящен весьма важной проблеме правовой науки — генезису права и может быть полезен для исследователей, занимающихся проблемами генезиса права, при этом методологический потенциал, заложенный в монографии, позволит исследователям, занимающимся проблемами истории права, использовать положения данной работы в историко-правовых исследованиях, тогда как вопросы правового регулирования и правового воздействия составляют предмет специальных исследований, которые посвящены функционированию права, и их не следует смешивать с генетическими исследованиями права.

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Саратов), канд. ист. наук, доц. В.А. Затонский отметил, что каждая новая работа, выходящая из-под пера В.М. Сырых, — событие для юридического сообщества.

Обсуждаемая книга — не исключение. Подробно, основательно прочитать ее недостаточно. Это произведение, которое нужно скрупулезно изучать. В каждой строке — мысль, идея, свежий, нетривиальный взгляд, оригинальный подход — позиция, которая ломает устоявшиеся стереотипы мышления, восприятия

государственно-правовой жизни, государственно-правовой действительности.

И не только действительности, но и прошлого. Нормотворчество в древних обществах, в условиях простого товарного производства, в последующие времена, и наконец, выводы о том, почему архаичное государство вынуждено было заняться проблемами законотворчества и правовой защиты, — и это, в частности, и многое другое вызывает живой интерес.

Действительно, когда законодатель полагается исключительно на собственное усмотрение, он предписывает в законах делать то, что ему подсказывает его собственное правосознание, основанное на обычном праве, которое является плохим советчиком в законотворчестве, требующим знания сути и содержания регулируемых отношений, а также особенностей действия механизма государственно-го принуждения.

Исторический опыт развития государства и права, как верно заметил автор, показывает, что наибольшая часть архаического законодательства выражалась в форме антиправовых, фактически противоправных установлений и законодательного произвола. Хотя устремление, желание законодателя было вполне благим — восстановить в обществе справедливость.

Одним словом, в книге много ценных идей, теоретически и практически значимых положений, интересных выводов. При этом в обсуждаемом и в целом позитивно оцениваемом научном произведении имеются спорные положения, сформулированные автором позиции, которые после прочтения вызывают сомнение, несогласие.

Например, В.М. Сырых пишет: «Индивид самостоятельно и независимо от государства, его угроз государственным принуждением определяет, что есть право и какие нормы целесообразно использовать в конкретных отношениях, а от каких ему следует воздерживаться, насколько полно и точно государство закрепило интересы личности в действующем законодательстве. Более того, индивид сам устанавливает нормативные установления, определяющие правовой путь реализации его субъективных прав и удовлетворения потребностей в материальных или духовных благах, что еще больше отдаляет его от позитивного права. И самое главное, только в форме индивидуального права зарождается новое, совершенное право в форме предложений по совершенствованию законодательства. Вся деятельность подобного рода дает достаточные основания для признания личности регулятором конкретных отношений» (с. 6, 7).

По поводу данного авторского суждения, а также по вопросу о соотношении позитивного, объективного, «индивидуального» права (этот вопрос один из основных в монографии) считаю необходимым высказать следующие соображения.

Господство права, его установление в качестве фактора, определяющего характер общественной организации, — процесс, обязательно имеющий обратную связь. Имеется в виду поддержка снизу, доверие к власти, уважение законов и порядка со стороны всех субъектов социальной жизни. В то же время в правовом обществе «власть есть власть». Характерной чертой такого общества являются эффективная правовая государственность, дееспособная власть, использующая все способы управления обществом, не только угрозы и увещания, обещания, но и умеющая проявить твердость и последовательность в реализации своих функций.

Правовое общество — это социально и духовно раскрепощенное пространство для всех субъектов, в том числе и для государства. Это общество, которое доверяет своей власти не потому, что боится ее, а потому, что власть в правовом обществе — самый законопослушный его элемент. Любые призывы к законопослушанию без этого условия бессмысленны и бездейственны (либо слабо действенны). Именно неукоснительная законность, законопослушность государственной власти, ее твердость, но никак не авторитарность, не «диктаторство» — характерные признаки правового общества.

Правовое общество опирается на господство закона, являющегося главной, ведущей внешней формой выражения права — требовательного, строгого, но объективно необходимого, разумного и справедливого, базирующегося на идеях естественного права, выражающих прежде всего нравственные, гуманистические ценности, принципы справедливости, насущные потребности человека. Это общество, пространство которого расчищено от диктата, авторитаризма и тоталитаризма, от неправовой демократии, а на этих расчищенных просторах социального пространства возникает возможность «воздвижения новой системы позитивного права»¹¹. Право и закон (законодательство) в правовом обществе рассматриваются в тесном, органическом единстве, как однопорядковые явления, направленные на решение общих задач и неспособные существовать друг без друга.

Юридические нормы освобождены от посторонних (внеправовых) представлений и ценностей (религиозного, идеологического, философского и морального характера); правовая норма в результате становится более четкой и однозначной, не допускающей по возможности множественных интерпретаций. Она ведь предназначена для регулирования не мыслей и идей, а поведения и действий, деятельности. Специфические и ясные нормы, правила поведения приемлемы для большинства как граждан, так и государственных институтов и должностных лиц.

Четкость и однозначность правовых норм и права в целом — важный признак правового общества. О каких законности, правопорядке, дисциплине, правовом обществе может идти речь, если каждый сам будет «творить» для себя «свой закон», а к чужому (т.е. издаваемому государством) закону относиться по принципу: соответствует моему субъективному представлению об «истинном праве» — исполняю, не соответствует — не исполняю? Именно так оборачивается на практике идея различения права и закона, противопоставления естественного права праву позитивному.

Безусловно, прав М.И. Байтин, отмечавший, что «само естественное право как нравственные и правовые идеи, принципы, идеалы, пожелания и требования *не является правом в юридическом смысле*, а представляет собой мораль, правосознание, демократические устремления, т.е. ближайшую и необходимую духовную (идейную) *предпосылку* права. Важная роль в претворении идеалов естественного права в жизнь принадлежит основанному на нем *позитивному*, или *собственно юридическому праву*»¹².

Выходит, что в правовом обществе недопустимо и вредно как отождествление, так и противопоставление естественного и позитивного права. И.А. Ильин писал: «Основная задача положительного права состоит в том, чтобы

принять в себя содержание естественного права, развернуть его в виде ряда правил внешнего поведения, приспособленных к условиям данной жизни и к потребностям данного времени, придать этим правилам смысловую форму и словесное закрепление и, далее, проникнуть в сознание и к воле людей, в качестве авторитетного связующего веления... Положительное право есть целесообразная форма поддержания естественного права»¹³.

Высокие, но абстрактные идеалы при всей их значимости сами по себе не могут заменить властного нормативного регулятора отношений между людьми в правовом обществе, служить критерием правомерного и неправомерного поведения.

Следует иметь в виду также то, что нравственные и иные внеправовые ценности неодинаково понимаются различными участниками общественных отношений, представляющими разные регионы, слои и группы населения. По меткому замечанию М.И. Байтина, право — не «облако в штанах». Оно не может быть чем-то аморфным, «киселеобразным». А значит, не может существовать вне и помимо своего институционального, «знакового» выражения в определенных юридических источниках, и прежде всего в законах, принимаемых представительным (законодательным) органом государственной власти на основании конституционно закрепленной демократической процедуры, соответствующей воле граждан¹⁴.

В.Н. Кудрявцев также подчеркивал, что «профессиональному юристу... должна быть присуща четкая и определенная позиция: никакое пожелание, убеждение или мнение не могут рассматриваться как правовая норма, коль скоро они не выражены в юридическом акте, принятом надлежащим образом»¹⁵.

В целом монография проф. В.М. Сырых, безусловно, заслуживает высокой оценки с точки зрения ее научного уровня, теоретической и прикладной значимости. Выводы и положения, содержащиеся в работе (даже те, с которыми трудно согласиться), имеют перспективное значение для развития юридической науки, поскольку связаны с одной из актуальных теоретико-методологических проблем, имеющих прямое отношение к государственно-правовой жизни современного российского общества.

Адвокат, канд. юрид. наук П.А. Давыдов в ходе обсуждения монографии В.М. Сырых заметил: в данном научном труде автор, несомненно, предпринял важную и сложную попытку систематизировать в историческом и ином аспектах материалистическую теорию права. Это действительно важное научное изыскание, где проведено тщательное исследование данной теории с учетом современных реалий. Ученый смело проводит параллели между прошлым и настоящим, грамотно приводит аргументы, позволяющие понять актуальность темы исследования.

Однако чрезмерно идеалистическим является представление автора о действии права только в субъективном ключе. Поскольку право не может существовать без охранительной, регулятивной функции. В практической сфере позитивное право действует и применяется помимо воли

¹³ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 58.

¹¹ Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реальность // Государство и право. 2001. № 5. С. 20.

¹² Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 20, 103.

¹⁴ См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 98; Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы, 2000. С. 353, 354.

¹⁵ Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 5, 6.

или желания субъекта. Даже неприменение отдельных норм перманентно позволяет говорить о том, что оно действует при наличии определенных условий, но отсутствие его конкретного применения не говорит о том, что оно не распространяется в отдельном моменте на отдельного субъекта. Подобные тезисы ставят под сомнение превентивную функцию права.

Государство на протяжении всего своего существования стремится ограничить самозащиту прав граждан. Оно ограничивает возможность человека произвольно толковать право. Поэтому современные положения основы материалистической теории права не могут быть обозначены и сформулированы без учета важности судебной системы и ее правоприменительных актов.

Таким образом, тезис автора о том, что субъект самостоятельно наполняет свою жизнь содержанием правовых норм, не может быть реализован. Внутреннее восприятие субъектом права и его содержания не прекращает действия права в целом. Напротив, даже когда субъект не пользуется отдельными правовыми нормами, это не значит, что данные правовые нормы отсутствуют.

В обсуждении книги принял участие аспирант кафедры авторского права и частнопроводных дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности Л.С. Афанасьев, который заметил, что проф. В.М. Сырых с завершением т. I своей работы хотел бы внести существенный вклад в преодоление «неспособности юристов найти свое право» (с. 9).

Старший преподаватель кафедры юриспруденции Бузулукского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ Ю.Л. Шумских подчеркнула, что монография проф. В.М. Сырых является фундаментальным научным трудом, в котором системно изложены основы марксистской теории права, дано понятие объективного права как системы принципов права, исследован механизм перехода объективного права в действительность посредством форм позитивного, индивидуального, конкретного и фактического права. Книга представляет безусловный интерес для научных и практических работников, молодых исследователей, занимающихся проблемами правопонимания, общими закономерностями развития и функционирования права.

Отмечая существенную значимость для социогуманитарной науки взглядов, изложенных в монографии проф. В.М. Сырых, и.о. зав. кафедрой политологии, социологии и международных процессов Державинского университета, канд. социол. наук, доц. А.В. Окатов в своем выступлении обратил внимание на целый ряд моментов, связанных с формой и содержанием обсуждаемого научного издания. По мнению участника дискуссии, прежде всего следует отметить язык автора. Книга легко читается. Аргументы и доводы выражены четко, ясно и последовательно. Стиль монографии напоминает стиль «Трактата по общей социологии» В. Парето, где итальянский мыслитель изобличает авторитеты, срывает маски с различных политических и философских учений. В.М. Сырых помимо изложения собственных взглядов на природу права уделяет много внимания критике других подходов и авторов.

Изучая работу, посвященную марксистской теории права, лишней раз осознаешь, что в социальных науках постоянно происходит актуализация различных идей, школ и направлений. «Старые» идеи и знания не исчезают, а живут в ткани современной науки. Так и марксизм, материалистическая трактовка бытия имеют полное право на существование

в современном обществе, так как в социальных науках нет одной доминирующей парадигмы, все теории равноправны.

Как указал профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Северо-Кавказского федерального университета, д-р юрид. наук А.П. Мазуренко, обсуждаемая монография известного советского и российского ученого-правоведа В.М. Сырых представляет собой оригинальное и весьма актуальное исследование, посвященное раскрытию основ материалистической теории права. В ней удачно реализована задача комплексного анализа состава современного объективного права и механизма его реализации, а также действительности позитивного, индивидуального, конкретного и фактического права. Интересны многие оригинальные идеи автора. Одна из них касается действительной природы закона, которая, с точки зрения ученого, «состоит отнюдь не в том, чтобы возводить волю государства на уровень права, а в том, чтобы посредством закона явить обществу правовую меру конкретизации объективного права применительно к условиям существования общества» (с. 6, 7). По мнению В.М. Сырых, на законодателя ложится сложная и ответственная задача определить и закрепить оптимальные варианты деятельности общества и государства сообразно правовым принципам. Но законодатели пока не владеют надлежащими методами и методиками проведения многофакторного анализа, позволяющего учесть реальное влияние самых различных факторов на экономические и иные социальные закономерности, а пресловутый метод «проб и ошибок» и вытекающий из него волюнтаризм законодателя превалируют над научно обоснованными методами проектирования законопроектов (с. 238). Эти и другие многочисленные оригинальные идеи свидетельствуют, что в целом монография — удачное продолжение цикла авторских исследований проблем формирования материалистической теории права, но, как справедливо заметил сам ученый, дальнейшая фундаментальная разработка поднятых в ней проблем в силу их обширности и сложности станет предметом исследования будущих поколений правоведов.

Младший научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований Державинского университета В.Ю. Самородов в своем выступлении отметил, что монография проф. В.М. Сырых (т. I) — часть крупного научного труда известного теоретика и методолога права нашего времени. В работе актуализируется материалистическая теория права, которая в конце прошлого века подверглась критике после распада СССР, а ссылки на труды К. Маркса и Ф. Энгельса почти исчезли из научной литературы, — возникла вторая крайность; первая состояла в многочисленных и обязательных ссылках на труды этих авторов в советское время. Книга не просто актуализирует материалистическую теорию права, а является во многом продуктом её переосмысления, выводом её на современный теоретико-методологический уровень знания. Отдельные положения монографии можно назвать без преувеличения революционным видением и раскрытием данной темы. Автор открыто признает ошибки, допущенные в понимании материалистической теории права в советский период развития права, также подвергает критике ведущие положения позитивистской теории права, сформировавшиеся в тот период, называя их «хроническими пороками». Подвергаются критике важные положения позитивистской теории права об отождествлении права с законом, выражающим волю властвующего класса, и признание права в качестве института, порожденного государством и практически зависящего от него. *«Действительная природа закона состоит отнюдь не в том, чтобы возводить*

волю государства на уровень права, а в том, чтобы посредством закона явить обществу правовую меру конкретизации объективного права применительно к условиям существования общества» (с. 6), — пишет В.М. Сырых. Данное мнение не может оставить даже самого незаинтересованного читателя безучастным, при этом необходимо помнить, что автор пишет о материалистической теории права. Большинство молодых ученых, исследующих проблемы права, рассматривают материалистическую теорию права и её теоретико-методологический потенциал как нечто изученное и поэтому не представляющее научного интереса, не умеют использовать методологический потенциал данных знаний. Материалистическая теория права и труды известных ее представителей в последние десятилетия стали восприниматься как некие устаревшие научные ярлыки, а их использование — как научные штампы, хотя это далеко не так, и тому подтверждение — обсуждаемая монография уважаемого автора. Данная книга требует внимательного прочтения и осмысления, она будет полезна и в общеобразовательных целях, так как содержит как исторический экскурс в основы марксистской теории права, так и обобщение многих актуальных проблем теории права и государства.

Заметим также, что в рамках обсуждения работы проф. В.М. Сырых прозвучало немало критических замечаний, обоснованность которых должна быть определена в первую очередь ведущими теоретиками права и самим автором.

По мнению доцента кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии, канд. юрид. наук Е.В. Типикиной, обсуждаемое монографическое исследование вносит неосценимый вклад в развитие научной правовой мысли по особо дискуссионным вопросам как общей теории права, так и теории отраслевых юридических наук. Происхождение и сущность права всегда были и остаются фундаментальными научными проблемами. В начале книги ученый признает сложность позитивного восприятия заявленной новой концепции (с. 11), однако это свойственно каждому вновь созданному подходу, идее. Довольно категоричная и уверенная позиция В.М. Сырых, призывающая произвести замену позитивистской доктрины более плодотворной и современной, по мнению автора, материалистической теорией права, побуждает проникнуться излагаемой мыслью и сделать вывод о необходимости ее глубокого рассмотрения и понимания. Делать «переворот» в юридической науке и отказываться от одной теории в пользу другой вовсе не обязательно. Следует найти компромисс между ними и объединить основные начала, отдельные утверждения изучаемых доктринальных положений, к чему и побуждает книга. Дело в том, что некоторые измышления автора (с. 538–545), кажушиеся на первый взгляд диаметрально противоположными устоявшемуся традиционному пониманию права, в действительности заставляют задуматься, располагают к рассуждениям и дальнейшему исследованию отмеченных в монографии вопросов, причем на уровне как общей теории права, так и теории отраслевых юридических наук, в частности науки трудового права. К примеру, размышления В.М. Сырых о правовом регулировании и его регуляторах, в том числе с точки зрения технического процесса, позволяют сделать вывод об отсутствии необходимости шквала резкой критики слишком категоричного отвержения ученым способности права регулировать общественные отношения. Напротив, благодаря обсуждаемому научному труду, возможно рассмотреть различные позиции научной мысли в дальнейшем. Нормы права, будучи в статическом состоянии и выраженные в определенной форме права, выступают регуляторами, но в статике,

а практическое регулирование, действительно, осуществляется непосредственно в динамике, в реализации этих правовых норм применительно к конкретным отношениям. Кроме того, не все правовые регуляторы признаются источниками права, что стимулирует к поступательным научным изысканиям по проблеме, а насущный вопрос о трудовом договоре как источнике права получает новый виток развития.

Заместитель зав. кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук В.Н. Власенко, солидаризируясь с позициями многих из выступавших в рамках дискуссионной площадки относительно характеристик обсуждаемой монографии проф. В.М. Сырых, тем не менее заметил, что элементы концепции автора, выраженные в данном научном издании, более правильно рассматривать во взаимосвязи с теми теоретическими знаниями, которые были представлены им еще ранее в его различных научных трудах (библиография автора по теме материалистического правопонимания весьма значительна). Только в этом случае можно в полной мере воспринять замысел ученого и понять масштаб предлагаемой научной концепции материалистического понимания правовых явлений.

Исполняющий обязанности зав. кафедрой теории, истории государства и права, общеобразовательных дисциплин ВГУЮ (РПА Минюста России), главный научный сотрудник НИИ ФСИН России и Московского университета им. А.С. Грибоедова, д-р юрид. наук В.Ю. Панченко посвятил свое выступление теме «*Материалистическая теория права и концепция социальных порядков ограниченного и открытого доступа*».

Для материалистической теории права проф. В.М. Сырых ключевым является марксистское понимание сути права как «волевого отношения, в котором отражается экономическое отношение», которое соответствует следующим требованиям (принципам): равенство субъектов, свобода воли, взаимодействие (взаимозависимость), эквивалентность и всеобщность (которая в условиях государственно-организованного общества подкрепляется юридической ответственностью).

«Суть обусловленности права материальными экономическими отношениями, согласно материалистической теории права, — пишет В.М. Сырых, — состоит не в том, что законодатель свою волю выражает в качестве общеобязательного права, а в том, что *законодательная воля может обрести статус действительного права лишь при условии ее соответствия действующим экономическим отношениям, вытекающим из них принципам правовой формы* (курсив Авт.).

<...> Всеобщие принципы права — равенства, свободы воли, взаимозависимости и эквивалентности — представляют собой сущностные признаки правовой формы экономического отношения обмена и в своей совокупности образуют самостоятельный компонент правового регулирования — *объективное право*. Именно оно представляет собой то самое, вечное, справедливое право, которое, согласно теории естественного права, позволяет в волеустановленном, позитивном праве отличать правовые законы, действительное право от законодательного произвола» (с. 23, 72).

Эти принципы выступают «первоосновой... всех правовых отношений» (с. 23), а объективное право как совокупность таких принципов, на наш взгляд, является критерием для оценки действительной правомочности либо противоправности не только позитивного (волеустановленного) права, исходящего от государства, в качестве правового либо неправового закона (произвола), но также других

форм функционирования права, выделяемых в материалистической теории права В.М. Сырых, а именно:

индивидуального права — правосознания и правовой культуры индивида, обладающего свободой воли, находящегося под воздействием внешних для него экономических, политических и иных конкретных условий жизни, в том числе под воздействием требований государства (предписаний позитивного права), имеющего свои личностные ценности и установки, который в конкретной ситуации делает выбор правомерного или противоправного поведения, выступая тем самым действительным регулятором общественных отношений (в строгом значении понятия «регулятор», заимствованного правоведением из технических наук);

конкретного права — отношений между индивидуально определенными лицами, возникающими из договоров или правоприменительных актов (правоотношений);

фактических отношений — реальной деятельности индивидов в сфере правового регулирования (с. 6–9).

Приведенные выше теоретические положения материалистической теории права подтверждаются результатами научного исследования, проведенного в 2009 г. учеными-экономистами Д. Нормом (лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г.), Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом¹⁶, которые в истории человеческой цивилизации выделяют два социальных порядка — ограниченного и открытого доступа.

Главными отличительными чертами порядка ограниченного доступа, или естественного государства, являются «господство социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей (“личные отношения, в особенности личные отношения между властными индивидами, — то, кто кем является и кто кого знает, — составляют основу социальной организации и служат арендой для взаимодействия людей”)), включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенное представление о том, что не все люди были созданы равными» и ограничение способности «индивидов формировать организации»¹⁷.

Напротив, в порядках открытого доступа (постестественное государство), «которые возникли во время второй социальной революции, личные отношения все еще значимы, однако безличные категории индивидов, часто называемых гражданами, взаимодействуют на обширном поле социального поведения, но при этом им не нужно знать об индивидуальной идентичности партнеров. Идентичность, которая в естественном государстве имеет глубоко личный характер, в порядках открытого доступа начинает определяться как набор безличных характеристик»¹⁸. Порядок открытого доступа характеризуется «широким распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности»¹⁹. В порядках открытого доступа «возможность формировать организации, которые пользуются поддержкой более широкого общества, открыта для всех, кто отвечает минимальным и безличным критериям. <...> В обоих социальных

порядках, — по мнению Д. Норта и соавторов, — есть публичные и частные организации, но естественные государства ограничивают доступ к этим организациям, а общества открытого доступа — нет»²⁰.

Материалистическая теория права и концепция социальных порядков приходят с разных позиций к выводам о равенстве как принципе социальной жизни, только в одном случае он именуется порядком открытого доступа с «широким распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство — все аспекты равноправия»²¹, а в другом — объективным правом: «участники обмена выступают как равные друг другу партнеры... в одном-единственном отношении — владельцы товаров..., каждого из них интересуется товар, его потребительская стоимость, а не социальное положение и биография его владельца» (с. 17).

«Переход от естественного государства к порядку открытого доступа, — утверждают Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст, — это вторая социальная революция, наступление современности», однако исторической «нормой является как раз естественное государство, а не открытый доступ». Авторы резюмируют: «еще два столетия назад не существовало порядков открытого доступа, даже сегодня 85% населения мира живут в порядках ограниченного доступа»²².

Анализируя историю права, правового регулирования, В.М. Сырых приходит к аналогичному выводу о том, что когда «законодатель, предавал забвению тот или иной всеобщий принцип права, предписанная им норма, даже с самыми благими намерениями восстановления законности и справедливости, обретала черты законодательно закрепленного произвола, превращенной формы права» (например, предписания, закрепляющие институт рабства, основанный на неравенстве индивидов и лишении рабов свободы воли, институт брака (согласие женщины) приобрел правовую форму лишь в прошлом веке, и т.д.) (с. 71, 72).

На многочисленных исторических примерах авторы концепции социальных порядков показывают, что переход от порядка ограниченного доступа к открытому становится возможен только тогда, когда правящие круги осознают выгоду и поддерживают правовой (безличный), а не произвольный (зависящий от личного усмотрения) способ решения как задач, стоящих перед государствами, так и сохранения их элитарных интересов. Например, в переходе в начале XVIII в. от личных отношений между инспекторами по закупкам и поставщиками для нужд английского флота к расчетам обезличенными векселями и облигациями авторы видят основную причину улучшения снабжения флота, его развития и в конечном счете приобретения Англией статуса «владычицы морей»²³.

В терминологии материалистической теории права это обстоятельство объясняется при помощи понятия индивидуального права, когда правовые, а не произвольные средства и способы удовлетворения потребностей становятся атрибутом правовой культуры индивидов. Именно индивиды, в данном случае — властвующие субъекты, выполняют роль реальных регуляторов общественных отношений, не законы (по сути, абстрактные системы знаков, тексты) защищают людей, а люди, обладающие индивидуальным правом

¹⁶ См.: Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

¹⁷ Там же. С. 40, 54.

¹⁸ Там же. С. 40.

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ Там же. С. 40, 41.

²¹ Там же. С. 54.

²² Там же. С. 41, 55, 56.

²³ Там же. С. 311–320.

и свободой воли, защищают законы, взаимно поддерживают «правила игры» в общественной и государственной жизни.

Резюмируя изложенное, полагаем, что материалистическая теория права и концепция социальных порядков взаимно дополняют и обогащают друг друга, а взятые в единстве дают основания для констатации универсальной государственно-правовой закономерности — диалектического взаимодействия в общественной и государственной жизни двух начал: произвольного (личного, основанного на личном усмотрении властвующих индивидов) и правового (обезличенного, основанного на принципах объективного права в материалистическом понимании).

Начальник НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Державинского университета, руководитель НОЦ «Государственно-правовая политика современной России», д-р юрид. наук, доц. В.В. Трофимов отметил, что обсуждаемая книга весьма содержательная, оригинальная по постановке излагаемой в ней проблемы, при этом, как справедливо было замечено ранее в выступлении А.В. Малько, мы имеем здесь дело с изложением не просто материалистической теории права, а именно *современной* материалистической теории права. То есть это некое современное прочтение основ материализма в плоскости правовой теории, что, без сомнения, еще больше усиливает уникальность данного труда в контексте современной юриспруденции, поскольку, как представляется, наука права (прежде всего теория права) еще не была знакома с данной версией материалистической теории права. В этом плане предлагаемое новое прочтение материалистического понимания феномена права является в некотором смысле революционным. Вместе с тем, как и каждая «революция», предлагаемый в монографии взгляд на сущность и истоки права способен существенно изменить наши представления о праве с точки зрения методологии материализма (марксизма), а может быть, привести и к некоторому «слому» имевшихся идейных конструкций, при этом, как это отразится на общем развитии правового мировоззрения, пока неизвестно. Но в любом случае это способно дать мощный толчок для такого развития.

Констатируя всю важность авторского подхода и той роли, которая оказывается подготовленным научным трудом на «умы» ученых-юристов, выступающий обратил внимание на некоторые дискуссионные моменты, с этим трудом связанные, те внутренние противоречия, которые могут наблюдаться в параметрах авторской концепции. Так, в частности, В.М. Сырых пишет: *«Реально существующее право есть там, где оно действительно присутствует в виде социальной связи, обладающей всеми признаками объективного права и независимо от форм его проявления»* (с. 87). «Социальная связь» — вот, пожалуй, реальная форма бытия права, та среда, где право способно себя проявить в действии, актуализироваться, стать действительным. Там, где этой социальной связи нет, где она отсутствует, нет и права в его действительности. Однако по книге акцент именно на социальные связи, на взаимодействия так явно не делается. Речь в основном идет об индивиде, о том индивидуальном праве (как форме проявления объективного права), которое ему присуще, которое посредством правосознания индивида проявляется в структуре его личности. Но, замыкаясь на уровне конкретного индивида, право еще не работает (не работает на полную мощь), и это продолжается до тех пор, пока не устанавливается та самая социальная связь между индивидом и контрагентом по системе взаимодействия, для которой, собственно, это самое право и нужно, так как здесь и возникает потребность в праве

как регуляторе человеческих отношений (предоставляющем одним права, другим — налагающем обязанности, а в ряде случаев и привлекающем отдельных субъектов к ответственности).

Еще один момент в этой логической связи — «конкретное право». В книге оно трактуется в основной степени как индивидуальный договор и правоприменительный акт, т.е. через такие формы права, однако то, что в основе этих форм все то же взаимодействие сторон, конкретизирующее объективное право до уровня действительности (частных лиц в договоре, граждан и должностных лиц в процессе правоприменения), следовало раскрыть несколько более полно и предметно.

Определенные пожелания могут быть высказаны и к структуре научного издания. Например, разд. I носит название *«Основы марксистской теории права»*, однако искомым азам марксизма в контексте данного раздела посвящены далеко не все главы, немало в этом разделе уделено внимания историко-правовым вопросам, в свою очередь, многие положения, раскрывающие основы марксизма в плоскости правовой теории, оказываются в других разделах монографии. В какой-то мере более ожидаемо было бы увидеть в концентрированном виде эти «основы» в начальной части издания, а уже далее — их конкретизацию в том или ином предметно-научном выражении. Хотя непосредственно авторский взгляд на эти аспекты всегда является наиболее преимущественным, так как никто, кроме самого автора, не способен видеть то, что может выразить авторский замысел во всех его сторонах и характеристиках, и то, как автор хотел бы достичь этого выражения (в том числе через авторскую структуру научного труда).

В работе весьма хорошо представлен понятийный аппарат, вместе с тем определенные пожелания можно высказать к его «достройке», что может быть связано с необходимостью дополнительной внутренней систематизации опорных и производных понятийных рядов общей научной концепции.

Выше было отмечено, что перед нами «современная» материалистическая теория права. В то же время видимый в работе акцент на индивидуальном праве, индивидуальном правосознании как источнике действительного права выводит данную теорию за рамки материализма в чистом виде (с акцентом лишь на материальных сторонах права), в каком-то смысле приводит к идеализму в правопонимании. Исходя из этого, можно констатировать присущее излагаемой в книге концепции «интегративное» звучание, что придает дополнительную значимость представленному научному подходу.

В ответном слове **проф. В.М. Сырых** выразил чувство признательности участникам обсуждения за интерес к книге, те суждения, пожелания или критические замечания, которые были получены в ходе дискуссии, с какими-то из них в чем-то согласен, по каким-то готов дать аргументированный ответ и продолжить диспут, вместе с тем дополнил, что все сказанное имеет ценность и важное значение с точки зрения дальнейшей работы в заданном направлении.

* * *

Подводя итоги работы дискуссионной площадки, **проф. А.В. Малько**, поблагодарив всех участников и отметив успешность проведенного научного мероприятия, которое достигло своей цели ознакомления с оригинальной научной работой крупного теоретика права и разбора ее различных

сторон, выразил надежду, что результаты дискуссии будут полезны как автору, так и принявшим участие в обсуждении книги проф. В.М. Сырых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 289.
2. *Алексеев С.С.* Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск, 1959. С. 25.
3. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 20, 98, 103.
4. *Бачинин В.А.* Неправо (негативное право) как категория и социальная реальность // Государство и право. 2001. № 5. С. 20.
5. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 11.
6. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 58.
7. *Кудрявцев В.Н.* О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 5, 6.
8. *Матюхин А.А.* Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы, 2000. С. 353, 354.
9. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 40, 41, 54–56, 311–320.
10. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 383.
11. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. М., 1995. С. 203.
12. *Сырых В.М.* Материалистическая теория права: избранное. М., 2011 (+CD). С. 468–470.
13. *Сырых В.М.* Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. 1. Объективное право и формы его выражения. М., 2022. С. 4, 6–9, 11, 17, 23, 71, 72, 87, 235, 238, 291, 298, 538–545.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* General theory of law: in 2 vols. M., 1981. Vol. 1. P. 289 (in Russ.).
2. *Alekseev S.S.* The subject of Soviet socialist Civil Law. Sverdlovsk, 1959. P. 25 (in Russ.).
3. *Baitin M.I.* The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov, 2001. P. 20, 98, 103 (in Russ.).
4. *Bachinin V.A.* Wrong (negative law) as a category and social reality // State and Law. 2001. No. 5. P. 20 (in Russ.).
5. *Bratus' S.N.* The subject and system of Soviet Civil Law. M., 1963. P. 11 (in Russ.).
6. *Ilyin I.A.* On the essence of legal consciousness. M., 1993. P. 58 (in Russ.).
7. *Kudryavtsev V.N.* On legal understanding and legality // State and Law. 1994. No. 3. P. 5, 6 (in Russ.).
8. *Matyukhin A.A.* The state in the sphere of law: institutional approach. Almaty, 2000. P. 353, 354 (in Russ.).
9. *Nort D., Wallis J., Vaingast B.* Violence and social orders. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind. M., 2011. P. 40, 41, 54–56, 311–320 (in Russ.).
10. *Petrazhitzky L.I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. SPb., 2000. P. 383 (in Russ.).
11. *Spiridonov L.I.* Theory of state and law. M., 1995. P. 203 (in Russ.).
12. *Syrykh V.M.* Materialistic theory of law: selected. M., 2011 (+CD). P. 468–470 (in Russ.).
13. *Syrykh V.M.* Fundamentals of the materialistic theory of law: in 4 vols. Vol. I. Objective law and forms of its expression. M., 2022. P. 4, 6–9, 11, 17, 23, 71, 72, 87, 235, 238, 291, 298, 538–545 (in Russ.).

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 410003 г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55; главный научный сотрудник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина; 392008 г. Тамбов, ул. Советская, д. 181б
ORCID: 0000-0003-3204-9696

Authors' information

MAL'KO Alexander V. — Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation; Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); 55 str. named Radishchev A.N., 410003 Saratov, Russia; Chief Researcher of Research Institute of State and Legal Research, Derzhavin Tambov State University; 181b Sovetskaya str., 392008 Tambov, Russia

ТРОФИМОВ Василий Владиславович —

доктор юридических наук, доцент,
начальник Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета
им. Г.Р. Державина; 392008 г. Тамбов,
ул. Советская, д. 181б
ORCID: 0000-0002-5039-7363

TROFIMOV Vasily V. —

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of Research Institute of State and Legal
Research, Derzhavin Tambov State University;
181b Sovetskaya str., 392008 Tambov, Russia

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич —

доктор юридических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой теории,
истории государства и права,
общеобразовательных дисциплин
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России);
117149 г. Москва, Большой Каретный пер., д. 10А;
главный научный сотрудник
НИИ ФСИН России;
125130 г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1;
главный научный сотрудник
Московского университета им. А.С. Грибоедова;
111024 г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21
ORCID: 0000-0003-4822-7151

PANCHENKO Vladislav Yu. —

Doctor of Law, Associate Professor,
Acting the Head of the Department of Theory,
History of State and Law, General Educational
Disciplines, All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia);
10A Bolshoy Karetny Lane, 117149 Moscow, Russia;
Chief Researcher of Research Institute
of the Federal Penitentiary Service;
15a, bld. 1 Narvskaya str., 125130 Moscow, Russia;
Chief Researcher of Griboedov Moscow University;
21 Highway Enthusiasts, 111024 Moscow, Russia

КРОТКОВА Наталья Викторовна —

кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право»;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

KROTKOVA Natalya V. —

PhD in Law,
Leading Researcher of the Sector
of Constitutional Law and Constitutional Justice,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Editor-in-Chief
of the journal “State and Law”;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ ТЕОЛОГО-ПРАВОВОМ ПОЗНАНИИ

**В.В. Баган. ГЕНЕЗИС И ОНТОЛОГИЯ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: научно-теологическое и научно-юридическое
исследование. Смоленск: Свиток, 2022. — 364 с.**

© 2023 г. А. И. Овчинников

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: k_fp3@mail.ru

Поступила в редакцию 06.02.2023 г.

Аннотация. Статья-рецензия раскрывает значение для юридической науки монографии иерея Владислава Багана (Багана Владислава Владимировича), посвященной научно-теологическому и теоретико-правовому осмыслению, обобщению и концептуальному объяснению канонического права Православной Церкви. Отмечается высокий уровень теоретических обобщений и важность подобного рода исследований для современного правопонимания. Среди достоинств работы: глубокий анализ онтологических оснований канонического права в контексте проблем правопонимания, характеристика сущности права в православном мировоззрении; признание канонического права православной церкви важнейшим элементом правопорядка постсекулярного общества; описание основных направлений, школ и концепций канонического права; обзор крупнейших исследований в сфере канонического права и ряд других.

Ключевые слова: каноническое право, церковное право, теоцентристское правопонимание, правовая теология, религиозное правосознание.

Цитирование: Овчинников А.И. Каноническое право в современном теолого-правовом познании В.В. Баган. Генезис и онтология канонического права Православной Церкви: научно-теологическое и научно-юридическое исследование // Государство и право. 2023. № 11. С. 86–92.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228.

DOI: 10.31857/S102694520024331-5

CANONICAL LAW IN MODERN THEOLOGICAL AND LEGAL COGNITION

**V.V. Bagan. GENESIS AND ONTOLOGY OF THE CANONICAL LAW
OF THE ORTHODOX CHURCH: scientific-theological and scientific-legal
research. Smolensk: Svitok, 2022. — 364 pp.**

© 2023 A. I. Ovchinnikov

Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: k_fp3@mail.ru

Received 06.02.2023

Abstract. The review article reveals the significance for legal science of the monograph of Priest Vladislav Bagan (Bagan Vladislav V.), dedicated to the scientific-theological and theoretical-legal understanding, generalization and conceptual explanation of the Canonical Law of the Orthodox Church. There is a high level of theoretical generalizations and the importance of this kind of research for modern legal understanding. Among the advantages of the work: a deep analysis of the ontological foundations of Canon Law in the context of the problems of legal understanding, a description of the essence of law in the Orthodox worldview; recognition of the Canon Law of the Orthodox Church as the most important element of the Rule of Law of post-secular society; description of the main directions, schools and concepts of Canon Law; review of the largest studies in the field of Canon Law and a number of others.

Key words: Canon Law, Church Law, theocentric legal understanding, legal theology, religious legal awareness.

For citation: Ovchinnikov, A.I. (2023). Canonical Law in modern theological and legal cognition V.V. Bagan. Genesis and ontology of the Canonical Law of the Orthodox Church: scientific-theological and scientific-legal research // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 86–92.

The study was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 21-011-44228.

В последние годы наблюдается определенный всплеск интереса к проблемам государственно-конфессиональных отношений, религиозного правопонимания, религиозно-правовых исследований. При этом к анализу церковного права или канонического права обращается не так много ученых, полагая, видимо, что данное направление достаточно изучено. За редким исключением исследование канонического права можно встретить на уровне учебников духовных школ, иногда светских историко-правовых диссертаций, реже на уровне научных монографий¹. Приятным исключением можно признать монографию иерея Владислава Багана (Багана Владислава Владимировича)², кандидата юридических наук, кандидата богословия, доцента кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской Православной Духовной семинарии Смоленской Епархии Русской Православной Церкви. Его исследование вносит существенный вклад в развитие такого направления, как правовая теология, — направление давно известное западной юриспруденции, но не столь распространенное в России³.

В зарубежной литературе теология права или правовая теология развивается в качестве самостоятельного направления на стыке юриспруденции и теологии⁴. Проблемы правовой теологии актуальны для современных ученых в связи с кризисом западной традиции права, порожденным десакрализацией, дехристианизацией правовых систем

западных стран⁵. Их внимание приковано к проблемам катастрофических изменений в праве в связи с утратой духовных ценностей и норм.

В богословской и юридической литературе монографии и статьи по каноническому праву и церковной юриспруденции после длительного периода господства атеистического взгляда на мир и материализма стали появляться все чаще, что свидетельствует о возвращении на традиционные позиции в российском обществе Русской Православной Церкви и восстановлении евангельских ценностей в качестве государствообразующих и культуурообразующих в Российской Федерации. В самом деле, понять важнейшие для отечественной юриспруденции темы, такие как соотношение Закона и Истины, Правды и Законности, Справедливости и Милосердия, без обращения к богословию Русской Православной Церкви вряд ли возможно. Тем более, если учесть, что русская юридическая мысль формировалась и росла постепенно на почве церковного правосознания и правопонимания⁶. Собственно, вся европейская правовая культура без учета Священного Писания и Священного Предания, христианского мировоззрения и правопонимания вряд ли может быть познана и понята: не только римское право, но и Декалог Моисея, заповеди Иисуса Христа и евангельские ценности сформировали юриспруденцию и этику европейской цивилизации. По крайней мере такие высшие европейские правовые идеалы и ценности, как достоинство каждой человеческой личности, права человека, равенство всех перед законом независимо от пола, веры, этнического и социального происхождения, возникли и распространились благодаря христианству, с этим вряд ли кто-то будет спорить. И именно они составляют незыблемый каркас канонического или церковного права, возникшего первоначально на этапе раннехристианских общин в апостольские времена из необходимости упорядоченного усвоения и реализации евангельского учения и Закона Божественного в устройении личной и общественной жизни, невзирая на социальный уклад и общественно-политический строй окружавшего общину государства, так как евангельский закон абсолютен и стоит выше над всяческими земными порядками. Как справедливо отмечает

¹ См.: Цыпин В., протоиерей. Курс церковного права. Клин, 2004; Его же. Каноническое право. М., 2009; Смыкалин А.С. Каноническое право (на примере Русской Православной Церкви XI–XXI вв.). М., 2015; Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII — начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2008; Ее же. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. СПб., 2007.

² См.: Бagan В.В. Генезис и онтология канонического права Православной Церкви: научно-теологическое и научно-юридическое исследование. Смоленск, 2022.

³ См.: Правовая теология и государственно-конфессиональные отношения в современной России: сб. ст. и докладов / отв. ред. А.И. Овчинников. М., 2022.

⁴ См.: Doe N. The Ecumenical Value of Comparative Church Law: Towards the Category of Christian Law // Ecclesiastical Law Journal. 2015. Vol. 17(2). P. 135–169. DOI: 10.1017/S0956618X15000034; Hill M. Legal theology // Journal of Law and Religion. March 2017. Vol. 32. Issue 1. P. 59–63. DOI: <https://doi.org/10.1017/jlr.2017.20>

⁵ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М., 1998.

⁶ См.: Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997.

один из ведущих специалистов по церковному праву византолог-правовед А.М. Величко, «ясное осознание того, что Церковь не может основывать свою жизнедеятельность на переменчивых понятиях нашего разума, заставляло еще первых христиан искать Божественные указания для благочестивой и правильной организации собственного бытия»⁷. Можно сказать, что церковное право является формализацией и конкретизацией естественного права в его христианском понимании.

Итак, если обратить внимание на актуальность темы, то сразу стоит сказать об аудитории книги: это не только священнослужители и богословы Русской Православной Церкви, но и правоведа, а также все интересующиеся социогуманитарным знанием ученые. Если учесть, что большинство граждан Российской Федерации, согласно переписи населения, православные христиане, то выходит, что для всех них церковное или каноническое право обладает высшей юридической силой, имеет несоизмеримо важную ценность, чем право светское или государственное. Ведь именно верой спасается человек, и законы государства обязательны для христианина в той мере, в которой они не противостоят Библии. Поэтому изучение канонических норм является необходимым для тех, кто выбрал путь христианского спасения. Приведем один лишь пример: «ковидные ограничения» в храмах смутили многих прихожан, дошло до обвинений Патриарха Кирилла и Президента РФ в измене Христу и уголовного дела по трем статьям в отношении бывшего настоятеля Среднеуральского женского монастыря схиигумена Сергия (Николая Романова)⁸. Однако все т.н. ковидные ограничения были установлены священноначалием строго в соответствии с канонами Церкви, обоснованы историческими примерами их реализации, применения.

Впрочем, верующие всегда могут мотивировать свой отказ от обязательности норм церковного права ссылкой на то, что они в Бога верят, но нормы Церкви как общественного объединения для них не столь важны, однако при этом забывается, что Церковь — учрежденное Богом общение со времен Апостолов. Собственно, отказ от обязательности церковных норм и привел к появлению протестантизма, а впоследствии и к процессу дробления христианства на конфессии, религиозным войнам и секуляризации.

Первая глава произведения иерея Владислава Багана называется «Понятие и онтология канонического права», в которой автор рассматривает такие темы, как определение понятия и концепции канонического права, соотношение понятий канонического и церковного права, некоторые характеристики и особенности канонического католического права. Особенный интерес представляет анализ классической для дискуссий о сущности канонического права темы — смысла и природы принуждения в подчинении церковному каноническому праву.

Как известно, особенностью канонического или церковного права по сравнению с правом светским, здесь мы солидарны с автором в том, что нет смысла разделять понятия церковного и канонического права (с. 6), важным признаком является добровольность исполнения и реализации его норм, духовно-нравственная природа принуждения.

Если открыть любой учебник по теории права, то определение права обязательно связано с принуждением и его признаки необходимо включают термин «обеспеченность принудительной силой». В этом видят теоретики важнейшее отличие права от иных социальных норм. Светское общество настолько привыкло к определению права через понятие «принуждение», что постепенно совсем забыло о том, что здоровое правосознание не нуждается в принуждении, что обеспеченность принудительной силой представляет собой не что иное, как состояние тяжелой болезни общественного организма. Если нормы права ведут к добру и справедливости, то их реализация должна осуществляться без всякого принуждения. Уже с этих позиций каноническое право «оздоравливающее» действует на юридическое мышление.

Не секрет, что ряд христианских конфессий после Реформации отрицательно стали относиться к церковному праву именно ввиду неправильного понимания природы права, отождествляя ее с принуждением и насилием. Этот взгляд аргументированно опровергнул проф. Н.А. Заозерский в своем сочинении «О сущности церковного права (против возражений проф. Рудольфа Зомы)», вышедшем после знаменитого трактата немецкого правоведа-лютеранина Р. Зомы «Церковный строй в первые века христианства», полагавшего, что «духовная сущность Церкви исключает всякий церковный правовой строй»⁹. Он указал на то, что церковное право возникло для того, чтобы сохранять порядок в Церкви, установленный еще самими апостолами. То обстоятельство, что в некоторые исторические периоды происходило искажение некоторых церковно-правовых норм и их толкования, ситуации злоупотребления каноническими правами и исторические примеры искажения духа церковного права не являются аргументом против него. Противоречие между тем, что якобы «право использует принуждение и приводит к установлению господства одних людей над другими», следовательно, противоречит духу Христовой Любви, также им легко опровергается: Н.А. Заозерский указывает на ошибочность отождествления правопорядка с государственным порядком, первый гораздо шире по своему объему и основаниям¹⁰. Кроме того, важно учесть, полагает автор, что право регулирует не только материальные блага и интересы и его сила покоится не на принуждении, а на разумной нравственной личности. Действие принуждения и необходимость в нем является признаком «больного» правосознания, к которому приходится принуждение применять.

В самом деле, принуждение является вовсе не основной характеристикой права. Напротив, нельзя право определять как систему принуждения: в истории права доказательств ошибочности такого определения много — от идеи естественного права, разумного, идеального и вечного, до международного частного права, в котором принуждение почти отсутствует. Трудно здесь не привести высказывание проф. Н.А. Заозерского: недопустимо определять право через принуждение, как недопустимо определять здоровье через болезнь. Правосознание психически адекватного человека не может не учитывать права и законные интересы иных лиц, физических и юридических, следовательно, признавая их в качестве субъектов права и себя делает правовой личностью.

⁷ Величко А.М. Церковный канон и «божественное право» (jus divinum) // Вестник Юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9. № 1. С. 17–28. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-2

⁸ См.: «Склонял к самоубийству»: суд приговорил бывшего схиигумена Сергия к 3,5 года лишения свободы. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/933676-shiigumen-sergii-prigovor-koloniya>

⁹ Зом Р. Церковный строй в первые века христианства. СПб., 2005. С. 9.

¹⁰ См.: Заозерский Н.А. О сущности церковного права (против возражений проф. Рудольфа Зомы) // Зом Р. Указ. соч. С. 243–250.

Итак, каноническое право остается правом Апостольской Церкви. Нельзя не поддержать автора в стремлении изложить онтологические вопросы канонического права, что неизбежно затрагивает центральные для светской юриспруденции темы правопонимания, сущности права, концепций права. И хотя часто юристы, не разбирающиеся в теологии, ставят «на одну полку» христианское право с исламским правом, нельзя не согласиться с автором о фундаментальных различиях в этих религиозных типах правопонимания: «Каноническое право Церкви — это совершенно уникальный феномен, в котором можно проследить лишь самые незначительные аналогии с религиозным правом мусульман или иудаистов» (с. 6). Уникальность его, по мнению автора, заключается в том, что в «исламе (имеющем явно не одно течение и не обладающем единством) религиозное право шариата (более акцентированное на установлении базовых оснований и рамок) не достигает в своём регулирующем проникновении таких степеней детализации и не обеспечивает императивов единства, как в Православной Церкви (или Римско-католической церкви). В иудаизме религиозное право в незначительной степени распространяется на соответствующий этнос (евреи), привязано к нему и реализуется в особой модальности, что также делает его отличающимся от канонического церковного права» (с. 65). Однако человеку религиозному очевидно: православное каноническое право является правом Божественного промысла о мире, так как Церковь не в смысле политического института, а в смысле Божественного учреждения представляет собой: «от Бога установленное общество всех личных (т.е. разумно-свободных) существ, верующих во Христа Спасителя и соединенных с Ним как с Единой Главой. К Церкви принадлежат, во-первых, все верующие во Христа, живущие на земле, во-вторых, скончавшиеся в вере и, в-третьих, ангелы»¹¹. Иными словами, это от Бога установленное общество, где существует иерархия совершенно иного свойства, чем в обычном сообществе. Можно сказать, несмотря на наличие иерархии духовенства, что это иерархия «наоборот»: чем выше статус служителя Христова, тем более строгим он является исполнителем божественных заповедей, что означает большее служение, больший подвиг, больший крест. Как сказано в Священном Писании: «И, сев, призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою. Евангелие от Марка 9:35». Поэтому права личности в каноническом праве суть не права, а правообязанности, в которых личные правомочия едины и нераздельны с долгом и обязанностью. Жизнь христианина представляет собой служение ближним, а значит его права являются лишь средством для этого служения. Именно эта мысль лежит в глубине кенотического правопонимания, обоснованию которого посвятил свое творчество один известный богослов¹².

Вторая глава исследования посвящена истории канонического права. Автор рассматривает вопросы методологии исследования канонического права, раскрывает основные этапы его развития, описывает важные духовные школы. Особый параграф посвящен преподаванию канонического

права в мирских (государственных или светских) учебных заведениях России.

Длительный период своей истории в Российской Империи каноническое право было не просто важной отраслью системы права, а отраслью ведущей: именно оно создало предпосылки идеи Царской власти и вложенных в нее понятий священного чина в Церкви. Именно с церковно-правового статуса венчания на царство в соответствии с правилами церковного права начинается своя история царская власть в Российской Империи: как подчеркивает М.В. Зызыкин, государю Иоанну было важно получить каноническое нормативное подтверждение царского статуса, что могло быть обеспечено Соборной грамотой Первостоятеля Вселенской Церкви — Константинопольского Патриарха, которую он получил в сентябре 1562 г. через Евгрипского митрополита¹³. Современные правоведы подчеркивают важность наследия царя Ивана IV с точки зрения реализации религиозных взглядов и представлений в конкретных правовых решениях и нормативных актах, так как государь руководствовался нормами канонического права в легитимации своей власти¹⁴.

О важности церковного права в правовых системах говорили не только в православно-христианской Российской Империи. На уникальность церковного права указывал и Еллинек: «Церковный правопорядок основан на совершенно других началах, чем правопорядок государственный. Церковное право — как внутреннее право церкви — может быть поставлено рядом с частным и публичным правом в качестве отдельной отрасли права»¹⁵. Поэтому ведущие университеты мира обязательно имели на юридических факультетах кафедры канонического права. В монографии описаны различные исторические процессы его изучения и развития в духовных и светских академических школах.

Важной является третья глава монографии «Методики и содержание преподавания канонического права и церковного законоведения». На богословском и социогуманитарном уровне рассмотрены вопросы взаимосвязи теологии и науки канонического права, методики преподавания канонического права, а также дана характеристика вклада ведущих отечественных канонистов в создание и развитие церковного права как научного направления и образовательной дисциплины. Даны портретные характеристики таких выдающихся профессоров, как М.П. Альбов, И.С. Бердников, П.А. Лашкарев, Н.С. Суворов и др.

Интересна мысль автора о богословской значимости канонического права: последнее рассматривается как «носитель охранительной миссии в отношении теологии», а также как «способ формализации теологических императивов и репрезентации их в доступной для понимания пользователей нормативной форме» (с. 20).

Автор справедливо обращает внимание, что в толковании норм канонического права важнейшую роль играет теология или богословие (с. 28). Нельзя не согласиться с той мыслью, что отказ от теологических контекстов в понимании норм канонического права приводит к юридическому формализму или позитивизму в деятельности церковных судов. Теология определяет ценностно-нормативные

¹¹ Давыденков Олег, протоиерей. Догматическое богословие. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticheskoe-bogoslovie/11_1

¹² См.: Фетисов Т.А. Богословие Кенозиса в христианском понимании права // *Философия права*. 2017. № 1 (80). С. 83–89; *Его же*. Кенотическое право в Священном Писании // *Росс. журнал правовых исследований*. 2017. Т. 4. № 2 (11). С. 43–52; *Его же*. Богословие и право // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 2 (38). С. 40–45.

¹³ См.: Зызыкин М.В. Царская власть в России. М., 2004. С. 59.

¹⁴ См.: Дорошина Н.Г., Семилотина Н.Г. Особенности рецепции римского права в России: Византийская модель // *Вестник Юридического факультета ЮФУ*. 2022. Т. 9. № 4. С. 36. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-4

¹⁵ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 382.

основания канонического права, создает для него границы, целостность и бережет от «зуда модернизации». В свою очередь, каноническое право сохраняет теологические императивы, бережет их от скоропалительных реформ, транслирует их в доступные для понимания формы. Надо сказать, что такие взаимоотношения между теологией и каноническим правом в чем-то напоминают соотношение философии права и позитивного права. «Обездущенная юриспруденция», машинное правосудие и формально-догматическое понимание права как признаки позитивистского правового мышления точно так же возникают в результате отказа от философско-правового обоснования норм Основного закона, сведения сущности права к инструкциям государства в отношении общества, инструменту социального порядка. Нельзя не заметить, что вслед за рационалистической критикой от теологии в Новое время последовал отказ и от философии права в XIX в. Забыв Бога, человечество постепенно стало забывать и о человеке. В результате духовного кризиса следом возникает и кризис правосознания (П.И. Новгородцев), так как основой последнего всегда была вера в Суд Божий.

В этом смысле каноническое право является для светского права неким ориентиром, эталоном, «путеводной звездой». Как справедливо указывается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви¹⁶, каноническое право надсоциально в смысле соотношения с правом государственным, оказываясь как бы нравственным фундаментом законодательства государства, образованного христианским обществом. Оно миссионерски оказывает на правовую систему «одухотворяющее влияние», напоминает о высших ценностях и смыслах бытия личности. Нельзя не согласиться с тем, что именно каноническое право поддерживает традиционные духовно-нравственные ценности во все времена независимо от политической конъюнктуры. Правильно указывается в юридической литературе и на роль Церкви и ее норм в формировании государственной идентичности. Следует признать правоту проф. С.Н. Бабурина, который считает, что «от решения вопроса, будет ли новое поколение русских понимать православие, воспринимать его не как одну из конфессий в “многоконфессиональном государстве”, а как свое мирозерцание, как некую аксиому, маяк для индивидуального сознания во мраке тотального нигилизма, зависит, сохранится ли Россия»¹⁷.

Светскость государства не только не препятствует, но, напротив, вызвана партнерством церкви и государства. «Светскость государства, с одной стороны, способствует разграничению сфер влияния государства и религиозных организаций, а с другой — предполагает их взаимодействие, поскольку религиозные организации выступают хранителями норм нравственности и субсидиарных норм права, регулирующих внутреннюю жизнь самих религиозных организаций»¹⁸, — справедливо подчеркивает проф. А.М. Осавелюк.

Рассматривая внимательно исследование, всегда можно найти те его грани, которые вызывают возражения или

несогласия. Может, к примеру, показаться несколько громоздким авторское определение канонического права, согласно которому оно представляет собой «нормативный системообразующий субстратный комплекс наиболее значимых нормативных установлений (канонических норм) как остов (“скелет”, “фундамент и силовая несущая конструкция”) системы внутренней нормативной регламентации (сведенной в консолидирующие сборники, комплексы) поместной Православной Церкви или иной относимой к христианству исторически существующей церковной организации (в узкой интерпретации — как “jusecclesiasticum”, англ. — “internal ecclesiastical law”), либо в широкой интерпретации — собственно вся эта система внутренней нормативной регламентации, проистекающая из Священного Писания и Священного Предания, издаваемая (формируемая, принимаемая) церковными властями или общецерковными органами управления (соборами) и общепризнаваемая всей полнотой церковного сообщества верующих данной Церкви (включая церковную иерархию) как презиумируемо императивная для них в силу их самоотнесения себя к этой Церкви (самопозиционирования себя верующими), определяющие внутренний церковный канонический порядок (“ordocanonicus”), нормативное “легирирование” общественной жизни верующих и отношения Церкви к внешним социальным порядкам (государству, обществу, другим религиозным организациям)» (с. 26, 27).

По сути, автор дает два определения: одно основано на узком понимании канонического права, другое на широком. Интересно отметить, что в широком понимании канонического права отдельно оговаривается и упоминается, что нормы канонического права устанавливают формат государственно-конфессиональных отношений со стороны Церкви. Для верующих это особенно важно: как определить отношение к государству и иным политическим институтам с точки зрения Священного Писания. И для государства важным является содержание норм канонического права.

Следует сказать о том, что монография по своим библиографическим рамкам предельно широка: вряд ли мимо взгляда автора прошло хотя бы одно исследование или один учебник по каноническому праву как отечественных, так и зарубежных авторов. Работа может быть рассмотрена как всеохватное исследование, в котором использованы труды как отечественных, так и зарубежных ученых, как современных, так и дореволюционных: сербских, болгарских, итальянских, английских, испанских. Автор постоянно на страницах работы обращается к трудам представителей католического канонического правоведения, не замыкаясь на узкоконфессиональном анализе. Среди них труды О. Будиньона, С. Каттнера, Дж. Каглина, К.Х. Эррасуриаса, Ф.М. Брелло, Ч. Миранелли, Ф. Онида и др. Большую роль сыграли и архивные источники, которые лично исследованы автором.

* * *

В завершение отметим, что в России оказались в некотором смысле прерваны традиции христианской жизни после 1917 г., и процесс постсекулярного осмысления роли и значимости религии в жизни государства пока затруднителен из-за инерции советского атеизма в сознании ученых. Между тем нельзя не признать справедливой мысль о том, что в современной юриспруденции нет места гонениям на веру, подобным советской юриспруденции и примитивному отношению к религии как пережитку прошлого. Как указывает проф. Д.А. Пашенцев, «вместе с постклассической наукой, которая все шире проникает и в область юриспруденции, на

¹⁶ В официальных источниках опубликованы не были.

¹⁷ Вероисповедание как стержень политического, правового и духовного развития государств и народов // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы V межвуз. науч. конф., посвященной 400-летию династии Романовых / под ред. С.Н. Бабурина, А.М. Осавелюка. М., 2013. С. 11.

¹⁸ Осавелюк А.М. Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 г. в Конституции России) // Актуальные проблемы рос. права. 2020. № 8. С. 32–42. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.032-042

смену прежнему принципу противопоставления научного знания и религии приходит иное понимание. Сегодня становится очевидным, что наука и религия больше не являются взаимоисключающими понятиями, что они не столько противоречат, сколько дополняют друг друга»¹⁹.

В самом деле, в современной философии и методологии науки давно общепризнанной является точка зрения, что в основе научной рациональности всегда лежала и продолжает лежать вера, так что открытие К. Шмиттом религиозных корней большинства политических понятий и представлений в прошлом веке вполне объяснимо еще и с позиций современной философии познания: мысль рождается не из другой мысли, а из сферы подсознания, веры и потребностей²⁰. За каждым понятием как формой мысли скрыта иррациональная тенденция. К тому же без веры в высшее право не может быть и правопорядка. Как справедливо отмечается в трудах Г. Дж. Бермана, право придает религии социальное измерение, а религия одухотворяет право, мотивируя людей ценить его, ведь в основе идеалов правосудия, справедливости, правды лежит именно вера в них как в высшие смыслы человеческой и общественной жизни²¹. Для общественного правосознания в России эти идеалы являются сакральными. Русское слово «правда», часто ошибочно рассматриваемое как результат этнокультурного духовного творчества, есть исконно всеобщее, христианское: в святоотеческих наставлениях и богослужебных текстах Солнцем Правды именуют Сына Божия Иисуса Христа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабури С. Н.* Вероисповедание как стержень политического, правового и духовного развития государств и народов // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы V межвуз. науч. конф., посвященной 400-летию династии Романовых / под ред. С. Н. Бабурина, А. М. Осавелюка. М., 2013. С. 11.
2. *Баган В. В.* Генезис и онтология канонического права Православной Церкви: научно-теологическое и научно-юридическое исследование. Смоленск, 2022. С. 6, 20, 26, 27, 65.
3. *Берман Г. Дж.* Вера и закон: примирение права и религии / пер. с англ. М., 2008.
4. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М., 1998.
5. *Величко А. М.* Церковный канон и «божественное право» (jus divinum) // Вестник Юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9. № 1. С. 17–28. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-2
6. *Давыденков Олег, протоиерей.* Догматическое богословие. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticheskoe-bogoslovie/11_1
7. *Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г.* Особенности рецепции римского права в России: Византийская модель // Вестник Юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9. № 4. С. 36. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-4
8. *Дорская А. А.* Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. СПб., 2007.

¹⁹ *Пашенцев Д. А.* Взаимодействие правовых и религиозных норм: историко-теоретический аспект // История государства и права. 2015. № 17. С. 33–38.

²⁰ См. подр.: *Шмитт К.* Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016. С. 5–59.

²¹ См.: *Берман Г. Дж.* Вера и закон: примирение права и религии / пер. с англ. М., 2008.

9. *Дорская А. А.* Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2008.
10. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 382.
11. *Заозерский Н. А.* О сущности церковного права (против воззрений проф. Рудольфа Зома) // *Зом Р.* Церковный строй в первые века христианства. СПб., 2005. С. 243–250.
12. *Зом Р.* Церковный строй в первые века христианства. СПб., 2005. С. 9.
13. *Зызыкин М. В.* Царская власть в России. М., 2004. С. 59.
14. *Осавелюк А. М.* Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 г. в Конституции России) // Актуальные проблемы рос. права. 2020. № 8. С. 32–42. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.032-042
15. *Пашенцев Д. А.* Взаимодействие правовых и религиозных норм: историко-теоретический аспект // История государства и права. 2015. № 17. С. 33–38.
16. Правовая теология и государственно-конфессиональные отношения в современной России: сб. ст. и докладов / отв. ред. А. И. Овчинников. М., 2022.
17. Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997.
18. *Смыкалин А. С.* Каноническое право (на примере Русской Православной Церкви XI–XXI вв.). М., 2015.
19. *Фетисов Т. А.* Богословие и право // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 40–45.
20. *Фетисов Т. А.* Богословие Кенозиса в христианском понимании права // Философия права. 2017. № 1 (80). С. 83–89.
21. *Фетисов Т. А.* Кенотическое право в Священном Писании // Росс. журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 2 (11). С. 43–52.
22. *Цыпин В., протоиерей.* Каноническое право. М., 2009.
23. *Цыпин В., протоиерей.* Курс церковного права. Клин, 2004.
24. *Шмитт К.* Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016. С. 5–59.
25. *Doe N.* The Ecumenical Value of Comparative Church Law: Towards the Category of Christian Law // Ecclesiastical Law Journal. 2015. Vol. 17(2). P. 135–169. DOI: 10.1017/S0956618X15000034
26. *Hill M.* Legal theology // Journal of Law and Religion. March 2017. Vol. 32. Issue 1. P. 59–63. DOI: 10.1017/jlr.2017.20

REFERENCES

1. *Baburin S. N.* Religion as a core of political, legal and spiritual development of states and peoples // State, church, law: constitutional, legal and theological problems: materials of the V inter-university. Scientific Conference dedicated to the 400th anniversary of the Romanov dynasty / ed. by S. N. Baburin, A. M. Osavelyuk. M., 2013. P. 11 (in Russ.).
2. *Bagan V. V.* Genesis and ontology of the Canonical Law of the Orthodox Church: scientific-theological and scientific-legal research. Smolensk, 2022. P. 6, 20, 26, 27, 65 (in Russ.).
3. *Berman G. J.* Faith and Law: Reconciliation of Law and religion / transl. from English. M., 2008 (in Russ.).
4. *Berman G. J.* The Western tradition of law: the epoch of formation / transl. from English. 2nd ed. M., 1998 (in Russ.).
5. *Velichko A. M.* Church canon and “divine law” (jus divinum) // Herald of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 17–28. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-2 (in Russ.).

6. *Davydenkov Oleg, Archpriest*. Dogmatic theology. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticheskoe-bogoslovie/11_1 (in Russ.).
7. *Doronina N.G., Semilyutina N.G.* Features of the reception of Roman law in Russia: Byzantine model // Herald of the Faculty of Law of SFU. 2022. Vol. 9. No. 4. P. 36. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-4 (in Russ.).
8. *Dorskaya A.A.* The influence of church-legal norms on the development of branches of Russian law. SPb., 2007 (in Russ.).
9. *Dorskaya A.A.* Church Law in the system of law of the Russian Empire of the late XVIII – early XX century: abstract ... Doctor of Law: 12.00.01. M., 2008 (in Russ.).
10. *Jellinek G.* The general doctrine of the state. SPb., 2004. P. 382 (in Russ.).
11. *Zaozersky N.A.* On the essence of Church Law (against the views of Prof. Rudolf Zoma) // *Zom R.* The Church system in the first centuries of Christianity. SPb., 2005. P. 243–250 (in Russ.).
12. *Zom R.* The Church system in the first centuries of Christianity. SPb., 2005. P. 9 (in Russ.).
13. *Zyzykin M.V.* Tsarist power in Russia. M., 2004. P. 59 (in Russ.).
14. *Osavelyuk A.M.* Reflections on a secular state (in the light of the 2020 changes in the Constitution of Russia) // Actual problems of Russ. law. 2020. No. 8. P. 32–42. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.032-042 (in Russ.).
15. *Pashentsev D.A.* Interaction of legal and religious norms: historical and theoretical aspect // History of the state and law. 2015. No. 17. P. 33–38 (in Russ.).
16. Legal theology and state-confessional relations in modern Russia: collection of articles and reports / res. ed. A.I. Ovchinnikov. M., 2022 (in Russ.).
17. Russian Philosophy of Law: philosophy of faith and morality. Anthology. SPb., 1997 (in Russ.).
18. *Smykalin A.S.* Canonical Law (on the example of the Russian Orthodox Church of the XI–XXI centuries.). M., 2015 (in Russ.).
19. *Fetisov T.A.* Theology and law // Legal science and practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (38). P. 40–45 (in Russ.).
20. *Fetisov T.A.* Theology of Kenosis in the Christian understanding of law // Philosophy of Law. 2017. No. 1 (80). P. 83–89 (in Russ.).
21. *Fetisov T.A.* Kenotic Law in Holy Scripture // Russian Journal of Legal Studies. 2017. Vol. 4. No. 2 (11). P. 43–52 (in Russ.).
22. *Tsylin V., Archpriest*. Canon Law. M., 2009 (in Russ.).
23. *Tsylin V., Archpriest*. The course of Church Law. Klin, 2004 (in Russ.).
24. *Schmitt K.* Political theology. Four chapters to the doctrine of sovereignty / transl. from German by Yu. Yu. Korints // Schmitt K. The Concept of the political. SPb., 2016. P. 5–59 (in Russ.).
25. *Doe N.* The Ecumenical Value of Comparative Church Law: Towards the Category of Christian Law // Ecclesiastical Law Journal. 2015. Vol. 17(2). P. 135–169. DOI: 10.1017/S0956618X15000034
26. *Hill M.* Legal theology // Journal of Law and Religion. March 2017. Vol. 32. Issue 1. P. 59–63. DOI: 10.1017/jlr.2017.20

Сведения об авторе

ОВЧИННИКОВ Алексей Игоревич —
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права
юридического факультета
Южного федерального университета;
344007 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

Authors' information

OVCHINNIKOV Alexey I. —
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory and History
of State and Law of the Faculty of Law,
Southern Federal University;
88 M. Gorky str., 344007 Rostov-on-Don, Russia

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ИСТОЧНИКА ПРАВА: ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ

© 2023 г. М. Ю. Спирин

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва

E-mail: smy@samaradom.ru

Поступила в редакцию 01.09.2022 г.

Аннотация. В статье представлен анализ категории «юридическая сила» с позиции определения её природы и особенностей содержания. Основное внимание уделено факторам, влияющим на происхождение юридической силы и последовательность её образования. Обосновывается взаимозависимая связь категорий «юридическая сила» и «источник права», рассматривается выражение юридической силы на примере формальных источников права. Автор обращает внимание на интернациональность категории «юридическая сила» и высказывает соображения по поводу применимости доктрины *stare decisis* для обоснования юридической силы формальных источников права.

Ключевые слова: юридическая сила, источник права, формальные источники права, формы права, нормативные правовые акты, иерархия нормативных актов, *stare decisis*, таклид, правовая определённость.

Цитирование: Спирин М. Ю. Юридическая сила источника права: проблема оснований // Государство и право. 2023. № 11. С. 93–98.

DOI: 10.31857/S102694520021826-9

LEGAL FORCE OF THE SOURCE OF LAW: THE PROBLEM OF FOUNDATIONS

© 2023 M. Yu. Spirin

Academician Korolyov Samara National Research University

E-mail: smy@samaradom.ru

Received 01.09.2022

Abstract. The article analyzes the category of “legal force” from the standpoint of determining its nature and content features. The main attention is paid to the factors influencing the origin of legal force and the sequence of its formation. The interdependent relationship is justified of the categories “legal force” and “source of law” is argued, the expression of legal force is considered on the example of formal sources of law. The author draws attention to the international nature of the category of “legal force” and expresses his views on the applicability of the *stare decisis* doctrine to substantiate the legal force of formal sources of law.

Key words: legal force, source of law, formal sources of law, forms of law, normative legal acts, hierarchy of normative acts, *stare decisis*, *taqlid*, legal certainty.

For citation: Spirin, M. Yu. (2023). Legal force of the source of law: the problem of foundations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 93–98.

Вопрос о происхождении юридической силы как явления и абстрактного обоснования общеобязательности правовых предписаний более чем актуален. В то же время достаточно часто он не раскрывается, авторы ограничиваются аксиоматической сентенцией о том, что такая сила имманентна итоговой внешней оболочке правового регулирования (т.е. внешней форме права или формальному источнику права), которая появляется (принимается) и обнаруживается (вводится в действие) в установленном порядке. В этом смысле известные логические формулы «закон обладает высшей юридической силой» или «нормативный правовой акт вступил в силу» часто воспринимаются как само собой разумеющиеся.

В то же время проблема происхождения и последующего внешнего выражения юридической силы права через систему его формальных источников имеет самостоятельное и во многом определяющее для понимания самого характера правового регулирования значение.

* * *

Е.А. Ларина в диссертационном исследовании утверждает, что «особую актуальность приобретает вопрос о юридической силе нормативных актов, равно как и актов, представляющих иные формы права..., обладающих нормативной природой», и справедливо указывает: «Юридическую силу необходимо рассматривать в контексте источников права, поскольку именно они выступают той формой выражения, без которой юридическая сила не может существовать»¹.

В своей работе Е.А. Ларина определяет юридическую силу как «качество, выражающее соотношение одного вида правового предписания с другими, его место в системе правовой регламентации, обусловленное свойством иерархичности и возможностью наступления юридически значимых последствий»². Тем самым значение юридической силы применительно к категории «источник права» («формальный источник права») обозначается по преимуществу с позиции **иерархизации конечных внешних форм**, содержащих нормативные предписания (в первую очередь нормативных правовых актов), и создания логически выверенной, сбалансированной системы этих форм права с целью последующего эффективного правового регулирования.

В ещё более узком значении юридическая сила рассматривается Д.И. Здуновой применительно к нормативным правовым актам: «Под юридической силой нормативно-правового акта следует понимать обязательность любого нормативного акта, либо имеющего приоритет перед другими актами, либо самому подчиняющегося иным нормативно-правовым актам». Далее автор добавляет, что «юридической силой можно назвать и свойство, выражающее соотношение актов в правовой системе и определяющее их место в ней, а также качество, характеризующее влияние самих актов на установленные предписания или их влияние на другие акты»³.

¹ Ларина Е.А. Юридическая сила как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 4, 8.

² Там же. С. 8.

³ Здунова Д.И. К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 155, 156; см. также более раннее исследование этого автора применительно к определению юридической силы законов в иерархической системе нормативных правовых актов государственных органов: Здунова Д.И. Юридическая сила правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 8.

Эти выводы подтверждаются В.Г. Голубцовым: «Юридическая сила нормативно-правового акта — это сравнительная категория для установления его места в иерархической системе актов»⁴. На это в своё время также обращал внимание и С.С. Алексеев: «Главным признаком, определяющим место того или иного [нормативного правового] акта в иерархической структуре, является его *юридическая сила*, которая представляет собой сопоставительное свойство, выражает степень подчинённости данного нормативного акта актам вышестоящих органов...; <...> исходным критерием для отнесения нормативного акта к тому или иному виду служит его юридическая сила»⁵. Так или иначе, вопрос иерархизации форм (внешних оболочек) права, закрепляющих юридические нормы, обозначался и в настоящее время представляется многим исследователям основным для решения проблемы определения природы и значения самой юридической силы как категории.

При этом стоит указать на проблему, которая косвенно ставится в указанных исследованиях сущности юридической силы как категории: влияние действующих форм права на нормативные предписания, в них содержащиеся. Здесь можно наблюдать известное зарубежной теоретико-правовой науке разделение «правовых текстов» и «правовых предписаний» (в этих текстах содержащихся), корнями уходящее к исследованиям Г. Кельзена и К. Ларенца (соотношение «*Rechtssätze*» и «*Rechtsnormen*»)⁶.

Основные методы исследования юридической силы как феномена, определяющего качества формального источника права, последовательно изложены в работе Е.А. Лариной⁷.

В целом, обобщая рассмотренные позиции и углубляясь в тематику данного анализа, можно определить, что юридическая сила (*vis iuris*) — это особый абстрактный признак внешней формы права (формального источника права), производный от значения содержащихся в ней юридических норм и от правотворческой роли соответствующего органа публичной власти, выраженный в соответствующей степени обязательности и месте данной внешней формы права в иерархической системе права.

Сразу же вызывает закономерный вопрос утверждение о том, что юридическая сила является свойством именно формального источника права, а не самих общеобязательных юридических норм, содержащихся в оболочке этого источника. Ведь общеобязательностью действительно обладают именно юридические нормы. В то же время перманентные ссылки на статьи нормативных правовых актов (как формальных источников права) в судебных постановлениях прямо указывают на то, что на практике суды опираются на общеобязательность не столько самих норм права, сколько внешних оболочек (статей и целых нормативных правовых актов), в рамках которых эти нормы существуют. Более того, невозможно представить себе действующую

⁴ Голубцов В.Г. Юридическая сила нормативного правового акта, действие нормативного правового акта, применение нормативных правовых актов арбитражными судами // Пермский юридический альманах. 2021. С. 432.

⁵ Алексеев С.С. Общая теория права: курс: в 2 т. М., 1982. Т. II. С. 218.

⁶ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. 2-е изд. СПб., 2015. С. 95; Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. 6. Aufl. Berlin—Heidelberg, 1991. S. 250.

⁷ См.: Ларина Е.А. Феномен «юридической силы»: методологические подходы // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 22—38.

общеобязательную юридическую норму, которая не содержалась бы ни в какой оболочке. Это просто невозможно.

Следовательно, любая юридическая норма, объединённая с другими в составе определённого формального источника права, лишь вносит свою «лепту» в общую силу, которой в конечном счете будет обладать весь этот формальный источник.

Данные рассуждения можно подкрепить мнением Н.М. Коркунова, который в своей известной работе указывал на то, что источниками права следует называть «формы объективирования юридических норм, служащие признаками их обязательности в данном обществе и в данное время». Автор подчёркивал, что «источник права имеет значение лишь признака общеобязательности выражающейся в нём нормы. Закон или обычай не суть силы, творящие право или основания обязательности, основания силы нормы, а только признак обязательности». Далее он приводил доказательство *in contrarium*: «Действовать может и норма, не выразившаяся ещё ни в законе, ни в обычае, ни в судебной практике, и такое действие нормы есть необходимое предположение образования обычая и судебной практики. Но действие такой нормы менее определённо, так как оно лишено внешнего признака своей обязательности, то нельзя определить наперёд, общим образом, объём её действия, нельзя сказать наперёд, к каким частным случаям она приложима, к каким нет»⁸.

Таким образом, не оспаривая тот факт, что юридическая норма не всегда нуждается в определённых внешних оболочках своей объективации (пример тому — нормы естественного права), Н.М. Коркунов убедительно показал, что существование такой оболочки является доказательством (возможно, единственным) общеобязательного характера тех норм права, которые в ней закреплены.

С.С. Алексеев также писал по этому поводу, что «реальное функционирование юридических норм охватывается понятием *юридической силы (правовой обязательности)*»⁹. В то же время перед этим он прямо указывал, что такое функционирование, как «фактическое проявление юридической энергии», напрямую выражено через категорию «действие нормативного юридического акта», поскольку соответствующие юридические нормы должны быть выражены в этом акте¹⁰.

Тем самым юридическая сила как свойство основана на одновременном действии двух условий:

1) действие субъекта создания внешней формы права, содержащей юридические нормы, **в пределах своей компетенции** (например, парламент, принимающий закон в рамках своих законодательных полномочий);

2) **соблюдение процедуры** принятия, опубликования и введения в действие внешней формы права, содержащей юридические нормы (т.е. строгое следование парламентом и иными органами государственной власти регламенту принятия и введения в действие закона).

Таким образом, невыполнение хотя бы одного из вышеуказанных двух условий ставит под вопрос наличие юридической силы акта, изданного с нарушением (норм, содержащихся в тексте этого акта).

⁸ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Изд. 9-е (1914 г.). СПб., 2003. С. 343, 346, 347.

⁹ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 237.

¹⁰ См.: там же.

В то же время данный вопрос является дискуссионным. Как известно, Конституция РФ была принята 12 декабря 1993 г. путём всенародного голосования не на основе действовавшего на тот момент законодательства РФ, а на основе временных актов Президента РФ; кроме того, всенародное голосование не было обусловлено решением парламента. Тем самым оба условия, указанных выше, не были соблюдены. В то же время граждане Российской Федерации, принявшие *de facto* участие в референдуме и проголосовавшие в большинстве своём за принятие Конституции РФ, проявили свою правотворческую волю.

Vox populi est vox Dei; salus populi suprema lex esto — эти известные латинские максимы свидетельствуют, что далеко не всегда нужно иметь в виду исключительно формальные критерии появления юридической силы. В случае с референдумом 1993 г. применяется волевой критерий — непосредственное закрепление общеобязательности норм в тексте нормативного правового акта путём народного волеизъявления. Подобное волеизъявление наполняет данный нормативный правовой акт необходимой «юридической энергетикой».

В то же время «прямой», волевой механизм установления юридической силы формального источника права следует использовать с большой осторожностью и только в самых крайних случаях (что и имело место в ситуации конституционного кризиса 1993 г. в стране), поскольку такая «волшебная лампа» может вызвать к жизни настолько значительного и непредсказуемого «джинна», с которым «вызывающий» его в будущем может и не совладать.

Таким образом, необходимо обратить внимание на возможное двойственное решение вопроса о происхождении и проявлении самой юридической силы:

1) юридическая сила производна от **статуса (уровня) изданного формального источника права и характера регулируемых им общественных отношений**: соотношение силы Конституции, федерального конституционного закона и федерального закона; соотношение силы федерального закона и постановления правительства¹¹;

2) юридическая сила производна от характера (уровня) выраженной **публичной воли субъекта правотворческой деятельности** (народа в целом, парламента, главы государства, правительства, министерства) (критерий характера публичной воли): соотношение силы Конституции, принятой на референдуме, и закона, принятого парламентом; соотношение силы федерального закона и подзаконного нормативного правового акта, изданного исполнительно-распорядительным органом публичной власти.

В этом контексте Е.А. Ларина справедливо подчёркивает то обстоятельство, что юридическая сила «отражает отношения власти и подчинения на уровне формы права»¹². «Властное веление выступает ключевым элементом, стержнем конструкции феномена «юридическая сила»,

¹¹ В этом вопросе не согласимся с мнением Е.А. Лариной о том, что одним из свойств юридической силы как категории является «способность установить иерархическое место источника права» (см.: Ларина Е.А. Юридическая сила как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 9). По сути и исходя из практики, именно сам характер и природа формального источника права будет определять юридическую силу тех общеобязательных юридических норм, которые включены в его состав, но не наоборот (см. по этому поводу: Зивс С.Л. Источники права. М., 1981. С. 9, 38).

¹² Ларина Е.А. Юридическая сила как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 20.

в совокупности образующееся за счёт соединения содержания, означающего волевое указание (требование), и формы, выражающейся в фиксировании веления в тексте правового документа»¹³. В этом значении Е.А. Ларина развивает известную мысль В.М. Хвостова о том, что «нормы человеческого поведения могут получить ... силу лишь в том случае, когда за ними стоит какой-нибудь общепризнанный авторитет, наделённый достаточным могуществом, чтобы сообщать эту силу своим велениям. <...> Такой силой одарена верховная власть в *государстве*»¹⁴. С.С. Алексеев в связи с этим также подчёркивал, что «юридический источник права всегда и во всех случаях коренится в правотворческом решении компетентного государственного органа»¹⁵. При этом важно понимать, что роль органа государственной власти как соответствующего авторитета («суверена») для образования юридической силы того нормативного правового акта, который он создаёт и вводит в действие, может коррелировать с ролями иных органов публичной власти, политическими и экономическими организациями, обществом в целом в национальных правовых системах с различными традициями правового регулирования.

Возможна также постановка вопроса о третьем варианте основания проявления юридической силы и степени общезначимости правовых предписаний, которые ей обладают: **связь с характером содержания самих юридических норм**. То есть своеобразная «глубина» запретов, обязываний и дозволений как основных модулов правового предписания сама по себе может обосновывать степень их обязательности для участников соответствующих общественных отношений. В этом смысле необходимо обратить внимание на важное замечание, которое в своё время сделал Е.Н. Трубецкой: «Под источниками права следует разуместь... вовсе не те причины, которые так или иначе влияют на *содержание* правовых норм, а только те..., которые сообщают тем или другим правилам значение правовых норм, т.е. обуславливают собой их *обязательность*»¹⁶.

Таким образом, следует выделить три реально действующих основания появления и последующего существования юридической силы:

- 1) статус формального источника права (в том числе правового акта), в нормах которого она выражена;
- 2) статус субъекта правотворчества, воля которого проявляется в соответствующих нормах;
- 3) статус самих норм права, в которых выражена эта юридическая сила.

Нетрудно заметить, что данные основания юридической силы логически соотносятся с тремя известными ступенями образования права по М.Н. Капустину: «Прежде всего оно [право] сознаётся как отдельная сила, которая должна получить самостоятельное бытие в среде других общественных сил. Далее право получает определённую формулировку. <...> Наконец для того, чтобы сделаться действительной принуждающей силой, право должно сделаться выражением определённой общественной власти»¹⁷. То

есть данные ступени в своё время были сформулированы для обоснования порядка образования всего объективного (положительного) права, мы же, указывая их применительно к конкретному формальному источнику права, обладающему юридической силой, для объяснения происхождения этой силы определяем их фактически в обратном порядке.

При анализе данной проблематики, как представляется, значение имеет решение вопроса о значении и характере понимания источника права для определения происхождения юридической силы норм, которые в нём содержатся¹⁸.

В случае, если в качестве всякого источника права признаётся формальный источник (монистический подход), основанием появления юридической силы становится сам этот формальный источник (т.е. внешняя оболочка или форма права, принятая в установленном порядке органами публичной власти, выражающая их политическую волю и содержащая обязательные к исполнению юридические нормы)¹⁹. Таким образом, сам факт принятия в установленном порядке закона делает *a priori* обязательными все те нормы, которые закреплены в его содержании.

В этом случае не выделяется какой-либо логический промежуток времени между выражением правотворческой воли соответствующим властным субъектом и закреплением этой воли в нормах принимаемого правового акта. Отсюда — известное утверждение монистов (С.Л. Зивс, М.И. Байтин) о том, что данная публичная (в том числе государственная) воля является одновременно как источником всякого права, так и необходимой формой его существования.

Если формальный источник права отделяется от родовой категории «источник права» и выделяется в качестве его разновидности (наряду с материальными, идеологическими, культурными, познавательными и иными источниками; плюралистический подход), упор делается на правовой статус и правотворческую компетенцию того субъекта, который правомочен издавать именно формальные источники права (например, нормативные правовые акты). В этом случае юридическая сила порождается не самим фактом властного появления нормативного правового акта как обязательного для последующего исполнения документа, а установленным в ином формальном источнике права полномочием парламента в соответствующем порядке утвердить определённый свод социальных правил поведения в качестве общеобязательного (юридического).

Наконец, если источник права принципиально отделяется от категории «форма права» и предшествует её появлению (волевой и социологический подходы), юридическая сила будущего закона определяется характером той публичной (политической) воли, которая выражается соответствующим субъектом правотворчества при принятии правотворческого решения (воля парламента на пленарном заседании, выраженная по

¹³ Ларина Е.А. Юридическая сила как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 19.

¹⁴ Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. 5-е изд. М., 2011. С. 54.

¹⁵ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 204.

¹⁶ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 93.

¹⁷ Капустин М.Н. Теория права (Юридическая догматика). Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 104, 105.

¹⁸ Характер понимания источника права, в свою очередь, будет определяться тем типом понимания права в целом, которого придерживается субъект познания этого источника права, о чём достаточно активно писали и пишут специалисты (см., напр.: Реутов В.П. Типы правопонимания и проблема источников и форм права // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2010. № 2 (8). С. 54–68; Марченко М.Н. Источники права. 2-е изд. М., 2014. С. 16–32 (§ 1 гл. 1 «Проблемы правопонимания в связи с исследованием источников права»); Данилюк С.Е. Место категории «источник права» — в музее юридического позитивизма // Государство и право. 2021. № 5. С. 69, 71).

¹⁹ См.: Зивс С.Л. Указ. соч. С. 10, 23.

отношению к принятию конкретного законопроекта в качестве общеобязательного нормативного правового акта)²⁰.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что категория «юридическая сила» известна различным правовым традициям и правовым системам мира и является, по сути, **интернациональным феноменом**.

Так, она может определяться в качестве принципа *stare decisis* («стоять на решённом») в англоязычной юриспруденции (правовые системы *common law* в отношении силы судебного прецедента) либо как принцип таклида (ат-таклид ал-хасс) в мусульманском религиозном правоведении (фикхе). В обоих случаях просматривается связь данных принципов с определённым типом формального источника права, обладающего соответствующим свойством, — судебным прецедентом либо элементами Сунны Пророка или иджмы.

В этом отношении стоит обратить внимание на исследование доктрины (принципа) *stare decisis* для определения степени общеобязательности судебных решений высших судов (судебных прецедентов) в работе С.Л. Савельева, посвящённой дискуссионным аспектам прецедентной (единообразной судебной) практики в российской правовой системе²¹. Сама доктрина *stare decisis*, связанная с нахождением и обоснованием действующего права в казуальных решениях высших судебных органов (по преимуществу, в странах англоязычной юридической традиции), представляет большой интерес и вполне может использоваться при анализе природы и содержания юридической силы не только судебных прецедентов или судебных решений с элементами нормативности, но и иных формальных источников права, в том числе нормативных правовых актов.

Исходя из вышеизложенного, значение общеобязательности юридических норм, содержащихся в формальных источниках права, определяется по сумме значения самих правовых актов, органов и лиц, в установленном порядке их издавших, а также самих юридических норм, непосредственно содержащихся в себе конкретные правила (модусы) социального поведения в той или иной ситуации. Общеобязательность действия юридических норм в рамках внешней оболочки формального источника права как раз и обозначает их юридическую силу.

* * *

Таким образом, категории «источник права» и «юридическая сила» являются взаимозависимыми и взаимообусловленными. Во-первых, юридическая сила обладает принципиальным значением для объяснения самого характера источника правового регулирования, в том числе формального источника права, поскольку выступает в качестве его волевого и логического основания. Формальный источник права лишён волевого, логического и регулятивного смысла, если по каким-либо причинам он не обладает юридической силой.

Во-вторых, сам источник права служит наглядным подтверждением наличия такой абстрактной категории, как «юридическая сила», и выражает её вовне через систему иерархичных формальных источников права. В этом смысле именно иерархичность формальных источников права, значение которой перманентно подчёркивается многими авторами,

подтверждает наличие реальной юридической силы соответствующих нормативных предписаний для регулирования конкретных социальных отношений. Юридическая сила из абстрактной, философско-правовой категории становится вполне «земным», материальным явлением, способствующим эффективному действию права и борьбе с произволом в социальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Общая теория права: курс: в 2 т. М., 1982. Т. II. С. 204, 218, 237.
2. Голубцов В.Г. Юридическая сила нормативного правового акта, действие нормативного правового акта, применение нормативных правовых актов арбитражными судами // Пермский юридический альманах. 2021. С. 432.
3. Данилюк С.Е. Место категории «источник права» — в музее юридического позитивизма // Государство и право. 2021. № 5. С. 69, 71.
4. Здунова Д.И. К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 155, 156.
5. Здунова Д.И. Юридическая сила правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 8.
6. Зивс С.Л. Источники права. М., 1981. С. 9, 10, 23, 38.
7. Капустин М.Н. Теория права (Юридическая догматика). Т. 1. Общая догматика. М., 1868. С. 104, 105.
8. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. 2-е изд. СПб., 2015. С. 95.
9. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Изд. 9-е (1914 г.). СПб., 2003. С. 343, 346, 347.
10. Ларина Е.А. Феномен «юридической силы»: методологические подходы // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 22–38.
11. Ларина Е.А. Юридическая сила как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 4, 8, 9, 19, 20.
12. Марченко М.Н. Источники права. 2-е изд. М., 2014. С. 16–32 (§ 1 гл. 1 «Проблемы правопонимания в связи с исследованием источников права»).
13. Реутов В.П. Типы правопонимания и проблема источников и форм права // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2010. № 2 (8). С. 54–68.
14. Савельев С.Л. Прецедент в России. Унификационный потенциал практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. М., 2020.
15. Спиринов М.Ю. Основные подходы к пониманию источника права // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2020. Т. 6. № 3. С. 8–11.
16. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 93.
17. Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. 5-е изд. М., 2011. С. 54.
18. Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. 6. Aufl. Berlin—Heidelberg, 1991. S. 250.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. General theory of law: course: in 2 vols. 1982. Vol. II. P. 204, 218, 237 (in Russ.).
2. Golubtsov V.G. The legal force of a normative legal act, the effect of a normative legal act, the application of normative legal acts by arbitration courts // Perm Legal Almanac. 2021. P. 432 (in Russ.).

²⁰ Более подробно анализ проблематики важнейших подходов к определению сущности и содержания источника права в теоретической юриспруденции см.: Спиринов М.Ю. Основные подходы к пониманию источника права // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2020. Т. 6. № 3. С. 8–11.

²¹ См.: Савельев С.Л. Прецедент в России. Унификационный потенциал практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. М., 2020.

3. *Danilyuk S.E.* The place of the category “source of law” – in the museum of legal positivism // *State and Law*. 2021. No. 5. P. 69, 71 (in Russ.).
4. *Zdunova D.I.* On the question of the essence of the legal force of normative legal acts // *Herald of Economics, Law and Sociology*. 2016. No. 4. P. 155, 156 (in Russ.).
5. *Zdunova D.I.* The legal force of legal acts: abstract ... PhD in Law. Kazan, 2005. P. 8 (in Russ.).
6. *Zivs S.L.* Sources of law. M., 1981. P. 9, 10, 23, 38 (in Russ.).
7. *Kapustin M.N.* Theory of law (Legal dogmatics). Vol. 1. General Dogmatics. M., 1868. P. 104, 105 (in Russ.).
8. *Kelsen G.* Pure doctrine of law / transl. from German. 2nd ed. SPb., 2015. P. 95 (in Russ.).
9. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. Ed. 9th (1914). SPb., 2003. P. 343, 346, 347 (in Russ.).
10. *Larina E.A.* The phenomenon of “legal force”: methodological approaches // *Actual problems of the state and law*. 2021. Vol. 5. No. 17. P. 22–38 (in Russ.).
11. *Larina E.A.* Legal force as a general legal phenomenon: abstract ... PhD in Law. Saratov, 2021. P. 4, 8, 9, 19, 20 (in Russ.).
12. *Marchenko M.N.* Sources of law. 2nd ed. M., 2014. P. 16–32 (§ 1 of Chapter 1 “Problems of legal understanding in connection with the study of sources of law”) (in Russ.).
13. *Reutov V.P.* Types of legal understanding and the problem of sources and forms of law // *Herald of the Perm University. Legal sciences*. 2010. No. 2 (8). P. 54–68 (in Russ.).
14. *Saveliev S.L.* Precedent in Russia. Unification potential of the practice of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. M., 2020 (in Russ.).
15. *Spirin M. Yu.* Basic approaches to understanding the source of law // *Legal Herald of the Samara University*. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 8–11 (in Russ.).
16. *Trubetskoy E.N.* Lectures on the Encyclopedia of Law. M., 1917. P. 93 (in Russ.).
17. *Khvostov V.M.* General theory of law. An elementary essay. 5th ed. M., 2011. P. 54 (in Russ.).
18. *Larenz K.* Methodenlehre der Rechtswissenschaft. 6. Aufl. Berlin–Heidelberg, 1991. S. 250.

Сведения об авторе

СПИРИН Михаил Юрьевич —
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права и международного
права Юридического института
Самарского национального исследовательского
университета им. академика С.П. Королёва;
443086 г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Authors' information

SPIRIN Mikhail Yu. —
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law and International Law
of the Law Institute, Academician Korolyov Samara
National Research University;
34 Moscovskoe Highway, 443086 Samara, Russia

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ОБРАЗА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ РЕШЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ)

© 2023 г. Е. А. Доля

г. Москва

E-mail: netwarm@mail.ru

Поступила в редакцию 02.05.2023 г.

Аннотация. В статье обосновывается необходимость использования категории образа в процессе доказывания по уголовным делам. Утверждается, что от глубины познания и учета особенностей содержания и формы образов, используемых в доказывании, будет зависеть создание предпосылок для цифровизации и визуализации образов, разработки и реализации в последующем «саморазвивающихся» программ расследования и судебного разбирательства с использованием элементов искусственного интеллекта, а следовательно, и качественного повышения эффективности уголовного судопроизводства в целом. Излагается авторская классификация образов, создаваемых и используемых следователем при осуществлении доказывания.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, собирание (формирование), проверка и оценка доказательств, идеальное, образ, создание и использование образов, орган предварительного расследования, следователь.

Цитирование: Доля Е.А. Использование категории образа в процессе доказывания по уголовным делам (постановка проблемы и ее решение на примере деятельности следователя) // Государство и право. 2023. № 11. С. 99–107.

DOI: 10.31857/S102694520028726-9

THE USE OF IMAGE CATEGORY IN THE PROCESS OF PROVING IN CRIMINAL CASES (FORMULATION OF THE PROBLEM AND ITS SOLUTION ON THE EXAMPLE OF INVESTIGATOR'S ACTIVITY)

© 2023 Е. А. Dolya

Moscow

E-mail: netwarm@mail.ru

Received 02.05.2023

Abstract. The author of the article substantiates the need to use the category of image in the process of proving in criminal cases. He argues that the creation of prerequisites for the digitalization and visualization of images, the development and implementation of “self-developing” programs of investigation and trial with the use of elements of artificial intelligence will depend on the depth of knowledge and taking into account the features of the content and form of images used in proving. Consequently, the qualitative increase in the efficiency of criminal proceedings depends on this. The researcher offers his own classification of images created and used by the investigator in the process of proving.

Key words: proving, legal evidence, collection, verification and assessment of legal evidence, ideal, image, creation and using images, preliminary investigation body, investigator.

For citation: Dolya, E.A. (2023). The use of image category in the process of proving in criminal cases (formulation of the problem and its solution on the example of investigator's activity) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 99–107.

В теории, законодательстве и практике уголовного судопроизводства под доказыванием принято понимать деятельность органов предварительного расследования и суда по собиранию, закреплению, проверке и оценке доказательств, необходимых для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и решения задач уголовного судопроизводства¹. Такое понимание отражает лишь внешнюю сторону сложнейшего процесса познания обстоятельств и фактов совершенного преступления, реализуемого в форме доказывания². В результате существо доказывания сводится к деятельности властных субъектов по собиранию и оперированию доказательствами (их проверке и оценке). Как следствие, от внимания исследователей ускользает, что в противоположно направленных движениях реального процесса доказывания промежуточного звена между фактами, обстоятельствами совершенного преступления и доказательствами, между совокупностью оцениваемых доказательств и результатами их оценки выступают образы³, т.е. идеальное⁴.

Отмеченный пробел объясняется тем, что в объективной реальности доказательства могут возникнуть и существовать в виде относимых и допустимых сведений, только в соответствующей материальной форме (устной или письменной), в которой они отделились от человека — источника доказательств⁵. «На “духе” с самого начала лежит проклятие — быть “отягощенным” материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка»⁶. Будучи выраженными в материальной форме, доказательства становятся доступными для восприятия. Это и создает иллюзию того, что в процессе доказывания его субъекты оперируют доказательствами (относимыми и допустимыми сведениями).

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. М., 1966. С. 298; Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 158; Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М., 1989. С. 605; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 109.

² В этой связи правильно отмечалось, что сущность уголовного процесса большей частью скрывается под покровом уголовно-процессуального доказывания (см.: Хохлов Ю.Н. О начале реализации уголовной ответственности (к вопросу о поиске правоотношения в оперативно-розыскной деятельности) // В сб.: Проблемы формирования уголовно-розыскного права (актуальные вопросы правового регулирования оперативно-розыскной, контрразведывательной, частной сыска, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности) / под общ. ред. А.Ю. Шумилова. М., 1998. Вып. 1. С. 67).

³ В статье при анализе процесса доказывания используется философское понятие образа как результата и идеальной формы отражения объекта в сознании человека, возникающей в условиях общественно-исторической практики, на основе и в форме знаковых систем (см.: БСЭ: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1974. Т. 18. С. 217).

⁴ Здесь и далее автор статьи основывается на трактовке идеального, разработанной в философии Э.В. Ильенковым, который под ним понимал «субъективный образ объективной реальности, т.е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли» (см.: Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 212).

⁵ Под источником доказательства в статье понимается обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель, эксперт, понятие и иные лица, занимающие определенное процессуальное положение, от которых исходят доказательства (подробнее об этом см.: Дорохов В.Я. Понятие источника доказательств // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981. М., 1981. С. 7–12; Доля Е. Источник доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2011. № 12. С. 3–8; Его же. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 65–70).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.

В отличие от доказательств (сведений) образы значимых для уголовного дела фактов и обстоятельств, созданные при производстве следственных и судебных действий в сознании лиц, являющихся источниками доказательств, по форме своего существования идеальны. Они недоступны для восприятия субъектами доказывания. «Человек не может передать другому человеку идеальное как таковое, как чистую форму деятельности»⁷.

Исходя из отмеченного и разделяя в целом вывод В.Я. Дорохова о том, что «в мышлении человека существуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, сведения о них»⁸, нельзя согласиться с заключительной частью его вывода, согласно которой наряду с образами в мышлении человека существуют, движутся и сведения о вещах, предметах. При этом, что в мышлении человека существуют, движутся сведения о вещах, предметах, автор вступил в противоречие с основной своей мыслью, выраженной в первоначальной части анализируемого вывода, в соответствии с которой «в мышлении человека существуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы...»⁹.

Признание существования движения в мышлении человека наряду с образами вещей, предметов и сведений о них ведет, хотя и в неявном виде, к отождествлению доказательств — сведений о вещах, предметах, выраженных в устной или письменной форме (материального), с их образами (идеальным). При этом не учитывается, что «идеальный образ предметной действительности... существует только как форма (способ, образ) живой деятельности, согласующаяся с формой ее предмета, но не как вещь, не как вещественно фиксированное состояние или структура»¹⁰.

Различие между образами фактов, обстоятельств и сведениями о них (доказательствами) подтверждает вывод, что в мышлении (властных и участвующих в доказывании субъектов) доказательства не могут существовать и двигаться в виде сведений. «В мышлении человека существуют, движутся...» только образы. Сведения (доказательства) материализуются в устной или письменной форме за пределами образов и мышления. Но их использование в мышлении субъектами познания в процессе доказывания происходит только в идеальной форме посредством образов¹¹.

Осуществляя доказывание — собирая¹², проверяя и оценивая доказательства (чувственное и рациональное

⁷ Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 225.

⁸ Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. С. 242; Его же. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 207.

⁹ Отмеченное противоречие становится более зримым, учитывая, что при анализе гносеологической природы доказательств В.Я. Дорохов исходил из того, что они «становятся промежуточным звеном между сознанием следователя, судей и познаваемым событием преступления» (см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. С. 234; Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 201). В данном случае цитируемый автор обоснованно вывел доказательства (относимые и допустимые сведения) за пределы сознания, следователя, и мышления указанных субъектов.

¹⁰ Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 225.

¹¹ Учитывая идеальный характер предмета настоящей статьи и обусловленную этим сложность его исследования, рамки проведенного анализа ограничены рассмотрением создания и использования образов в доказывании только одним субъектом уголовного процесса — следователем.

¹² Полагая, что термин «собираание доказательств» механистично, а поэтому и искаженно отражает данную часть доказывания, автор статьи

познание), следователь осознанно или неосознанно, но обязательно использует категорию образа. Прежде чем совершить любое действие, направленное на формирование и проверку доказательств, или принять при оценке совокупности доказательств соответствующее решение, он создает в своем сознании образ предполагаемого действия или решения. Руководствуясь содержанием указанных образов (идеальным), следователь определяет целенаправленность, характер, последовательность предстоящих реальных действий и принимаемых решений. Не создав соответствующих образов, он не сможет осуществить ни одного действия, не принять ни одного решения¹³.

«Идеальное есть не что иное, как совокупность осознанных индивидом всеобщих форм человеческой деятельности, определяющих как цель и закон, волю и способность индивида к деянию»¹⁴. От качества используемых образов, соответствия их содержания и формы положениям науки и требованиям закона (прежде всего уголовного и уголовно-процессуального), владения ими следователем зависят доброкачественность формируемых доказательств, обоснованность и законность принимаемых решений, адекватность достигаемых знаний о преступлении самому преступлению.

В связи с существенным значением образов для любого вида деятельности представляется актуальным вывод В.Я. Дорохова, согласно которому «глубиной познания и учета особенностей содержания и формы образов, используемых в уголовно-процессуальной деятельности, определяется уровень правового регулирования понятия доказательства и всего процесса доказывания (познания)»¹⁵. Основываясь на данном выводе, можно утверждать, что посредством формируемых под воздействием уголовно-процессуальной формы образов происходит целенаправленное регулирование поведения всех участников уголовного судопроизводства.

От глубины познания и учета особенностей содержания и формы образов, используемых в доказывании, будет зависеть развитие алгоритмизации процесса доказывания, создание предпосылок для цифровизации и визуализации образов, разработки и реализации в последующем «саморазвивающихся» программ расследования и судебного разбирательства с использованием элементов искусственного интеллекта, а следовательно, и качественного повышения эффективности

обосновывал необходимость использования в теории, законодательстве и практической деятельности органов предварительного расследования и суда вместо него термин «формирование доказательств» (подробнее об этом см.: Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 35, 36, 45, 46; Его же. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 92–115, 447–450; Его же. Формирование доказательств в уголовном судопроизводстве // В сб.: Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. Ч. 2. С. 52–77).

¹³ О создании и использовании образов при формировании доказательств (развитии и завершении цикла «материальное – идеальное – материальное») см.: Доля Е.А. Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами // Законность. 2012. № 10. С. 47, 48; Его же. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 5. С. 28, 29; Его же. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве. С. 65–69.

¹⁴ Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 225.

¹⁵ Дорохов В.Я. Общее понятие доказательства в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 10.

уголовного судопроизводства в целом¹⁶. Именно это направление совершенствования судопроизводства соответствует Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203¹⁷.

Рассмотрим в самом общем виде, как осуществляется создание и использование образов следователем при производстве следственных действий, являющихся способами формирования доказательств, когда происходит движение процесса доказывания по направлению от фактов, обстоятельств совершенного преступления к доказательствам.

Так, в ходе допросов (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего) следователь, руководствуясь созданным в его сознании (при соблюдении требований уголовно-процессуальной формы) образом предстоящего допроса, предлагает допрашиваемому (обязывает его) дать показания об известных ему фактах и обстоятельствах, значимых для уголовного дела. Под воздействием поставленных вопросов допрашиваемое лицо создает в своем сознании образ данных фактов и обстоятельств, содержание которого выражает в устной форме, в виде исходящих от него показаний. Воспринимая указанные показания, следователь создает уже в своем сознании образ фактов и обстоятельств, о которых сообщило допрашиваемое лицо. Этот образ он использует при фиксации полученных показаний (ранее сформированного доказательства) в протоколе допроса. В результате показания допрошенных лиц (доказательства) сохраняются в материалах уголовного дела, становятся доступными для восприятия и использования участниками уголовного процесса (формирования и движения в их сознании соответствующих образов).

Без создания и использования образов невозможно обойтись и при осуществлении следственных действий, основу которых образует непосредственное восприятие следователем и другими участниками этих действий значимых для уголовного дела фактов и обстоятельств, доступных восприятию органов чувств человека только в условиях производства данных действий. Речь идет об осмотрах, освидетельствованиях, обысках, выемках, задержаниях, следственных экспериментах, предъявлениях для опознания, т.е. о способах

¹⁶ На новые возможности развития и совершенствования в сфере осуществления правосудия, открываемые в связи с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обращается внимание в научных публикациях последних лет (см.: Денисов И.С. Развитие электронного правосудия в России // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 1 (77). С. 101–104; Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Росс. правосудие. 2018. № 6. С. 15–25; Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25; Марковичева Е.В. Влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства // Правосудие. 2019. Т. 1. № 1. С. 98–107; Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Н., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159; Малина М.А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97). На необходимость использования следователями современных компьютерных программ, обеспечение доступа следователей к автоматизированным криминалистическим учетам, информационно-правовым системам, базам данных сети Интернет обращало внимание руководство Следственного комитета РФ (см.: приказ Председателя Следственного комитета РФ от 15.01.2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» (п. 1.32) // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации // <http://www.sledcom.ru>).

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

формирования такого самостоятельного вида доказательств, как протоколы следственных и судебных действий.

Воспринимая при осуществлении перечисленных действий факты и обстоятельства, могущие иметь значение для уголовного дела, следователь создает в своем сознании их мысленные образы, содержание которых он отражает в соответствующих протоколах. В результате сформированные доказательства сохраняются в материалах дела, становясь доступными для восприятия и использования другими участниками уголовного процесса (формирования и движения в их сознании соответствующих образов). Создание и оперирование образами имеет место и в противоположно направленном движении процесса доказывания, реализуемом следователем на рациональном уровне познания при оценке доказательств. Речь идет о движении от совокупности собранных и проверенных доказательств к воссозданию частей преступления (посредством вынесения постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, признании потерпевшим, гражданским истцом и т.д.) и преступления в целом (при составлении обвинительного заключения).

Предлагаемый подход к анализу использования следователем образов в процессе доказывания в теории предпринимается впервые и будет реализован в самой общей форме¹⁸. Осуществление этого анализа связано с преодолением значительных трудностей, обусловленных не только отмеченной выше недоступностью для непосредственного восприятия предмета исследования, но и его необычайной сложностью¹⁹. При реализации этого подхода заключенное в образе обобщение используется как совершенно своеобразный способ отражения преступления следователем (равно как и других субъектов уголовно-процессуальной деятельности).

Рассмотрение доказывания с точки зрения отражения следователем посредством создания и использования образов сначала фрагментарно, а потом все более полно и точно обстоятельств совершенного преступления позволяет выразить идею движения, развития в доказывании. При этом становится понятным и происходящий в процессе доказывания переход, «скачок» от фактов и обстоятельств совершенного преступления сначала к разрозненным образам данных фактов и обстоятельств (содержание которых

выражается в виде доказательств), потом к образам, отражающим отдельные существенные стороны преступления (выраженным в принимаемых промежуточных решениях), и наконец, к целостному образу преступления, созданному и выраженному на предварительном следствии в обвинительном заключении, а в суде в приговоре.

Дальнейший анализ будет сосредоточен на том, какие виды образов и как использует следователь в процессе доказывания при производстве по уголовному делу. Излагаемая ниже классификация образов — первый шаг в исследовании использования данным субъектом образов в процессе доказывания и поэтому носит условный характер. Сами же образы при этом рассматриваются в большей мере в статике, чем в движении, развитии их содержания. Развитие содержания указанных образов предположительно (по большей части) выведено за пределы анализа, поскольку, как отмечалось, представляет сложность, требует отдельного самостоятельного исследования. Такое решение обусловлено тем, что образы имеют не только многоуровневое строение, но и гетерархическую пространственно-временную структуру управления (координации и регуляции)²⁰. Рассмотрение процесса доказывания под углом зрения (через призму) формирования и использования следователем образов (в контексте всей его деятельности) позволяет выделить три вида образов, которые он создает и использует при подготовке, производстве следственных действий, подготовке и принятии процессуальных решений.

Первый вид — *абстрактно-целостный образ* конкретного состава преступления, сформированный в сознании следователя в процессе обучения в высшем учебном заведении. Он выражает правосознание следователя, его представление относительно того, что согласно положениям теории уголовного права и уголовного процесса, действующего закона: считается преступлением вообще и конкретным составом преступления в частности; понимается под признаками преступления, поводами и основаниями для возбуждения уголовного дела; является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования и т.д. Указанный абстрактно-целостный образ следователь использует на протяжении всего предварительного следствия, направляя, организуя и осуществляя деятельность по доказыванию в целом. Он постоянно соотносит с ним все иные создаваемые позднее и используемые им в ходе следствия виды образов, речь о которых пойдет далее. Исходя из того, насколько эти образы в своей части соответствуют абстрактно-целостному образу расследуемого преступления, следователь в самом общем виде определяет, какие действия и решения, в какой последовательности ему предстоит реализовывать в процессе доказывания.

¹⁸ По существу, он представляет дальнейшее развитие и конкретизацию обоснованной автором данной статьи идеи необходимости применения в теории уголовного судопроизводства категории идеального при анализе процесса доказывания (см.: *Доля Е.А.* Проблема идеального в теории уголовного процесса // *Государство и право.* 2018. № 1. С. 43–52). Содержащийся в данной статье вывод о том, что преступление является в мир дважды: первый раз, когда оно совершается; второй раз — в виде приговора суда, является незавершенным (см.: там же. С. 43). В действительности преступление является в мир трижды. Третий раз оно является в виде отбываемого лицом, совершившим преступление, назначенного судом наказания. При этом уголовная ответственность как «мера» совершенного преступления реализуется на данном этапе в форме соразмерной содеянному (отбываемой осужденным) «меры наказания». Преступление «возвращается» к преступнику.

¹⁹ Об этом свидетельствует целый ряд основных проблем, поставленных перед теорией образов восприятия и воображения несколько десятилетий назад: как осуществляется управление порождением и трансформацией образов; какова природа пространственности образов; почему образы не эпифеномены (не явления, сопутствующие некоторым физиологическим процессам) и как они управляют операциями мышления и действия; как осуществляется развитие восприятия и воображения и каковы критерии адекватности образов; что обеспечивает предметность образов и контрастность восприятия; каковы формы осознания (осмысления) образов; в чем заключаются особенности объяснения экспериментальных данных, полученных в психологических исследованиях восприятия и воображения (см.: *Беспалов Б.И.* Действие (Психологические механизмы визуального мышления). М., 1984. С. 77).

²⁰ Под гетерархией понимается «направленные друг на друга множества способов и условий, которые пересекаются и объединяются в объективно-субъективном пространстве-времени целостно активное тело и выполняемого человеком действия... такая гетерархия представляет собой две «взаимно пронизывающие» друг друга иерархии, то есть их «коалицию». При этом главный «центр» иерархии способов подчинен человеческой цели, пространственно-временная локализация которой является неопределенной (в отличие от результатов действия и представлений о них), а главный «центр» иерархии условий — предметному миру» (подробнее об этом см.: *Беспалов Б.И.* Указ. соч. С. 101; *Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Функциональная структура действия. М., 1982; *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982; *Его же.* Образ мира как гетерархия систем отсчета // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. ст. памяти А.Н. Леонтьева / под ред. А.В. Запорожца и др. М., 1983).

Второй вид образов условно может быть назван *абстрактно-ситуативным*. Следователь, осуществляя доказывание, использует множество образов этого вида. Их число пропорционально количеству действий и решений, реализуемых им в процессе доказывания. Они создаются в его сознании и используются им, исходя из прогнозируемого их места и роли в доказывании и с учетом особенностей предполагаемого следственного действия (являющегося способом формирования доказательств) или решения.

Так, в зависимости от вида предстоящего к формированию доказательства следователь образует абстрактно-ситуативный мысленный образ этого доказательства. При этом он исходит из особенностей, присущих содержанию и форме соответствующего вида доказательства, достигнутых на данный момент знаний о подлежащих доказыванию фактах и обстоятельствах, новые (дополнительные) сведения о которых предполагается получить. Руководствуясь содержанием созданного образа, он решает целый ряд вопросов, связанных с существом предстоящего следственного действия. К их числу относятся следующие вопросы: имеются ли основания для производства планируемого следственного действия; с какой целью оно будет производиться; кто будет его участниками; каково процессуальное положение и роль каждого из участников в предстоящем действии; в какой последовательности указанное действие предполагается осуществить (с точки зрения закона и криминалистической тактики); какие технические средства в ходе следственного действия целесообразно применить; каким образом будут оформляться результаты следственного действия.

К созданию и использованию абстрактно-ситуативных образов следователь прибегает и перед принятием промежуточных и итоговых решений по уголовному делу (перед оценкой ограниченной или всей совокупности доказательств). Эти образы он формирует с учетом требований закона, предъявляемых к характеру и содержанию предстоящего решения, наличия необходимой совокупности доказательств, предусмотренных оснований, условий, и обязательно принимая во внимание обстоятельства уголовного дела, сложившиеся на данный момент.

Третий вид образов, используемых следователем в доказывании, условно может быть назван *конкретно-результативным*. Образы этого вида рождаются и используются в его сознании в результате производства следственных действий по формированию доказательств, принятия им промежуточных и итоговых решений по уголовному делу. Указанный вид образов представляет собой субъективные образы объективной реальности, являющиеся результатом отражения (познания) следователем обстоятельств и фактов, имеющих значение для уголовного дела (фрагментов, частей и всего преступления в целом), в формах осуществленных следственных действий и принятых им решений. Содержание этого вида образов, достигаемое и выражаемое в предусмотренных уголовно-процессуальным законом материальных формах (устной или письменной), образует существо сформированных и проверенных следователем доказательств, существо принятых им (на основе совокупности доказательств) промежуточных и итоговых процессуальных решений.

Рассмотрим несколько подробнее создание и использование следователем соответствующих образов на примере формирования и проверки наиболее распространенного доказательства — показаний свидетеля.

Перед допросом свидетеля следователь, опираясь на положения теории уголовного процесса, требования уголовно-процессуального закона, создает абстрактно-ситуативный

образ того вида доказательств, к которому принадлежат показания свидетеля. Этот образ охватывает особенности, присущие содержанию и форме показаний свидетеля, которые в своей совокупности образуют процессуальный режим их формирования и использования в уголовном процессе. Создавая указанный образ, следователь концентрирует свое внимание на том, что: с точки зрения содержания (характера и объема сведений о преступлении) показания свидетеля могут нести сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела (связанных с действиями лиц, совершивших преступление), воспринятых им лично или со слов других лиц; правовое положение свидетеля (как источника доказательства) характеризуется тем, что он является лицом, не привлеченным к уголовной ответственности по данному делу, обязанным явиться на допрос, сообщить все известное о расследуемом преступлении (ответить на поставленные вопросы) и несущим уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний; способом формирования показаний свидетеля выступает допрос свидетеля; источником фактических данных в показаниях свидетеля является его устное сообщение, полученное на допросе.

Исходя из содержания сформированного абстрактно-ситуативного образа предполагаемых показаний свидетеля, следователь, учитывая обстоятельства расследуемого уголовного дела, имеющиеся доказательства и другие значимые для предстоящего допроса данные, решает целый ряд вопросов. Он намечает предмет допроса; определяется с кругом его участников; актуализирует в своем сознании их права, обязанности, ответственность, место и роль в предстоящем действии; определяет предусмотренный законом порядок производства допроса и оформления его результатов; намечает тактику допроса; решает, какие технические средства и каким образом могут быть применены в ходе допроса; устанавливает время, место допроса, порядок вызова свидетеля.

Руководствуясь содержанием этого абстрактно-ситуативного образа показаний свидетеля, следователь в начале допроса (со ссылками на соответствующие статьи Уголовно-процессуального и Уголовного кодексов РФ) разъясняет его участникам: что будет производиться следственное действие (допрос свидетеля) в целях получения сведений о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела (и какого именно); процессуальное положение и роль каждого из них в допросе; порядок производства допроса, применения на допросе конкретных технических средств; процедуру составления протокола, ознакомления с ним, внесения в него дополнений и поправок. Таким образом, следователь фокусирует внимание участников допроса на цели, ради достижения которой они привлечены к участию в следственном действии. Это позволяет им правильно осознать свое процессуальное положение, создать представление, о чем пойдет речь на допросе, понять, каким образом реализация возложенных на них обязанностей, предоставленных прав, может сказаться на содержании формируемых показаний свидетеля.

В результате использования следователем в процессе допроса отмеченного выше абстрактно-ситуативного образа под воздействием заданных вопросов будет сформирован конкретно-результативный образ значимых для уголовного дела фактов и обстоятельств. Содержание этого образа свидетель выразит в виде исходящего от него устного сообщения (сведений об этих фактах и обстоятельствах), которое и образует сформированное таким образом доказательство — показания свидетеля.

Восприняв в ходе допроса исходящие от свидетеля сведения о значимых для уголовного дела фактах и обстоятельствах, задав ему в случае необходимости вопросы, следователь создаст конкретно-результативный мысленный образ данных фактов и обстоятельств. Его содержание он отразит в письменном виде в протоколе допроса свидетеля. Составление указанного протокола будет представлять собой использование следователем сформированного доказательства (устного сообщения свидетеля) в целях сохранения его в материалах уголовного дела.

Полученные в результате допроса показания свидетеля должны быть проверены (ст. 87 УПК РФ). Приступая к их проверке, следователь актуализирует в своем сознании понятие проверки доказательств, ее место и роль в процессе доказывания, требования закона, предъявляемые к ней. При этом он, опираясь на конкретно-результативный образ данных показаний, создаст абстрактно-ситуативный образ предстоящих действий по их проверке. Руководствуясь этим абстрактно-ситуативным образом, следователь подвергнет анализу и синтезу конкретно-результативный образ проверяемых показаний свидетеля, сопоставит его с содержанием иных конкретно-результативных образов, имеющих в уголовном деле доказательств, связанных с проверяемым доказательством через отображаемые факты. При их совпадении он может сформулировать вывод о соответствии содержания проверяемого образа (а следовательно, проверяемого доказательства, других доказательств, использованных при проверке) действительности. На этом проверка показаний свидетеля посредством оперирования в мышлении данными образами будет завершена²¹.

В тех случаях, когда в результате сопоставления указанных образов следователь обнаружит их полное или частичное несовпадение, то, исходя из характера этого несовпадения, он сделает вывод о необходимости производства дополнительных следственных действий, направленных на получение новых (недостающих для завершения проверки) доказательств. При их формировании, анализе и синтезе, сопоставлении с проверяемыми показаниями свидетеля следователь будет использовать соответствующие абстрактно-целостные, абстрактно-ситуативные и конкретно-результативные образы. Создавая и используя указанные образы, он должен учитывать и особенности, присущие тем или иным видам формируемых в ходе проверки новых доказательств.

После проверки показания свидетеля (равно как и иные доказательства) используются в дальнейшем процессе доказывания при оценке в совокупности с другими собранными и проверенными доказательствами (ст. 17, 88 УПК РФ). Под оценкой доказательств в уголовном процессе, как правило, понимается мыслительная деятельность, представляющая собой определение достоверности и значения каждого доказательства и всех их в совокупности с тем, чтобы на этой основе сформулировать вывод о фактических обстоятельствах совершенного преступления.

Оценку доказательств следователь осуществляет, оперируя совокупностью доказательств.

Оценка доказательств на предварительном следствии реализуется в форме принятия предусмотренных законом промежуточных и итоговых процессуальных решений,

представляющих собой продолжение на рациональном уровне процесса познания, осуществляемого в форме доказывания²².

Требования закона относительно оценки следователем (равно как и другими властными субъектами) каждого доказательства и всех доказательств в совокупности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ) может быть выполнено только посредством создания и использования в его сознании образов, сформированных на основе оцениваемых доказательств. Минуя оперирование указанными образами, он не сможет решить вопрос о достаточности доказательств для установления существенных сторон преступления (промежуточные решения), окончания предварительного следствия с обвинительным заключением (итоговое решение).

Перед принятием того или иного процессуального решения следователь создает его мысленный абстрактно-ситуативный образ. При этом он исходит из общих положений науки уголовного процесса, требований уголовно-процессуального закона относительно формы и содержания процессуальных решений вообще и относительно формы и содержания того вида решения, которое предстоит принять. Руководствуясь данным образом, он выделяет из имеющихся в деле доказательств ту их совокупность, используя которую предполагается получить новое выводное знание о части преступления (промежуточные решения) или обо всем преступлении (обвинительное заключение). Опираясь на конкретно-результативными образами, выражающими содержание доказательств, входящих в указанную совокупность, следователь создает конкретно-результативный образ, воспроизводящий часть преступления или преступление в целом. Происходит это в ходе мыслительного процесса, когда, используя указанные образы, он устанавливает существующие между ними связи, отношения, зависимости, являющиеся отражением объективных связей, отношений, зависимостей, присущих фактам и обстоятельствам совершенного преступления.

При этом следователь постоянно соотносит содержание данных образов, с одной стороны, с содержащимся в его сознании абстрактно-целостным образом преступления, по признакам которого возбуждено и расследуется уголовное дело, а с другой — с фактами и обстоятельствами, образовавшими преступление, которые были установлены в процессе доказывания посредством создания и использования соответствующих конкретно-результативных образов. В результате, как отмечалось, он создает в своем сознании конкретно-результативные образы частей (промежуточные решения) либо всего расследуемого им преступления (итоговое решение), устанавливая части объективной истины и объективную истину по уголовному делу в единстве результата и ведущего к нему пути.

Примером промежуточного решения, принимаемого в ходе предварительного следствия, является решение о привлечении лица в качестве обвиняемого. При наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, закон обязывает

²¹ Более подробно о проверке доказательств на стадии предварительного расследования см.: Доля Е.А. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. 1994. № 1. С. 54–60.

²² Нельзя поддержать точку зрения авторов, не учитывающих гносеологическую природу процессуальных решений и исключающих их из процесса познания, реализуемого в форме доказывания (см., напр.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 118, 119; Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 12; Доля Е. Содержание истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве // Законность. 2013. № 11. С. 5–9).

следователя вынести постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ).

Сами по себе доказательства не могут образовать требуемую законом достаточную совокупность, дающую основание для обвинения лица в совершении преступления. Они (доказательства) «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять»²³ и выразить ту часть действительности, в которой нашло отражение лицо, совершившее преступление. Заставить сами доказательства (сведения) двигаться указанным способом невозможно. Следователь может осуществить это движение только мысленно, используя вместо доказательств (относимых и допустимых сведений) образы, созданные им на основе доказательств. В ходе и результате этого мысленного движения он приходит к выводу о наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления.

При оперировании образами, одни из которых прямо и непосредственно, другие косвенно, третьи опосредованно отражают отдельные факты и обстоятельства (или их группы), связанные с лицом, совершившим преступление, следователь создает конкретно-результативный образ, содержание которого однозначно указывает на лицо, совершившее преступление. Действия именно этого лица образуют одно из существенных обстоятельств, подлежащих доказыванию по расследуемому уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Когда образы, созданные на основе оцениваемой совокупности доказательств, не позволяют следователю сформировать конкретно-результативный образ, однозначно указывающий на лицо, совершившее преступление, а созданный им образ дает лишь вероятностное представление о том, кем оно совершено, основания для предъявления обвинения отсутствуют. В этом случае необходимо продолжить формирование и проверку недостающих доказательств, отсутствие которых не позволило получить выводное знание о лице, совершившем преступление, путем формирования образа, однозначно указывающего на это лицо.

Исходя из неполноты, неточности, противоречивости образа (не позволившего сделать однозначный вывод о том, кем совершено преступление), следователь создает представление (абстрактно-ситуативный образ) о доказательствах, недостающих для решения вопроса о предъявлении обвинения, способах их формирования, последовательности осуществления соответствующих действий. И в данном случае он не может обойтись без использования соответствующих образов в ходе формирования, проверки недостающих доказательств, необходимых для получения выводного знания о лице, совершившем преступление, в виде соответствующего конкретно-результативного образа (создаваемого, реализуемого и материализуемого в форме постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого).

Использование следователем образов при принятии итоговых решений по расследуемому уголовному делу происходит в основном по приведенной выше схеме, отражающей создание и оперирование образами на рациональном уровне познания в процессе принятия промежуточных решений при оценке ограниченных совокупностей доказательств.

Принимая итоговые решения в ходе оценки доказательств, следователь актуализирует и вовлекает в осуществляемый им мыслительный процесс не только образы, которые он использовал, принимая промежуточные решения, но и всю совокупность образов, созданных и использованных им в процессе доказывания на протяжении всего предварительного следствия. Сообразно этому в геометрической прогрессии увеличивается не только число образов, которыми он оперирует в мыслительном процессе, принимая итоговые решения, но и возрастает сложность осуществляемых им мыслительных операций.

* * *

Завершая в самом общем виде рассмотрение проблемы использования следователем образов в процессе доказывания по уголовным делам, следует отметить, что их создание, оперирование ими происходит под воздействием требований уголовно-процессуальной формы, как совокупности проверенных практикой, осознанных и используемых им всеобщих форм человеческой деятельности, конкретизированных применительно к уголовному судопроизводству.

Формируя и используя в процессе доказывания образы, следователь не ограничивается только познанием обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Одновременно, и это следует подчеркнуть особо, он преобразует окружающую действительность, создавая и реализуя новые, не существовавшие до этого правоотношения, необходимые не только для познания обстоятельств совершенного преступления, но и обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств. При этом он преобразует и себя, свое сознание и волю, выходя на новый уровень отражения, осознания и преобразования действительности, способствующий развитию личности, общества и государства. Таким образом, следователь (равно как и другие субъекты уголовно-процессуальной деятельности) становится создателем, творцом развивающихся общественных отношений.

Предложенный подход к решению проблемы использования категории образа в доказывании по уголовным делам является лишь первым шагом в данном направлении. Многое из вышеизложенного носит дискуссионный характер, нуждается в дальнейшем исследовании. Однако и сама постановка проблемы, и содержащееся в статье ее решение могут представлять интерес для науки, совершенствования законодательства и практики уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 158.
2. БСЭ: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1974. Т. 18. С. 217.
3. Беспалов Б.И. Действие (Психологические механизмы визуального мышления). М., 1984. С. 77, 101.
4. Величковский Б.М. Образ мира как гетерархия систем отсчета // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. ст. памяти А.Н. Леонтьева / под ред. А.В. Запорожца и др. М., 1983.
5. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
6. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 131.

7. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982.
8. Денисов И.С. Развитие электронного правосудия в России // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 1 (77). С. 101–104.
9. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 35, 36, 45, 46.
10. Доля Е. Источник доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2011. № 12. С. 3–8.
11. Доля Е.А. Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами // Законность. 2012. № 10. С. 47, 48.
12. Доля Е.А. Проблема идеального в теории уголовного процесса // Государство и право. 2018. № 1. С. 43–52.
13. Доля Е.А. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. 1994. № 1. С. 54–60.
14. Доля Е. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 65–70.
15. Доля Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 5. С. 28, 29.
16. Доля Е. Содержание истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве // Законность. 2013. № 11. С. 5–9.
17. Доля Е.А. Формирование доказательств в уголовном судопроизводстве // В сб.: Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. Ч. 2. С. 52–77.
18. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 92–115, 447–450.
19. Дорохов В.Я. Общее понятие доказательства в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 10.
20. Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 201, 207.
21. Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. М., 1966. С. 242.
22. Дорохов В.Я. Понятие источника доказательств // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981. М., 1981. С. 7–12.
23. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 212, 225.
24. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Росс. правосудие. 2018. № 6. С. 15–25.
25. Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М., 1989. С. 605.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 131.
27. Малина М.А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97.
28. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Н., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159.
29. Марковичева Е.В. Влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства // Правосудие. 2019. Т. 1. № 1. С. 98–107.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.
31. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 12.
32. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 109.
33. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 118, 119.
34. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. М., 1966. С. 234, 298.
35. Хохлов Ю.Н. О начале реализации уголовной ответственности (к вопросу о поиске правоотношения в оперативно-розыскной деятельности) // В сб.: Проблемы формирования уголовно-розыскного права (актуальные вопросы правового регулирования оперативно-розыскной, контрразведывательной, частной сыскной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности) / под общ. ред. А.Ю. Шумилова. М., 1998. Вып. 1. С. 67.

REFERENCES

1. Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D. An essay on the development of science of the Soviet Criminal Process. Voronezh, 1980. P. 158 (in Russ.).
2. BSE: in 30 vols. / ch. ed. A. M. Prokhorov. 3rd ed. M., 1974. Vol. 18. P. 217 (in Russ.).
3. Bepalov B. I. Action (Psychological mechanisms of visual thinking). M., 1984. P. 77, 101 (in Russ.).
4. Velichkovsky B. M. The image of the world as a heterarchy of reference systems // A. N. Leontiev and modern psychology: collection of articles in memory of A. N. Leontiev / ed. by A. V. Zaporozhets et al. M., 1983 (in Russ.).
5. Velichkovsky B. M. Modern cognitive psychology. M., 1982 (in Russ.).
6. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution // Herald of Economic Security. 2019. No. 1. P. 15–25 (in Russ.).
7. Gordeeva N. D., Zinchenko V. P. Functional structure of action. M., 1982 (in Russ.).
8. Denisov I. S. Development of electronic justice in Russia // Herald of the SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (77). P. 101–104 (in Russ.).
9. Dolya E. A. Use in proving the results of operational investigative activities. M., 1996. P. 35, 36, 45, 46 (in Russ.).
10. Dolya E. Source of evidence in criminal proceedings // Legality. 2011. No. 12. P. 3–8 (in Russ.).
11. Dolya E. A. Operational information: origin and correlation with evidence // Legality. 2012. No. 10. P. 47, 48 (in Russ.).
12. Dolya E. A. The problem of the ideal in the theory of criminal procedure // State and Law. 2018. No. 1. P. 43–52 (in Russ.).
13. Dolya E. A. Verification of evidence in the Russian criminal process (stage of preliminary investigation) // Pravovedenie. 1994. No. 1. P. 54–60 (in Russ.).
14. Dolya E. The origin of evidence in criminal proceedings // Legality. 2016. No. 10. P. 65–70 (in Russ.).
15. Dolya E. The results of operational investigative activities cannot become the content of evidence in Criminal Proceedings // State and Law. 2013. No. 5. P. 28, 29 (in Russ.).
16. Dolya E. The content of the truth established in criminal proceedings // Legality. 2013. № 11. P. 5–9 (in Russ.).
17. Dolya E. A. The formation of evidence in Criminal Proceedings // In the collection: Prospects for the development of Criminal Procedural Law and criminalistics: materials of the International Scientific and Practical Conference M., 2013. Part 2. P. 52–77 (in Russ.).
18. Dolya E. A. The formation of evidence based on the results of operational investigative activities. M., 2009. P. 92–115, 447–450 (in Russ.).

19. *Dorokhov V. Ya.* The general concept of evidence in the Soviet Criminal Process. M., 1981. P. 10 (in Russ.).
20. *Dorokhov V. Ya.* The concept of evidence // Theory of evidence in the Soviet Criminal Process. M., 1973. P. 201, 207 (in Russ.).
21. *Dorokhov V. Ya.* The concept of proof // Theory of evidence in the Soviet Criminal Process. Part General. M., 1966. P. 242 (in Russ.).
22. *Dorokhov V. Ya.* The concept of a source of evidence // Actual problems of proof in the Soviet Criminal Process. Abstracts of speeches at the theoretical seminar held by the Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR on March 27, 1981. M., 1981. P. 7–12 (in Russ.).
23. *Ilyenkov E. V.* Philosophy and Culture. M., 1991. P. 212, 225 (in Russ.).
24. *Kleandrov M. I.* Reflections on the topic: can a robot be a judge? // Russ. Justice. 2018. No. 6. P. 15–25 (in Russ.).
25. The course of the Soviet Criminal Process: The General part. M., 1989. P. 605 (in Russ.).
26. *Lenin V. I.* Complete works. Vol. 29. P. 131 (in Russ.).
27. *Malina M. A.* The use of artificial intelligence in the administration of justice in criminal cases: problems and prospects // State and Law. 2022. No. 1. P. 91–97 (in Russ.).
28. *Mal'ko A. V., Afanasyev S. F., Borisova V. N., Krotkova N. V.* Problems of digitalization in the sphere of justice // State and Law. 2020. No. 10. P. 151–159 (in Russ.).
29. *Markovicheva E. V.* The impact of digital technologies on the development of criminal proceedings // Justice. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 98–107 (in Russ.).
30. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 3. P. 29 (in Russ.).
31. *Orlov Yu. K.* Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings: scientific and practical manual. M., 2000. P. 12 (in Russ.).
32. *Orlov Yu. K.* Problems of the theory of evidence in Criminal Proceedings. M., 2009. P. 109 (in Russ.).
33. *Polyansky N. N.* Questions of the theory of the Soviet Criminal Process. M., 1956. P. 118, 119 (in Russ.).
34. Theory of evidence in the Soviet Criminal Process. Part General. M., 1966. P. 234, 298 (in Russ.).
35. *Khokhlov Yu. N.* On the beginning of the implementation of criminal responsibility (on the issue of finding a legal relationship in operational investigative activities) // In the collection: Problems of the formation of criminal investigation law (topical issues of legal regulation of operational investigative, counterintelligence, private detective, criminal procedural and criminal executive activities) / under the general ed. A. Yu. Shumilov. M., 1998. Issue 1. P. 67 (in Russ.).

Сведения об авторе

ДОЛЯ Евгений Афанасьевич —
кандидат юридических наук, доцент;
г. Москва

Authors' information

DOLYA Evgeny A. —
PhD in Law, Associate Professor;
Moscow, Russia

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: К 75-ЛЕТИЮ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

© 2023 г. А. Н. Савенков*, Н. В. Колотова**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: an61s@mail.ru*

***E-mail: kolotova.n@gmail.com*

Поступила в редакцию 18.04.2023 г.

Аннотация. Документы и материалы, касающиеся принятия 75 лет назад Всеобщей декларации прав человека и связанных с ней международных документов, показывают тесную взаимосвязь происходящих в мире процессов и состояния прав человека. На протяжении последних десятилетий права человека оставались в числе наиболее острых проблем права и политики и вокруг них велись не только теоретические дискуссии, но и разворачивалась настоящая идеологическая борьба. Споры и противоречивые оценки значения Всеобщей декларации и ее влияния на дальнейшее развитие правовых систем продолжают до сегодняшнего времени. Активно обсуждаются инструменты и решения, которые позволяют при соблюдении международных стандартов прав человека учитывать национальные интересы. Например, при помощи цивилизационного подхода предпринимается попытка решить проблему исполнения международных обязательств по правам человека при сохранении фундаментальности культурно-исторических и религиозных различий отдельных цивилизаций и регионов. В Институте государства и права Российской академии наук такой подход развивался членом-корр. РАН Е.А. Лукашевой.

Ключевые слова: права человека, Всеобщая декларация прав человека, Организация Объединенных Наций, цивилизационный подход, международное право.

Цитирование: Савенков А.Н., Колотова Н.В. Цивилизационный подход к правам человека: к 75-летию Всеобщей декларации прав человека // Государство и право. 2023. № 11. С. 108–123.

DOI: 10.31857/S102694520028727-0

CIVILIZATIONAL APPROACH TO HUMAN RIGHTS: ON THE 75th ANNIVERSARY OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS

© 2023 A. N. Savenkov*, N. V. Kolotova**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: an61s@mail.ru

**E-mail: kolotova.n@gmail.com

Received 18.04.2023

Abstract. Documents and materials related to the adoption of the Universal Declaration of Human Rights and related international documents 75 years ago show the close relationship between the processes taking place in the world and the state of human rights. Over the past decades, human rights have remained among the most acute problems of law and politics and not only theoretical discussions were conducted around them, but a real ideological struggle unfolded. Disputes and contradictory assessments of the significance of the Universal Declaration and its impact on the further development of legal systems continue to this day. Tools and solutions that allow taking into account national interests while observing International human rights standards are being actively discussed. For example, with the help of a civilizational approach, an attempt is being made to solve the problem of fulfilling International human rights obligations while preserving the fundamental cultural, historical and religious differences of individual civilizations and regions. At the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, this approach was developed by a Corresponding Member of the RAS E.A. Lukasheva.

Key words: human rights, Universal Declaration of Human Rights, United Nations, civilizational approach, International Law.

For citation: Savenkov, A.N., Kolotova, N.V. (2023). Civilizational approach to human rights: on the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 108–123.

Принимая Устав ООН, государства от имени народов Объединенных Наций провозгласили свое стремление избавить грядущие поколения от бедствий войны, принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равенство права больших и малых наций¹.

Устав ООН подчеркнул важность и связь целей предотвращения войны и защиты прав человека: права, достоинство и ценность человеческой личности во время вооруженных действий всегда находятся под угрозой. Иными словами, с бедствиями войны необходимо покончить именно ради обеспечения прав и интересов человека. И наоборот, эффективная защита прав человека в национальном государстве уменьшает риск его участия в вооруженных конфликтах. Стабильный мир способствует реализации прав человека, а обеспечение

прав человека будет способствовать поддержанию международного мира.

Статья 1 Устава ООН отражает эту идею взаимного укрепления мира и прав человека: в качестве первой цели Организация Объединенных Наций провозглашает поддержание международного мира и безопасности, в п. 3 подчеркивается важность осуществления международного сотрудничества, выражающаяся в том числе в поощрении и уважении к правам человека для всех без различия расы, пола, языка, религии.

Эти положения Устава ООН получили развитие во Всеобщей декларации прав человека, со дня принятия которой в этом году исполняется 75 лет. В 2023 г. юбилейная дата также отмечается и с момента принятия Венской декларации и Программы действий, за которую представители 171 страны проголосовали на Второй Всемирной конференции по правам человека в Вене в 1993 г.², — документов,

¹ См.: Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Известия Совета депутатов трудящихся СССР. 27 июня 1945 г. № 149. Ратифицирован СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 августа 1945 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975. М., 1975. Т. 2. Ст. 237.

² См.: Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г. в Вене // Дипломатический вестник. 1994. № 3–4. С. 45–63.

вновь подтвердивших приверженность целям и принципам, содержащимся в Уставе ООН и во Всеобщей декларации прав человека, а также подчеркнувших неделимость, взаимозависимость и взаимосвязь всех прав человека.

Кроме того, 75 лет назад произошло значимое событие, во многом определившее геополитическое состояние XX столетия, — была завершена программа денацификации, проводившаяся союзниками по антигитлеровской коалиции в последние месяцы Второй мировой войны и сразу после ее окончания³, которая может считаться первым значительным опытом демократизации диктаторского политического режима⁴. Однако дальнейшая реализация программы денацификации не может быть признана успешной, так как западные страны в нарушение ранее достигнутых соглашений фактически не демонтировали в Германии военные производства и не осуществили демонополизацию. По окончании войны они не расформировали многие воинские части, а сохранили их в качестве боеспособных армейских подразделений⁵.

Все эти события и памятные даты связаны между собой и наглядно демонстрируют взаимодействие всех процессов, происходящих в мире, с правами человека и народов.

Формирование концепции прав и свобод человека и практика ее применения оказались процессом нелинейным и зачастую разнонаправленным. Права человека всегда были в числе наиболее острых проблем, вокруг которых велись не только теоретические дискуссии, но и разворачивалась настоящая идеологическая борьба⁶, что обуслови-

ло остроту полемики при принятии Всеобщей декларации. Для того чтобы прийти к соглашению относительно проекта данного документа, Третий комитет Генеральной Ассамблеи, который обсуждал его до вынесения на пленарное заседание Ассамблеи, провёл 81 заседание и рассмотрел 168 резолюций, содержащих различного рода поправки и дополнения к тексту⁷.

По общему признанию, персонально на окончательное содержание Декларации большое влияние оказали канадский юрист, проф. Джон Питерс Хамфри, фактически руководивший работой рабочей группы; французский общественный деятель Рене Семуэль Кассен, будущий Председатель Европейского Суда по правам человека (1965–1968) и лауреат Нобелевской премии мира; Шарль Хабиб Малик — ливанский христианский философ и политик; китайский дипломат Чжан Пэнчунь, по требованию которого из текста было исключено упоминание о религии; Уильям Рой Ходжсон из Австралии, настаивавший на создании международного трибунала для подачи жалоб и придании Декларации юридической силы. Союз ССР представлял Владимир Михайлович Корецкий — первый заместитель Председателя Комиссии по правам человека ООН⁸.

Все участвовавшие в подготовке эксперты представляли разные, подчас противоположные (и в политическом, и в юридическом смысле) позиции, и то, что этот документ был в конечном счете принят, можно считать их огромным достижением. Практический опыт выработки компромисса при таких существенных противоречиях оказался весьма ценным. По словам Жака Маритена, ради такой задачи, связанной с будущим человеческого разума, объединились люди, пришедшие с четырех концов света и принадлежащие не просто к различным цивилизациям и культурам, но и к противоборствующим школам мысли⁹. Для облегчения

Здесь и далее документы ООН цитируются по официальному сайту Организации Объединенных Наций (см.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 28.03.2023)).

³ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов: в 6 т. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г. М., 1980. С. 459–500.

⁴ См.: Лезина Е. В. Денацификация Западной Германии: 70 лет с момента завершения программы // Вестник общественного мнения. 2018. № 3–4 (127). С. 192; *Biddiscombe P. The Denazification of Germany 1945–48. The History Press, 2006.*

⁵ Только в английской зоне оккупации в воевавших до окончания войны против Объединенных Наций немецких, венгерских, латышских, литовских и эстонских частях насчитывалось более миллиона солдат и офицеров.

⁶ См.: Кудрявцев В. Н. Права человека и идеологическая борьба // Соц. законность. 1974. № 3. С. 3–8; Чхиквадзе В. М. Права человека и идеологическая борьба // Сов. государство и право. 1977. № 4. С. 100–108; Кудрявцев В. Н. Два мира — две концепции прав человека // Мировая экономика и междунар. отношения. 1986. № 1. С. 24–32; Сабо И. Идеологическая борьба и права человека / пер. с венг. М., 1981; Чхиквадзе В. М. Кто препятствует развитию международного

сотрудничества в области прав человека? // Сов. государство и право. 1986. № 4. С. 88–97; Проблема свободы и прав человека в современной идеологической борьбе / под ред. Д. А. Керимова, В. М. Чхиквадзе. М., 1986; Проблемы свободы и прав человека в современной идеологической борьбе / отв. ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1986.

⁷ См.: Исполинов А. С. Правовой статус Всеобщей декларации по правам человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное право. 2018. № 4 (125). С. 102.

⁸ Первоначальный состав Комиссии по правам человека образовали представители весьма различных по своему социально-экономическому развитию и государственному устройству государств — СССР, Белорусской ССР, Украинской ССР, США, Великобритании, Франции, Китая, Австралии, Бельгии, Египта, Индии, Ирана, Ливана, Панамы, Уругвая, Филиппин, Чили и Югославии.

⁹ См.: Маритен Ж. Человек и государство / пер. с англ. Т. Лифинцевой. М., 2000. С. 76.

достижения договоренности создатели Декларации принципиально уходили от упоминания в тексте каких-либо мировоззренческих принципов. В основу этого документа были положены классические акты в области прав человека: английская Великая хартия вольностей, американские Декларация независимости и Билль о правах, французская Декларация прав человека и гражданина, поэтому можно сказать, что, несмотря на различие подходов и весомо представленную тенденцию к социализации, «философское основание прав человека — это естественное право»¹⁰.

Утверждение практически всех положений Декларации в полной мере испытало на себе противоречивые подходы и толкования¹¹. Например, при обсуждении ст. 3 Декларации, в которой провозглашается право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, советская делегация, полагая, что это право может быть реализовано только при принятии государствами реальных позитивных мер, предлагала указать, что «государству необходимо обеспечить каждому человеку защиту от преступных посягательств, обеспечить условия, предотвращающие угрозу смерти от голода и истощения»¹². Данное предложение было отклонено как не касающееся индивидуальных прав и передано для дальнейшего изучения в органы ООН. Были отклонены и расширительные формулировки статей, предоставляющие гарантии права на свободу убеждений и их свободное выражение (ст. 19), свободу мирных собраний (ст. 20). В них предлагалось зафиксировать невозможность использования этих прав для пропаганды фашизма, агрессии и подстрекательства ненависти между странами, установить запрет на деятельность общественных организаций фашистского и антидемократического характера. Эти поправки не прошли с формулировкой, что понятия «фашизм» и «организации фашистского и антидемократического типа» являются неясными и неопределенными, что делает их чрезмерно ограничивающими само устанавливаемое право¹³.

Выступавший от имени советской делегации заместитель Министра иностранных дел СССР

А.Я. Вышинский по поводу формулировки ст. 20 Декларации сказал, что ее недостаток в том, что она провозглашает свободу вообще, свободу распространять любую информацию и идеи. Этого, по его словам, мы признать не можем, ибо распространять «идеи» фашизма, расовой и национальной ненависти, сеяния вражды между народами, подстрекательства к новой войне считаем невозможным и не можем допустить такой «свободы».

А.Я. Вышинский заявил: «Нас нельзя сбить с нашей позиции демагогическими криками и всхлипываниями о том, что нельзя, мол, ограничивать человеческую свободу, права человека. Нет — можно, если эта свобода используется в ущерб общественному благу, интересам народа».

Нельзя допустить, чтобы свободно бегали по улицам городов люди с горящими факелами, собираясь поджечь наши дома и погубить нас самих. Такой свободы мы не признаем, и мы не можем согласиться с тем, чтобы в нашей декларации от имени Объединенных Наций была провозглашена такая свобода распространения идей Гитлера и Геббельса»¹⁴.

По словам руководителя делегации, ограничивать человеческую свободу можно и должно, если эта свобода используется в ущерб общественному благу, интересам народа: «Есть “идеи”, представляющие собой общественную опасность, которые недостойны называться идеями, и средством борьбы против этой опасности является не только человеческое слово, но и закон, неумолимый уголовный закон». Позиция делегации состояла в том, чтобы при провозглашении свободы слова и печати подчеркнуть недопустимость «распространения фашистских “теорий” и так называемых “идей”...», чтобы нельзя было допускать использования свободы слова и печати в целях пропаганды вражды между народами, в целях пропаганды фашизма и агрессии»¹⁵.

Несмотря на противодействие большинства¹⁶, советская делегация осталась на своих позициях, провозгласив: «Придет время и, может быть, большинство увидит, что оно сделало большую ошибку»¹⁷. Полагаем, что мир сегодня был бы куда безопаснее, если бы тогда голос советской делегации был поддержан.

¹⁰ Маритен Ж. Человек и государство / пер. с англ. Т. Лифинцевой. С. 79.

¹¹ См.: Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи: стенографический отчет. Лондон, 1948 (Официальный отчет Генеральной Ассамблеи). Третий комитет. 183-е пленарное заседание. 10 декабря 1948 г. С. 433–444.

¹² Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. М., 1982. С. 42.

¹³ См.: Речь Элеоноры Рузвельт: On the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights delivered 9 December 1948 in Paris, France. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/eleanorrooseveltdclarationhumanrights.htm> (дата обращения: 23.03.2023).

¹⁴ Вышинский А.Я. О проекте Декларации прав человека. Речь на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1948 г. // Вышинский А.Я. Вопросы международного права и международной политики. М., 1951. С. 367–379.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Проект резолюции с четырьмя поправками Советского Союза A/785/Rev.2 был отклонен 45 голосами против 6 при 3 воздержавшихся (см.: Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи: стенографический отчет. С. 442).

¹⁷ Вышинский А.Я. Указ. соч.

Всеобщая декларация прав человека в окончательной редакции была поддержана 48 странами¹⁸. Воздержались Белорусская ССР, Украинская ССР, Союз ССР, Чехословакия, Польша, Югославия, Южно-Африканский Союз и Саудовская Аравия, в голосовании не участвовали Гондурас и Йемен. Решающим фактором для того, чтобы не поддерживать Декларацию, для Советского Союза стало отсутствие в тексте права наций на самоопределение, принципа защиты национальных меньшинств и запрещения фашистской идеологии.

Текст Декларации — первый свод прав, которые принадлежат в равной мере всем жителям планеты. В ее 30 статьях содержится широкий перечень прав, многие из которых ранее нигде не закреплялись, а в Преамбуле устанавливается цель, ради достижения которой необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона — чтобы человек не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения.

75 лет, прошедшие со дня принятия данного документа, не разрешили всех споров и не сняли противоречивые оценки, связанные с его применением и значением. В литературе по международному праву продолжается дискуссия по вопросу юридической силы резолюций Генеральной Ассамблеи ООН.

Согласно ст. 10 Устава ООН эти резолюции имеют характер рекомендаций и не являются обязательными для государств. Многие ученые считают, что, если резолюции толкуют Устав ООН и принимаются голосами всех ее членов (как Всеобщая декларация), они являются обязательными. Но доминирует мнение, что принципы и нормы, содержащиеся в Декларации, стали обязательными не в результате их одобрения резолюцией Генеральной Ассамблеи, а в силу дальнейшего развития договорной практики государств¹⁹.

Юристы в основном согласны с тем, что Декларация, принятая Генеральной Ассамблеей ООН и не предполагающая ратификации суверенными государствами, не может в полной мере определять юридические обязательства государств-участников и не обладает обязательной юридической силой. Такая характеристика Декларации часто использовалась для ее критики. Так, Герш Лаутерпахт (представлявший свой альтернативный проект Декларации) полагал, что юридическое несовершенство Декларации дает основания вообще не принимать ее во внимание, так как «не являясь правовым

инструментом, Декларация находится вне международного права». По его мнению, Декларация не является сама по себе великим достижением, не имеет правовой силы и, возможно, обладает лишь незначительным моральным авторитетом²⁰. В своем докладе на Конференции Ассоциации международного права в Брюсселе в 1948 г. он выразился довольно резко: «Если эта декларация исходит от правительств, то слова в этом случае всего лишь заменяют действие. Человечество ожидает со стороны правительств не провозглашения идеи прав человека и даже не признания прав человека. Мировое сообщество ожидает от них эффективной защиты прав человека, что предполагает обязательства, а также реальные и обязательные принудительные меры»²¹.

За время, прошедшее с момента принятия этого документа, произошла значительная эволюция представлений о нормативности Декларации и ее воздействии на международное право, и сейчас никто не будет оспаривать, что ее значение и влияние не связаны с рекомендательным характером ее норм²². Но до сих пор высказываются различные оценки по поводу юридической силы и правового статуса положений Декларации²³, в том числе выражается сожаление, что с формальной точки зрения Всеобщая декларация не представляет собой юридически обязательный международный документ, а обладает только моральной и политической силой²⁴.

В процессе подготовки серьезные сомнения выражались и в связи с включением в Декларацию социально-экономических положений и необходимости расширения списка классических гражданских и политических прав новыми. Эти аргументы стали с тех пор вполне традиционными: декларативность формулировок, отсутствие конкретных обязательств по таким правам, неизбежные трудности судебной защиты²⁵. Ф. Хайек иронизировал над заявленным в Декларации качеством всеобщности социальных прав: «Авторам Декларации явно никогда не приходило в голову, что не каждый является наемным служащим организации, чье

²⁰ См.: *Lauterpacht H.* International Law and Human Rights. New York, 1950. P. 425.

²¹ *Lauterpacht H.* Human rights, the Charter of the United Nations and the International Bill of the Rights of Man: preliminary report. International Law Association. Conference (43rd. 1948. Brussels).

²² См.: *Исполинов А.* Указ. соч. С. 101.

²³ См.: *Карташкин В.А.* 75-летие Всеобщей декларации прав человека и развитие международного права // Современное право. 2023. № 2. С. 93–100.

²⁴ См.: *Cassese A.* International Law in a Divided World. Oxford, 1986. P. 299.

²⁵ См.: *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 271, 272.

¹⁸ См.: Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁹ См.: *Карташкин В.А.* Современное международное право и его основные принципы // Евразийский юрид. журнал. 2018. № 2 (117). С. 20.

право “на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск” (ст. 24) может быть гарантировано. Концепция всеобщих прав, гарантирующая крестьянину, эскимосу и, предположительно, даже снежному человеку “оплачиваемый периодический отпуск” показывает абсурдность всей затеи, если бы у авторов этого документа была хоть толика здравого смысла, они бы поняли, что права, декретированные ими как всеобщие, в настоящем и в любом обозримом будущем совершенно недостижимы, а формальное провозглашение их правами является безответственной игрой с концепцией “прав”, которая может привести только к утрате уважения к ней²⁶. Однако на этих правах и на прописывании гарантий к ним настаивала советская и некоторые другие делегации как на правах, отражающих современное представление о достигнутом прогрессе в защите прав трудящихся.

По поводу всей Декларации прогноз философа негативен: «Если бы этот документ был подготовлен международной группой социальных философов (как это, по сути дела, и было), он явился бы лишь тревожным свидетельством того, до какой степени мышление этих социальных философов пропитано бюрократизмом и сколь чуждыми стали для них базовые идеи свободного общества. Но то, что он был одобрен предположительно ответственными государственными деятелями, серьезно озабоченными созданием мирного международного порядка, дает основание для куда более мрачных опасений»²⁷.

Таким образом, с Декларацией связаны некоторые нерешенные проблемы. К их числу можно отнести следующие:

1) необходимость уточнения правового статуса и характера ее юридической силы: идея о трансформации рекомендательных норм Декларации в свод норм обычного международного права, которые имеют статус *jus cogens*, по-прежнему остается спорной. Национальные суды в своём большинстве исходят из того, что Декларация представляет собой документ, не имеющий обязательной силы, который применяется только для толкования норм международного или внутреннего права. Прежде всего это относится к странам, являющимся участниками договоров по правам человека — Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, суды которых могут ссылаться на нормы ратифицированных соглашений;

2) обтекаемость и неопределенность некоторых положений Декларации, особенно социально-экономического характера. Существенные отличия

в характере включенных в нее норм привели к принятию двух Международных пактов по правам человека и в определенной степени повлияли на развитие региональных систем, в которых вопрос защиты и обеспечения социальных прав мог быть решен по-разному. Региональные акты по правам человека во многом опираются на Всеобщую декларацию, но дополняют и уточняют ее положения, исходя из социально-культурных особенностей своего региона. Ссылки на нее есть в Преамбуле Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁸, Американской конвенции о правах человека²⁹, Арабской хартии прав человека³⁰;

3) отсутствие норм о наблюдательном, контрольном или другом механизме соблюдения Декларации. Этот вопрос по решению большинства ее создателей вынесен за скобки принятого в 1948 г. текста: специально он разрабатывался в Пактах о правах человека, в других международных документах. Например, в соответствии с решением Венской конференции по правам человека в 1993 г. был учрежден пост Верховного комиссара по правам человека. В резолюции Генеральной Ассамблеи, принятой по этому поводу, подчеркивается, что данное должностное лицо в своей деятельности по поощрению и защите всех прав человека должно руководствоваться необходимостью соблюдения Всеобщей декларации прав человека³¹.

Нормы и принципы Всеобщей декларации получили развитие в других международных документах, принятых после нее: Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам³², Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации³³, в иных международных и внутригосударственных документах. В них были установлены новые международные

²⁸ См.: СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

²⁹ См.: American Convention on Human Rights of November 1969 // Organization of American States. URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-32.html> (дата обращения: 23.03.2023).

³⁰ См.: Arab Charter on Human Rights of 22 May 2004 // Объединенные Нации. Цифровая библиотека. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/551368#record-files-collapse-header> (дата обращения: 23.03.2023).

³¹ См.: Верховный комиссар по поощрению и защите всех прав человека: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/48/141 от 20.12.1993 г. URL: <https://www.un.org/ru/ga/48/docs/48res.shtml>

³² См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1514 (XV) от 14.12.1960 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 23.03.2023).

³³ Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21.12.1965 г. (см.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 23.03.2023)).

²⁶ Хайек Ф. Указ. соч. С. 272, 273.

²⁷ Там же. С. 273.

принципы и обязательства, которые должны соблюдаться государствами.

Во многих международных документах содержится прямая ссылка на положения Декларации. Так, в преамбулах Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания³⁴ и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания³⁵ есть ссылка на ст. 5 (никто не может подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство видам обращения и наказания). На принцип недискриминации и право на свободу мысли, совести, религии или убеждений, установленные во Всеобщей декларации и в пактах, ссылается Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений³⁶.

Всеобщая декларация используется как модель для разделов о правах и свободах человека в конституционном законодательстве различных стран, ссылки на нее часто встречаются в решениях судов самого разного уровня. В Российской Федерации Декларация также упоминается во многих судебных решениях как подтверждение того, что используемые нормы национального права соответствуют международным стандартам. Так, в постановлениях Конституционного Суда РФ ссылками на Всеобщую декларацию подтверждается конкретное право, гарантируемое Конституцией РФ и национальным законодательством³⁷. С этими же

целями обращается к тексту Декларации и Верховный Суд РФ³⁸.

Обратим внимание на то, что если во время принятия Декларации большинство в ООН составляли западные страны, то международные пакты о правах человека, в договорном порядке закрепившие перечень прав человека, провозглашенный во Всеобщей декларации, разрабатывались и принимались Организацией Объединенных Наций, когда подавляющее большинство в ней составляли развивающиеся страны³⁹. Многие статьи этих документов содержат положения, которые были предложены именно развивающимися странами, и отражают их видение дальнейшего развития положений Декларации. Полагаем, с этим фактом связаны и трудности, с которыми столкнулась реализация положений Пактов в некоторых странах мира, которые довольно серьезно влияют на реализацию международных документов по правам человека.

Так, Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в силу 23 марта 1976 г., он имеет обязательную силу для 173 государств-участников⁴⁰. СССР ратифицировал Пакт Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г.⁴¹ Сенат США ратифицировал Пакт только в 1992 г. с пятью оговорками, пятью заявлениями и четырьмя разъяснениями⁴². Оговорки при принятии международных документов давно стали общепризнанной реальностью⁴³, однако данный факт не устраняет противоречия между необходимостью их применения и сохранением целостности и единства правоприменительной практики

регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации — городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.К. Качковского и А.Г. Федосова» — ссылка на п. 2 ст. 29 Декларации (см.: СЗ РФ. 2019. № 7, ст. 712).

³⁸ Например, п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» содержит ссылку на ст. 8 Всеобщей декларации (см.: СПС «КонсультантПлюс»).

³⁹ См.: Карташкин В.А. 75-летие Всеобщей декларации прав человека и развитие международного права. С. 96.

⁴⁰ См.: Status of Ratification Interactive Dashboard. URL: <https://indicators.ohchr.org/> (дата обращения: 24.03.2023).

⁴¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

⁴² См.: U.S. reservations, declarations, and understandings, International Covenant on Civil and Political Rights, 138 Cong. Rec. S4781-01 (daily ed., April 2, 1992). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/usdocs/civilres.html> (дата обращения: 24.03.2023).

⁴³ См.: Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 г. (ст. 20–23) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37, ст. 772.

³⁴ Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1975 г. № 3452 (XXX) (см.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/torture.shtml (дата обращения: 22.12.2021)).

³⁵ Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1984 г. (см.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 23.03.2023)).

³⁶ Принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25.11.1981 г. (см.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 23.03.2023)).

³⁷ Приведем примеры из судебной практики Конституционного Суда РФ разных лет:

пункт 2 постановления Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» содержит ссылку на закрепленные во Всеобщей декларации принципы достоинства, равных и неотъемлемых прав каждой личности (см.: СЗ РФ. 2012. № 15, ст. 1810);

пункт 3 постановления Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края “О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края” в связи с жалобой гражданки Г.А. Пенкиной» — ссылка на ст. 25 Декларации (см.: СЗ РФ. 2016. № 45 (ч. I), ст. 63246);

пункт 2 постановления Конституционного Суда РФ от 11.02.2019 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 13 Федерального закона “Об особенностях

соответствующего документа⁴⁴. Первая оговорка США к Пакту касается ст. 20 и провозглашает отказ от принятия законодательства или совершения каких-либо действий, которые ограничивали бы свободу слова и ассоциаций, защищенную Конституцией и иным законодательством страны (очевидна аналогия с отказом от формулировки советской делегации при обсуждении Всеобщей декларации). Вторая оговорка предусматривает возможность США с учетом своих конституционных ограничений назначать смертную казнь любому лицу (кроме беременных женщин), осужденному должным образом, включая наказание за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет. Данная оговорка прямо противоречит норме п. 5 ст. 6 Международного пакта, согласно которой смертный приговор не выносится за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет. Комитет по правам человека, созданный для реализации положений данного международного договора, в 1995 г. при рассмотрении докладов государств-участников выразил сожаление по поводу масштабов оговорок, сделанных при ратификации, а также отметил особую обеспокоенность оговорками к п. 5 ст. 6 и ст. 7 Пакта, которые, по его мнению, несовместимы с объектом и целью Пакта⁴⁵. Комитет в данном случае, согласно своей заявленной ранее позиции и нормам международного права, мог объявить такие поправки недействительными, отделить их от ратификационных обязательств стороны и поставить вопрос о правомерности участия государства в соглашении⁴⁶. Однако этого не было сделано, данная проблема так и не была решена, что породило существенную неопределенность как в практическом, так и в доктринальном аспекте⁴⁷.

После ратификации Пакта в США не поменялись ни международные обязательства страны, ни внутреннее законодательство. При рассмотрении второго и третьего периодических докладов Соединенных Штатов Америки (CCPR/C/USA/3) в 2006 г. Комитет по правам человека ООН был вынужден подтвердить

свою рекомендацию снять оговорку по п. 5 ст. 6 Пакта (п. 6), а также выразил обеспокоенность по поводу ряда заявленных государством ограничительных позиций. По мнению Комитета, государству-участнику следует: (1) признать применимость Пакта в отношении лиц, находящихся под юрисдикцией государства, но за пределами его территории, а также во время войны; (2) принимать меры по обеспечению позитивных обязательств, необходимых для обеспечения полного осуществления всех закрепленных в Пакте прав; (3) пересмотреть свой подход к толкованию положений Пакта в соответствии с практикой Комитета (п. 10)⁴⁸.

Что касается Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, то он был подписан США в 1977 г., но так и не ратифицирован.

Подобная практика принятия основных договоров в сфере прав человека всегда вызывала обоснованную критику⁴⁹, и американским политикам трудно быть убедительными, призывая другие государства к безоговорочному соблюдению международных договоренностей, подчеркивая универсальный характер таких норм. Эти обстоятельства свидетельствуют о серьезных трудностях на пути к утверждению общих стандартов в области прав человека, содержащихся во Всеобщей декларации и основных международных соглашениях.

Более того, между США и органами ООН, ответственными за соблюдение прав человека, на протяжении последних десятилетий их деятельности были довольно сложные отношения, в которых не всегда удавалось сохранить принципы сотрудничества и конструктивного диалога. Из состава Комиссии по правам человека страна вышла в 2002 г. по решению других членов. В 2006 г. сама Комиссия перестала существовать и была заменена на Совет по правам человека⁵⁰, на который и были возложены функции органа, отвечающего за содействие всеобщему уважению и защите всех прав человека и основных свобод на справедливой и равной основе.

Обосновывая необходимость коренных реформ и образования Совета по правам человека вместо ранее действовавшей Комиссии, Кофи Аннан, занимавший в то время пост Генерального секретаря ООН, в своем докладе отметил, что система защиты прав человека на международном уровне находится

⁴⁴ См.: Kim J. G., Howell J. M. Reservations as Devices for Avoiding International Obligations. In: Conflict of International Obligations and State Interests. Springer, Dordrecht, 1972. P. 31–42.

⁴⁵ См.: Human Rights Committee. Comments of the CCPR Consideration of Reports Submitted by States Parties Under Article 40 of the Covenant. 53d Seas., 1413th mtg. 14 // U.N. Doc. CCPR/C/179/Add.50 (1995). Para 14.

⁴⁶ См.: Human Rights Committee. General Comment 24 (52): General comment on issues relating to reservations made upon ratification or accession to the Covenant or the Optional Protocols thereto, or in relation to declarations under article 41 of the Covenant, U.N. Doc. (1994) // International & Comparative Law Quarterly. 1997. Issue 2. P. 390–412.

⁴⁷ См.: Исполинов А. С. Эволюция правового статуса оговорок: от «правила единогласия» Лиги Наций до Руководства Комиссии международного права по оговоркам 2011 г. // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 3. С. 149.

⁴⁸ См.: Human Rights Committee. Concluding Observations: United States of America // U.N. Doc. No. CCPR/C/USA/CO/3/Rev. 1. (2006). Paras 6, 10.

⁴⁹ См.: Bradly C., Goldsmith J. Treaties, Human Rights and Conditional Consent. University of Pennsylvania Law Review. 2000. No. 2. P. 414, 415.

⁵⁰ См.: A/RES/60/251 от 15.03.2006 г. URL: <https://www.un.org/ru/ga/60/docs/60res3.shtml> (дата обращения: 28.03.2023).

под угрозой краха (п. 141), сама ООН организационно построена из расчета на другую эпоху, и не все нынешние практики соответствуют потребностям сегодняшнего дня (п. 154). Комиссия по правам человека, давшая международному сообществу правозащитную базу, включающую в себя Всеобщую декларацию прав человека, международные пакты и другие основные договоры, не может эффективно выполнять свои задачи из-за снижения авторитетности и профессионализма (п. 181, 182). Поэтому Генеральный секретарь ООН предложил сформировать постоянный Совет по правам человека — «для того, чтобы Организация занималась вопросами прав человека столь же серьезно, что и вопросами безопасности и развития» (п. 183)⁵¹. После создания Совета по правам человека США вошли в состав его членов только в 2009 г.

Дальнейшее развитие событий показало, что модернизация Совета по правам человека, наделение его функциями вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН и полномочиями рассматривать случаи массовых и грубых нарушений в области прав человека не избавили этот институт от политизации и не дали возможность, по выражению Кофи Аннана, стать форумом для улаживания конфликтов, а не просто сценой, на которой актеры декларируют свои разногласия (п. 123 A/59/2005). В 2018 г. США вышли из Совета ООН по правам человека, обвинив организацию в предвзятом отношении к Израилю и неспособности привлечь к ответственности нарушителей прав человека⁵². Несмотря на это, 14 октября 2021 г. Генеральная Ассамблея ООН вновь избрала США в качестве одного из членов Совета ООН по правам человека⁵³. Неудивительно, что сегодня снова с самых противоположных позиций обосновываются мнения

⁵¹ См.: A/59/2005 от 21.05.2005 г. Доклад Генерального секретаря ООН Кофи Аннана «При большей свободе к развитию, безопасности и правам человека для всех» и пояснительная записка к нему. URL: <https://www.unisdr.org/files/resolutions/N0537567.pdf> (дата обращения: 29.03.2023).

⁵² Никки Хейли, постоянный представитель США при ООН, назвала Совет по правам человека «клоакой политической предвзятости». Она заявила, что обязательства не позволяют США оставаться частью лицемерной и корыстной организации, которая превращает права человека в насмешку. Слишком долго Совет по правам человека был защитником нарушителей прав человека и демонстрировал политическую предвзятость. Она выразила сожаление, что не были услышаны призывы к реформированию, а нарушители прав человека продолжают входить в Совет и формировать в нем критическую повестку, Совет принимает политические решения для того, чтобы отвлечь внимание от нарушителей и их деяний (см.: US leaving UN Human Rights Council — “a cesspool of political bias”. CNN. 19 June 2018. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.000729ed-64260016-b411442d-74722d776562/https/edition.cnn.com/2018/06/19/politics/haley-pompeo-human-rights-bias/index.html (дата обращения: 29.03.2023)).

⁵³ См.: США вернулись в состав Совета ООН по правам человека. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12668709?ysclid=lfe65vq02d843688216> (дата обращения: 29.03.2023).

о необходимости реформирования органа ООН, отвечающего за права человека⁵⁴.

В настоящее время деятельность Совета ООН по правам человека характеризуется серьезным расколом и поляризацией позиций, отстаиваемых его членами. С 7 апреля 2022 г. Россия досрочно прекратила свои полномочия в этом органе, считая принятой в этот день Генеральной Ассамблеей ООН резолюцию о приостановлении ее членства в Совете ООН по правам человека⁵⁵ неправомерным и политически мотивированным шагом, принятым в целях демонстративного наказания суверенного государства — члена ООН, осуществляющего независимую внутреннюю и внешнюю политику. Было заявлено, что в современных условиях Совет фактически монополизирован одной группой государств и используется в конъюнктурных целях. При этом Россия не считает решение о досрочном прекращении членства в Совете ООН по правам человека отступлением от своих международных обязательств в правозащитной сфере⁵⁶.

Позицию Российской Федерации в Совете по правам человека ООН еще раз прояснил в своем недавнем выступлении заместитель Министра иностранных дел РФ С.А. Рябков, который привел примеры беспрецедентного давления на Россию: уничтожение памятников Второй мировой войны, поддержка русофобии и «отмены» российской культуры, искоренение русского языка и преследование инакомыслия в СМИ. Представитель МИД России также обратил внимание, что в 2022 г. страны, воевавшие в составе антигитлеровской коалиции, впервые консолидированно проголосовали против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости»⁵⁷. Тем не менее Россия в статусе наблюдате-

⁵⁴ РБК цитирует слова главы Госдепартамента США Энтони Блинкена, который полагает, что Совет по правам человека ООН несовершенен и нуждается в реформе, «лучший способ улучшить Совет, чтобы он смог реализовать свой потенциал, — это сильное и принципиальное руководство США» (см.: URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/02/2021/60212f679a794705f994477?ysclid=lfe6avfcu3746211580> (дата обращения: 29.03.2023)).

⁵⁵ См.: Резолюция 11-й чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/3.

⁵⁶ См.: Заявление МИД России о досрочном прекращении членства Российской Федерации в Совете ООН по правам человека. 07.04.2022 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808494/ (дата обращения: 29.03.2023).

⁵⁷ A/RES/77/204 от 15.12.2022 г. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 120 голосами, 10 государств воздержались, 50 проголосовали против (среди них — Великобритания, Германия, Польша, США, Украина, Франция и др.) (см.: URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3999508?ln=en> (дата обращения: 30.03.2023)).

ля продолжает участвовать в деятельности Совета и намерена принять участие в предстоящих выборах в Совет, которые состоятся осенью текущего года в ходе 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН⁵⁸.

Таким образом, к юбилею Всеобщей декларации прав человека мир подходит в состоянии «социального и гуманитарного кризиса планетарного масштаба»⁵⁹. Сегодняшнее положение наглядно показывает, что ситуация, когда одно государство диктует всем свои условия, не имеет ничего общего с формированием системы международной безопасности и защиты прав человека, предстоит долгий процесс выстраивания системы отношений на иных, взаимоприемлемых условиях.

Следует заметить, что ни в одной стране мира процесс становления и развития концепции прав человека никогда не был простым. В России отношение к правам человека и Всеобщей декларации складывалось, постепенно преодолевая недоверие к возможностям и процедурам их международной защиты. Первый раз на русском языке Всеобщая декларация в СССР была опубликована в журнале «Курьер ЮНЕСКО» в 1958 г. (№ 10), в том же году она вышла в качестве приложения в работе А.П. Мовчана «Международная защита прав человека»⁶⁰. Официальный текст был опубликован в «Российской газете» только 10 декабря 1998 г.

Социалистическая концепция прав человека отличалась довольно существенной спецификой⁶¹, выражающейся прежде всего в том, что конституционное законодательство СССР устанавливало широкие гарантии социально-экономических прав и свобод трудящихся, что не было принято в большинстве конституций мира того времени. Закрепление в советских Конституциях социальных прав, а также их отстаивание советской делегацией для включения в текст Всеобщей декларации прав человека оказали существенное влияние на содержание концепции прав человека и в целом на мировую конституционную практику. Отечественная доктрина прав человека имела несомненную социальную направленность и была ориентирована

на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь граждан.

Концептуальные подходы к правам человека в России сформировались на основе работ выдающихся ученых-юристов, многие из которых работали в Институте государства и права Академии наук СССР (ныне — Российской академии наук). В 1976 г. здесь было образовано первое научное подразделение, специализирующееся на теоретических вопросах обеспечения и защиты прав человека, — сектор прав человека. Сектор был создан в период, когда в отечественном правоведении менялось отношение к правам человека, признавалась допустимость применения этой концепции к социалистической правовой системе, на первое место выдвигались общечеловеческие ценности, правовые принципы взаимодействия гражданина и государства. Постепенный отказ от сугубо пропагандистского подхода, как писали в то время, к «так называемым правам человека» сделал необходимым разработку соответствующей научной концепции с учетом специфики социалистического общества. В секторе, который до 1988 г. возглавлял член-корр. АН СССР В.М. Чхиквадзе, а затем долгое время — член-корр. РАН Е.А. Лукашева, были подготовлены фундаментальные работы, разработан первый отечественный учебник по правам человека⁶².

Социалистическая концепция прав человека задумывалась как продолжение и углубление идеи правового гуманизма, который трактовался как важнейший правовой принцип, строящийся на взаимной ответственности государства и личности, где «каждый гражданин сам будет приводить в движение механизм защиты нарушенных прав и законных интересов»⁶³. Акцент постепенно переносился с демонстрации преимуществ социалистического подхода к правам человека на признание их универсального значения, разработку на этой

⁵⁸ См.: Выступление заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова в ходе сегмента высокого уровня 52-й сессии Совета ООН по правам человека, Женева, 2 марта 2023 года. 03.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/rossia-prava-celoveka/1856703/ (дата обращения: 30.03.2023).

⁵⁹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 155.

⁶⁰ Мовчан А.П. Международная защита прав человека (Всеобщая декларация и проекты пактов о правах человека). М., 1958.

⁶¹ См.: Развитие теории прав человека в советской правовой доктрине // Трансформация прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018. С. 108–128.

⁶² См.: Права человека: проблемы и перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1990; Права человека: время трудных решений / отв. ред. И.А. Ледах, М.М. Славин. М., 1991; Защита прав человека в современном мире / отв. ред. И.А. Ледах. М., 1993; Социальное государство и защита прав человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1994; Права человека и межнациональные отношения / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1994; Права человека и политическое реформирование (юридические, этические, социально-психологические аспекты) / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1997; Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2000; Права человека: итоги века, тенденции и перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002; Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2007; Права человека и современное государственно-правовое развитие / отв. ред. А.Г. Светланов. М., 2007; Права человека и правовое социальное государство в России / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2011; Права человека: учеб. / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2015; Трансформация прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков.

⁶³ Чхиквадзе В.М. Социалистический гуманизм и права человека. М., 1978. С. 275.

основе форм мирного сосуществования различных политических систем, взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества, решение многих актуальных проблем. Это были новые темы для отечественной юридической науки, и разработки ученых активно применялись в законодательной и правоприменительной практике, в том числе в подготовке проекта Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г., в которых был закреплён не только широкий комплекс прав и свобод граждан, но и конституционные принципы взаимоотношений государства и человека. Концептуальные идеи ученых-юристов также нашли отражение в подготовленном в Институте проекте Декларации прав и свобод человека и гражданина, которая была принята последним в истории Советского Союза V Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г.⁶⁴, а также в Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г.⁶⁵ Декларация так и не стала по-настоящему работающим документом, но провозглашённые в ней принципы и нормы легли в основу гл. 2 Конституции РФ 1993 г.

К теме прав человека как к приоритетной проблеме актуальных научных исследований в разные периоды часто обращались руководители Института⁶⁶. В контексте темы этой статьи интересно вспомнить нереализованную идею В.М. Чиквадзе (директор Института в 1964–1973 гг.) о создании международного акта (кодекса) по правам человека, в котором можно было бы собрать воедино и систематизировать все положения о правах человека, содержащиеся в различных международно-правовых документах. Он полагал, что разработка такого международного кодекса прав, свобод и обязанностей может способствовать единообразному пониманию принципов, идеалов и понятий, выражающих суть прав человека⁶⁷. Это предложение было основано на большом опыте международной деятельности: в частности, в 1968 г. В.М. Чиквадзе руководил работой советской правительственной делегации на Всемирном конгрессе, посвященном 20-летию Всеобщей декларации прав человека, подписание которой считал исправлением ошибки, допущенной СССР

в 1948 г., когда советская делегация воздержалась от голосования⁶⁸.

Академик В.Н. Кудрявцев (директор Института в 1973–1990 гг.) также в своих работах неоднократно обращался к проблемам прав человека⁶⁹. Он подходил к их исследованию комплексно, с использованием данных других наук — истории, социологии, политологии, экономики, что позволяло выйти за рамки привычных узкоюридических характеристик⁷⁰. Две последние монографии В.Н. Кудрявцева посвящены проблематике прав человека и могут считаться итоговыми в разном образном и богатом наследии этого ученого⁷¹.

Несомненным достижением ученых Института государства и права РАН стала разработка теории прав человека с точки зрения цивилизационного подхода, актуальность которого сегодня доказывает геополитическая повестка дня. Цивилизационный подход предполагает, что на основе равного и уважительного отношения к культуре и региональным особенностям различных стран можно решить проблему «неприживаемости» западных стандартов в отдельных государствах и регионах, с тем чтобы права человека (как это и предполагается Всеобщей декларацией) могли служить инструментом объединения всех народов, а не их разъединения. Этот подход исследует многообразие опытов применения концепции прав человека в различных обществах, включая традиционные, и показывает, что на общей универсальной базе могут существовать различные цивилизационные вариации общих стандартов, а стремление к их унификации — не всегда достижимый и плодотворный процесс.

Вопрос о том, что в различных цивилизациях может развиваться свое представление о правах человека, ставился уже при обсуждении проекта Декларации. Представитель Египта, в целом поддержав Всеобщую декларацию, обратил внимание на те положения, с которыми его делегации было трудно согласиться: содержащееся в ст. 16 право на вступление в брак без каких-либо ограничений, в том числе по

⁶⁸ См.: Чиквадзе В.М. Всеобщая декларация прав человека и ее историческое значение (К 40-летию принятия) // Сов. государство и право. 1988. № 12. С. 86–94.

⁶⁹ См., напр.: Кудрявцев В.Н. Правовые грани свободы // Сов. государство и право. 1989. № 11. С. 3–9; *Его же*. Право в правовом государстве // Соц. законность. 1989. № 1. С. 5–7; Кудрявцев В.Н., Лукашева Е.А. Новое политическое мышление и права человека // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 30–34.

⁷⁰ См.: Лукашева Е.А. Вспоминая академика В.Н. Кудрявцева // Академик В.Н. Кудрявцев: вклад в уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступности (К 100-летию со дня рождения) // Государство и право. 2023. № 4. С. 38–41. DOI: 10.31857/S102694520024627-0

⁷¹ См.: Кудрявцев В.Н. Свобода слова. М., 2006; *Его же*. Правенство и равноправие. М., 2007.

⁶⁴ См.: Декларация прав и свобод человека от 05.09.1991 г. № 2393-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 37, ст. 1083.

⁶⁵ См.: постановление Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 52, ст. 1865.

⁶⁶ См., напр.: Савенков А.Н. Государство и право. Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021.

⁶⁷ См.: Чиквадзе В.М. Международные аспекты проблем прав человека // Права человека: проблемы и перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1990. С. 33.

религиозному признаку, и нормы ст. 18, в которой провозглашаются свобода мысли, совести и религии, включая право человека менять свои религиозные убеждения. Делегация Египта высказала точку зрения, что такие ограничения приняты в мусульманских странах, они носят религиозный характер и «не оскорбляют совесть мира», но игнорировать их нельзя⁷². По таким же основаниям воздержалась от голосования по Декларации Саудовская Аравия.

Еще серьезнее проблема различий в интерпретации универсальных норм Декларации встала при подготовке Второй всемирной конференции в 1993 г., где вопрос о специфическом цивилизационном подходе к отдельным положениям Декларации поддержала уже целая группа мусульманских и азиатских стран (Китай, Сирия, Иран, Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Сингапур). Тогда эта постановка вопроса была отвергнута как культурный релятивизм, и в принятой на этой конференции Венской декларации неоднократно подтверждался принцип универсализма прав человека⁷³.

Апробации цивилизационного подхода в области прав человека в 2008 г. была посвящена большая научная конференция «Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов», проведенная секцией философии, социологии, психологии и права Российской академии наук по инициативе Института государства и права РАН, которая была посвящена 60-летию Декларации. В дискуссии, развернувшейся на конференции, приняли участие ученые, исследующие цивилизации Европы, Китая, Индии, Латинской Америки, правоведы, социологи и политологи, общественные деятели, что показало плодотворность обсуждения сложных проблем усилиями представителей различных общественных наук и актуальность предложенного подхода для всего мирового сообщества⁷⁴.

Разработке цивилизационного подхода и его применению для концепции прав человека посвящена монография Е.А. Лукашевой «Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение» (2009), отмеченная премией им. А.Ф. Кони Российской академии наук. Автор предлагает рассматривать права человека в широком нормативно-ценностном контексте с учетом их взаимодополняющих связей с религией, нравственностью, философскими учениями, политикой, традициями,

обычаями и тем самым расширить вариативность практики их применения. Согласование различных цивилизационных стандартов и опытов происходит на базе универсальных правовых принципов, заложенных в систему прав человека, однако это непростой и трудоемкий процесс: он не происходит автоматически, путем принятия соответствующего законодательства, а требует больших усилий с разных сторон.

Применение цивилизационного подхода делает бессмысленным вопрос об иерархии и выстраивании по ранжиру цивилизаций и регионов, их деление на передовые и отстающие. Все цивилизации равноценны, и при их сравнении неприемлем никакой «центризм» — ни западного, ни восточного толка. Этот подход отвергает и теорию однотипного и неизбежного прохождения всеми региональными системами стадий развития европейской цивилизации, и идею применения чужеродных эталонов и стандартов в социокультурных общностях с разным генетическим кодом. Попытки навязывать единый и стандартный вариант применения прав человека под предлогом универсализации прав человека приводят не просто к разногласиям и противоречиям, а к отрицанию этой концепции вообще, поскольку национальные правовые порядки стремятся сохранить свою самобытность в вопросах защиты прав человека⁷⁵.

Цивилизационный подход исходит из того, что реализация прав человека в различных обществах может иметь довольно существенную специфику, которая зависит от уровня экономического развития страны, цивилизационных и религиозных особенностей, местных традиций, конкретно-исторической ситуации, а также может быть серьезно затруднена влиянием политической конъюнктуры. Исследователи различных цивилизаций, как правило, разделяют такой подход, на конкретных материалах убеждаясь в том, что единые в своей основе стандарты прав человека могут быть реализованы по-разному, а культурно-цивилизационные расхождения лишь обогащают современный взгляд на эту проблему⁷⁶.

За 75 лет со дня принятия Всеобщей декларации прав человека возникли новые факторы общественного развития, которые несут в себе прямые угрозы осуществлению прав как для отдельных людей, так и целых государств. Сформировалась новая цифровая реальность, в которой информационные технологии, определяющие методы поиска, сбора, хранения, распространения информации, непосредственно влияют на осуществление

⁷² См.: Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи: стенографический отчет. С. 434.

⁷³ Статья 1 Венской декларации провозглашает: «Универсальный характер этих прав и свобод не подлежит сомнениям» (см.: Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г. в Вене. С. 45–63).

⁷⁴ См.: Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов: сб. ст. М., 2009.

⁷⁵ См.: Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 49, 50.

⁷⁶ См.: Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М., 2014. С. 127.

основных прав человека и требуют дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства. Эти обстоятельства также служат поводом для обсуждения вопросов о необходимости внесения корректив в интерпретацию и применение этих норм. В настоящее время нужно снова обратиться к теоретическому и практическому потенциалу юридической науки, с тем чтобы определить, в какой мере известные постулаты концепции прав человека и ее универсальные принципы «вписываются» в контекст новой реальности. Необходим дальнейший поиск новых теоретических и практических решений задач, которые встают перед человечеством сегодня на фоне тех глобальных вызовов и кардинальных изменений, которые происходят в мире. Цивилизационный подход предлагает свой вариант решения проблемы с учетом реальной ситуации осуществления прав человека в различных цивилизациях и регионах мира. И его обоснование предполагает отношение к Всеобщей декларации прав человека именно как декларации: «общие принципы, закрепленные в ней, наполняются различным конкретным содержанием в контексте отдельной цивилизации»⁷⁷.

Точно можно сказать, что современную систему прав человека следует развивать на основе диалога культур и цивилизаций, осознанного восприятия общечеловеческих ценностей, опираясь на отечественный опыт правозащитной деятельности, основы которого закладывались еще в Нюрнберге. Работа над обновлением нормативного содержания документов по правам человека может стать основой для разработки новых вариантов межгосударственной интеграции, целями которой должны стать не только политическое и экономическое сотрудничество всех участников, но и защищенность прав людей. Ориентиры для такой работы предусматривает новая Концепция внешней политики, которая закрепляет определение России как «самобытного государства-цивилизации» и тем самым подчеркивает неоднородность и многополярность мира, развитие которого невозможно уложить в единую общественно-культурную схему. Институт государства и права РАН продолжает свои фундаментальные исследования, основываясь на «созидательной цивилизационной роли» России в качестве одного из «суверенных центров мирового развития», выполняющего «исторически сложившуюся уникальную миссию по... обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества»⁷⁸.

⁷⁷ Честнов И.Л. Универсальны ли права человека (полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека) // Правоведение. 1999. № 1. С. 82.

⁷⁸ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов: сб. ст. М., 2009.
2. Выступление заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова в ходе сегмента высокого уровня 52-й сессии Совета ООН по правам человека, Женева, 2 марта 2023 года. 03.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/rossia-prava-celoveka/1856703/ (дата обращения: 30.03.2023).
3. Вышинский А.Я. О проекте Декларации прав человека. Речь на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1948 г. // Вышинский А.Я. Вопросы международного права и международной политики. М., 1951. С. 367–379.
4. Защита прав человека в современном мире / отв. ред. И.А. Ледях. М., 1993.
5. Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации по правам человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное право. 2018. № 4 (125). С. 101, 102.
6. Исполинов А.С. Эволюция правового статуса оговорок: от «правила единогласия» Лиги Наций до Руководства Комиссии международного права по оговоркам 2011 г. // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 3. С. 149.
7. Карташкин В.А. 75-летие Всеобщей декларации прав человека и развитие международного права // Современное право. 2023. № 2. С. 93–100.
8. Карташкин В.А. Современное международное право и его основные принципы // Евразийский юрид. журнал. 2018. № 2 (117). С. 20.
9. Кудрявцев В.Н. Два мира — две концепции прав человека // Мировая экономика и междунар. отношения. 1986. № 1. С. 24–32.
10. Кудрявцев В.Н. Права человека и идеологическая борьба // Соц. законность. 1974. № 3. С. 3–8.
11. Кудрявцев В.Н. Право в правовом государстве // Соц. законность. 1989. № 1. С. 5–7.
12. Кудрявцев В.Н. Правовые грани свободы // Сов. государство и право. 1989. № 11. С. 3–9.
13. Кудрявцев В.Н. Равенство и равноправие. М., 2007.
14. Кудрявцев В.Н. Свобода слова. М., 2006.
15. Кудрявцев В.Н., Лукашева Е.А. Новое политическое мышление и права человека // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 30–34.
16. Лезина Е.В. Денацификация Западной Германии: 70 лет с момента завершения программы // Вестник общественного мнения. 2018. № 3–4 (127). С. 192.
17. Лукашева Е.А. Вспоминая академика В.Н. Кудрявцева // Академик В.Н. Кудрявцев: вклад в уголовное-правовое и криминологическое противодействие преступности (К 100-летию со дня рождения) // Государство и право. 2023. № 4. С. 38–41. DOI: 10.31857/S102694520024627-0
18. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 49, 50.
19. Маритен Ж. Человек и государство / пер. с англ. Т. Лифинцевой. М., 2000. С. 76, 79.

20. Мовчан А. П. Международная защита прав человека (Всеобщая декларация и проекты пактов о правах человека). М., 1958.
21. Мовчан А. П. Права человека и международные отношения. М., 1982. С. 42.
22. Права человека: учеб. / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2015.
23. Права человека: время трудных решений / отв. ред. И. А. Ледаев, М. М. Славин. М., 1991.
24. Права человека и межнациональные отношения / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1994.
25. Права человека и политическое реформирование (юридические, этические, социально-психологические аспекты) / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1997.
26. Права человека и правовое социальное государство в России / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2011.
27. Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2007.
28. Права человека и современное государственное развитие / отв. ред. А. Г. Светланов. М., 2007.
29. Права человека: итоги века, тенденции и перспективы / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2002.
30. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2000.
31. Права человека: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1990.
32. Проблема свободы и прав человека в современной идеологической борьбе / под ред. Д. А. Керимова, В. М. Чхиквадзе. М., 1986.
33. Проблемы свободы и прав человека в современной идеологической борьбе / отв. ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1986.
34. Развитие теории прав человека в советской правовой доктрине // Трансформация прав человека в современном мире / отв. ред. А. Н. Савенков. М., 2018. С. 108–128.
35. Речь Элеоноры Рузвельт: On the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights delivered 9 December 1948 in Paris, France. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/eleanorrooseveltdclarationhumanrights.htm> (дата обращения: 23.03.2023).
36. Сабо И. Идеологическая борьба и права человека / пер. с венг. М., 1981.
37. Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 155.
38. Савенков А. Н. Государство и право. Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021.
39. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов: в 6 т. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г. М., 1980. С. 459–500.
40. Социальное государство и защита прав человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1994.
41. США вернулись в состав Совета ООН по правам человека. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/> 12668709?ysclid=lfe65vq02d843688216 (дата обращения: 29.03.2023).
42. Сюкияйнен Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М., 2014. С. 127.
43. Трансформация прав человека в современном мире / отв. ред. А. Н. Савенков. М., 2018.
44. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 271–273.
45. Честнов И. Л. Универсальны ли права человека (полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека) // Правоведение. 1999. № 1. С. 82.
46. Чхиквадзе В. М. Всеобщая декларация прав человека и ее историческое значение (К 40-летию принятия) // Сов. государство и право. 1988. № 12. С. 86–94.
47. Чхиквадзе В. М. Кто препятствует развитию международного сотрудничества в области прав человека? // Сов. государство и право. 1986. № 4. С. 88–97.
48. Чхиквадзе В. М. Международные аспекты проблем прав человека // Права человека: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1990. С. 33.
49. Чхиквадзе В. М. Права человека и идеологическая борьба // Сов. государство и право. 1977. № 4. С. 100–108.
50. Чхиквадзе В. М. Социалистический гуманизм и права человека. М., 1978. С. 275.
51. Biddiscombe P. The Denazification of Germany 1945–48. The History Press, 2006.
52. Bradly C., Goldsmith J. Treaties, Human Rights and Conditional Consent. University of Pennsylvania Law Review. 2000. No. 2. P. 414, 415.
53. Cassese A. International Law in a Divided World. Oxford, 1986. P. 299.
54. Kim J. G., Howell J. M. Reservations as Devices for Avoiding International Obligations. In: Conflict of International Obligations and State Interests. Springer, Dordrecht, 1972. P. 31–42.
55. Lauterpacht H. Human rights, the Charter of the United Nations and the International Bill of the Rights of Man: preliminary report. International Law Association. Conference (43rd. 1948. Brussels).
56. Lauterpacht H. International Law and Human Rights. New York, 1950. P. 425.
57. Status of Ratification Interactive Dashboard. URL: <https://indicators.ohchr.org/> (дата обращения: 24.03.2023).

REFERENCES

1. Universal Declaration of Human Rights: Universalism and Diversity of Experiences: sat. art. М., 2009 (in Russ.).
2. Speech by Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. A. Ryabkov during the high-level segment of the 52nd session of the UN Human Rights Council, Geneva, March 2, 2023. 03.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/rossia-prava-celoveka/1856703/ (accessed: 30.03.2023) (in Russ.).
3. Vyshinsky A. Ya. On the draft Declaration of Human Rights. Speech at a meeting of the UN General Assembly on De-

- ember 9, 1948 // Vyshinsky A. Ya. Questions of International Law and international politics. M., 1951. P. 367–379 (in Russ.).
4. Protection of human rights in the modern world / ed. by I.A. Ledyakh. M., 1993 (in Russ.).
5. *Ispolinov A.S.* The legal status of the Universal Declaration on human rights (to the 70th anniversary of adoption) // Comparative Constitutional Law. 2018. No. 4 (125). P. 101, 102 (in Russ.).
6. *Ispolinov A.S.* Evolution of the legal status of reservations: from the “rule of unanimity” of the League of Nations to the Guidelines of the International Law Commission on Reservations 2011 // Law. HSE Journal. 2020. No. 3. P. 149 (in Russ.).
7. *Kartashkin V.A.* 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights and the development of International Law // Modern Law. 2023. No. 2. P. 93–100 (in Russ.).
8. *Kartashkin V.A.* Modern International Law and its basic principles // Eurasian legal journal. 2018. No. 2 (117). P. 20 (in Russ.).
9. *Kudryavtsev V.N.* Two worlds – two concepts of human rights // World economy and international relationships. 1986. No. 1. P. 24–32 (in Russ.).
10. *Kudryavtsev V.N.* Human rights and ideological struggle // Social legality. 1974. No. 3. P. 3–8 (in Russ.).
11. *Kudryavtsev V.N.* Law in a legal state // Social legality. 1989. No. 1. P. 5–7 (in Russ.).
12. *Kudryavtsev V.N.* Legal facets of freedom // Soviet State and Law. 1989. No. 11. P. 3–9 (in Russ.).
13. *Kudryavtsev V.N.* Equality and Equality. M., 2007 (in Russ.).
14. *Kudryavtsev V.N.* Freedom of speech. M., 2006 (in Russ.).
15. *Kudryavtsev V.N., Lukasheva E.A.* New political thinking and human rights // Questions of philosophy. 1990. No. 5. P. 30–34 (in Russ.).
16. *Lezina E.V.* Denazification of West Germany: 70 years since the completion of the program // Herald of Public Opinion. 2018. No. 3–4 (127). P. 192 (in Russ.).
17. *Lukasheva E.A.* Remembering academician V.N. Kudryavtsev // Academician V.N. Kudryavtsev: contribution to criminal law and criminological counteraction to crime (To the 100th anniversary of his birth) // State and Law. 2023. No. 4. P. 38–41. DOI: 10.31857/S102694520024627-0 (in Russ.).
18. *Lukasheva E.A.* Man, law, civilizations: normative and value dimension. M., 2009. P. 49, 50 (in Russ.).
19. *Mariten J.* Man and the State / transl. from English by T. Lifintseva. M., 2000. P. 76, 79 (in Russ.).
20. *Movchan A.P.* International protection of human rights (Universal Declaration and draft Covenants on Human Rights). M., 1958 (in Russ.).
21. *Movchan A.P.* Human rights and international relations. M., 1982. P. 42 (in Russ.).
22. Human rights: textbook / ed. by E.A. Lukasheva. M., 2015 (in Russ.).
23. Human rights: a time of difficult decisions / ed. by I.A. Ledyakh, M.M. Slavin. M., 1991 (in Russ.).
24. Human rights and Interethnic relations / ed. by E.A. Lukasheva. M., 1994 (in Russ.).
25. Human rights and political reform (legal, ethical, socio-psychological aspects) / ed. by E.A. Lukasheva. M., 1997 (in Russ.).
26. Human rights and the legal social state in Russia / res. ed. E.A. Lukasheva. M., 2011 (in Russ.).
27. Human rights and the processes of globalization of the modern world / res. ed. E.A. Lukasheva. M., 2007 (in Russ.).
28. Human rights and modern state-legal development / res. ed. A.G. Svetlanov. M., 2007 (in Russ.).
29. Human rights: the results of the century, trends and prospects / ed. by E.A. Lukasheva. M., 2002 (in Russ.).
30. Human rights as a factor in the strategy of sustainable development / res. ed. E.A. Lukasheva. M., 2000 (in Russ.).
31. Human rights: problems and prospects / red. ed. E.A. Lukasheva. M., 1990 (in Russ.).
32. The problem of freedom and human rights in the modern ideological struggle / ed. by D.A. Kerimov, V.M. Chkhikvadze. M., 1986 (in Russ.).
33. Problems of freedom and human rights in the modern ideological struggle / res. ed. V.M. Chkhikvadze. M., 1986 (in Russ.).
34. Development of the theory of human rights in the Soviet legal doctrine // Transformation of human rights in the modern world / res. ed. A.N. Savenkov. M., 2018. P. 108–128 (in Russ.).
35. Eleanor Roosevelt’s Speech: On the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights delivered on December 9, 1948 in Paris, France. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/eleanorrooseveltdclarationhumanrights.htm> (accessed: 23.03.2023) (in Russ.).
36. *Sabo I.* Ideological struggle and human rights / transl. from Hungarian. M., 1981 (in Russ.).
37. *Savenkov A.N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 155 (in Russ.).
38. *Savenkov A.N.* State and Law. Human Rights and the world order based on the Rule of Law: in 3 vols. M., 2021 (in Russ.).
39. The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941–1945: collection of documents: in 6 vols. Vol. 6: Berlin (Potsdam) Conference of the leaders of the three Allied powers – the USSR, the USA and Great Britain. July 17 – August 2, 1945. M., 1980. P. 459–500 (in Russ.).
40. The welfare state and the protection of human rights / ed. by E.A. Lukasheva. M., 1994 (in Russ.).
41. The United States returned to the UN Human Rights Council. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12668709?ysclid=lf65vq02d843688216> (accessed: 29.03.2023) (in Russ.).
42. *Syukiyainen L.R.* Islam and human rights in the dialogue of cultures and religions. M., 2014. P. 127 (in Russ.).
43. Transformation of human rights in the modern world / ed. by A.N. Savenkov. M., 2018 (in Russ.).
44. *Hayek F.* Law, legislation and freedom: modern understanding of liberal principles of justice and politics. M., 2006. P. 271–273 (in Russ.).

45. *Chestnov I.L.* Are human rights universal (polemical reflections on the Universal Declaration of Human Rights) // *Jurisprudence*. 1999. No. 1. P. 82 (in Russ.).
46. *Chkhikvadze V.M.* The Universal Declaration of Human Rights and its historical significance (To the 40th anniversary of its adoption) // *Soviet State and Law*. 1988. No. 12. P. 86–94 (in Russ.).
47. *Chkhikvadze V.M.* Who hinders the development of international cooperation in the field of human rights? // *Soviet State and Law*. 1986. No. 4. P. 88–97 (in Russ.).
48. *Chkhikvadze V.M.* International aspects of human rights problems // *Human rights: problems and prospects* / res. ed. E.A. Lukashova. M., 1990. P. 33 (in Russ.).
49. *Chkhikvadze V.M.* Human rights and ideological struggle // *Soviet State and Law*. 1977. No. 4. P. 100–108 (in Russ.).
50. *Chkhikvadze V.M.* Socialist humanism and human rights. M., 1978. P. 275 (in Russ.).
51. *Biddiscombe P.* The Denazification of Germany 1945–48. The History Press, 2006.
52. *Bradly C., Goldsmith J.* Treaties, Human Rights and Conditional Consent. *University of Pennsylvania Law Review*. 2000. No. 2. P. 414, 415.
53. *Cassese A.* *International Law in a Divided World*. Oxford, 1986. P. 299.
54. *Kim J.G., Howell J.M.* Reservations as Devices for Avoiding International Obligations. In: *Conflict of International Obligations and State Interests*. Springer, Dordrecht, 1972. P. 31–42.
55. *Lauterpacht H.* Human rights, the Charter of the United Nations and the International Bill of the Rights of Man: preliminary report. *International Law Association. Conference (43rd 1948. Brussels)*.
56. *Lauterpacht H.* *International Law and Human Rights*. New York, 1950. P. 425.
57. Status of Ratification Interactive Dashboard. URL: <https://indicators.ohchr.org/> (accessed: 24.03.2023).

Сведения об авторах**Authors' information**

САВЕНКОВ Александр Николаевич —
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист РФ,
 директор Института государства и права
 Российской академии наук,
 главный редактор журнала
 «Государство и право» РАН;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

SAVENKOV Alexander N. —
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Honored Lawyer of the Russian Federation,
 Director of the Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences,
 Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

КОЛОТОВА Наталья Валерьевна —
 кандидат юридических наук, доцент,
 ведущий научный сотрудник,
 и.о. заведующей сектором прав человека
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

KOLOTOVA Natalia V. —
 PhD in Law, Associate Professor,
 Leading Researcher, Acting Head
 of the Sector of Human Rights,
 Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ВОЗМЕЩЕНИЕ ПОТЕРЬ И СТРАХОВАНИЕ: СУЩНОСТЬ, СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ИНСТИТУТОВ

© 2023 г. И. В. Климов

Государственная корпорация «Ростех», г. Москва

E-mail: ivk1989@mail.ru

Поступила в редакцию 01.09.2023 г.

Аннотация. В статье сравнивается институт возмещения потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств, с договором имущественного страхования. Отмечается определенная экономическая тождественность рассматриваемых правоотношений, при этом обращается внимание на имеющиеся между ними экономические отличия и специфику правового регулирования.

Ключевые слова: возмещение потерь, страхование, indemnity.

Цитирование: Климов И.В. Возмещение потерь и страхование: сущность, сходства и различия институтов // Государство и право. 2023. № 11. С. 124–131.

DOI: 10.31857/S102694520028490-0

REIMBURSEMENT OF LOSSES AND INSURANCE: ESSENCE, SIMILARITIES AND DIFFERENCES

© 2023 I. V. Klimov

Rostec State Corporation, Moscow

E-mail: ivk1989@mail.ru

Received 01.09.2023

Abstract. The article compares the institution of reimbursement of losses incurred in the event of the occurrence of circumstances specified in the contract with the property insurance contract. Certain economical similarity of the considered legal relationships is mentioned, as well as existing economical differences and specifics of legal regimes are reflected.

Key words: reimbursement of losses, insurance, indemnity.

For citation: Klimov, I.V. (2023). Reimbursement of losses and insurance: essence, similarities and differences // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 124–131.

В 2015 г. в Гражданский кодекс РФ была включена ст. 406¹, содержащая нормы о возмещении потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств.

Легальное определение возмещения потерь содержится в п. 1 данной статьи, согласно которому стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут своим соглашением предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств и не связанные с нарушением обязательства его стороной¹.

Правоведы, занимающиеся проблематикой возмещения потерь, сходятся во мнении, что возмещение потерь представляет собой инструмент распределения предпринимательского риска между сторонами договорного обязательства².

В юридической литературе отмечается, что экономическая сущность возмещения потерь заключается во «внутреннем страховании»³. А.Л. Маковский, называя возмещение потерь «институтом, аналогичным страхованию», отмечал, что включение в Гражданский кодекс РФ положений о возмещении потерь является новым подходом к некоторым позициям гражданского права: устраняется разделение ответственности и риска; сторона договора с безупречным поведением принимает на себя возмездное несение риска за последствия, никак не связанные с ее поведением (т.е. появляется институт, аналогичный страхованию)⁴.

В пользу тесной связи возмещения потерь и страхования косвенно свидетельствует также тот факт, что в праве Англии indemnity (т.е. условный аналог возмещения потерь) представляет собой базис договора страхования (insurance contract). Найти подтверждение данного тезиса можно в деле

Castellain v Preston, где суд выразился следующим образом: «договор страхования... представляет собой договор об indemnity и только его»⁵.

Указанное обстоятельство порождает интерес к сопоставлению возмещения потерь с известным отечественному гражданскому праву и гораздо более разработанным институтом страхования.

Исторически одним из первых видов страхования на пути развития человечества было страхование жизни. Как отмечал Ю.Б. Фогельсон, еще в V в. до н.э. в Древнем Риме встречались погребальные коллегии⁶. Появление коллегий было обусловлено дороговизной похоронного обряда и обременительностью расходов на погребение для семей усопших. Имущество погребальных коллегий формировалось за счет взносов жителей и размещения средств под процент, что позволяло создать достаточную материальную базу для выплат в пользу семьи члена коллегии в случае смерти последнего.

И.И. Степанов, уделяя внимание вопросу появления страхования в Российской Империи, обращал внимание на то, что морское страхование появилось раньше других видов страхования. Первые упоминания о морском страховании встречались в Уставе Купеческого Водохозяйства от 23 ноября 1781 г.⁷ Затем появились страхование от огня (1786 г.), страхование жизни (1835 г.); другие разновидности страхования хотя и существовали, однако их практика была развита слабо⁸.

Применительно ко всем видам страхования И.И. Степанов рассматривал страховой договор прежде всего как «способ передачи риска» и «средство, при помощи которого страхователь ставит страховщика, по отношению к застрахованной вещи, в то положение, которое он занимал бы при самостраховании»⁹.

В условиях экономического строя Российской Империи Г.Ф. Шершеневич указывал, что страхование имеет целью «обеспечить частное хозяйство от убытка, который может быть причинен ему каким-нибудь чрезвычайным событием»¹⁰. В качестве одного из признаков договора страхования

¹ Приведенная норма также содержит в себе неисчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут послужить основанием для возмещения потерь (потери, вызванные невозможностью исполнения обязательства, предъявлением требований третьими лицами или органами государственной власти к стороне или к третьему лицу, указанному в соглашении, и т.п.).

² См., напр.: *Четырус Е.И.* Возмещение потерь, не связанных с нарушением обязательств // Журнал рос. права. 2016. № 9. С. 43; *Василевская Л.Ю.* Возмещение потерь по российскому и прецедентному праву // Lex russica. 2017. № 5. С. 202.

³ Договорное и обязательственное право (общая часть):口袋ейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. С. 738.

⁴ См.: *Маковский А.Л.* Об уроках реформирования Гражданского кодекса России // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 162. Следует оговориться, что указанная публикация в своей основе имеет стенограмму лекции, прочитанной 12.04.2013 г. на «Сенатских чтениях» в Конституционном Суде РФ.

⁵ (1883) 11 Q.B.D. 380.

⁶ См.: *Фогельсон Ю.Б.* Страхование: теоретические основы и практика применения. М., 2012. С. 14.

⁷ См.: *Степанов И.* Опыт теории страхового договора. Казань, 1875. Введение. С. 20.

⁸ См.: там же. С. 21, 22.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. 11-е изд. М., 1915. С. 490.

при этом выделялся «перенос страха за потери в известном хозяйстве с хозяина на других»¹¹.

В советский период В.К. Райхер, как представляется, в определенной степени находясь под влиянием идеологических аспектов эпохи, основную функцию страхования усматривал в восстановлении производительных сил социалистического общества, разрушаемых стихийными бедствиями и несчастными случаями¹². Нельзя, однако, не отметить, что в советское время другие исследователи усматривали в страховании механизм распределения рисков. В частности, В.И. Серебровский указывал, что «тот ущерб, который данное хозяйство или человек могут понести от известной опасности, распределяется между несколькими хозяйствами или группами людей...»¹³.

Распределение риска причисляется к неотъемлемым атрибутам договора страхования и современными цивилистами. Так, например, Р.Р. Тузова полагает, что страховое правоотношение не может возникнуть в условиях отсутствия риска¹⁴. Ю.Б. Фогельсон определяет роль страхования в гражданском обороте следующим образом: «защита интересов частных лиц путем распределения рисков между многими лицами и выплат денежной суммы тому из них, которому причинен вред»¹⁵. А.А. Иванов рассматривал договор страхования через призму услуги, которая воплощается в несении страхователем страхового риска¹⁶.

Действующее гражданское законодательство не содержит общего определения договора страхования (в том числе посредством раскрытия его предмета). Вместе с тем п. 1 ст. 927 ГК РФ предусматривает, что страхование осуществляется на основании договоров имущественного или личного страхования и раскрывает сущность указанных видов страхования через определение их предмета (п. 1 ст. 929 и п. 1 ст. 934 ГК РФ соответственно)¹⁷.

¹¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е изд. С. 491.

¹² См.: Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М., Л., 1947. С. 177.

¹³ Серебровский В.И. Очерки советского страхового права // Серебровский В.И. Избр. труды. М., 1997. С. 275.

¹⁴ См.: Тузова Р.Р. Чем отличается страховой интерес от страхового риска // Вестник ВАС РФ. 2001. № 1. С. 34.

¹⁵ Фогельсон Ю.Б. Указ. соч. С. 20.

¹⁶ См.: Гражданское право: учеб.: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М., 2007. Т. 2. С. 591 (автор главы — А.А. Иванов).

¹⁷ В отличие от российского права английское право не подразумевает разделения страхования на имущественное и личное. При этом английскому страховому праву известно деление договоров страхования на договоры, построенные по принципу indemnity (indemnity insurance), и договоры, в которых данный принцип не используется (non-indemnity

insurance). Ю.Б. Фогельсон отмечал, что характер застрахованного интереса, а именно наличие либо отсутствие связи с возможными убытками, не может использоваться в качестве «водораздела» между имущественным страхованием и личным страхованием. По его мнению, совершенно очевидно, что объектом имущественного страхования могут быть только интересы, связанные с убытками. В случае с личным страхованием страхуемый интерес может быть как связан с убытками (в частности, медицинское страхование, в рамках которого возмещаются расходы на лечение), так и не связан с ними (может быть, в частности, связан со смертью застрахованного лица, но не порождать убытков¹⁸). В юридической литературе выделяются и иные договоры личного страхования, в которых страховой интерес никак не связан с вредом либо убытками¹⁹.

Ю.Б. Фогельсон предлагает разделять рассматриваемые виды страхования по характеру блага, причинение вреда которому является страховым случаем по договору: в отношении имущественного страхования таким благом выступает имущество, применительно к личному страхованию — личное нематериальное благо²⁰.

Поскольку законодатель обусловил использование возмещения потерь предпринимательским характером отношений сторон и наличием экономически базового обязательства, становится очевидным, что сходством с возмещением потерь обладает в первую очередь договор имущественного страхования. В этой связи для целей дальнейшего сравнительного анализа страхования и возмещения потерь во внимание прежде всего будет приниматься договор имущественного страхования.

insurance). Большинство договоров страхования входят в первую группу и характеризуются недопустимостью выплаты чрезмерной компенсации в пользу застрахованного лица, а также наличием у страхователя права на суброгацию. Для договоров страхования второй группы характерна выплата паушальной суммы при наступлении определенного события, не зависящей от действительного размера понесенных потерь (см. подр.: Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 № 202/оп-1/2020) // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ Следует оговориться, что существуют договоры страхования на случай смерти, в которых страховой интерес имеет тесную связь с убытками (например, страхование жизни в кредитных правоотношениях).

¹⁹ В качестве примера можно привести договоры, в которых в качестве страхового случая выступает достижение до определенного возраста либо вступление в брак (см.: Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Страховой интерес в кредитных отношениях: правовая природа и особенности реализации // Банковское право. 2022. № 5. С. 48–58).

²⁰ См.: Фогельсон Ю.Б. Указ. соч. С. 53, 54.

Сходства между возмещением потерь и страхованием выражаются в следующем. Во-первых, как и возмещение потерь, институт страхования в своей основе строится на перераспределении рисков наступления определенных событий. Таким образом, категория риска, вокруг которой строится возмещение потерь, занимает центральное место и в страховании.

Во-вторых, и в отношении по возмещению потерь, и в отношении по страхованию кредитор вправе претендовать на получение компенсации лишь в размере ущерба, нанесенного его имущественной сфере. Применительно к страхованию законодатель в п. 1 ст. 929 ГК РФ последовательно говорит о возмещении «убытков», тем самым ориентируя на применении правил их подсчета и доказывания (включая ст. 15 и 393 ГК РФ).

Что касается возмещения потерь, то согласно абз. 3 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»²¹ (далее — Постановление Пленума ВС РФ) возмещение потерь допускается только при условии, что потери уже понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем. Принципиальная идентичность подходов к правовому регулированию связана с общей функциональной направленностью обоих правовых инструментов, которая выражается в полном или частичном восстановлении (но не улучшении) имущественной сферы уполномоченного лица путем осуществления в его адрес выплаты на оговоренных в договоре условиях.

В-третьих, наличие пороков в поведении уполномоченного лица в части его отношения к наступлению события, влекущего для него неблагоприятные имущественные последствия, по общему правилу освобождает должника от необходимости осуществления выплаты как в рамках возмещения потерь, так и в страховом правоотношении. В части возмещения потерь речь идет о событии-основании, с наступлением которого стороны связали возникновение обязательства возместить потери, в страховом правоотношении — о страховом случае.

Применительно к страхованию принципы учета поведения кредитора в контексте наступления страхового случая закреплены в абз. 1 п. 1 ст. 963 ГК РФ, которая в качестве общего правила освобождает страховщика от выплаты страхового возмещения или страховой суммы, если страховой случай наступил *вследствие умысла страхователя*, выгодоприобретателя или застрахованного лица. Из этого правила существуют некоторые исключения.

В частности, абз. 2. п. 1 ст. 963 ГК РФ допускает установление законом случаев освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения при наступлении страхового случая вследствие *грубой неосторожности* страхователя или выгодоприобретателя. В развитие данной нормы в ст. 265 Кодекса торгового мореплавания РФ закрепляется, что страховщик не несет ответственность за убытки, причиненные умышленно *или по грубой неосторожности* страхователя или выгодоприобретателя либо его представителя.

В отношении возмещения потерь Постановление Пленума ВС РФ (п. 15) предусматривает признание ненаступившим обстоятельства, являющегося основанием для возмещения потерь, в случае недобросовестного содействия наступлению обстоятельства кредитором.

В-четвертых, как в отношении по возмещению потерь, так и в отношении по страхованию лицо, осуществившее выплату возмещения за третье лицо — причинителя убытков, имеет суброгационное право к такому третьему лицу²² (п. 4 ст. 406¹ ГК РФ; п. 1 ст. 965 ГК РФ).

Следует оговориться, что соответствующая норма в главе о страховании сформулирована как диспозитивная и позволяет исключить суброгацию соглашением сторон (кроме случая умышленного причинения убытков), а норма в отношении возмещения потерь не содержит прямого указания на диспозитивность. Отсутствие аналогичной оговорки в отношении суброгации при возмещении потерь представляется технической неточностью. Очевидно, не имеется политико-правовых оснований для ограничения автономии воли сторон отношений по возмещению потерь на исключение суброгации, особенно в тех условиях, когда такая опция имеется в куда более зарегулированном институте страхования. На наш взгляд, в целях правовой определенности рассматриваемые положения п. 4 ст. 406¹ ГК РФ имело бы смысл уточнить путем прямого указания на их диспозитивность (при этом, как и в случае со страхованием, возможность исключить соглашением сторон переход права требования к лицу, умышленно причинившему потери, не следует допускать с учетом положений п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Статья 965 ГК РФ, посвященная суброгации в отношении страхования, предусматривает и иные весьма справедливые положения, которые, на наш взгляд, актуальны для суброгации в рамках возмещения потерь. В частности, для обеспечения

²¹ См.: Росс. газ. 2016. 4 апр.

²² В отношении суброгации в страховании см., напр.: Ждан-Пушкина Д.А. Основания, принципы и процедура суброгации в английском и российском страховом праве // Юрид. и правовая работа в страховании. 2012. № 3. С. 83–93.

возможности реализации лицом, осуществившим возмещение потерь, перешедшего к нему права требования к третьему лицу, чьи неправомерные действия повлекли потери, справедливо было бы установить обязанность получившего возмещение потерь лица обеспечить передачу новому кредитору всех документов и доказательств и сообщить ему все сведения, необходимые для осуществления перешедшего к нему права требования (по аналогии с п. 3 ст. 965 ГК РФ).

Кроме того, весьма оправданной выглядит норма п. 4 ст. 965 ГК РФ, которая освобождает страховщика от выплаты страхового возмещения (наделяет его правом получить обратно выплаченное страховое возмещение) в том случае, если страхователь (выгодоприобретатель) отказался от своего права требования к лицу, ответственному за убытки, возмещенные страховщиком, или осуществление этого права стало невозможным по вине страхователя (выгодоприобретателя). Как представляется, если придерживаться логики о возмещении потерь как о «внутреннем страховании», лицо, обязанное возместить потери по правилам ст. 406¹ ГК РФ, должно получать аналогичную правовую защиту.

Разумеется, несмотря на существенную экономическую тождественность институтов возмещения потерь и страхования, между их правовыми режимами имеются различия. Остановимся на ключевых из них. Во-первых, исходя из формулировки положений п. 1 ст. 406¹ ГК РФ, возмещение потерь всегда предполагает наличие между сторонами иного, экономически первичного обязательства, тогда как страховое правоотношение в большинстве случаев является экономически самостоятельным обязательством²³.

От данного различия производна, в частности, разница в подходах к осуществлению денежной выплаты уполномоченным лицом в пользу обязанного лица (должника). Неотъемлемым атрибутом договора страхования является страховая премия, т.е. плата за страхование, которую страхователь (выгодоприобретатель) обязан уплатить страховщику в порядке и в сроки, которые установлены договором страхования (п. 1 ст. 954 ГК РФ). Ввиду отсутствия между сторонами иного (экономически базового) обязательства, при отсутствии страховой премии страхование утрачивало бы для страховщика всяческий смысл. Применительно к возмещению

потерь законодательство не содержит положений о выплате той или иной суммы в адрес обязанной стороны. Причиной тому служит тот факт, что на практике принятие одной из сторон на себя обязательства по возмещению потерь не предполагает выплату премии обязанному лицу, но тем или иным образом учитывается в цене либо иных условиях экономически базового договора²⁴. В то же время не усматривается аргументов против возможности включения в соглашение сторон о возмещении потерь обязательства выплаты премии в пользу стороны, которая взяла на себя обязательство по возмещению потерь.

Во-вторых, законодатель по-разному подходит к регламентации субъектного состава сравниваемых правоотношений. По общему правилу, с учетом точечных исключений, согласно п. 5 ст. 406¹ ГК РФ, в обязательстве по возмещению потерь фигурируют стороны, действующие при осуществлении предпринимательской деятельности. Исходя из смысла отношений по возмещению потерь, стороны такого обязательства должны быть связаны иным (экономически базовым) обязательством, что обуславливает наличие у кредитора по возмещению потерь определенного имущественного интереса, вытекающего из базового обязательства.

В отношении страхования императивно устанавливается, что на стороне страховщика могут выступать лишь юридические лица, имеющие разрешения (лицензии) на осуществление страхования соответствующего вида (абз. 1 п. 1 ст. 938 ГК РФ). В отношении правового статуса страхователя закон в качестве генерального правила предусматривает лишь необходимость наличия у страхователя (выгодоприобретателя) имущественного (страхового) интереса²⁵ (п. 1, 2 ст. 929; п. 1 ст. 930 ГК РФ). Применительно к отдельным видам страхования устанавливают иные требования к стороне страхователя. В частности, ст. 933 ГК РФ

²⁴ Любопытно в данном отношении провести параллели с регулированием опционного договора, в рамках которого за право заявить требование по опционному договору сторона *по общему правилу* уплачивает предусмотренную договором денежную сумму своему контрагенту (п. 2 ст. 429³ ГК РФ). Названное общее правило, как представляется, обусловлено тем фактом, что опционный договор зачастую является экономически самостоятельным первичным обязательством между сторонами.

²⁵ Категория страхового интереса и вовсе является краеугольным камнем института страхования. Так, Е.Н. Гендзехадзе отмечала, что страховой интерес «предопределяет возможность существования института страхования» (см.: Страхование от А до Я / под ред. Л.И. Корчевской, К.Е. Турбиной. М., 1996. С. 85). Подробнее в отношении страхового интереса см., напр.: Райхер В.К. Указ. соч. С. 245–254; Серебровский В.И. Страховой интерес в Гражданском кодексе // Право и жизнь. 1924. № 2. С. 18; Гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. II, п/т. 2 / под ред. Е.А. Суханова. М., 2000. С. 168; Шихов А.К. Страховое право: учеб. пособие. М., 2003. С. 14.

²³ Заявленный тезис не исключает возможности использования страхования в качестве способа обеспечения исполнения обязательств (см. подр.: Каримуллина А.Э. Договор страхования как особый способ обеспечения исполнения обязательства по кредитному договору // Банковское право. 2022. № 3. С. 55–60; Степин М.Г. Особенность договора страхования в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательств по российскому праву // Право. Журнал ВШЭ. 2022. № 1. С. 96–114).

(страхование предпринимательского риска) предусматривает, что по соответствующему договору может быть застрахован предпринимательский риск только самого страхователя. Приведенная формулировка предполагает, что страхователем может выступать лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность.

Таким образом, существенным различием между возмещением потерь и страхованием в контексте субъектного состава является наличие в страховании на стороне должника (страховщика) специализированной организации с лицензией Центрального банка РФ.

В-третьих, различны законодательные требования к форме соответствующих договоров. В отношении страхования закон (п. 1 ст. 940 ГК РФ) предусматривает обязательную письменную форму договора, последствием несоблюдения которой является его недействительность. В отношении возмещения потерь законодатель прямо не устанавливает требования об обязательной письменной форме, однако с учетом требований к субъектному составу на практике в большинстве случаев отдельное соглашение о возмещении потерь (либо договор, в который будут включены условия о возмещении потерь) потребует простой письменной формы с учетом положений ст. 161 ГК РФ.

В-четвертых, нормы Гражданского кодекса РФ предписывают сторонам договора страхования определить предельную сумму (страховая сумма), которую страховщик выплачивает страхователю при наступлении страхового случая (п. 1 ст. 947). Применительно к страхованию предпринимательского риска, если договором страхования не предусмотрено иное, страховая сумма определяется исходя из убытков, которые страхователь, как можно ожидать, понес бы при наступлении страхового случая (абз. 3 п. 2 ст. 947). Касаемо обязательства по возмещению потерь, законодательство прямо не предписывает сторонам устанавливать предельный размер возмещения; в данном случае законодатель ограничился указанием на необходимость определения размера возмещения таких потерь или порядка его определения (п. 1 ст. 406¹ ГК РФ). Более того, согласно абз. 4 п. 15 Постановления Пленума ВС РФ стороны вправе установить, в частности, такой порядок определения размера потерь, по которому одна из сторон возмещает другой *все возникшие у нее потери*, вызванные соответствующими обстоятельствами, или их часть. Тем самым Пленум Верховного Суда РФ недвусмысленно подтвердил возможность не указывать предельный размер компенсации, выплачиваемой в рамках возмещения потерь.

Отсутствие рассматриваемого ограничения применительно к возмещению потерь, по всей

видимости, связано со следующим. Должник по возмещению потерь, будучи стороной экономически базового обязательства между сторонами, имеет возможность оценить ожидаемый размер потенциальных потерь; кроме того, согласие должника отвечать за все возникшие потери (без ограничения их предельного размера) может быть результатом «пакетной договоренности» по условиям экономически базового обязательства. Применительно к страхованию, в целях защиты публичного интереса, законодатель предписывает устанавливать предельный размер компенсации страхователю, а также предусматривает общие подходы к его определению (п. 2 ст. 947 ГК РФ). Публичный интерес в данном случае заключается в необходимости защиты имущественного положения страховщиков, поскольку их деятельность предполагает аккумулирование значительных денежных средств от субъектов гражданского оборота (включая физических лиц) и поддержание необходимой платежеспособности для совершения выплат при наступлении страховых случаев. О важнейшем значении сохранения финансовой устойчивости страховой организации с учетом привлечения значительных объемов ликвидности и участия в функционировании всей финансовой системы справедливо заявляет Ю.Б. Фогельсон²⁶.

Судя по всему, теми же соображениями обеспечения публичного интереса руководствовался законодатель при возложении на страхователя обязанности сообщать страховщику известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска), если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику (п. 1 ст. 944 ГК РФ).

Наконец, в-пятых, имеющееся регулирование возмещения потерь и страхования различается по вопросу обязанности управомоченного лица минимизировать возникшие убытки (потери). Согласно положениям п. 1 ст. 962 ГК РФ при наступлении страхового случая, предусмотренного договором имущественного страхования, страхователь обязан принять разумные и доступные в сложившихся обстоятельствах меры, чтобы уменьшить возможные убытки. Неисполнение страхователем названного обязательства чревато для него отказом в возмещении соответствующих убытков (п. 3 ст. 962).

В отношении же лица, управомоченного на возмещение потерь по правилам ст. 406¹ ГК РФ, такие высокие поведенческие стандарты в виде обязанности уменьшать возникшие потери нормативно не установлены. Законом (п. 2 ст. 406¹ ГК РФ)

²⁶ См.: Фогельсон Ю.Б. Указ. соч. С. 26.

установлено лишь право суда уменьшить размер возмещения потерь, если доказано, что сторона *умышленно содействовала увеличению размера потерь*. Исходя из идентичной функциональной направленности сравниваемых правовых конструкций, заключающейся в договорном перераспределении рисков, Р.С. Зардов считает уместным применение положений ст. 962 ГК РФ (обязанность страхователя уменьшать убытки и соответствующие последствия за ее неисполнение) и к отношениям по возмещению потерь²⁷. Мы не разделяем указанную точку зрения: положения об обязанности лица, управомоченного на возмещение потерь, минимизировать размер таких потерь не были включены в Гражданский кодекс РФ и Постановление Пленума ВС РФ вполне осознанно. Косвенно наш тезис подтверждается формулировками уже упомянутого п. 2 ст. 406¹ ГК РФ, из которого однозначно усматривается следующее: (1) умышленное содействие стороной увеличению размера потерь — единственное основание для уменьшения размера присуждаемых судом потерь; и (2) бремя доказывания наличия умышленного увеличения размера потерь возложено на должника по обязательству по возмещению потерь.

Вероятно, при формировании такого подхода во внимание принималось регулирование механизма indemnity по английскому праву, в котором по общему правилу обязательство управомоченного лица минимизировать потери (losses) отсутствует. Так, в сравнительно недавнем деле *ABM Amro Commercial Finance plc v Ambrose McGinn and others*²⁸ Суд констатировал, что к indemnity не применяются правила минимизации потерь (mitigation). К аналогичным выводам в рамках другого дела ранее пришел судья Высокого суда Англии и Уэльса: «Насколько мне известно, нормы права исходя из того, что вопросы снижения размера потерь (mitigation) применительно к договорам indemnity не возникают...»²⁹.

* * *

Подводя итоги, отметим следующее. Механизм возмещения потерь, подобно институту страхования, имеет в своей основе категорию риска, и использование названного механизма направлено на перераспределение риска, между сторонами обязательства. В этой связи весьма уместной представляется характеристика механизма возмещения потерь

как «внутреннего страхования». Однако специфика возмещения потерь (использование исключительно сторонами основного, экономически базового договора) влечет определенные особенности его законодательной регламентации по сравнению с традиционным институтом страхования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баттахов П. П., Овчинникова Ю. С. Страховой интерес в кредитных отношениях: правовая природа и особенности реализации // Банковское право. 2022. № 5. С. 48–58.
2. Василевская Л. Ю. Возмещение потерь по российскому и прецедентному праву // Lex russica. 2017. № 5. С. 202.
3. Гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. II, п/т. 2 / под ред. Е.А. Суханова. М., 2000. С. 168.
4. Гражданское право: учеб.: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М., 2007. Т. 2. С. 591 (автор главы — А.А. Иванов).
5. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. С. 738.
6. Ждан-Пушкина Д.А. Основания, принципы и процедура суброгации в английском и российском страховом праве // Юридическая и правовая работа в страховании. 2012. № 3. С. 83–93.
7. Зардов Р.С. К вопросу о соотношении возмещения потерь, предусмотренных статьей 406.1 Гражданского кодекса РФ, с институтом страхования // Право и экономика. 2018. № 7. С. 17–24.
8. Каримуллина А. Э. Договор страхования как особый способ обеспечения исполнения обязательства по кредитному договору // Банковское право. 2022. № 3. С. 55–60.
9. Маковский А.Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса России // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 162.
10. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. М., Л., 1947. С. 177, 245–254.
11. Серебровский В.И. Очерки советского страхового права // Серебровский В.И. Избр. труды. М., 1997. С. 275.
12. Серебровский В.И. Страховой интерес в Гражданском кодексе // Право и жизнь. 1924. № 2. С. 18.
13. Степанов И. Опыт теории страхового договора. Казань, 1875. Введение. С. 9, 20–22.
14. Степин М.Г. Особенность договора страхования в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательств по российскому праву // Право. Журнал ВШЭ. 2022. № 1. С. 96–114.
15. Страхование от А до Я / под ред. Л.И. Корчевской, К.Е. Турбиной. М., 1996. С. 85.
16. Тузова Р.Р. Чем отличается страховой интерес от страхового риска // Вестник ВАС РФ. 2001. № 1. С. 34.

²⁷ См.: Зардов Р.С. К вопросу о соотношении возмещения потерь, предусмотренных статьей 406.1 Гражданского кодекса РФ, с институтом страхования // Право и экономика. 2018. № 7. С. 17–24.

²⁸ См.: [2014] EWHC1674 (Comm).

²⁹ Codemasters Software v Automobile Club de L'Ouest [2009] EWHC2361.

17. *Фогельсон Ю.Б.* Страховое право: теоретические основы и практика применения. М., 2012. С. 14, 20, 26, 53, 54.
18. *Четырус Е.И.* Возмещение потерь, не связанных с нарушением обязательств // Журнал рос. права. 2016. № 9. С. 43.
19. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. 11-е изд. М., 1915. С. 490, 491.
20. *Шихов А.К.* Страховое право: учеб. пособие. М., 2003. С. 14.
8. *Karimullina A.E.* Insurance contract as a special way to ensure the fulfillment of obligations under a credit agreement // Banking Law. 2022. No. 3. P. 55–60 (in Russ.).
9. *Makovsky A.L.* On the lessons of reforming the Civil Code of Russia // Herald of Civil Law. 2013. No. 5. P. 162 (in Russ.).
10. *Reicher V.K.* Socio-historical types of insurance. М., L., 1947. P. 177, 245–254 (in Russ.).
11. *Serebrovsky V.I.* Essays on Soviet Insurance Law // Serebrovsky V.I. Selected works. М., 1997. P. 275 (in Russ.).
12. *Serebrovsky V.I.* Insurance interest in the Civil Code // Law and life. 1924. No. 2. P. 18 (in Russ.).
13. *Stepanov I.* Experience in the theory of the insurance contract. Kazan, 1875. Introduction. P. 9, 20–22 (in Russ.).
14. *Stepin M.G.* Features of an insurance contract as an unnamed means of ensuring the fulfillment of obligations under Russian law // Law. HSE Journal. 2022. No. 1. P. 96–114 (in Russ.).
15. Insurance from A to Z / ed. by L.I. Korchevskaya, K.E. Turbina. М., 1996. P. 85 (in Russ.).
16. *Tuzova R.R.* What is the difference between insurance interest and insurance risk // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2001. No. 1. P. 34 (in Russ.).
17. *Fogelson Yu. B.* Insurance Law: theoretical foundations and practical application. М., 2012. P. 14, 20, 26, 53, 54 (in Russ.).
18. *Chetyrus E.I.* Compensation of losses related to breach of obligations // Journal of Russ. law. 2016. No. 9. P. 43 (in Russ.).
19. *Shershenovich G.F.* Textbook of Russian Civil Law. 11th ed. М., 1915. P. 490, 491 (in Russ.).
20. *Shikhov A.K.* Insurance Law: textbook. М., 2003. P. 14 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Volosov P.P., Ovchinnikova Yu.S.* Insurance interest in credit relations: the legal nature and features of implementation // Banking Law. 2022. No. 5. P. 48–58 (in Russ.).
2. *Vasilevskaya L. Yu.* Compensation for damages in Russian and case law // Lex russica. 2017. No. 5. P. 202 (in Russ.).
3. Civil Law: textbook: in 2 vols. Vol. II, half volume 2 / ed. by E.A. Sukhanov. М., 2000. P. 168 (in Russ.).
4. Civil Law: textbook: in 3 vols. 4th ed., reprint and add. / ed. by A.P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. М., 2007. Vol. 2. P. 591 (the author of the chapter is A.A. Ivanov) (in Russ.).
5. Contract and Obligation Law (General part): article-by-article commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / ed. by A.G. Karapetov. М., 2017. P. 738 (in Russ.).
6. *Zhdan-Pushkina D.A.* Fundamentals, principles and procedure of subrogation in English and Russian Insurance Law // Legal and legal work in insurance. 2012. No. 3. P. 83–93 (in Russ.).
7. *Zardov R.S.* On the question of the ratio of expenses provided for in Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation with the insurance institute // Law and Economics. 2018. No. 7. P. 17–24 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛИМОВ Игорь Викторович —
руководитель направления корпоративного
управления Департамента правового
обеспечения Государственной
корпорации «Ростех»;
119991 г. Москва, Гоголевский бульвар, д. 21
SPIN-код: 5570-3198

Authors' information

KLIMOV Igor V. —
Head of Corporate Governance of the Department
of Legal Support, Rostec State Corporation;
21 Gogolevsky Boulevard, 119991 Moscow, Russia

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ
И ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

© 2023 г. М. М. Долгиева

Генеральная прокуратура Российской Федерации, г. Москва

E-mail: novator111@mail.ru

Поступила в редакцию 18.11.2022 г.

Аннотация. Различия в определениях цифровых финансовых активов, цифровой валюты и криптовалюты вызывают затруднения не только у правоприменителей, но и в науке уголовного права. Исследование автора показало, что термин «криптовалюта» не входит в понятие цифровой валюты и тем более криптовалюты не являются цифровыми финансовыми активами. Криптовалюты определены автором как виртуальный актив, который может являться объектом финансовой деятельности и вместе с цифровыми правами и цифровой валютой все виды виртуальных активов вовлечены в денежный оборот, и, соответственно, отношения, складывающиеся в данной сфере, подлежат уголовно-правовой охране как разновидность финансовой деятельности. Автор обосновывает вывод о том, что в перечень объектов, охраняемых уголовным законом, должны быть включены экономические (финансовые) отношения, частью которых являются правоотношения в сфере оборота виртуальных активов. Определено место таким правоотношениям в разделе преступлений против экономики.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровые права, криптовалюта, виртуальные активы, финансовые преступления.

Цитирование: Долгиева М.М. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Государство и право. 2023. № 11. С. 132–138.

DOI: 10.31857/S102694520023126-9

CRIMINAL LAW PROTECTION OF PUBLIC RELATIONS
IN THE FIELD OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS
AND DIGITAL CURRENCY

© 2023 М. М. Dolgieva

Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow

E-mail: novator111@mail.ru

Received 18.11.2022

Abstract. Differences in the definitions of digital financial assets, digital currency and cryptocurrencies cause difficulties not only for law enforcement officers, but also in the science of Criminal Law. The author's research has shown that the term "cryptocurrency" is not included in the concept of digital currency, and moreover cryptocurrencies are not digital financial assets. Cryptocurrencies are defined by the author as a virtual asset that can be an object of financial activity and, together with digital rights and digital currency, all types of virtual assets are involved in monetary circulation, and, accordingly, the relations that develop in this area are subject to criminal protection as a type of financial activity. The author substantiates the conclusion that the list of objects protected by criminal law should include economic (financial) relations, part of which are legal relations in the sphere of turnover of virtual assets. The place of such legal relations in the section of crimes against the economy has been determined.

Key words: digital financial assets, digital currency, digital rights, cryptocurrency, virtual assets, financial crimes.

For citation: Dolgieva, M.M. (2023). Criminal law protection of public relations in the field of digital financial assets and digital currency // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 132–138.

Правовая терминология отличается обилием новых понятий и определений, не всегда содержащихся в законодательстве, но активно обсуждаемых в прессе, науке и на практике. При этом большинство правоприменителей (да и в научных кругах) не всегда видят разницу в используемых понятиях, а потому совершенно различные термины зачастую употребляются в едином контексте, подразумевая одно и то же. Это становится очевидным в ходе исследования научных трудов или изучая работу правоохранительных органов, когда можно определить и понять глубину проблемы. Указанная автором ситуация в первую очередь имеет место при обсуждении таких терминов, как «цифровые финансовые активы», «цифровая валюта», «цифровые права» и «криптовалюта».

Большинство представителей правоохранительных органов (70% по опросу, проведенному автором в 2021–2022 гг.) считают, что все четыре перечисленных термина означают одно и то же, а именно криптовалюту. Кроме того, понятие «цифровые права» вызвало затруднение у правоприменителей-криминалистов, а «криптовалюта» и «цифровая валюта» для всех опрошенных — это идентичные понятия, и только сам термин «криптовалюта», что неудивительно, у респондентов не вызвал вопросов, и было указано, что это биткоин. В целом криптовалюты были отнесены к цифровым деньгам. И только 30% опрошенных (в их числе сотрудники не старше 35–40 лет) неплохо ориентированы в криптовалютной терминологии, а также в технологии распределенного реестра (блокчейн) и сталкивались с криптовалютой в профессиональной деятельности.

В юридической литературе также можно встретить работы, в которых авторы путают указанные понятия и криптовалюты становятся цифровыми правами, цифровыми финансовыми активами и цифровой и виртуальной валютой одновременно. При этом Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Закон о ЦФА) уже содержит термины «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта», и это очевидно не одно и то же.

Согласно положениям Закона о ЦФА цифровые финансовые активы — это цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Кроме того, указанное понятие отсылает к ст. 141¹ ГК РФ, еще более

широко толкующей указанный термин. Определение цифровой валюты, содержащееся в Законе о ЦФА, относит к таковой совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут быть приняты в качестве средства платежа, но при этом не являются денежной единицей ни Российской Федерации, ни какого-либо другого государства и в отношении которых отсутствует обязанное лицо или орган (государство или кредитная организация). Какие могут быть претензии к правоприменителям, если в Законе содержится такое неконкретное определение цифровой валюты, к которой, судя по его содержанию, можно отнести любую информацию в электронной сети. При этом очевидное ожидание от принятия Закона о ЦФА не было оправдано, а именно Закон так и не содержит ни слова о криптовалюте и о криптовалютных технологиях.

Безусловно, термин криптовалюта у всех на слуху, и любое обозначение чего-то цифрового неосведомленные правоприменители будут относить именно к ним, просто потому, что обществом криптовалюты воспринимаются в качестве альтернативной формы денег, они вызывают живой интерес и широко используются в криминальной деятельности. Однако криптовалюты не регламентированы.

Тем не менее криптовалюты не являются ни цифровыми правами, ни цифровыми финансовыми активами, ни даже цифровой валютой.

Перечисленные понятия «цифровые финансовые активы», «цифровые права» и «цифровая валюта» имеют одну общую черту, которой нет у криптовалюты, — это обеспеченность денежными средствами. Любое право требования или финансовый инструмент основаны на законе и обеспечены валютой, их оборот строго регламентирован специальным отраслевым законодательством, а перечень, хотя и не является исчерпывающим, определен в соответствии с его положениями.

Ранее, до принятия Закона о ЦФА, различными авторами понятие криптовалюты исследовалось лишь в контексте именованной их цифровыми финансовыми активами, и в целом оборот криптовалют был отнесен к цифровым финансовым отношениям², однако даже сейчас некоторые ученые объединяют эти понятия. Так, например, не можем согласиться с мнением Ю.К. Цареградской о том, что термин «цифровые финансовые активы» наиболее подходит для регулирования вопросов,

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018.

² См.: Полякова В.В., Токун Л.В. Становление рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2019. № 6. С. 150–153.

связанных с криптовалютой, ввиду того, что становление данных понятий неразрывно связано³.

Цифровые финансовые активы равно цифровые права, понятие которых уже прочно закреплено в гражданском законодательстве. Понятие криптовалюты используется лишь в теории права, и применять имеющуюся законодательную терминологию в ином смысле, подменяя понятия, было бы неправильно, поскольку, во-первых, создаст путаницу в и без того сложной цифровой тематике, а во-вторых, замедлит реальную необходимость закрепления понятия именно криптовалюты в законодательстве.

И если Закон о ЦФА уже разграничил понятия цифровые финансовые активы и криптовалюты, то стоит перейти к обоснованию тезиса о том, почему криптовалюты не являются цифровой валютой.

Цифровая валюта, исходя из определения, — это те же деньги (официальная денежная единица), только электронные, которые могут использоваться в качестве альтернативной или дополнительной формы национальной валюты, с возможностью иметь обеспечение золотом или иным государственным активом (т.н. стейблкоины, например, в будущем это может быть крипторубль).

Цифровая наличность — это деньги на банковской карте, выпускаемые банком государства, имеющие эквивалент в действительности, определенный официальный курс и международное признание в качестве государственной валюты.

Безусловно, криптовалюты имеют основные признаки цифровой валюты — это цифровая сущность и возможность обмена на товары и услуги. На этом сходства заканчиваются и начинаются различия. Так, криптовалюты — это совершенно новая технология на основе криптографии и генерация криптовалют не зависит от официальных органов ни одного из государств. Существование и оборот криптовалюты поддерживается сетью компьютеров по всему миру, и правила, согласно технологиям, устанавливаются большинством участников криптовалютного сообщества. Что касается анонимности, то отследить цифровые транзакции гораздо сложнее, чем криптовалютные, поскольку они, несмотря на отсутствие идентификации криптокошельков, записывают все потоки криптовалюты в системе навсегда. Переводы в цифровой валюте можно отменить, обратившись к регулятору, в то время как отменить операцию с криптовалютой практически невозможно, для этого необходимо одобрение изменения в системе

³ См.: Цареградская Ю. К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 32–38.

участниками криптосообщества. С точки зрения защищенности данных криптовалюта даже более защищает сведения о ее держателе, нежели кредитная организация, которая хранит много конфиденциальной информации, периодически теряя ее.

Таким образом, криптовалюта и цифровая валюта — это два схожих, но независимых понятия. При этом более правильным, на наш взгляд, было бы использование термина виртуальная валюта применительно к криптовалюте. Именно виртуальный (неосязаемый) признак является причиной отождествления понятий всего цифрового с криптовалютой.

Как видим, все рассмотренные цифровые определения так или иначе связаны с понятием денег, к которым криптовалюта пока еще не имеет официального отношения, несмотря на то что обществом воспринимается не иначе как в виде альтернативной их формы. Вместе с тем, чтобы уйти от формального обозначения «валюта» в словосочетаниях «виртуальная валюта» и «криптовалюта», как представляется, вполне логичным было бы применение слов «виртуальный актив» или «криптоактив».

Термин «актив» в финансовом учете — это любой ресурс, принадлежащий или контролируемый бизнесом или экономическим субъектом⁴, а согласно Международному стандарту финансовой отчетности МСФО (IAS) 32⁵ актив — это экономический ресурс, который может приносить выгоды. Соответственно, активы могут быть как материальными, так и нематериальными. Таким образом, очевидная выгода от оборота криптовалют и от их владения позволяет отнести их к нематериальным активам, а в данном случае к виртуальным.

В целом все рассмотренные определения («цифровые финансовые активы», «цифровая валюта», «криптовалюта») позволяют объединить их под общим понятием виртуальные активы по единственному схожему их признаку цифровой (виртуальной) природы. При этом способность виртуальных активов быть предметом экономических и финансовых правоотношений прямо обуславливает и необходимость их уголовно-правовой охраны.

Специфика и взаимосвязь уголовного права с отраслевым законодательством основаны на предписаниях публичного и частного права,

⁴ См.: О'Салливан А., Шеффрин С. М. Экономика: принципы в действии. Вашингтон, округ Колумбия, 2021. С. 271.

⁵ См.: приказ Министерства финансов РФ от 28.12.2015 г. № 217н «О введении Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов Российской Федерации» // В официальных источниках опубликован не был.

и преступление представляет собой посягательство на отношения, урегулированные нормами публичного права⁶, при этом «финансовые отношения, входящие в предмет иноотраслевого регулирования, в уголовном праве составляют не предмет регулирования, а предмет охраны»⁷.

Бланкетность уголовного закона является основой поддержания социальной системы в стабильности. Уголовная политика противодействия различным видам преступлений должна быть основана на определенной системе норм и предписаний специального характера и базироваться на показателях уровня такой преступности. Вместе с тем преступления, совершаемые в сфере оборота виртуальных активов, перечисленных выше, не исследованы в динамике, при этом настолько очевидны, что в порядке исключения можно сформулировать вывод об их масштабах на основе лишь только одних данных официальных органов: Центрального Банка РФ и Росфинмониторинга, согласно которым объем теневых операций с использованием криптовалют в 2020 г. составил 798.5 млн долл., что менее 0.05% от общего объема годового оборота крипторынка, а оборот операций с криптовалютой в 5 млрд долл. в год (оценка из доклада ЦБ России) — это всего 1.8% от валютных остатков на счетах компаний и физлиц (около 19.614 трлн руб. по результатам III квартала 2021 г.)⁸.

Таким образом, преступления в сфере оборота виртуальных активов отражают уровень цифровизации криминалитета и криптовалюты всё чаще становятся предметом легализации (отмывания) преступных доходов. В целом такой незаконный оборот можно отнести к финансовой преступности как наиболее известному варианту преступного использования виртуальных активов. Соответственно, совокупность теоретических основ, направленных на разработку мер эффективно противодействия новым видам посягательств, должна являться основой уголовной политики государства, в том числе и в целях возмещения причиненного ущерба, который также является цифровым (виртуальным).

Научное исследование правоотношений, возникающих в сфере оборота виртуальных активов, будет являться межотраслевым и иметь комплексный характер. Так, указанные правоотношения затрагивают различные сферы деятельности общества

и государства, в частности, если речь идет о цифровых финансовых активах и цифровой валюте, то задействованы могут быть налоговые, бюджетные, административные правоотношения, в случае с криптовалютой — финансовые отношения и отношения собственности.

Субъектами таких виртуальных правоотношений могут быть как участники предпринимательской деятельности, так и любые другие субъекты права, не обладающие признаками специального субъекта, в случае если речь идет об обороте криптовалюты.

Как экономическая ценность виртуальные активы более всего подвержены преступным посягательствам, при этом средства и способы таких посягательств также приобретают цифровую активность, чем еще более усложняют возможность противодействия им. Кроме того, отсутствие правового режима криптовалют порождает противоречивую судебную практику, основанную также на буквальном применении закона судьями по принципу есть закон — есть охрана, нет закона — нет охраны, как это имело место в ряде судебных решений кассационных судов общей юрисдикции⁹. Благо перечень объектов уголовно-правовой охраны, перечисленный в Уголовном кодексе РФ, не является исчерпывающим, при этом сложность в определении конкретного объекта посягательства в сфере оборота виртуальных активов обусловлена разбросом норм, преступления о которых совершаются с их использованием или в их отношении (гл. 22, 28, 30 и т.д.). Полагаем, что в науке права может быть обосновано мнение о включении в число охраняемых уголовным законом общественных отношений именно правоотношений, возникающих в связи с оборотом виртуальных активов, либо как самостоятельного объекта, либо как части экономических или финансовых отношений. Необходимая поддержка общества и власти в вопросах формирования адекватного юридического и социального оформления отношений, складывающихся в сфере оборота виртуальных активов, достигнута уже давно, а потому требуется изменение доктринальной разработанности теории уголовного права.

Необходимо отметить, что структурирование уголовного законодательства на основе разделения объектов уголовно-правовой охраны по вертикали, по принципу родовых и видовых объектов преступлений не позволяет причислять многообъектные социальные явления к определенному объекту, поскольку они прямо не подпадают под указанные категории. Регулирование отношений в сфере

⁶ См.: *Пикуров Н. И.* Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 36.

⁷ Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: науч.-практ. пособие / отв. ред.: И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М., 2021.

⁸ См.: URL: <https://www.forbes.ru/finansy/453619-cb-otvetil-kritikam-svoego-doklada-o-regulirovanii-kriptoalut>

⁹ См.: Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 г. по делу № 7У-10543/2020[77-1839/2020]; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2021 г. по делу № 77-1411/2022 // СПС Гарант.

оборота виртуальных активов с точки зрения объекта уголовно-правовой охраны необходимо начинать с установления уголовно-правовых запретов. Поскольку с введением Закона о ЦФА было соблюдено основное условие бланкетности уголовного закона и, таким образом, закреплена возможность возникновения уголовно-правовой охраны таких правоотношений, то в качестве завершающего ее этапа в науке, а затем и нормативно должны быть отражены признаки указанных правоотношений. Таким образом, следует согласиться с мнением ряда ученых о том, что положения ст. 2 УК РФ требуют дополнений применительно к указанию на экономические (финансовые) отношения в числе объектов уголовно-правовой охраны¹⁰.

В качестве условия обновления нормы об объектах уголовно-правовой охраны можно отметить существенные изменения в вопросах процессуального права относительно перераспределения подследственности между контролирующими органами, например, уточнен порядок возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере налогов и страховых взносов, согласно которому поводом и основанием для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199² УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела¹¹.

В целях противодействия незаконному обороту криптовалюты формирование новых задач определяет направленность действий законодателя по повышению действенности уголовного законодательства, его совершенствования и повышению уровня правоохранительной деятельности, что, в свою очередь, и является важнейшими задачами уголовной политики государства¹².

Термин «уголовно-правовая охрана», являясь законодательной категорией, должен быть весьма конкретным. Очевидно, что перечислять в ст. 2 УК РФ все виды правоотношений на основе видового объекта было бы нелогичным. Однако, на наш взгляд, экономические (финансовые) отношения, к которым можно отнести и отношения в сфере оборота виртуальных активов, имеют право быть

охраняемыми государством. При этом в науке уголовного права констатировано, что понятия «объект преступления» и «объект уголовно-правовой охраны» имеют одинаковое значение именно в силу указанных положений закона¹³.

С учетом того, что объект преступления — это не только общественные отношения, но и правовые блага и социальные ценности, в отношении которых совершается посягательство и которые берет под защиту уголовное право¹⁴, то следует согласиться с мнением о том, что полный и исчерпывающий перечень объектов уголовно-правовой охраны должен быть представлен самостоятельной нормой уголовного закона, дабы «определить приоритеты и исключить выборочную репрессию»¹⁵.

Отсутствие перечня социальных явлений (общественных отношений или благ), подлежащих безусловной уголовно-правовой охране, не позволяет конкретизировать сферу применения уголовного закона к внешним проявлениям, особенно в сфере виртуальных активов, например, когда речь идет о криптовалютных финансовых пирамидах, при которых привлекаются не денежные средства и имущество, а виртуальные активы. Квалификация такого преступления отсутствует в уголовном законе, а аналогия в уголовном праве не применяется.

Спорная юридическая характеристика деяний, которые причинили ущерб, являющийся при этом виртуальным, не позволяет однозначно установить признаки состава конкретного преступления, и найти место такому новому виду деяний в системе преступлений становится проблематичным, что, в свою очередь, нарушает ее целостность. Обновление и расширение состава объектов уголовно-правовой охраны, включение в их число важных и социально значимых ценностей и благ — тема для отдельного исследования. В данном контексте следует отметить, что советское уголовное законодательство к объектам охраны относил конкретные категории: собственность, личность, политическую и экономическую систему, общественный строй и социалистический правопорядок (ст. 1 УК РСФСР)¹⁶. Таким образом, охрана экономических (финансовых) отношений, в том числе и отношений в сфере оборота цифровых финансовых активов и виртуальных активов, как задача уголовного закона состоит в обеспечении их защищенности от

¹⁰ См.: Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): науч.-практ. пособие / отв. ред.: И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М., 2020.

¹¹ См.: Долгиева М.М. Налоговые преступления, совершаемые с использованием цифровых финансовых активов и криптовалют: вопросы уголовной ответственности // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2022. № 3 (60). С. 42–48.

¹² См.: Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 16.

¹³ См.: Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского гос. ун-та им. Горького. 1957. Т. XI. Вып. 4. Кн. 2. С. 180.

¹⁴ См.: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 4.

¹⁵ Разгильдиев Б.Т. Указ. соч. С. 17, 18.

¹⁶ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

преступных посягательств путем криминализации общественно опасных деяний.

Определяя понятие экономической деятельности, автор соглашается с формулировками, применяемыми в науке, относящими к таковой процесс преобразования ресурсов в продукт для удовлетворения производственных и непроизводственных потребностей общества и его членов посредством обмена материальными благами и услугами¹⁷. Финансовая деятельность как составляющая экономической деятельности — понятие более узкое и определяется в науке как деятельность публично-правовых и частноправовых субъектов в сфере использования финансовых активов (финансовых инструментов) для реализации обеспечивающих функций в рамках этих отношений¹⁸. Вместе с тем к финансовым отношениям относятся преимущественно денежные отношения, но иногда они могут складываться и вокруг имущественных, и главным в системе этих отношений является их правовая основа, т.е. финансы и финансовые инструменты должны быть легальными. Закон о ЦФА, регламентирующий оборот цифровых финансовых активов (цифровых прав) и цифровой валюты, позволяет отнести их к финансовым отношениям. Что касается виртуальных активов, к которым автор относит в первую очередь криптовалюты, то именно в правовой неопределенности заключается проблема их включения в число объектов уголовно-правовой охраны, несмотря на то что они структурированы в финансовую систему государства. Более того, криптовалюты, если говорить об уровне их вовлеченности в незаконную экономическую деятельность, образуют параллельную финансовую систему, что в будущем может повлечь серьезные последствия для денежного оборота¹⁹. Таким образом, можно констатировать необходимость включения правоотношений, связанных с оборотом цифровых финансовых активов, цифровой валюты и виртуальных активов, в сферу финансовой деятельности и сформулировать вывод о том, что финансовые отношения как часть экономических отношений есть не только регламентированные правом экономические денежные отношения, но также и отношения в связи созданием, передачей и отчуждением виртуальных активов, а также отношения в сфере оборота цифровых финансовых активов и криптовалюты.

¹⁷ См.: Экономика: учеб. / под ред. А.С. Булатова. 2-е изд. М., 1997. С. 783.

¹⁸ См.: Ляскало А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 15.

¹⁹ См.: Долгиева М.М. Криптопреступность на фоне специальной военной операции и западных санкций // Актуальные проблемы рос. права. 2022. № 8. С. 144–149.

Научное обоснование вышеуказанных выводов позволит применять отраслевые положения в вопросах юридической характеристики новых видов посягательств.

Поскольку уголовная ответственность предусматривается не только за непосредственные преступления в области финансового законодательства, но и за отдельные формы незаконного поведения (например, мошенничество, организация преступного сообщества и т.д.), соответственно, в качестве родового объекта исследуемых преступлений возможно назвать именно экономические отношения. Видовым объектом преступлений в сфере оборота цифровых финансовых активов, цифровой валюты и виртуальных активов (криптовалюты) будут являться уже сформировавшиеся в науке уголовного права определения с их расширительным толкованием и отнесением к ним правоотношений, непосредственно затрагивающих оборот виртуальных активов на принципах свободы экономической деятельности, реализации ее на законных основаниях, добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности, их добросовестности, запрета заведомо криминальных форм их поведения.

* * *

Таким образом, установленные межотраслевые связи экономической и финансовой деятельности, норм финансового и уголовного права позволяют закрепить в конструкциях норм уголовного закона новый перечень объектов уголовно-правовой охраны, включив в него правоотношения в сфере оборота виртуальных активов, и установить ответственность за финансовые преступления в форме бланкетных норм, определив им место в разделе преступлений против экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгиева М.М. Криптопреступность на фоне специальной военной операции и западных санкций // Актуальные проблемы рос. права. 2022. № 8. С. 144–149.
2. Долгиева М.М. Налоговые преступления, совершаемые с использованием цифровых финансовых активов и криптовалют: вопросы уголовной ответственности // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2022. № 3 (60). С. 42–48.
3. Ляскало А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 15.
4. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 4.
5. О'Салливан А., Шеффрин С.М. Экономика: принципы в действии. Вашингтон, округ Колумбия, 2021. С. 271.

6. *Пикуров Н.И.* Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 36.
7. *Полякова В.В., Токун Л.В.* Становление рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2019. № 6. С. 150–153.
8. *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 16–18.
9. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: науч.-практ. пособие / отв. ред.: И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М., 2021.
10. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): науч.-практ. пособие / отв. ред.: И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М., 2020.
11. *Федоров М.И.* Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского гос. ун-та им. Горького. 1957. Т. XI. Вып. 4. Кн. 2. С. 180.
12. *Цареградская Ю.К.* Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 32–38.
13. Экономика: учеб. / под ред. А.С. Булатова. 2-е изд. М., 1997. С. 783.
3. *Lyaskalo A.N.* Financial crimes in Russian Criminal Law: modern concept and problems of qualification: dis. ... Doctor of Law. M., 2022. P. 15 (in Russ.).
4. *Nikiforov B.S.* The object of a crime under Soviet Criminal Law. M., 1960. P. 4 (in Russ.).
5. *O'Sullivan A., Sheffrin S.M.* Economics: principles in action. Washington, DC, 2021. P. 271 (in Russ.).
6. *Pikurov N.I.* Theoretical problems of intersectoral relations of Criminal Law: abstract ... Doctor of Law. Volgograd, 1998. P. 36 (in Russ.).
7. *Polyakova V.V., Tokun L.V.* Formation of the digital financial assets market in the Russian Federation // Herald of the GUU. 2019. No. 6. P. 150–153 (in Russ.).
8. *Razgildiev B.T.* Tasks of the Criminal Law of the Russian Federation and their implementation: abstract ... Doctor of Law. M., 1994. P. 16–18 (in Russ.).
9. Criminal and legal protection of the financial and budgetary sphere: scientific and practical manual / eds: I.I. Kuchero, O.A. Zaitsev, S.L. Nudel. M., 2021 (in Russ.).
10. Criminal law and economic activity (the ratio of private and public interests): scientific and practical manual / eds: I.I. Kuchero, O.A. Zaitsev, S.L. Nudel. M., 2020 (in Russ.).
11. *Fedorov M.I.* The concept of the object of a crime according to Soviet Criminal Law // Scientific notes of Gorky Perm State University. 1957. Vol. XI. Issue 4. Book 2. P. 180 (in Russ.).
12. *Tsaregradskaya Yu.K.* Cryptocurrency, digital financial assets, digital rights: terminological diversity in the process of formation of legal reality // Law and the digital economy. 2021. No. 2. P. 32–38 (in Russ.).
13. Economics: textbook / ed. by A.S. Bulatov. 2nd ed. M., 1997. P. 783 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

ДОЛГИЕВА Мадина Муссаевна — кандидат юридических наук, советник юстиции, прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации; 125993 г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 15а, стр. 1
ORCID: 0000-0001-8308-6038

Authors' information

DOLGIEVA Madina M. — PhD in Law, Adviser to Justice, Prosecutor of the Main Criminal-Judicial Department, Prosecutor General's Office of the Russian Federation; 15a, bld. 1 B. Dmitrovka, 125993 Moscow, Russia

О СИСТЕМНОСТИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОСОБЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2023 г. О. А. Лакаев

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

E-mail: olegoleg81@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются уровни системности российской правовой политики в сфере организации особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности. Актуальность исследования определяется наличием факторов, препятствующих реализации принципа системности правовой политики в указанной сфере и дестабилизирующих связи между ее компонентами, чем определяется ненадлежащее состояние соответствующего законодательства и практической реализации моделей стимулирования экономического роста на территориях с преференциальным режимом предпринимательства. Поставлена цель определить необходимость выделения системного подхода к формированию правовой политики в данной сфере и текущее состояние его реализации. Выявлены негативные тенденции, обуславливающие недостаточный уровень системности правовой политики в соответствующей сфере, обоснована целесообразность систематизации законодательства о преференциальных режимах предпринимательства, освобожденного от недостатков их существующей модели.

Ключевые слова: правовая политика, административно-правовой режим, экономическая деятельность, преференциальный режим, публичное управление, правовое регулирование, особые экономические зоны, системность, территории опережающего развития, экономический рост.

Цитирование: Лакаев О.А. О системности правовой политики в сфере организации особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности // Государство и право. 2023. № 11. С. 139–146.

DOI: 10.31857/S102694520028492-2

ON THE CONSISTENCY OF LEGAL POLICY IN THE FIELD OF ORGANIZATION OF SPECIAL ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES OF ECONOMIC ACTIVITY

© 2023 О. А. Lakaev

Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

E-mail: olegoleg81@mail.ru

Received 16.01.2023

Abstract. The article discusses the levels of consistency of the Russian legal policy in the field of organization of special administrative and legal regimes of economic activity are considered. The relevance of the study is determined by the presence of factors hindering the implementation of the principle of systematic legal policy in this area and destabilizing the links between its components, which determines the inadequate state of the relevant legislation and the practical implementation of models to stimulate economic growth in territories with preferential business regime. The aim is to determine the need for a systematic approach to the formation of legal policy in this area and the current state of its implementation. The negative trends that determine the insufficient level of systematic legal policy in the relevant area are revealed, the expediency of systematization of legislation on preferential business regimes, freed from the shortcomings of their existing model, is substantiated.

Key words: legal policy, administrative and legal regime, economic activity, preferential treatment, public administration, legal regulation, special economic zones, consistency, territories of advanced development, economic growth.

For citation: *Lakaev, O.A. (2023). On the consistency of legal policy in the field of organization of special administrative and legal regimes of economic activity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 139–146.*

Правовая политика Российской Федерации в области экономики определяется необходимостью совершенствования правового регулирования экономических процессов в их комплексном выражении, включая обеспечение функционирования отраслей материального производства и организацию межотраслевого управления. Экономическая область является базисной для государства, поскольку от состояния его экономического развития зависит благосостояние граждан, возможность предоставления качественных образовательных и медицинских услуг населению, укрепления национальной безопасности во всех ее видовых проявлениях. Поэтому значительная часть усилий государства прилагается в направлении оптимизации законодательного обеспечения экономической деятельности, что невозможно без координации правовой и экономической политики.

Взаимосвязи экономики и права уделяется большое внимание в западной научной мысли, где развита теория институциональной экономики, представители которой всегда подвергали анализу юридические аспекты ее функционирования¹. Их разработки показывают воздействие сложившейся экономической модели на законодательство и правовую систему в целом, которое обуславливает эволюционное развитие правовых норм. При этом право также влияет на экономику, облегчая функционирование экономической системы. Особое значение придается анализу законодательных правил в аспекте обеспечения системности экономического воспроизводства, способствующего ее развитию, в связи с чем законодатель не может игнорировать экономическую систему. В свою очередь, совершенствование экономической теории должно быть ориентировано на выявление подходов к изменению правового регулирования для повышения уровня структурированности экономической деятельности и усиления хозяйственной активности².

Формирование особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности является одним из частных проявлений взаимосвязи права и экономики. Прежде чем законодательно устанавливать виды и содержание

подобных режимов, необходимо предварительно оценить возможный экономический эффект от их введения. Они связаны с той или иной частью территории государства и направлены на обеспечение развития как, собственно, этих территорий, так и экономики государства в целом. Оценка экономического эффекта обусловлена конкретной целью их формирования, которая может различаться в зависимости от степени экономического развития страны. Государствами с развитой рыночной экономикой они используются для целей повышения эффективности региональной политики, поскольку направлены на выравнивание межрегиональных различий и способствуют подъему депрессивных территорий. Индустриальные государства Азиатского региона применяют данный инструмент для формирования отраслевых точек экономического роста в рамках реализации промышленной политики, что обеспечивает повышение научно-технического и экспортного потенциала страны. Практика развивающихся государств Южно-Американского региона объединяет оба названных подхода, а такие государства, как Турция, КНР, Казахстан и Израиль, рассматривают организацию территорий с особым режимом хозяйствования в стратегическом аспекте ввиду их существенного потенциала для обеспечения прорывного роста в экономике³.

Государства с развитой правовой системой принимают меры, направленные на правовое оформление решений, которые обеспечивают коррекцию экономической системы и повышение ее эффективности. Это характерно и для особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности. Проработка нормативного основания их функционирования и организация соответствующей правоприменительной деятельности являются составной частью российской правовой политики, понимаемой в качестве системной, последовательной и научно обоснованной деятельности публично-властных органов, которая направлена на формирование действенного механизма правового регулирования, укрепление законности и дисциплины, создание гарантий реализации прав и свобод личности, повышение

¹ См., напр.: *Коммонс Дж.Р.* Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой. М., 2011.

² См., напр.: *Parsons K.H. John R. Commons: His Relevance to Contemporary Economics // Journal of Economic Issues. 1985. Vol. 19. Iss. 3. P. 755–778.*

³ См.: *Шумаев В.А., Миронов В.Н.* Зарубежный опыт управления: создание логистической инфраструктуры и экспортного потенциала на основе организации свободных экономических зон // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2011. № 3. С. 86.

уровня жизни каждого гражданина⁴. Иногда в контексте нормативного обеспечения экономических преобразований говорят о «правовой экономической политике»⁵, хотя такое сочетание прилагательных не выглядит уместным ввиду наличия у каждого вида государственной политики — правовой, экономической, национальной и др. — своего собственного содержания⁶, хотя, безусловно, они друг с другом взаимосвязаны, а организация особых режимов осуществления экономической деятельности является областью приложения усилий государства в рамках и правовой, и экономической политики.

Ретроспективный взгляд на российское правотворчество последних двух десятилетий показывает усиление внимания законодателя к вопросу формирования таких режимов. При этом установленная в 2005 г. единая модель особых экономических зон⁷ как территорий с преференциальным режимом хозяйствования с течением времени была существенно дополнена, перестав быть универсальным механизмом стимулирования предпринимательской активности в специально предусмотренных для этого территориальных границах. К настоящему времени сформирована своего рода триада особых правовых режимов, рассчитанных на широкий круг территорий: помимо режима особых экономических зон введены режимы зон территориального развития⁸ и территорий опережающего развития⁹.

Указанные механизмы дополняются регулированием функционирования конкретных территорий, для каждой из которых законодатель посчитал необходимым установить свой уникальный режим (осуществления предпринимательской деятельности в Арктической зоне¹⁰, свободной экономической

зоны на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя¹¹, свободного порта Владивосток¹², особых экономических зон в Калининградской¹³ и Магаданской¹⁴ областях). Кроме того, предусмотрены правовые режимы, основное предназначение которых связано с повышением эффективности инновационной, спортивной деятельности, развитием научно-технологической инфраструктуры, но в конечном счете предполагаемый результат их внедрения должен состоять в комплексном экономическом развитии соответствующего территориального кластера, поскольку кластеризация является частью механизма долгосрочного планирования в народном хозяйстве¹⁵ (режимы инновационных научно-технологических центров¹⁶, инновационного центра «Сколково»¹⁷, федеральной территории «Сириус»¹⁸).

Перечисленные правовые режимы по своей природе являются административно-правовыми ввиду доминирования отношений публично-управленческого характера, связанных с деятельностью органов исполнительной власти по их организации, формированием специфических органов управления соответствующими территориями,

предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 29, ст. 4503; 2022. № 29 (ч. III), ст. 5238.

¹¹ См.: Федеральный закон от 29.11.2014 г. № 377-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2014. № 48, ст. 6658; 2022. № 11, ст. 1596.

¹² См.: Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О свободном порте Владивосток» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4338; 2022. № 29 (ч. III), ст. 5238.

¹³ См.: Федеральный закон от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 3, ст. 280; Росс. газ. 2022. 30 дек.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 31.05.1999 г. № 104-ФЗ (ред. от 22.12.2014 г.) «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» // СЗ РФ. 1999. № 23, ст. 2807; 2014. № 52 (ч. I), ст. 7534.

¹⁵ См.: Файков Д. Ю. Территориальные кластеры как инструмент структурной и региональной политики: положительные эффекты и нерешенные вопросы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 4. С. 15.

¹⁶ См.: Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 216-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I), ст. 4765; Росс. газ. 2022. 30 дек.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 28.09.2010 г. № 244-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об инновационном центре «Сколково»» // СЗ РФ. 2010. № 40, ст. 4970; Росс. газ. 2022. 30 дек.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О федеральной территории «Сириус»» // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I), ст. 8583; Росс. газ. 2022. 30 дек.

⁴ См.: Малько А. В., Саломатин А. Ю. Основы правовой политики: учеб. пособие для магистрантов. 2-е изд. М., 2019. С. 5.

⁵ Садыков И. А. Цели и задачи правовой экономической политики социального государства: общетеоретические аспекты // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2020. № 2 (40). С. 164–169.

⁶ См.: Кулапов В. Л., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. М., 2022. С. 370.

⁷ См.: Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II), ст. 3127; 2022. № 45, ст. 7673.

⁸ См.: Федеральный закон от 03.12.2011 г. № 392-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. V), ст. 7070; 2020. № 17, ст. 2725.

⁹ См.: Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I), ст. 26; Росс. газ. 2022. 30 дек.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О государственной поддержке

передачей им в управление объектов транспортной и социальной инфраструктуры, обеспечением взаимодействия между ними и резидентами данных территорий, установлением особого порядка осуществления контрольно-надзорной деятельности. Предусмотренность в законе и практическое осуществление экономических преференций, в связи с чем рассматриваемые режимы называют еще и преференциальными¹⁹, не меняет их административно-правового характера, поскольку налоговые и иные льготные механизмы стимулирования предпринимательской активности реализуются через систему специально созданных публично-властных субъектов, оказывающих организующее воздействие на резидентов соответствующих зон. При этом акцент в правовом регулировании смещается именно в сторону организации и осуществления публичного управления, особый порядок которого призван обеспечивать ориентированность его субъектов на повышение инвестиционной привлекательности и производственного потенциала закрепленной за ними территории, гибкость применяемых преференциальных мер. Вместе с тем перманентное расширение перечня таких режимов делает актуальной постановку вопроса о системности правовой политики в сфере их формирования.

Необходимость выделения системности как принципа правовой политики вообще и правовой политики в области экономики в частности поддерживается не всеми ее исследователями. В частности, К.А. Струсь в числе стержневых принципов, характерных для правовой политики в целом, системность не называет²⁰. В.А. Рудковский, не отрицая значение системности как неперменной предпосылки обеспечения эффективности правовой политики, полагает, что ее системное содержание определяется не каким-либо одним принципом, а совокупностью действия всего комплекса принципов²¹. Если обратиться к специальным исследованиям правовой политики в области экономики, то Г.Ю. Атаян среди определяющих ее принципов перечисляет принципы учета фактора времени при обосновании экономико-правовой модели, учета ее пространственных параметров, обоснования ее цели, защиты отечественного

производителя²², не выделяя принципа системности и иных стержневых принципов правовой политики. Такой их подбор выглядит узконаправленным при том, что весь спектр общих принципов правовой политики актуален также и для экономической области.

Следует поддержать позицию тех авторов, которые полагают необходимым рассматривать системность в числе принципов правовой политики²³. Особое внимание этому принципу уделяет А.В. Дунаев, справедливо указывая на зависимость от него принципов научной обоснованности и планомерности и возможность их реализации в условиях активизации нормотворческой деятельности²⁴. Системность предполагает целостность того или иного объекта либо деятельности, образованную взаимосвязью и взаимозависимостью их компонентов. Правовая политика является сложным видом деятельности, включающим в себя множество проявлений, которые воплощены, прежде всего, в ее формах — правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной, доктринальной, обучающей. Согласованность, полнота реализации указанных форм, охват правовой политикой всех нуждающихся в правовом регулировании сторон жизнедеятельности социума, эффективное взаимодействие ее субъектов, способствующее достижению целей правовой политики, позволяют охарактеризовать ее как имеющую признаки системности. В то же время, несмотря на основополагающее значение для выстраивания правовой политики, системность одновременно является ее желаемым идеальным состоянием, к которому необходимо стремиться всем субъектам, ее разрабатывающим и реализующим. Если системность постулируется как принцип, это еще не означает фактического достижения характеристик, из которых она складывается. На этой основе необходимо выявление и устранение факторов, дестабилизирующих системные связи между компонентами правовой политики. Это касается любых охваченных ей сфер жизнедеятельности, в том числе и организации особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности, для которой факторы, препятствующие реализации принципа системности правовой политики, играют существенную дестабилизирующую роль.

¹⁹ См.: Ноздрачев А.Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал рос. права. 2017. № 2 (242). С. 105.

²⁰ См.: Струсь К.А. Принципы правовой политики в сфере формирования гражданского общества // Росс. юстиция. 2009. № 6. С. 8–10.

²¹ См.: Рудковский В.А. Принципы правовой политики: понятие и содержание // Вестник СГЮА. 2016. № 6 (113). С. 13.

²² См.: Атаян Г.Ю. Экономическая функция российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 143–150.

²³ См.: Титенко Ю.А. Принципы, виды и механизм реализации российской правовой политики: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 8.

²⁴ См.: Дунаев А.В. Правовая политика субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 14.

Во-первых, к таким факторам следует отнести множественность рассматриваемых режимов, которая порождает ряд вопросов и сложностей теоретического и прикладного характера. А.В. Колесников в связи с этим отмечает следующее: постоянный рост числа территорий с преференциальным режимом осуществления экономической деятельности может привести к тому, что ими в перспективе будет охвачена большая часть государства, а территории со стандартным правовым режимом хозяйствования станут исключением. При этом повышение объема и адресности правового регулирования режимных отношений данной направленности не способствует возможности принятия оперативных и важных решений, определяющих инвестиционную активность и стимулирующих экономический рост²⁵. Кроме того, отмечается проблема и иного рода, актуальная для потенциальных резидентов и состоящая в сложности определения различий между преференциальными режимами и поиска подходящих условий для вхождения на ту или иную площадку. В связи с этим на «Российском инвестиционном форуме—2019» заместитель Министра экономического развития РФ В.А. Живулин обратил внимание на многообразие сформированных за последние несколько лет инструментов поддержки инвесторов, породившее путаницу в преференциальных режимах, которые действуют на 500 площадках, но мало кому известно, чем они друг от друга отличаются²⁶. Системность определяется, в частности, наличием у элементов системы своего собственного предназначения, позволяющего определить место каждого из них в системе, а их гармоничное сочетание должно обеспечивать ее эффективное функционирование. В то же время состояние правового регулирования особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности не позволяет провести между ними понятные для возможных резидентов границы, что является фактором дезориентации при выборе территории с преференциальными условиями хозяйствования, на которой они могли бы осуществлять предпринимательскую деятельность.

Во-вторых, отсутствует всесторонний анализ потребностей регионов в тех или иных инструментах экономического стимулирования, в связи с чем не все режимы являются востребованными. Широкое распространение получили режимы особых экономических зон и территорий опережающего

развития, о чем свидетельствуют данные Министерства экономического развития РФ. Уже организованы 49 особых экономических зон, включая 30 промышленно-производственных, 10 туристско-рекреационных, семь технико-внедренческих и две портовые, в которых за 17 лет функционирования зарегистрировано 1017 резидентов, в том числе более 130 организаций с участием иностранного капитала из 42 стран²⁷. Еще большее распространение получил правовой режим территорий опережающего развития: 89 таких территорий функционируют в моногородах, в том числе в 5 моногородах, которые одновременно являются закрытыми административно-территориальными образованиями, 3 — в иных закрытых административно-территориальных образованиях и 21 — в Дальневосточном федеральном округе, а на соответствующих площадках действует 1121 резидент²⁸. Иная «участь» постигла зоны территориального развития — после принятия в 2011 г. соответствующего Закона не было организовано ни одной такой зоны, что характеризует усилия законодателя в этом направлении как бессмысленные, хотя он преследовал благую цель сокращения различий в уровне социально-экономического развития субъектов Российской Федерации путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику тех из них, которые требуют особой поддержки²⁹. Системность правовой политики в рассматриваемой сфере предполагает взаимосвязь с политикой экономической, поскольку только выявление реальных экономических потребностей регионов может обусловить формирование надлежащей правовой основы функционирования территорий с преференциальным режимом хозяйствования. Однако отсутствие практики правореализации показывает наличие «мертвого» режима зон территориального развития, в связи с чем следует согласиться с утверждением Е.М. Бухвальда о том, что организация механизмов территориального развития не основана на четкой аргументации того, какие инструменты

²⁷ См.: Официальный сайт Министерства экономического развития РФ // https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_economicheskie_zony/ (дата обращения: 15.01.2023).

²⁸ См.: Официальный сайт Министерства экономического развития РФ // https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/ (дата обращения: 15.01.2023).

²⁹ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/181650-5> (дата обращения: 15.01.2023).

²⁵ См.: Колесников А.В. Особенности организации муниципального управления в особых территориях с экономическими преференциями // Вестник СГЮА. 2021. № 6 (143). С. 116, 117.

²⁶ См.: Российский инвестиционный форум—2019. «Перезагрузка» инструментов развития территорий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://rusinvestforum.org/news/%C2%ABperezagruzka%C2%BB-instrumentov-razvitiya-territorij/> (дата обращения: 15.01.2023).

и при каких условиях способны показать наибольшую эффективность и востребованность³⁰.

В-третьих, отсутствует унифицированный подход к определению субъектов публичного управления территориями с преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности. К тому же представляется более точным называть их субъектами квазипубличного управления, поскольку публичное управление связано с деятельностью органов публичной власти, к которым Конституция РФ относит органы государственной власти и органы местного самоуправления. Рассматриваемые режимы связаны с особой организацией управления и наличием специально созданных для этого субъектов, которые в систему конституционно установленных органов публичной власти не входят, но тем не менее законодательно наделяются полномочиями, характерными для органов публичной власти (осуществление разрешительной деятельности в сферах строительства, образования и здравоохранения, организация предоставления услуг транспорта, водо-, тепло-, электро-, газоснабжения и др.). Центральным звеном здесь являются управляющие компании, характерные для большинства режимов, за исключением зон территориального развития, особых экономических зон в Магаданской и Калининградской областях (где должны действовать администрации данных зон, в качестве которых выступает уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации), свободной экономической зоны на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя (где вместо управляющей компании предусмотрен экспертный совет) и федеральной территории «Сириус», для управления которой созданы «органы публичной власти». В дополнение к управляющим компаниям разными моделями квазипубличного управления предусматриваются и иные субъекты: фонды (в инновационных научно-технологических центрах), наблюдательные советы (в особых экономических зонах, на территориях опережающего развития, в свободном порту Владивосток), общественный совет (в Арктической зоне). Кроме того, для особых экономических зон предусмотрены экспертные советы, которые официально не отнесены к субъектам управления территорией, но их законодательно определенная компетенция позволяет установить наличие публично-властных полномочий (осуществляют разрешительные функции в области производства научно-технической продукции и промышленно-производственной деятельности).

³⁰ См.: Бухвальд Е.М. Формирование «точек роста» как инструмент политики пространственного развития экономики России // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3: Экономика. Экология. 2017. Т. 19. № 2 (39). С. 14.

В связи с этим возникает ряд вопросов к разработчикам соответствующих правил. Чем обусловлено такое многообразие субъектов управления территориями с преференциальным режимом хозяйствования при том, что они не вписываются в конституционно установленную систему публичной власти (кроме «органов публичной власти» федеральной территории)? Если обратиться к пояснительным запискам законопроектов, то они содержат только их краткий пересказ, но не дают пояснений о причинах выбора той или иной модели управления. Почему разнятся роль и функции экспертных советов, осуществляющих в свободной экономической зоне полномочия непосредственного управления территорией, а в особых экономических зонах имеющих вспомогательное значение? Можно ли вообще наделять полномочиями по управлению экспертные, наблюдательные и общественные советы, если само наименование этих субъектов указывает на наличие вспомогательных функций — оценивания, наблюдения, но не непосредственного руководства? Очевидно, что такое многообразие преференциальных режимов и субъектов управления соответствующими территориями создает значительную нагрузку на те федеральные органы исполнительной власти, которые призваны обеспечивать функционирование данных режимов (Минэкономразвития России, Минвостокразвития России). Это косвенно подтверждается основными тезисами «Российского инвестиционного форума—2019», на котором обсуждалась поддерживаемая обоими министерствами идея кодификации законодательства о преференциальных режимах осуществления экономической деятельности³¹. Собственно, это и есть путь обеспечения системности правовой политики в данной сфере — обобщить накопленный опыт организации указанных режимов, выявить лучшие практики и на этой основе разработать нормативный правовой акт, обеспечивающий удобные и понятные условия для резидентов и упрощающий порядок функционирования всей вертикали управления, начиная с уполномоченных федеральных министерств и заканчивая субъектами непосредственного управления территориями с преференциальным режимом хозяйствования.

В сентябре 2018 г. Минэкономразвития России был подготовлен проект федерального закона «О преференциальных режимах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³²,

³¹ См.: Российский инвестиционный форум—2019. «Перезагрузка» инструментов развития территорий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://rusinvestforum.org/news/%C2%ABperezagruzka%C2%BB-instrumentov-razvitiya-territorij/> (дата обращения: 15.01.2023).

³² См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов // <https://regulation.gov.ru/projects#npa=83729> (дата обращения: 15.01.2023).

который так и не был внесен в Государственную Думу. Имеющиеся недостатки правового регулирования являются движущей силой правового прогресса³³, что в перспективе все же может воплотиться в принятие подобного закона. Однако в том виде, в каком это было представлено Минэкономразвития России, такая систематизация вряд ли целесообразна. Для преференциальных режимов была выбрана единая модель «специальных экономических зон», которая поглотила бы особые экономические зоны, территории опережающего развития и некоторые иные территории. Однако подобная коренная переработка рассматриваемых режимов не может обеспечить стабильности их правовой регламентации, которая во многом является залогом повышения эффективности хозяйственной деятельности, поскольку стабильное регулирование дает резидентам уверенность в неизменности выбранного государством курса, возможность приспособиться к заложенным в нормативных правовых актах параметрам функционирования режимов. Их переформатирование, изменение сроков, на которые они создаются, механизмов экономического стимулирования могут привести к противоположному результату и уходу резидентов с территории.

Систематизация законодательства в данном случае должна иметь иные цели — закрепить и усовершенствовать существующее состояние, установить четкие критерии разграничения режимов, условия входа резидентов на соответствующие площадки, параметры, при наличии которых территории субъектов Российской Федерации и муниципальных образований могут быть пригодными для учреждения на них того или иного преференциального режима. Будучи одним из направлений инновационной правовой политики, решая комплексные правовые задачи и синтезируя наилучшие компоненты развития отечественного права³⁴, систематизация имеет целью также устранение неработающих или дублирующих норм. «Мертвый» режим зон территориального развития, очевидно, не нуждается в дальнейшем правовом закреплении. При наличии единого правового режима инновационных научно-технологических центров, вероятно, может отпасть надобность в отдельном законодательном регулировании деятельности инновационного центра «Сколково».

³³ См.: Белоусов С.А. Принцип соразмерности и баланс интересов в системе российского законодательства: общетеоретический ракурс рассмотрения проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 4. С. 42.

³⁴ См.: Курышев Е.Ю., Алексеев С.О. Инновационное обновление российского права: стратегия и тактика правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 39.

* * *

Таким образом, системность правовой политики в сфере организации особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности является одним из ее наиболее важных принципов, способствуя выявлению и реализации действенных подходов к определению модели их регламентации, учитывающей наиболее успешные практики их формирования. Тем не менее требование системности правовой политики применительно к рассмотренным режимам в полной мере не реализовано. Этому препятствует ряд изложенных в настоящей статье факторов, которые вносят элемент дезорганизации в системные связи между компонентами правовой политики в данной сфере. Повышение уровня ее системности может быть обеспечено за счет систематизации законодательства о преференциальных режимах, избавленного от недостатков их существующей модели. При этом механизм его систематизации не должен определяться на основе замены существующих режимов на единый (например, режим «специальных экономических зон» или подобные ему). Она должна служить упорядочению сложившегося комплекса преференциальных режимов, предназначение каждого из которых подлежит уточнению для качественного улучшения деятельности хозяйствующих субъектов, выравнивания уровня социально-экономического развития регионов, ускорения развития национальной экономики и повышения уровня благосостояния граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаян Г.Ю. Экономическая функция российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 143–150.
2. Белоусов С.А. Принцип соразмерности и баланс интересов в системе российского законодательства: общетеоретический ракурс рассмотрения проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 4. С. 42.
3. Бухвальд Е.М. Формирование «точек роста» как инструмент политики пространственного развития экономики России // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3: Экономика. Экология. 2017. Т. 19. № 2 (39). С. 14.
4. Дунаев А.В. Правовая политика субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 14.
5. Колесников А.В. Особенности организации муниципального управления в особых территориях с экономическими преференциями // Вестник СГЮА. 2021. № 6 (143). С. 116, 117.
6. Коммонс Дж.Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одиновой. М., 2011.
7. Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2022. С. 370.

8. Курьшев Е.Ю., Алексеев С.О. Инновационное обновление российского права: стратегия и тактика правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 39.
9. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Основы правовой политики: учеб. пособие для магистрантов. 2-е изд. М., 2019. С. 5.
10. Ноздрачев А.Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал рос. права. 2017. № 2 (242). С. 105.
11. Рудковский В.А. Принципы правовой политики: понятие и содержание // Вестник СГЮА. 2016. № 6 (113). С. 13.
12. Садыков И.А. Цели и задачи правовой экономической политики социального государства: общетеоретические аспекты // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2020. № 2 (40). С. 164–169.
13. Струсь К.А. Принципы правовой политики в сфере формирования гражданского общества // Росс. юстиция. 2009. № 6. С. 8–10.
14. Титенко Ю.А. Принципы, виды и механизм реализации российской правовой политики: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 8.
15. Файков Д.Ю. Территориальные кластеры как инструмент структурной и региональной политики: положительные эффекты и нерешенные вопросы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 4. С. 15.
16. Шумаев В.А., Миронов В.Н. Зарубежный опыт управления: создание логистической инфраструктуры и экспортного потенциала на основе организации свободных экономических зон // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2011. № 3. С. 86.
17. Parsons K.H. John R. Commons: His Relevance to Contemporary Economics // Journal of Economic Issues. 1985. Vol. 19. Iss. 3. P. 755–778.
- University. Ser. 3: Economics. Ecology. 2017. Vol. 19. No. 2 (39). P. 14 (in Russ.).
4. Dunaev A.V. The legal policy of the subjects of the Russian Federation: issues of theory and practice: abstract ... PhD in Law. Tambov, 2006. P. 14 (in Russ.).
5. Kolesnikov A.V. Features of the organization of municipal administration in special territories with economic preferences // Bulletin of the SSLA. 2021. No. 6 (143). P. 116, 117 (in Russ.).
6. Commons J.R. The legal foundations of capitalism / transl. from English by A. Appolonova, A. Markova; ed. by M. Odintsova. M., 2011 (in Russ.).
7. Kulapov V.L., Mal'ko A.V. Theory of state and law: textbook. M., 2022. P. 370 (in Russ.).
8. Kuryshev E. Yu., Alekseev S.O. Innovative renewal of Russian law: strategy and tactics of legal policy // Legal policy and legal life. 2020. No. 2. P. 39 (in Russ.).
9. Mal'ko A.V., Salomatin A. Yu. Fundamentals of legal policy: textbook manual for undergraduates. 2nd ed. M., 2019. P. 5 (in Russ.).
10. Nozdrachev A.F. The modern content of the concept of “administrative and legal regime” // Journal of Russ. law. 2017. No. 2 (242). P. 105 (in Russ.).
11. Rudkovsky V.A. Principles of legal policy: concept and content // Herald of the SSLA. 2016. No. 6 (113). P. 13 (in Russ.).
12. Sadykov I.A. Goals and objectives of the legal economic policy of the welfare state: general theoretical aspects // Herald of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (40). P. 164–169 (in Russ.).
13. Strus K.A. Principles of legal policy in the field of civil society formation // Russ. Justice. 2009. No. 6. P. 8–10 (in Russ.).
14. Titenko Yu. A. Principles, types and mechanism of implementation of the Russian legal policy: general theoretical aspect: abstract ... PhD in Law. Tambov, 2007. P. 8 (in Russ.).
15. Faykov D. Yu. Territorial clusters as a tool of structural and regional policy: positive effects and unresolved issues // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2012. No. 4. P. 15 (in Russ.).
16. Shumaev V.A., Mironov V.N. Foreign management experience: creation of logistics infrastructure and export potential based on the organization of free economic zones // Management and business administration. 2011. No. 3. P. 86 (in Russ.).
17. Parsons K.H. John R. Commons: His Relevance to Contemporary Economics // Journal of Economic Issues. 1985. Vol. 19. Iss. 3. P. 755–778.

REFERENCES

Сведения об авторе

ЛАКАЕВ Олег Анатольевич — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; 410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

Authors' information

ЛАКАЕВ Олег А. — PhD in Law, Senior Researcher of the Saratov Branch, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 135 Chernyshevsky str., 410028 Saratov, Russia

ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

© 2023 г. М. Н. Кобзарь-Фролова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Поступила в редакцию 25.07.2023 г.

Аннотация. В статье рассмотрен финансовый рынок как совокупность денежных отношений, обеспечивающих аккумуляцию, перераспределение и инвестирование денежных средств. Автор перечисляет его элементы, приводит перечень нормативных правовых актов, регулирующих отношения в отдельных сферах финансового рынка, и прочее. Анализ актов Центрального банка РФ как мегарегулятора финансовых рынков позволяет выделить пять основных направлений развития финансового рынка на ближайшую перспективу. Автором также последовательно раскрыты задачи, которые необходимо решить для реализации каждого направления, и даны авторские комментарии. В заключение сформулированы соответствующие исследованию выводы.

Ключевые слова: финансовый рынок, имущественные отношения, валютный рынок, рынок ссудных капиталов, рынок ценных бумаг, страховой рынок, рынок драгоценных металлов, цифровизация, инструменты управления рисками, риск-ориентированный подход.

Цитирование: Кобзарь-Фролова М.Н. (2023). Финансовый рынок Российской Федерации: понятие, основные векторы развития // Государство и право. 2023. № 11. С. 147–154.

Работа выполнена в рамках темы НИР «Правовое регулирование финансового рынка России в условиях турбулентности мировой экономики» (№ FMUZ-2021-0035).

DOI: 10.31857/S102694520028495-5

FINANCIAL MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, MAIN VECTORS OF DEVELOPMENT

© 2023 M. N. Kobzar-Frolova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Received 25.07.2023

Abstract. The article considers the financial market as a set of monetary relations that ensure the accumulation, redistribution and investment of funds. The author lists its elements, provides a list of regulatory legal acts regulating relations in certain areas of the financial market, and so on. Analysis of the acts of the Central Bank of the Russian Federation as a mega-regulator of financial markets allows us to identify five main directions of financial market development in the near future. The author also consistently reveals the tasks that need to be solved for the implementation of each direction, and author's comments are given. In conclusion, the relevant research conclusions are formulated.

Key words: financial market, property relations, foreign exchange market, loan capital market, securities market, insurance market, precious metals market, digitalization, risk management tools, risk-based approach.

For citation: Kobzar-Frolova, M.N. (2023). Financial market of the Russian Federation: concept, main vectors of development // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 11, pp. 147–154.

The work was carried out within the framework of the research topic “Legal regulation of the Russian financial market in the conditions of the turbulence of the world economy” (No. FMUZ-2021-0035).

Финансовый рынок рассматривают как экономическую категорию и юридический институт, а именно как систему экономических взаимоотношений, связанных с обращением ценных бумаг и мобилизацией капитала (экон.), и как правовое регулирование общественных отношений, возникающих между субъектами по поводу обращения ценных бумаг и мобилизации капитала (юрид.). Имеется предположение, что термин «финансовый рынок» впервые был введен лауреатом Нобелевской премии по экономике Джеймсом Тобином в середине 1970-х годов, который проводил анализ и исследовал международные финансовые активы и их влияние на принятие решений в области расходов государств, занятости населения, производства товаров, политики цен и пр.¹

Исследователь С. Мошенский утверждает, что цивилизованный финансовый рынок возник как итог развития финансового капитализма в Голландии в Амстердаме в XVII–XVIII вв., как искусство финансовых услуг, способность «делать деньги из денег». Первая биржа появилась в 1409 г. в г. Брюгге (Бельгия), став основным финансовым рынком Северной Европы².

Однако финансовый рынок — явление более древнее. Ученые и исследователи затрудняются сказать точно, когда впервые встречается упоминание о финансовом рынке. Высказываются разные мнения по вопросу о том, где впервые зародился (возник) финансовый рынок³. Истоки финансовых отношений (услуг) уходят в глубину тысячелетий,

в Древний Вавилон (XIX–XVI вв. до н.э.) и далее к римскому праву (VIII в. до н.э. — VI в. н.э.). Именно там впервые возникли отношения кредитования, долговые расписки, обязательства и иные предшественники ценных бумаг.

Экономисты имеют широкое представление о содержании понятия финансовый рынок и связывают его с такими составляющими, как товарообмен, прибыль, деньги и пр. Отдельные исследователи и практики предпринимают попытку дать определение данному термину. Приведем некоторые из них. Под финансовым рынком следует понимать рынок, на котором финансовые активы (акции или облигации) могут быть проданы или обменяны⁴. Финансовый рынок — это экосистема, в которой происходит обмен товара на деньги и наоборот⁵. Финансовый рынок — это пространство, где участники могут совершать покупки и продажи каких-либо финансовых инструментов, где заключаются сделки по акциям, долговым обязательствам, валюте и пр. Финансовому рынку свойственна информационная централизованность, т.е. обращение активов может происходить между участниками посредством сети Интернет⁶.

Интерес представляет учебное пособие, выпущенное Уральским федеральным университетом, где искомое понятие рассматривается посредством денежных отношений по купле-продаже финансовых инструментов, направленных на аккумуляцию, перераспределение денежных средств, их инвестирование и пр.⁷ В этом же пособии авторы называют функции финансового рынка: аккумулярующая, перераспределительная, инвестиционная.

¹ The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1981. The official web site of the Nobel Prize.

² См.: Мошенский С.З. Зарождение финансового капитализма. Рынок ценных бумаг доиндустриальной эпохи. Киев, 2016.

³ См.: Запольский С.В., Васянина Е.Л. Обязательство — ключевая категория финансового права // *Государство и право*. 2022. № 8. С. 111–120; см. также: Правовое регулирование публичных финансовых отношений в современной России / под ред. А.Н. Савенкова. М., 2022; История развития финансовых рынков. URL: <https://sarsoninvest.ru/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ См.: Дикарева И.А., Алексинцева А.С. Понятие и основные виды финансового рынка // *Экономика и социум*. 2017. № 4. С. 527–530.

⁵ См.: URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/6295fd5f9a794735345b1327>

⁶ См.: URL: <https://internetboss.ru/finansoviy-rynok>

⁷ См.: Финансовые рынки и институты: учеб. пособие / под общ. ред. О.В. Толмачевой. Екатеринбург, 2020. С. 7.

Функции — основные направления, на которые распространяет свое влияние финансовый рынок.

Структурно финансовый рынок представляет собой совокупность имущественных отношений, состоящую из таких рынков, как валютный, ссудных капиталов; видов ценных бумаг; страхования; драгоценных металлов и драгоценных камней⁸.

Кроме того, экономисты исследуют финансовый рынок через его институциональную составляющую (совокупность финансовых и кредитных учреждений) и функциональную составляющую (зависимость спроса и предложения, влияние на финансовые инструменты (финансовые продукты)).

Юридически на уровне нормативного правового акта данное понятие не закреплено, а потому легального определения не имеет. К тому же уместно отметить, что данная категория мало исследована учеными-юристами. Между тем любые экономические отношения в цивилизованном обществе должны иметь юридическую основу. Однако если исходить из вышеупомянутой структуры финансового рынка, то названные в ней имущественные отношения урегулированы правовой нормой. Например, отношения по обращению валюты и контролю за обращением валюты, валютных ценностей, дорожных чеков регулируются Федеральным законом от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»⁹ (далее — Закон № 173-ФЗ). Этот же Закон закрепляет понятие «валютный рынок» через действия участников, направленные на куплю-продажу иностранной валюты через российские уполномоченные банки и государственную корпорацию экономического развития «ВЭБ.РФ» (ст. 11). Одной из целей Закона № 173-ФЗ является создание стабильного российского внутреннего валютного рынка, отражающего прогресс в развитии национальной экономики. Законодатель в нормах данного Закона повсеместно употребляет термин «финансовый рынок», но, к сожалению, не раскрывает его содержание.

С 1993 г. действует Постановление Правительства РФ № 205¹⁰, цель которого обеспечить взаимодействие Правительства РФ и Центрального банка РФ по вопросам стимулирования процесса по формированию национального валютного рынка Российской Федерации.

Такой элемент финансового рынка, как рынок ссудных капиталов, напрямую не назван в законодательстве Российской Федерации. Рынок ссудных

капиталов есть круг (система) финансовых отношений, назначение которых сосредоточить денежную массу «в едином кошельке» и отдать ее в ссуду (кредит)¹¹. Уместно заметить, что данный вид отношений является наиболее древним и весьма распространенным, в силу чего он нашел отражение в нескольких нормативных правовых актах. Например, в Части второй ГК РФ (ст. 608, 615, 621, 623, 631); в ст. 33 Федерального закона № 395-1¹²; в ст. 146, 154 НК РФ; в Федеральном законе от № 102-ФЗ¹³; Федеральном законе № 353-ФЗ¹⁴ и многих других.

Общественные связи по поводу эмиссии и оборота эмиссионных и иных ценных бумаг урегулированы в соответствии с Федеральным законом № 39-ФЗ¹⁵. Данный Закон также регламентирует отношения, связанные с деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг. Под термином «обращение ценных бумаг» законодатель предлагает понимать оформление таких гражданско-правовых сделок, которые влекут в дальнейшем переход прав на ценные бумаги (п.п. 16 п. 1 ст. 2). Указанные отношения регулируются Частью первой и Частью второй ГК РФ.

Рассматриваемый вид отношений, как, собственно, и многие иные финансовые отношения, тесно связан с необходимостью их страхования. Правом страхования сделок с ценными бумагами обладают как граждане, так и профессиональные участники рынка ценных бумаг (п. 7 ст. 10¹⁻¹ Федерального закона от 22.04.1996 г. (ред. от 19.06.2015))¹⁶.

Рынок страхования — один из основных элементов общей системы финансового рынка, который направлен на создание некой подушки безопасности на случай риска наступления неблагоприятных последствий¹⁷. Страховой рынок неотъемлемым образом связан с выполнением ряда взаимосвязанных функций: компенсационной, накопительной, инвестиционной, распределительной, профилактической, контрольно-надзорной. Юридическая сущность страхования проявляется в его

¹¹ См.: Финансовые рынки и институты: учеб. пособие / под общ. ред. О.В. Толмачевой. С. 8.

¹² См.: Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 (ред. от 13.06.2023) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6, ст. 492.

¹³ См.: Федеральный закон от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ. 1998. № 29, ст. 3400.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 21.12.2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СЗ РФ. 2013. № 51, ст. 6673.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1918.

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2015. № 27, ст. 4001.

¹⁷ См.: Финансовое право: учеб. / под ред. А.Ю. Ильина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. Гл. 12 (Бакалавр. Академический курс).

⁸ См.: Финансовые рынки и институты: учеб. пособие / под общ. ред. О.В. Толмачевой. С. 7, 8.

⁹ См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859.

¹⁰ См.: постановление Правительства РФ от 06.03.1993 г. № 205 «Об усилении валютного и экспортного контроля и о развитии валютного рынка» // САПП РФ. 1993. № 11, ст. 940.

относительной самостоятельности и одновременно в тесном взаимодействии с другими элементами рассматриваемой системы.

Специфической особенностью страхования является то, что оно рассматривается как частно-правовыми, так и публично-правовыми отраслями права, отсюда и разнообразие правовых актов в данной области отношений¹⁸. В отличие от частноправового публично-правовое регулирование страхования представлено как способ защиты личных имущественных и неимущественных интересов (объектов) физических и юридических лиц на случай наступления неблагоприятных для страхователя событий (страховых случаев, рисков). Риски покрываются из внебюджетных денежных фондов, формируемых за счет уплачиваемых страхователями страховых взносов (премий)¹⁹.

В рамках финансового рынка государство может выступать как страховщиком, так и страхователем. Страхование может осуществляться на добровольной основе. В случаях, прямо указанных в законе, страхование является обязательным. В этом случае оно осуществляется лицом, на которое в силу закона возложена такая обязанность (п. 1 ст. 936 ГК РФ). Все разнообразие отношений страхования регулируется системой нормативных правовых актов.

Прежде всего это Гражданский кодекс РФ, в котором закреплены основы добровольного и обязательного страхования (ст. 927), общие правила заключения договоров страхования и его существенные условия (ст. 942), названы страховые интересы, которые не подлежат страхованию в силу закона (ст. 928), тайна страхования и пр.

Весомое значение для участников рынка страхования имеет Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»²⁰, в котором урегулированы отношения между лицами, осуществляющими виды страховой деятельности, отношения по осуществлению надзора в области страхования, иные отношения, связанные со страховой деятельностью (п. 1 ст. 1). Закон РФ также вводит понятие страхового риска как события, на случай которого проводится страхование (п. 1 ст. 9).

Федеральным законом № 165-ФЗ²¹ установлены виды социальных рисков (п. 1 ст. 7) и страховых

случаев (п. 1¹ ст. 7). В 2023 г., учитывая конституционные гарантии и право на пенсионное обеспечение (ст. 7, 39 Конституции РФ), принят Федеральный закон № 400-ФЗ²², которым введены основания и порядок осуществления прав российских граждан на страховые пенсии.

Система нормативных правовых актов, регулирующих различные виды страховых рисков и виды деятельности страховщиков (состраховщиков, перестраховщиков) и их ответственность, весьма обширна и постоянно пополняется в связи с возникновением на финансовом рынке новых видов финансовой деятельности.

Последним из системы элементов финансовых рынков, но не последним по значимости, является рынок драгоценных металлов. Драгоценные металлы во всем мире признаются ликвидным товаром (средством обращения) и имеют денежный эквивалент. Российская Федерация имеет монополию на производство, использование и обращение драгоценных металлов. Правовые основания добычи, производства, оборота драгоценных металлов и государственного контроля за этими процессами закреплены в Федеральном законе от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»²³.

Уместно отметить, при всем разнообразии отношений, входящих в область (понятие) финансового рынка, имеющейся системы нормативных правовых актов нет единого закона, закрепляющего понятие и общие принципы финансового рынка, деятельности его субъектов, общий правовой механизм его функционирования, основные индикаторы элементов данного рынка, инструментарий мониторинга развития финансового рынка, механизмы управления рисками, вопросы ответственности и пр.

Обновление и эволюция российского финансового рынка, вопросы обеспечения его устойчивости требуют участия разнообразных инструментов и средств, которые возможно применять в зависимости от уровня и специфики решаемых задач. К инструментарию можно отнести: правовое регулирование, в том числе разработку стандартов; элементы цифровой инфраструктуры; страхование; налоговое стимулирование; государственное (региональное) субсидирование; повышение финансовой грамотности; контроль (надзор) и пр.

Единую финансово-кредитную политику на уровне государства проводит Центральный банк

¹⁸ См.: Финансовое право: учеб. / под общ. ред. Э.Д. Соколовой; отв. ред. А.Ю. Ильин. М., 2019.

¹⁹ См.: Финансовое право: учеб. / под ред. А.Ю. Ильина. 2-е изд., перераб. и доп. Гл. 12.

²⁰ См.: Росс. газ. 1993. 12 янв.

²¹ См.: Федеральный закон от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об основах обязательного социального страхования» // СЗ РФ. 1999. № 29, ст. 3686.

²² См.: Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 18.03.2023) «О страховых пенсиях» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. 1), ст. 6965.

²³ См.: СЗ РФ. 1998. № 13, ст. 1463.

РФ при взаимодействии с Правительством РФ²⁴. Являясь органами публичной власти, осуществляя свою деятельность в соответствии с Конституцией РФ, Правительство РФ и Банк России проводят политику подъема и стабильного развития российского финансового рынка. Коллаборация деятельности Банка России и Правительства РФ позволяет формировать инфраструктуру финансового рынка, осуществлять воздействие на нее в случаях, когда инструменты свободных рыночных отношений не способны справиться с ситуацией и возникает потребность влиять на конкурентную среду с целью преодоления кризисных явлений, с учетом интересов экономической безопасности и финансового суверенитета Российской Федерации.

С 2013 г. Центральный банк РФ приобрел статус мегарегулятора. В этой связи законодатель дополнительно наделил Банк России полномочиями, в числе которых совершенствование финансового рынка Российской Федерации и поддержка и защита его стабильности. При этом законодатель не назвал виды инструментов и методы, которые должен (может) применять Центральный банк РФ, оставив это на его выбор.

Выполняя стоящие перед Банком России задачи, последний обладает правом издания указаний, положений и инструкций, обязательных для органов публичной власти всех уровней, юридических и физических лиц²⁵. Обязанностью Центрального банка РФ является определение векторов (направлений) развития российского финансового рынка. Учитывая, что российская экономика и финансовый рынок с 2012 г. функционируют в условиях целого спектра вызовов и беспрецедентного санкционного давления, в 2022 г. Банком России был подготовлен и принят документ — Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2025 года, который одобрен Советом директоров Центрального банка РФ²⁶. Документ разрабатывался с учетом предложений участников финансового рынка, сообщества экспертов, предложений и мнения сенаторов, высказанных на парламентских слушаниях в Государственной Думе ФС РФ.

Принимая во внимание санкционное давление на Россию со стороны США и государств коллективного Запада, арест и заморозку российских финансовых активов за рубежом и то, что все эти

и иные недружественные выпады будут существовать длительный период, Центральный банк РФ определил, что требуется принятие системных решений, направленных на стимулирование российской экономики в целом и финансового рынка в частности, нужны новые механизмы для проведения взвешенной и последовательной макроэкономической политики, политики цен, устойчивости государственных и муниципальных финансов.

В числе первоочередных Банк России назвал пять направлений: создание благоприятных условий, нацеленных на повышение роли финансового рынка в финансировании российской экономики; выработать механизмы, направленные на защиту прав и обеспечение гарантий потребителей финансовых услуг и инвесторов; трансформация внешне-торговых платежей и расчетов; всеобщая цифровизация всех сфер рынка финансов; разработать систему мер, обеспечивающих стабильность рынка финансов Российской Федерации.

Каждое из названных направлений включает группы (систему) приоритетных задач. Кроме указанных не менее значимыми Центральный банк РФ видит такие направления, которые связаны с подготовкой финансовой платформы для роста благосостояния граждан. Интересно то, что Банк России ставит задачу повышения финансовой грамотности населения, включая и представителей предпринимательства и самозанятых, их постоянное информирование обо всех структурных изменениях в вопросах функционирования каждого из элементов финансового рынка с учетом вызовов современности. Все это будет способствовать принятию гражданами и предпринимателями верных финансовых решений и снизит риски необдуманных решений, влияющих на их финансовое благосостояние.

Реализация намеченных направлений будет способствовать модернизации экономики. В этой связи подготовлен широкий набор финансовых инструментов, содействующих активному движению накопленных сбережений в инвестиции. Сфера отношений в рамках рынка финансов создает возможности для трансформации накопленных населением сбережений, предоставляет набор инструментов, отвечающих потребностям бизнеса для пополнения оборотных средств (краткосрочное финансирование), решает потребности в долгосрочных ресурсах (инвестиционные проекты). Следует заметить, что перераспределение личных сбережений населения и предпринимателей в инвестиционные проекты, на правила свободного рынка, обеспечивает эффективную трансформацию и использование ресурсов в экономике. Способствуя аккумулированию сбережений населения, финансовый рынок содействует доверию граждан

²⁴ См.: Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

²⁵ См.: Галузо В. Н. О правовом регулировании контроля Центрального банка Российской Федерации за деятельностью кредитных организаций в Российской Федерации // Междунар. журнал гражданского и торгового права. 2019. № 3. С. 10–18.

²⁶ В официальных источниках опубликованы не были.

и предпринимателей к российским финансовым институтам, их устойчивости.

Для реализации каждого из намеченных направлений развития финансового рынка должен быть решен ряд задач. Отметим, Центральный банк РФ убежден, что для полноценного функционирования финансового рынка важно укрепление доверия к финансовым институтам граждан и бизнеса.

По первому направлению: сохраняя свободные рыночные отношения и максимум самостоятельности инвесторов, добиться эффективного функционирования всех финансовых институтов; расширять потенциал малых банков; опираясь на принципы риск-ориентированного подхода, наиболее полно задействовать регуляторные по вопросам участия банков в российских проектах экономического развития; способствовать росту юридических и организационных механизмов, содействующих диверсификации риска кредитных отношений (кредитовать только те новые проекты, которые направлены на производство и реализацию товаров и услуг с высокой степенью потребности в них населения и приносящие прибыль); стимулировать население и бизнес на долгосрочные вложения и иные сбережения. Обособленно стоит задача развития инструментов добровольного страхования.

Второе направление связано с подбором таких механизмов, которые бы в конечном результате способствовали цели защиты прав и обеспечения гарантий потребителей финансовых услуг и инвесторов. Осознавая, что российский финансовый рынок был и остается неотъемлемой частью международной финансовой системы, он играет важную роль в вопросах привлечения капитала в российскую экономику²⁷ извне, в настоящее время (в силу санкций) из дружественных стран. В этой связи одной из насущных остается задача создания благоприятных условий для иностранных инвестиций²⁸, добиваться не только доступности различных финансовых инструментов для граждан, предпринимателей и инвесторов, но и вырабатывать механизмы, направленные на защиту потребителей финансовых услуг и инвесторов, продолжить работу в части создания условия киберзащиты, использовать в целях защиты онлайн-каналы обслуживания.

По третьему направлению (цифровизация финансового рынка) намечены следующие задачи:

²⁷ См.: Кобзарь-Фролова М.Н. К вопросу о правовом регулировании инвестиционной деятельности в Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 6. С. 109–116.

²⁸ См., напр.: Кобзарь-Фролова М.Н. Тенденции и ориентиры инвестиционной политики Российской Федерации на ближайшую перспективу // Финансовое право. 2014. № 9. С. 7–11; *Ее же*. Инвестиционная политика: состояние, проблемы, пути преодоления кризиса инвестиций // Вопросы правоведения. 2015. № 3 (31). С. 214–225.

приоритетной видится задача развития правового регулирования финансового рынка. Необходимо решить вопрос о правовом регулировании отношений в форме платежных сервисов, направленных на обеспечении защиты баз данных населения и предпринимателей, а также правовой регламентации отношений по киберустойчивости российской платежной системы. Это потребует проведения работ по подготовке проектов ряда федеральных законов, способных урегулировать отношения по закреплению цифровых прав населения и предпринимателей и их ответственности²⁹. Способствовать развитию правового регулирования системы быстрых платежей (СБП), в том числе онлайн-платежей, в бюджетную систему Российской Федерации (налогов, сборов, пошлин, оплаты штрафов), законодательно расширить перечень участников, использующих платформу «Цифровой профиль», по получению финансовых услуг клиентами. Опыт внедрения цифровых технологий в финансовые отношения продемонстрировал эффект в области структурной трансформации российской экономики.

Пилотный проект платформы «Цифровой рубль» стал важным условием развития рынка финансов. Пробный шаг в этом направлении был сделан в апреле 2023 г.³⁰ Сегодня стоит задача сделать цифровой рубль официально (законно) третьей формой денег, эмитируемой Банком России и его обязательством.

Вызовом в банковской сфере стал выход поставщиков из российского рынка оборудования, системного программного обеспечения и электронных систем управления базами данных и ведения аналитики. В этих условиях задача развития собственных цифровых решений является особенно важной. Совместно с Правительством РФ Центральный банк РФ будет продолжать поиск новых подходов в вопросах правового обеспечения экосистемного бизнеса, в основе которого лежит принцип пропорциональности объема данных платформы / экосистемы и потенциальных рисков.

Не менее важной видится задача внедрения цифровизации надзора в рамках SupTech и RegTech-решений³¹. Применение указанных технологий надзора позволит оптимизировать виды

²⁹ См.: Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы // В официальных источниках опубликована не была.

³⁰ См.: Развитие Рынка цифровых активов в Российской Федерации: Доклад ЦБ России для общественных консультаций, 2022 // В официальных источниках опубликован не был.

³¹ См.: Основные направления развития технологий SupTech и RegTech на период 2021–2023 годов. Документ опубликован не был.

надзорной деятельности, сократить затраты и нагрузку на проверяющих.

Четвертое направление будет обеспечено посредством развития отношений в области международных платежей и расчетов, интеграции с международной платежной системой и попыткой перехода к расчетам в иных валютах, нежели доллар и евро. Отсюда следующая задача — во взаимодействии с Правительством РФ подобрать новую комбинацию валютного регулирования, обеспечивающую ограничения на бесконтрольное движение капитала. Подбор новой комбинации валютного регулирования (архитектуры) сделает возможным применить такой метод, как дифференциация капиталов, в зависимости от принципа резидентства и валют. Такие подходы будут способствовать стимулированию перехода предпринимателей и их контрагентов на расчеты в российских рублях и валютах дружественных государств. В этой связи Правительство РФ приняло Постановление от 26 декабря 2022 г. № 2433 «Об утверждении Правил осуществления между резидентами и нерезидентами расчетов наличными денежными средствами»³², которым утверждены новые процедуры (Правила), определяющие порядок проведения расчетов между резидентами и нерезидентами наличными денежными средствами в иностранной валюте, а также обращения обязательств по облигациям, выпущенным организациями, не имеющими российского резидентства. Третья задача в данном направлении — оптимизировать и сделать более щадящей систему ПОД / ФТ при условии сохранения необходимого уровня банковского контроля. Так, поставлена задача оптимизировать существующие ныне требования по идентификации клиентов, упростить подачу сведений, истребуемых банками от клиентов, по заключенным договорам, снять обязательный контроль операций.

В рамках пятого направления потребуются поднять вопросы финансовой стабильности рынка и обратиться к решению таких задач, как поддержка девальютизации. Приоритетной задачей будет обеспечение сбалансированной переориентации отношений на валюты дружественных стран при осуществлении международных расчетов. Переход должен быть равномерным как по импорту, так и по экспорту, с учетом накопления достаточных средств на корреспондентских счетах в банках.

Совершенствование (донастройка) макропруденциального регулирования кредитных отношений в иностранной валюте, посредством установления дифференцированных коэффициентов риска по кредитным требованиям с фиксацией критерия надежности государства

в номинированной валюте. Указанные надбавки, кроме всего, должны учитывать такой критерий, как соответствие заемщика уровню выручки, для безусловного исполнения обязательств в соответствующей валюте (экспортер / неэкспортер). В этой связи необходимо пересмотреть порядок долговой нагрузки заемщиков.

Значимой видится постановка задачи о создании условий, позволяющих стимулировать вопросы управления рисками, развивать национальные системы индикаторов и системы их управления. В этой связи предусмотрено применение финансовых инструментов и введение следующих мер: поднять качество и уровень надежности основных индикаторов производных финансовых инструментов (ПФИ); применять вспомогательные возможности для участников рынка финансов по ведению и обслуживанию собственных рисков; увеличить спектральные возможности потенциальных для ПФИ базисных активов, допуская внедрение новых эффективных инструментов; оптимизация налогового администрирования в области ПФИ, включая хеджирование для устранения рисков сделок.

Выводы

Анализ направлений развития финансового рынка Российской Федерации и те задачи, которые ставит Центральный банк РФ, реализуя их в коллаборации с Правительством РФ, дают основания предположить, что их выполнение позволит интегрировать российский финансовый рынок в общемировой финансовый рынок. Достижение намеченных мегарегулятором целей создаст возможность для структурной трансформации российской экономики, приведет к финансовой стабильности экономических отношений и придаст дополнительный импульс развитию финансовой инфраструктуры и основных инструментов финансового рынка.

Вместе с тем анализ и исследование финансово-правовой основы выявил отсутствие правового акта, закрепляющего понятие и общие принципы финансового рынка. В российском законодательстве не в полной мере определен статус субъектов финансового рынка, особенно это относится к правам и гарантиям предпринимателей как участников финансовых отношений, и на это обращает особое внимание Банк России. Отсутствует общий правовой механизм функционирования финансового рынка, не названы основные индикаторы, которые используются для мониторинга развития финансового рынка, не определены инструменты и методы управления рисками, не в достаточной степени проработаны вопросы ответственности участников и пр.

³² См.: СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I), ст. 252.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галузо В.Н. О правовом регулировании контроля Центрального банка Российской Федерации за деятельностью кредитных организаций в Российской Федерации // Междунар. журнал гражданского и торгового права. 2019. № 3. С. 10–18.
2. Дикарева И.А., Алексинцева А.С. Понятие и основные виды финансового рынка // Экономика и социум. 2017. № 4. С. 527–530.
3. Запольский С.В., Васянина Е.Л. Обязательство — ключевая категория финансового права // Государство и право. 2022. № 8. С. 111–120.
4. История развития финансовых рынков. URL: <https://sarsoninvest.ru/> (дата обращения: 01.07.2023).
5. Кобзарь-Фролова М.Н. Инвестиционная политика: состояние, проблемы, пути преодоления кризиса инвестиций // Вопросы правоведения. 2015. № 3 (31). С. 214–225.
6. Кобзарь-Фролова М.Н. К вопросу о правовом регулировании инвестиционной деятельности в Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 6. С. 109–116.
7. Кобзарь-Фролова М.Н. Тенденции и ориентиры инвестиционной политики Российской Федерации на ближайшую перспективу // Финансовое право. 2014. № 9. С. 7–11.
8. Мошенский С.З. Зарождение финансового капитализма. Рынок ценных бумаг доиндустриальной эпохи. Киев, 2016.
9. Правовое регулирование публичных финансовых отношений в современной России / под ред. А.Н. Савенкова. М., 2022.
10. Финансовые рынки и институты: учеб. пособие / под общ. ред. О.В. Толмачевой. Екатеринбург, 2020. С. 7, 8.

Сведения об авторе

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

REFERENCES

1. Galuzo V.N. On the legal regulation of the control of the Central Bank of the Russian Federation over the activities of credit institutions in the Russian Federation // International Journal of Civil and Commercial Law. 2019. No. 3. P. 10–18 (in Russ.).
2. Dikareva I.A., Aleksintseva A.S. The concept and main types of the financial market // Economy and society. 2017. No. 4. P. 527–530 (in Russ.).
3. Zapolsky S.V., Vasyanina E.L. Obligation — a key category of Financial Law // State and Law. 2022. No. 8. P. 111–120 (in Russ.).
4. History of the development of financial markets. URL: <https://sarsoninvest.ru/> (accessed: 01.07.2023) (in Russ.).
5. Kobzar-Frolova M.N. Investment policy: state, problems, ways to overcome the investment crisis // Questions of jurisprudence. 2015. No. 3 (31). P. 214–225 (in Russ.).
6. Kobzar-Frolova M.N. On the issue of legal regulation of investment activity in the Russian Federation // State and Law. 2023. No. 6. P. 109–116 (in Russ.).
7. Kobzar-Frolova M.N. Trends and guidelines of the investment policy of the Russian Federation for the near future // Financial Law. 2014. No. 9. P. 7–11 (in Russ.).
8. Moshovskiy S.Z. The origin of financial capitalism. The securities market of the pre-industrial era. Kiev, 2016 (in Russ.).
9. Legal regulation of public financial relations in modern Russia / ed. by A.N. Savenkov. M., 2022 (in Russ.).
10. Financial markets and institutions: studies manual / under the general editorship of O.V. Tolmacheva. Yekaterinburg, 2020. P. 7, 8 (in Russ.).

Authors' information

KOBZAR-FROLOVA Margarita N. — Doctor of Law, Professor, Chief Scientist of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО
И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

РЕАЛЬНЫЙ МИР КАК ДОПОЛНЕНИЕ МЕТАВСЕЛЕННОЙ
(ГРЯДУЩИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА)

© 2023 Ю. М. Батури¹*, С. В. Полубинская², **

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: baturin@ihst.ru

**E-mail: svepol@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.07.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена правовым проблемам, связанным с созданием метавселенной — новой цифровой среды, использующей технологии виртуальной и дополненной / расширенной реальности. По мере их совершенствования виртуальные миры в обозримом будущем могут стать широко доступными и предоставить новые возможности в сфере образования, здравоохранения, экономики и других областях государственной и общественной жизни. Специалисты прогнозируют, что экономика внутри метавселенной быстро превысит объем экономики реального мира.

Наряду с позитивными метавселенная имеет и негативные стороны, что не только увеличивает уже существующие риски, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий, но и создает новые, в том числе для безопасности и конфиденциальности персональных данных пользователей и эффективного противодействия компьютерным преступлениям. В этой связи авторы отмечают необходимость правового регулирования метавселенной и управления создаваемыми ею рисками, не исключая юридическую регламентацию применения сложнейших технологий, обеспечивающих ее существование. Уже сегодня следует разрабатывать принципы и правила регулирования отношений в метавселенной на опережение, поскольку в недалеком будущем они будут способны оказывать значительное влияние на право реального мира.

Авторы вводят понятия «наблюдение» и «наблюдатель», формализующие в правовом контексте идею юридического взгляда, и обсуждают возможные, в зависимости от позиции наблюдателя, подходы к правовым основам управления метавселенной, виртуальному праву и его связям с правом реальным.

Ключевые слова: метавселенная, виртуальная реальность, дополненная / расширенная реальность, информационно-коммуникационные технологии, Интернет, виртуальные объекты, персональные данные, конфиденциальность, виртуальные преступления, наблюдатель.

Цитирование: Батури Ю. М., Полубинская С. В. Реальный мир как дополнение метавселенной (грядущие трансформации права) // Государство и право. 2023. № 11. С. 155–169.

DOI: 10.31857/S102694520028493-3

THE REAL WORLD AS AUGMENTED METAVERSE (COMING TRANSFORMATIONS OF LAW)

© 2023 Yu. M. Baturin^{1, *}, S.V. Polubinskaya^{2, **}

¹Lomonosov Moscow State University

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: baturin@ihst.ru

**E-mail: svepol@yandex.ru

Received 04.07.2023

Abstract. This article deals with legal issues of metaverse — a new digital environment that uses virtual and augmented / extended reality technologies. With further developments, virtual worlds could become widely accessible in the foreseeable future and provide new opportunities in education, healthcare, economics and other areas of public and social life. Experts predict that the economy within metaverse will exceed the size of the real world economy fast.

Along with positive, metaverse also has negative sides including increase of current risks associated with use of information and communication technologies and emergence of new ones dealing with security and privacy of users' personal data and effective counteraction to cybercrimes. In this regard, the authors underscore the importance of legal regulation of metaverse and management of novel risks, also in the field of legal regulation concerning application of the underlying highly complex technologies. Principles and rules to regulate relations in metaverse should be developed the sooner the better and in prospect of further developments, because in the near future they could have a significant impact on the law of real world.

The authors introduce the concepts of “observation” and “observer”, which formalize in legal context the idea of a legal view and discuss possible — depending on the position of the observer — approaches to the legal framework of metaverse governance, virtual law and its relationships with the real world law.

Key words: metaverse, virtual reality, augmented / extended reality, information and communication technologies, Internet, virtual objects, personal data, privacy, virtual crimes, observer.

For citation: Baturin, Yu. M., Polubinskaya, S.V. (2023). The real world as augmented metaverse (coming transformations of law) // Gosudarstvo i pravo = State and Law, No. 11, pp. 155–169.

*Реальный мир часто оказывается
всего лишь частным случаем.
(Наблюдение Хорнгрена)*

Широкое обсуждение метавселенной как новой цифровой среды с применением технологий виртуальной реальности (*virtual reality* или *VR*) и дополненной / расширенной реальности (*augmented / extended reality* или *AR/XR*) началось в 2021 г., когда Марк Цукерберг объявил о создании транснациональной компании *Meta Platforms, Inc.*¹ Разработкой метавселенной занялись также компании *Google, Microsoft, Binance, Epic Games, Tencent, Nvidia, Amazon* и ряд других². В том же году инвестиции

в технологии и инфраструктуру метавселенной составили 57 млрд долл., а только за первые пять месяцев 2022 г. они выросли практически вдвое и превысили 120 млрд долл.³

Предполагается, что информационно-коммуникационные технологии по мере их совершенствования и глобального распространения сделают виртуальные миры широко доступными и пользователи будут в них работать, учиться, путешествовать, отдыхать и общаться друг с другом.

Так, ранее столица Южной Кореи г. Сеул объявил о планах стать к 2023 г. первым городом в мире, создавшим метавселенную — виртуальный

¹ Признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации.

² См., напр.: Губанов К. Не Цукербергом единым: кто еще разрабатывает метавселенные // Росс. газ. 16.11.2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2021/11/16/ne-cukerbergom-edinym-kto-eshche-razrabatyvaet-metavselennye.html> (дата обращения: 07.05.2023); Мартынова К. Кто создает метавселенную // BestStokes. 01.11.2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://beststocks.ru/journal/kto-sozdaet-metavselennuyu/> (дата обращения: 07.05.2023); Value creation in the

metaverse. The real business in virtual world. McKinsey&Company. June 2022. P. 21, 22 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/value-creation-in-the-metaverse> (дата обращения: 07.05.2023).

³ См.: Meet the Metaverse: Creating real value in a virtual world [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.mckinsey.com/about-us/new-at-mckinsey-blog/meet-the-metaverse-creating-real-value-in-a-virtual-world> (дата обращения: 07.05.2023).

многофункциональный комплекс — для оказания общественных услуг. В январе 2023 г. была запущена первая фаза проекта. Пользователи могут ходить по городу с помощью аватаров⁴ и задавать вопросы или получать консультации, в том числе по экономике, налогам, образованию, культуре и градостроительству. Следующие две фазы будут завершены в 2026 г., когда появится еще больше услуг, включая возможность для граждан сочетать виртуальную и дополненную реальность для взаимодействия с городской инфраструктурой⁵.

Рассматриваются возможности использования возможностей метавселенной в сфере образования⁶, медицины и здравоохранения⁷, а также в торговле, рекламе и других областях экономики⁸. По оценкам экспертов, к 2030 г. экономическое воздействие метавселенной на рынок электронной коммерции может составить от 2 до 2.6 трлн долл., на рынок виртуального обучения — от 180 до 270 млрд долл., на рынок рекламы — от 144 до 206 млрд долл. и на рынок игр — от 108 до 125 млрд долл.⁹

Научные публикации, так или иначе затрагивающие различные аспекты создания и организации метавселенной, появились еще в 1990-е годы. Так, за период с 1995 по 2022 г. в *Web of Science* была включена 491 научная статья, обзор или доклад на

конференции, посвященные таким вопросам. В библиографической и реферативной базе данных *Scopus* за тот же период времени появилось 2240 научных публикаций. Ученые из университетов и исследовательских центров США, Китая, Великобритании и Южной Кореи являются лидерами по числу публикаций, большинство из которых пришлось на 2022 г.¹⁰

Определение метавселенной, ее архитектура и необходимые технологии, перспективы использования в разных областях человеческой деятельности, как и взаимодействие с реальным миром, являются предметами дискуссий. Одновременно внимание исследователей обращается на проблемы кибербезопасности метавселенной и защиты данных, прежде всего персональных данных пользователей¹¹.

Что такое метавселенная

Общепринятое понимание сущности метавселенной, как и ее содержательное определение, на сегодняшний день отсутствуют. Предлагаемые в литературе дефиниции варьируются от самых общих до весьма подробных, включающих в себя основные характеристики метавселенной¹².

Для обычных людей средства массовой информации представляют метавселенную как «виртуальный мир, где наши цифровые аватары и аватары людей в наших сообществах и по всему миру собираются вместе, чтобы работать, делать покупки, посещать занятия, заниматься хобби, наслаждаться общением и многое другое»¹³.

¹⁰ См.: Janhianen J.S., Krohn C., Junnila J. Metaverse and Sustainability: Systematic Review of Scientific Publications until 2022 and Beyond // *Sustainability*. 2023. Vol. 15. Iss. 1. Art. 346 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/15/1/346> (дата обращения: 07.05.2023).

¹¹ См. подр.: Di Pietro R., Cresci S. Metaverse: Security and Privacy Issues // Third IEEE International Conference on Trust, Privacy and Security in Intelligent Systems and Applications (TPS-ISA). Atlanta, GA, USA. 2021. P. 281–288; Huang Y., Li Y.J., Cai Z. Security and Privacy in Metaverse: A Comprehensive Survey // *Big Data Mining and Analytics*. 2023. Vol. 6. No. 2. P. 234–247; Chow Y.-W., Susilo W., Li Y. et al. Visualization and Cybersecurity in the Metaverse: A Survey // *Journal of Imaging*. 2023. Vol. 9. Iss. 1. Art. 11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.mdpi.com/2313-433X/9/1/11> (дата обращения: 12.05.2023).

¹² См. подр.: Al-Ghaili A.M., Kasim H., Al-Hada N.M. et al. A Review of Metaverse's Definitions, Architecture, Applications, Challenges, Issues, Solutions, and Future Trends // *IEEE Access*. 2022. Vol. 10. P. 125839; Ritterbusch G.D., Teichmann M.R. Defining Metaverse: A Systematic Literature Review // *IEEE Access*. 2023. Vol. 11. P. 12371.

¹³ Needleman S.E. The Amazing Things You'll Do in the "Metaverse" and What It Will Take to Get There // *The Wall Street Journal*. 16 Oct., 2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.wsj.com/articles/the-amazing-things-youll-do-in-the-metaverse-and-what-it-will-take-to-get-there-11634396401> (дата обращения: 12.05.2023).

⁴ Аватар — виртуальный персонаж, трехмерное воплощение личности пользователя. Внешний вид и реакции аватара соответствуют желаниям и реакциям самого пользователя.

⁵ См.: Value creation in the metaverse. The real business in virtual world. P. 39; Ramos J. Seoul Is the First City to Join the Metaverse (and This Is What Can Already Be Done) // *Tomorrow City*. April 13, 2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://tomorrow.city/a/seoul-metaverse> (дата обращения: 30.05.2023).

⁶ См., напр.: Kye B., Han N., Kim E. et al. Educational Applications of Metaverse: Possibilities and Limitations // *Journal of Educational Evaluation for Health Professions*. 2021. Vol. 18 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://jeehp.org/journal/view.php?number=424> (дата обращения: 10.05.2023); Mistrette S. The Metaverse — An Alternative Education Space // *AI, Computer Science and Robotics Technology*. Nov., 2022. P. 1–3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.intechopen.com/journals/1/articles/87> (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ См.: Yang D., Zhou J., Chen Y. et al. Expert Consensus on the Metaverse in Medicine // *Clinical eHealth*. 2022. Vol. 5. P. 1–9; Chengoden R., Victor N., Huynh-The H. et al. Metaverse for Healthcare: A Survey on Potential Applications, Challenges and Future Directions // *IEEE Access*. 2023. Vol. 11. P. 12765–12795 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/10034994> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸ См., напр.: Cheng X., Zhang S., Fu S. et al. Exploring the Metaverse in the Digital Economy: An Overview and Research Framework // *Journal of Electronic Business and Digital Economics*. 2022. Vol. 1. Iss. 1/2. P. 206–224 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JEBDE-09-2022-0036/full/html> (дата обращения: 12.05.2023).

⁹ См.: Value creation in the metaverse. The real business in virtual world. P. 39.

Специалисты же обращают внимание на характеристики метавселенной как новой виртуальной среды. Примером может служить определение метавселенной, сформулированное на основе анализа научных публикаций из различных областей знаний (компьютерные науки, инженерное дело, социальные науки и др.). Авторы определяют метавселенную как децентрализованную трехмерную онлайн-среду, которая постоянна и иммерсивна и где «пользователи, представленные аватарами, могут социально и экономически взаимодействовать друг с другом в творческой и совместной манере в виртуальных пространствах, отделенных от реального физического мира»¹⁴.

Другое определение не только описывает «содержание» метавселенной, но и указывает на технические средства доступа к ней. Ю. Вэнг (Y. Wang) с соавторами определяют метавселенную как «искусственно созданный мир, который состоит из управляемых пользователем аватаров, цифровых вещей, виртуальных пространств и других сгенерированных компьютером элементов, где люди (представленные аватарами) могут использовать свою виртуальную личность с помощью любого «умного» устройства для общения, сотрудничества и взаимодействия друг с другом»¹⁵.

Заметим, что в предлагаемых определениях метавселенной отражается понимание авторами ее назначения. Одна позиция — метавселенная есть следующее поколение Интернета. Именно так описывает метавселенную Марк Цукерберг. По его мнению, это «виртуальная среда, где вы можете представлять себя с людьми в цифровом пространстве. Вы можете думать об этом как о воплощенном Интернете, в котором вы находитесь, а не просто смотрите на него»¹⁶.

Сторонники такого подхода пишут, что «в основе метавселенной лежит видение иммерсивного Интернета как гигантского, единого, постоянного и общего пространства», и определяют метавселенную как «виртуальную среду, объединяющую физическое и цифровое, чему способствует конвергенция Интернета и веб-технологий с расширенной реальностью (XR)»¹⁷. Такой Интернет будет

обеспечивать пользователям уровень ощущений как в реальном мире¹⁸.

Рассматривают метавселенную и как новое виртуальное игровое пространство. Развитие метавселенной происходит благодаря играм, и это самое популярное ее использование¹⁹.

Надо отметить, что ее предшественниками являются массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (*Massively Multiplayer Online Role-playing Game* или *MMORPG*), появившиеся в середине 1990-х годов²⁰. Благодаря увеличению мощности компьютеров и скорости доступа к Интернету такие игры, сложные по дизайну, «со стойкими пространствами, изображенными с помощью потрясающей 3D-графики»²¹, стали возможными. Игроки смогли создавать виртуальные объекты и ландшафты, и цель такой игры по сравнению с играми предыдущего поколения другая: «первоначальная задача изучения готового виртуального мира, чтобы заработать очки и власть, была заменена на бесконечный поиск вариантов построения как социальных отношений, так и инфраструктуры этого мира»²².

Среди онлайн-игровых вселенных постепенно сформировался класс многопользовательских сетевых приложений, называемых серьезными играми, или Глобальными многопользовательскими виртуальными мирами (*Massively Multiplayer Online World* или *MMOW*). Такие виртуальные миры являются модифицированными отражениями реального мира (*Entropia*, *Roblox*, *Decentraland*, *Second Life* и др.), в которых пользователи через своих аватаров (виртуальных персонажей) работают

researchgate.net/publication/355172308_All_One_Needs_to_Know_about_Metaverse_A_Complete_Survey_on_Technological_Singularity_Virtual_Ecosystem_and_Research_Agenda?channel=doi&linkId=619c4bc5d7d1af224b199c8d&showFulltext=true (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁸ См. подр.: Lee L.-H., Zhou P., Braud T., Hui P. What is the Metaverse? An Immersive Cyberspace and Open Challenges. June 8, 2022 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/361161855_What_is_the_Metaverse_An_Immersive_Cyberspace_and_Open_Challenges (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁹ См.: Value creation in the metaverse. The real business in virtual world. P. 24; Wang Y., Su Z., Zhang N. et al. Op. cit. P. 326.

²⁰ Историю многопользовательских онлайн-игр см.: Brenner S.W. Fantasy Crime: The Role of Criminal Law in Virtual Worlds // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2008. Vol. 11. No. 1. P. 20–31.

²¹ Zack J.S. The Ultimate Company Town: Wading in the Digital Marsh of Second Life // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. 2007. Vol. 10. Iss. 1. P. 229.

²² Mayer-Schönberger V., Crowley J. Napsters's Second Life?: The Regulatory Challenges of Virtual Worlds // Northwestern University Law Review. 2006. Vol. 100. Iss. 4. P. 1783, 1784.

¹⁴ Ritterbusch G.D., Teichmann M.R. Op. cit. P. 12373.

¹⁵ Wang Y., Su Z., Zhang N. et al. A Survey of Metaverse: Fundamentals, Security and Privacy // IEEE Communications Surveys and Tutorials. 2023. Vol. 25. Iss. 1. P. 322.

¹⁶ Цит. по: Laeeq K. Metaverse: Why, How and What [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/358505001_Metaverse_Why_How_and_What (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁷ Lee L.-H., Braud T., Zhou P. et al. All One Needs to Know about Metaverse: A Complete Survey on Technological Singularity, Virtual Ecosystem, and Research Agenda. Technical Report. October 2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/355172308_All_One_Needs_to_Know_about_Metaverse_A_Complete_Survey_on_Technological_Singularity_Virtual_Ecosystem_and_Research_Agenda (дата обращения: 10.05.2023).

и учатся, занимаются бизнесом и творчеством, путешествуют и отдыхают, да и просто живут²³.

«Виртуальные миры — такие как *Second Life* — обладают возможностью переносить реальные события в виртуальное пространство для их восприятия обитателями виртуального мира», — отмечает Дж. Фэрфилд (*Joshua A. T. Fairfield*)²⁴. Упомянутый трехмерный виртуальный мир, созданный в 2003 г. компанией *Linden Lab* (США), является примером *MMOW*. Это настоящая «альтернативная реальность, где люди могут принимать новые личности, торговать реальной и личной собственностью и взаимодействовать с другими без каких-либо ограничений»²⁵. Пользователи *Second Life* сами создают 3D-объекты, поскольку это онлайн-сообщество с открытым кодом. В *Second Life* есть своя валюта — *Linden Dollar (LD)*, привязанная к доллару США и конвертируемая в реальные деньги, что позволяет пользователям вести бизнес и получать доходы. К примеру, на 25 мая 2023 г. 1 долл. США составлял 320.00 LD²⁶. Таким образом, обитатели *Second Life* могут вступать в товарно-денежные отношения как в самом виртуальном мире, так и в реальной жизни, за ними признается право интеллектуальной собственности на созданные ими виртуальные объекты²⁷.

По сути, «*Second Life* является несколько фантастическим, слегка искаженным копированием жизни в реальном мире..., предлагающим тот же самый опыт, что и в реальной жизни, но с дополнительными характеристиками, которые физически или практически в реальном мире невозможны. Многие, возможно, большинство из видов деятельности, в которых участвуют жители, являются аналогами деятельности во внешнем, физическом мире»²⁸.

Технологии, требующие правил

В регулировании нуждаются как складывающиеся в метавселенной отношения, так и риски, которыми надо управлять, и сложнейшие технологии, создание, производство и использование которых

(включая внедрение в техническую структуру метавселенной) требуют специального юридического обеспечения даже вне контекста метавселенной. С последних и начнем.

Полного набора таких технологий на текущей стадии создания метавселенной пока нет, и, возможно, это самая большая проблема²⁹.

Интероперабельность, т.е. функциональная совместимость, способность взаимодействовать с другими системами, требует скорейшего введения единых технологических стандартов и протоколов, обеспечивающих интероперабельные функции (для связи с реальным миром и обеспечения связи между составляющими вселенными). А ведь до сих пор нет единого мнения о форматах файлов или соглашениях для 3D-информации, стандартных системах для обмена данными в виртуальных мирах. Отдельный интерес представляет вопрос о том, как с технической точки зрения будет реализован перенос виртуальных объектов из одного иммерсивного мира в другой, каковы будут технологии связи (интерфейсы) между структурными составляющими метавселенной, когда элементы одной вселенной могут использоваться в другой, а также технологии интерфейсов с реальным миром. И здесь тоже не ясно, где произойдет технический прорыв, который и предопределил следующую волну интерфейсов метавселенной. Пока предполагается, что метавселенную составят взаимосвязанные виртуальные пространства, управляемые с помощью сигналов электромиографии и нейронных интерфейсов.

Технологии синхронизации курса криптовалют, игровых, валют смартконтактов, виртуального имущества и трансграничные расчеты с вовлечением нескольких информационных посредников оказываются в сердце экономики метавселенной, а потому требуют особого внимания юристов.

Традиционные технологии идентификации персональных данных становятся более изощренными для метавселенной, как и технологии их защиты. Пользователи будут создавать свои аватары для навигации по метавселенной, что добавляет возможностей в виртуальном мире выдавать себя за другого. Технологическая возможность для одного лица создавать множество своих аватаров в метавселенной еще больше усложняет контроль за метавселенной. Перечисленные проблемы идентификации нуждаются в правовом разрешении.

Сущность децентрализации технологий Web 3.0 (формирование виртуального мира, принадлежащего сообществам) и метавселенной приводит

²³ *MMOW*-прототипы метавселенной см.: Wang Y., Su Z., Zhang N. et al. Op. cit. P. 328.

²⁴ См.: Fairfield J.A.T. Mixed Reality: How the Laws of Virtual Worlds Govern Everyday Life // Berkeley Technology Law Journal. 2012. Vol. 27. Iss. 1. P. 72.

²⁵ Zack J.S. Op. cit. P. 228.

²⁶ См.: Live US Dollar to Linden Dollars Exchange Rate — \$1 USD/LD Today [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://usd.currencyrate.today/ld> (дата обращения: 25.05.2023).

²⁷ См.: п. 2.3 Условий обслуживания (*Terms of Service*) // Linden Lab. Terms of Service [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.lindenlab.com/tos> (дата обращения: 27.05.2023).

²⁸ Brenner S.W. Op. cit. P. 46, 47.

²⁹ См.: Батурин Ю.М. От интернета до виртуальной Земли и метавселенной (краткая история информационных технологий на критическом рубеже). М.; Саратов, 2022. С. 146–150.

к гипотезе о том, что они будут саморегулируемы с правовой точки зрения. В них будут действовать собственные нормы корпораций-создателей.

Переход к пятому, а затем к шестому поколению мобильной связи (5G и 6G) позволит обеспечить голографическое присутствие удаленных пользователей в визуализированном пространстве и передачу тактильных ощущений с помощью сенсоров. И побои в виртуальном пространстве — это самая простая проблема для права.

Использование технологий искусственного интеллекта, помимо обычного для права распределения ответственности между создателем, производителем, продавцом, покупателем и пользователем, создает и необычные квазиправовые проблемы, такие как закладка в искусственный интеллект набора правил для деятельности, самообучения и самооценки и вполне юридическая задача правовой оценки и реакции на деятельность агента, руководимого квазиправовым комплексом норм.

Некоторые проблемы и риски в метавселенной

В 2022 г. Исследовательский центр Пью (*Pew Research Center*)³⁰ опросил 624 экспертов — субъектов инновационной деятельности, исследователей, бизнесменов, политиков и др. — относительно прогноза развития и состояния метавселенной к 2040 г. 54% опрошенных полагали, что к 2040 г. метавселенная станет гораздо более совершенным и действительно иммерсивным, хорошо функционирующим аспектом повседневной жизни для полумиллиарда или более человек в глобальном масштабе. Мнение 46% экспертов было противоположным.

Среди аргументов в пользу оптимистического прогноза также были названы: высокая прибыльность инвестиций в технологии в целом и в технологии расширенной реальности в особенности из-за их огромного коммерческого потенциала; улучшение программного обеспечения, аппаратных средств, пользовательских интерфейсов и сетевых возможностей в течение следующих 18 лет; опыт пандемии *COVID-19*, давшей толчок спросу и инвестициям в онлайн-здравоохранение, образование и бизнес; широкий спектр услуг и видов деятельности в метавселенной, включая обучение, здравоохранение, коммерцию, создание новых видов сообществ, туризм, включая посещение интересных мест, музеев, концертов, спортивных мероприятий и даже далеких галактик и потусторонних миров, и т.д.

³⁰ Некоммерческая неправительственная организация в США, проводящая опросы общественного мнения и исследования по социально значимым проблемам.

Пессимистический прогноз аргументировался тем, что большинство людей не увидят в метавселенной достаточно полезных для жизни перспектив, поскольку уже существующие иммерсивные дополненные и / или виртуальные пространства не находят широкого применения в повседневной жизни и привлекают только отдельных людей. Люди предпочитают жить в реальной действительности, и не только из-за громоздкости и дороговизны оборудования для метавселенной и низкой пропускной способности Сети. Более того, ряд экспертов высказали сомнения в готовности техники и сетевых возможностей к 2040 г. для привлечения массовой аудитории. Высказывалось и беспокойство относительно возможностей слежки, манипулирования и иных злоупотреблений в метавселенной в корпоративных или государственных интересах. Указывали эксперты также на негативные последствия применения технологий расширенной реальности, в том числе: на снижение автономии личности; усиление цифрового разделения и дискриминации; появление новых форм издевательств и проявлений ненависти; новые угрозы для общественной безопасности; расширение возможностей для дезинформации; появление зависимости от метавселенной, отвлекающей от реальной жизни и усугубляющей одиночество человека; новые опасности для конфиденциальности пользователей и др.³¹

Вопросы безопасности и конфиденциальности входят в круг основных проблем, обсуждаемых исследователями применительно к метавселенной. Нарушения безопасности и вторжения в частную жизнь могут возникать в результате управления огромными потоками данных и повсеместного профилирования пользователей. Нельзя забывать и об уязвимостях технической инфраструктуры³². В метавселенной не только могут усилиться уже проявившиеся угрозы, но и появятся новые, в том числе для персональных данных пользователей.

«Сбор данных в виртуальной реальности, — пишет Й. Ким (*Y. Kim*), — происходит коварно и тонко — иногда так, что человек не может этого осознать, а иногда так, что человек осознает это, но принимает за безобидное или незначительное

³¹ См.: *Anderson J., Rainie L. The Metaverse in 2040 // Pew Research Center. June 30, 2022. P. 6–8* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2022/06/30/the-metaverse-in-2040/> (дата обращения: 25.05.2023).

³² Об угрозах безопасности и конфиденциальности применительно к используемым в метавселенной технологиям см., напр.: *Chen Z., Wu J., Gan W., Oi Z. Metaverse Security and Privacy: An Overview // IEEE International Conference on Big Data. 2022. P. 2953–2956* [Электронный ресурс]. — Режим доступа. URL: https://www.researchgate.net/publication/367455946_Metaverse_Security_and_Privacy_An_Overview (дата обращения: 25.05.2023).

событие»³³. Так, носимые *AR/VR* устройства со встроенными датчиками для сбора изменений мимики лица, движения глаз и рук, считывания сигналов мозга, фиксации речи, биометрических характеристик и окружающей обстановки могут использоваться и для неправомерного сбора персональных данных, и для отслеживания реального местоположения пользователя³⁴.

Аутентификация личности и контроль доступа рассматриваются в литературе как ключевые процедуры для безопасности пользователей и функционирования метавселенной в целом. Если личность пользователя украдена (*identity theft*), то его аватар, цифровые активы, банковские реквизиты, виртуальные контакты и др. могут быть не только утрачены, но и использованы злоумышленниками в преступных целях. Под видом пользователя другой человек может получить неправомерный доступ к метавселенной и ее сервисам, создать цифровую копию (копии) жертвы и совершать преступления в виртуальной среде, наконец, незаконно распространять украденные персональные данные.

Для предупреждения возможных злоупотреблений при аутентификации и безопасности доступа в метавселенную в литературе предлагаются различные технические решения³⁵.

Другая группа рисков связана с управлением данными, собранными или сгенерированными носимыми *AR/VR* устройствами, пользователями и их аватарами. Такие данные могут изменяться, фальсифицироваться, заменяться и удаляться с неправомерными целями, что неизбежно приведет к нарушениям нормальной деятельности технических средств, обеспечивающих функционирование метавселенной, а также ее пользователей и представляющих их аватаров. Именно поэтому информационная безопасность является необходимым условием создания метавселенной.

Не менее значима и конфиденциальность пользователей, связанная с процессами обработки информации. В литературе выделяют проблемы, связанные с перемещением информации между виртуальными реальными мирами, и проблемы, обусловленные сбором, анализом и использованием

персональной информации исключительно в пределах виртуального мира³⁶.

В каждом виртуальном мире (вселенной), входящем в метавселенную, наряду с традиционными могут собираться и использоваться новые виды персональных данных (движения глаз, головы и рук и иная биометрическая информация). Это требует особого внимания к сбору, хранению и управлению подобной, весьма чувствительной для пользователей информацией. Необходимо также определить лиц, ответственных за сбор, обработку, хранение и безопасность таких данных, в компаниях или иных структурах, создающих метавселенную и обеспечивающих ее функционирование. Утечка данных способна серьезно повредить конфиденциальности пользователей и раскрыть, к примеру, их личность, местоположение, образ жизни и т.п., что чревато причинением им вреда в реальном мире³⁷.

Регулирование отношений в метавселенной

Программный код служит законом³⁸ для виртуального мира, но сложные виртуальные миры требуют дополнительных регуляторов.

Правила поведения для участников *MMOW* устанавливаются, как правило, в лицензионных соглашениях с конечным пользователем (*End-user license agreement* или *EULA*), условиях обслуживания (*Terms of Service*) или использования (*Terms of Use*) и иных подобных документах (*Privacy Policy*, *Content Guidelines* и др.), принимаемых разработчиками и/или владельцами таких игр. В литературе такие нормативные акты, представляющие собой «важную точку пересечения между реальным миром права и правом виртуального мира», называют «регулирующими соглашениями» или «правом конечного пользователя» (*EULaw*)³⁹.

Подписав лицензионное соглашение, пользователь соглашается с его требованиями и получает право присоединиться к конкретному виртуальному миру. К примеру, в преамбуле Условий обслуживания *Second Life* определено: «Используя Сервис, вы соглашаетесь и принимаете настоящие Условия, включая важные процедуры разрешения

³³ Kim Y. Virtual Privacy Data and Its Privacy Regulatory Challenges: A Call to Move Beyond Text-Based Informed Consent // California Law Review. 2022. Vol. 110. P. 252.

³⁴ См.: Wang Y., Su Z., Zhang N. et al. Op. cit. P. 320.

³⁵ См. подр.: Huang Y., Li Y.J., Cai Z. Op. cit. P. 239–241; Wang Y., Su Z., Zhang N. et al. Op. cit. P. 328–331; см. также: Pooyandeh M., Han K.-J., Sohn I. Cybersecurity in the AI-Based Metaverse: A Survey // Applied Sciences. 2022. Vol. 12. Iss. 24. Art. 12993. P. 6, 7, 10–13.

³⁶ См.: Pridmore J., Overocker J. Privacy in Virtual Worlds: A US Perspective // Journal of Virtual Worlds Research. 2014. Vol. 7. No. 1. Lantern – Part 1. P. 4.

³⁷ О мерах обеспечения информационной безопасности и конфиденциальности в метавселенной, предлагаемых в литературе, см.: Wang Y., Su Z., Zhang N. et al. Op. cit. P. 332–334, 335–338.

³⁸ См. подр.: Grimmelmann J. Regulation by Software // The Yale Law Journal. 2005. Vol. 114. No. 7. P. 1719–1758.

³⁹ См.: Jankowich A.E. EULaw: The Complex Web of Corporate Rule-Making in Virtual Worlds // Tulane Journal of Technology and Intellectual Property. 2006. Vol. 8. P. 5, 9.

споров и все политики и правила, связанные или иным образом упомянутые в настоящем документе, которые включены в настоящее Соглашение. Если вы не согласны с этим, вам следует отказаться от данного Соглашения, в этом случае вам запрещено посещать или использовать Сервис».

Требования к пользователю могут касаться, к примеру, достижения определенного возраста, предоставления достоверной информации о своей личности, выбора имени для виртуального мира, пользовательского контента, прав на созданные пользователем виртуальные объекты и правил поведения в виртуальном мире. Подписывая соглашение, субъект соглашается и с санкциями за совершение действий, нарушающих условия обслуживания или использования.

Так, пользователи *Second Life* соглашаются соблюдать определенные правила поведения, в том числе стандарты сообщества для используемой части Сервиса, а также другие нормы, запрещающие незаконные и иные действия, которые *Linden Lab* считает вредными (п. 6.1 Условий обслуживания). К таким действиям относятся, в частности, распространение запрещенного, беспокоящего других лиц или нарушающего их права контента; искажение своей принадлежности; преследование, домогательство или участие в любых сексуальных, развратных либо иных неподобающих действий с несовершеннолетними; размещение, показ или передача угрожающего, клеветнического, ложного или вторгающегося в частную жизнь другого лица контента. Пользователь также соглашается не размещать, показывать или передавать материалы непристойного содержания, а также вызывающие ненависть, связанные с терроризмом либо неприемлемые в расовом, этническом или ином отношении. Следует воздерживаться и от откровенно сексуальных или сопровождающихся интенсивным насилием виртуальных образов и действий.

Любое нарушение подобных требований приводит к немедленному удалению учетной записи пользователя без какого-либо возмещения или иной компенсации.

В соответствии с п. 6.2 того же нормативного документа пользователь соглашается уважать целостность Сервиса и конфиденциальность других пользователей. Он не должен, в частности, размещать или передавать компьютерные вирусы и другие вредоносные программы, заниматься злонамеренными действиями, мешающими другим пользователям пользоваться Сервисом, пытаться получить несанкционированный доступ к учетной записи, паролям или материалам других пользователей.

Сходные правила установлены и для пользователей других виртуальных миров⁴⁰. Таким обра-

зом, «право конечного пользователя» в существенной степени следует правилам, установленным правом реального мира. В регулирующих соглашениях может указываться, юрисдикция какого государства распространяется на споры между разработчиком и / или собственником виртуального мира и его пользователями.

В литературе отмечается, что такие соглашения (*EULA*) могут использоваться и для создания виртуальных органов, решающих споры внутри виртуального мира, которые зачастую являются спорами об интеллектуальной собственности на виртуальные объекты. Как пишет Э. Кабассо (*A. Cabasso*), «споры между аватаром и аватаром или аватаром и сувереном могут быть урегулированы положением *EULA*, предусматривающим виртуальный арбитраж с положениями о выборе права»⁴¹. Другой возможный виртуальный орган — «кибертрибунал»⁴².

Однако все конфликты, возникающие в виртуальных мирах, вряд ли могут разрешаться с использованием *EULA*, поскольку виртуальные нарушения нередко выходят в реальный мир и затрагивают права третьих лиц, не являющихся пользователями виртуального мира, что требует вмешательства органов юстиции реального мира. Да и споры относительно действий в виртуальных мирах тоже оказываются в судах⁴³.

Для поддержания порядка в метавселенной также необходимы управление ею и определенные нормативные предписания. Опыт многопользовательских онлайн-игр здесь может использоваться в ограниченных пределах, поскольку «метавселенная и ее аналоги не будут просто единой цифровой средой погружения, принадлежащей одной компании. Это будет множество цифровых миров, подобно тому, как в настоящее время существует несколько онлайн-социальных сетей и платформ для встреч, программного обеспечения для повышения производительности, магазинов электронной коммерции и многих других»⁴⁴.

Метавселенная в зависимости от организации может быть корпоративной, общественной

⁴¹ Cabasso A. Piercing Penoyer with the Sword of a Thousand Truths: Jurisdictional Issues in the Virtual World // *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*. 2012. Vol. 22. No. 2. P. 432.

⁴² См.: *ibid.* P. 435.

⁴³ См., напр.: Masnik M. Lawsuit Over “Theft” of Digital Items In Second Life Shows Up In First Life Court // *Techdirt*. Oct. 30, 2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.techdirt.com/2007/10/30/lawsuit-over-theft-of-digital-items-in-second-life-shows-up-in-first-life-court/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴⁴ Zallio M., Clarkson P.J. Designing the Metaverse: A Study of Inclusion, Diversity, Equity, Accessibility and Safety for Digital Immersive Environment // *Telematics and Informatics*. 2022. Vol. 75. Art. 101909. P. 2.

⁴⁰ См. подр.: Jankowich A.E. *Op. cit.* P. 54–56.

и государственной. Первый вид создается транснациональными компаниями (*Google, Microsoft* и т.д.). Государственная платформа инноваций в области технологий и приложений для развития метавселенной открылась в Нанкине. Платформу возглавляет Нанкинский университет информационных наук и технологий (NUIST)⁴⁵. Децентрализованные автономные организации (*DAO*), использующие технологии блокчейна и смарт-контрактов, управляют такими платформами, как *Decentraland* и *Sandbox*, представляющие общественную форму метавселенной.

Преступления в метавселенной

Мошенничества и кражи⁴⁶, финансовые преступления (отмывание денег, манипулирование рынком, хакерские атаки на систему блокчейна и др.)⁴⁷, нарушения прав на интеллектуальную собственность совершаются в виртуальном мире так же, как и в реальном. Виртуальные миры и метавселенная открывают новые просторы для уже известных преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, таких как незаконное проникновение, распространение порнографии, финансирование терроризма, разжигание ненависти по расовым, этническим и т.п. мотивам, распространение ложных новостей и клеветнических сообщений, преследование (*stalking*) и травля (*bullying*)⁴⁸.

В литературе отмечается, что сексуальные домогательства и травля в виртуальных мирах, использующих технологии виртуальной реальности, будут производить на потерпевших значительно более сильный эффект, чем при их совершении на других технологических платформах, например в социальных сетях. И причиненная в виртуальном мире психологическая травма переместится в реальный мир⁴⁹. Исследования показывают, что «люди

физиологически реагируют на атаку в виртуальной реальности так же, как если бы она была реальной. Повышенный сердечный ритм, реакция “бей или беги”, пот, обостренные ощущения..., если кто-то, зомби или другой человек, нападает на вас»⁵⁰.

В виртуальных мирах их обитателям вряд ли угрожает опасность быть реально убитым, избитым или изнасилованным. Однако они могут столкнуться с признаваемыми преступными в ряде стран нарушениями общественного порядка, мешающими их работе или отдыху, или непристойным обнажением. В таких случаях владелец виртуального мира может использовать технические средства защиты, например автоматически скрывать обнаженные части тела аватаров или разрешить пользователям таких аватаров блокировать. Но не всегда технические возможности виртуальных миров позволяют избежать совершаемых в них других, нередко серьезных преступных посягательств⁵¹.

К таким преступлениям относятся, прежде всего, преступления имущественные, посягающие на собственность физических или юридических лиц. Вопрос о возможности использовать нормы реального права собственности, включая интеллектуальную, к объектам, существующим в виртуальных мирах, является одним из самых обсуждаемых в научной литературе. Многие авторы полагают, что на виртуальную собственность можно распространить правовой режим, существующий в национальных законах применительно к реальной собственности⁵².

При этом в некоторых государствах уже существует практика фактического признания за виртуальными объектами характеристик реальной собственности. Одно из часто цитируемых дел рассматривалось в Нидерландах в 2007 г. Два молодых человека, угрожая ножом в реальном мире, получили от потерпевшего его игровое имущество, но имущество было передано в игре *Runescape* аватаром потерпевшего аватарам преступников, впоследствии осужденных за хищение с применением насилия⁵³.

⁴⁵ См.: Харитонова А. Китайский город запустил государственную метавселенную // BeInCrypto. 24 мая 2023 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ru.beincrypto.com/kitajskij-gorod-zapustil-metavselennuyu/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴⁶ См.: Dilla W.N., Harrison A.J., Mennecke B.E., Janvrin D.J. The Assets Are Virtual but the Behavior Is Real: An Analysis of Fraud in Virtual Worlds and Its Implication for the Real World // Journal of Information Systems. 2013. Vol. 27. No. 2. P. 131–158.

⁴⁷ См. подр.: Wu J., Lin K., Lin D. et al. Financial Crimes in Web3-empowered Metaverse: Taxonomy, Countermeasures, and Opportunities // IEEE Open Journal of the Computer Society. 2023. Vol. 4. P. 37–49.

⁴⁸ См., напр.: Laue C. Crime Related to Metaverse // Virtual Worlds and Criminality / Kai Cornelius, Dieter Hermann, eds. Berlin, Heidelberg, 2011. P. 21–26.

⁴⁹ См.: Wiederhold B.K. Sexual Harassment in the Metaverse // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2022. Vol. 25. No. 8. P. 479.

⁵⁰ Lemley M.A., Volokh E. The Real Law of Virtual Reality // UC Davis Law Review. 2017. Vol. 51. No. 1. P. 55.

⁵¹ См. подр.: Lemley M.A., Volokh E. Law, Virtual Reality, and Augmented Reality // Pennsylvania Law Review. 2018. Vol. 166. No. 5. P. 1070–1094.

⁵² См.: Lastowka G.F., Hunter D. The Laws of the Virtual Worlds // California Law Review. 2004. Vol. 92. Iss. 1. P. 1–74; Fairfield J.A.T. Virtual Property // Boston University Law Review. 2005. Vol. 85. Iss. 4. P. 1047–1102; Степанов П.П., Филатова М.А. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 744–755.

⁵³ См. подр.: Степанов П.П., Филатова М.А. Указ. соч. С. 752, 753.

Признание виртуального имущества реальной собственностью А.И. Савельев объясняет «уголовно-правовой составляющей, что в определенной степени логично, поскольку если стоит цель защитить подобного рода объекты от неправомерных посягательств на них, то для начала необходимо придать им соответствующий статус: нельзя украсть то, что не принадлежит потерпевшему»⁵⁴.

Возможности применения уголовного права для привлечения к ответственности виновных в преступлениях, совершаемых в виртуальных мирах, также обсуждаются в литературе. Если и деяние, и его последствия существуют только в виртуальных мирах, то уголовное право реального мира к ним неприменимо, как считают одни авторы⁵⁵.

Сторонники другого мнения допускают возможность использовать в отношении части совершаемых в виртуальных мирах преступных деяний уголовно-правовые предписания об ответственности за компьютерные преступления (*cybercrimes*), не исключая появление новых уголовно-правовых норм, специально созданных для подобных случаев⁵⁶.

Особый случай — преступление оказывается частью самой игры. Участник игры подписывает лицензионное соглашение (*EULA*) и дает на это согласие, как спортсмен соглашается на причинение возможного вреда его здоровью во время спортивных состязаний⁵⁷. Уголовная ответственность в таком случае исключается.

превращается в реальное. При этом не надо забывать, что причиняемый вред может быть не только физическим, материальным, но и психическим, и уголовное право должно на такие преступления реагировать; 3) один из элементов состава преступления — объект (предмет), объективная сторона (деяние и последствия) или субъект — принадлежит реальному миру, субъективная сторона всегда остается в нем. Разнообразие вариантов в этом случае требует их специального анализа и обсуждения, скорее всего с выходом за рамки существующей уголовно-правовой доктрины.

Правовое регулирование в континууме «реальность-виртуальность»

Психологически, и примером тому термин «расширенная реальность», мы воспринимаем виртуальный мир и будущую метавселенную как внешнюю оболочку реального мира. Посмотрим сначала на пару «право реального мира» и «виртуальное право» в такой привычной геометрии, где мы и наше «реальное» право — в центре, откуда и происходит «расширение». Любой объект, в том числе и правовую систему, можно наблюдать извне и изнутри. Но и сами понятия «извне» и «изнутри» можно рассмотреть с внутренней и внешней точки зрения. Получаем четыре возможные позиции наблюдателя, пронумерованные от 1 до 4 (схемы 1, 2).

		Точка зрения (Point of view)	
		внутренняя (internal)	внешняя (external)
Область наблюдения (Zone of observation)	изнутри (inside)	1	2
	извне (outside)	4	3

Схема 1. Двойственность позиций «извне» и «изнутри»

По нашему мнению, возможны три ситуации, которые необходимо учитывать при решении вопроса о применении уголовного права к преступным деяниям, совершаемым в виртуальных мирах: 1) преступление совершено аватаром в отношении другого аватара или по поводу виртуального объекта. В этом случае следует согласиться с авторами, считающими, что уголовное право реального мира не должно реагировать на подобные виртуальные проступки; 2) виртуальное преступление

Точка зрения (как позиция наблюдения) может существовать независимо от наблюдателя, хотя, как в оптике, сам наблюдатель является и носителем точки зрения. Даже когда наблюдатель не отделен от своей правовой системы, т.е. он находится не вне ее, наблюдатель-юрист смотрит на изучаемую проблему с позиции своей отраслевой юридической специализации и в этом смысле его юридический взгляд оказывается внутренним для данной специальности и внешним для смежных областей. Тогда все проблемы, общие для паттерна «извне» — «изнутри», будут воспроизводиться на данном специальном уровне. Противопоставление внешнего и внутреннего — это особенность топологии нашего разума, выработанный веками и тысячелетиями фундаментальный паттерн нашего мышления (абсолютно привычны такие оппозиции, как «внутри страны» — «за пределами страны», «национальное право» — «право зарубежных государств» и др.).

⁵⁴ Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 139.

⁵⁵ См.: Kerr O.S. Criminal Law in Virtual Worlds // University of Chicago Legal Forum. 2008. Vol. 2008. Iss. 1. P. 415–429.

⁵⁶ См.: Brenner S.W. Op. cit. P. 52–61.

⁵⁷ См.: Lastowka G.F., Hunter D. Virtual Crimes // New York Law School Law Review. 2004. Vol. 49. Iss. 1. P. 306–310.

Но мыслительная конструкция «извне» и «изнутри» слишком упрощает мир. Было бы полезно вынести юридический взгляд за рамки этой схемы и увидеть право значительно более сложным феноменом, чем оно представлялось даже профессиональному взгляду юриста уже тысячи лет. Но чтобы это сделать, необходимо подойти к праву и его интерпретации с разных, даже неожиданных сторон. Например, мы интуитивно склонны говорить (и до сих пор говорили) о противопоставлении пространственно-внешнего и пространственно-внутреннего, и только так и воспринимаем такое противопоставление, в том числе и в праве. Необходимо расширить эту оппозицию, введя *временное внешнее* и *временное внутреннее*, и тем самым включить в рассмотрение время и его структуру. Отсюда появляется вневременной взгляд на право. Здесь можно вспомнить теории представителей немецкой неокантианской школы философии права (Г. Коген, Р. Штаммлер, Г. Кельзен). Но нетрудно привести и немало практических примеров такой позиции наблюдателя. Например, рецепция римского права через века, во многом повернувшая развитие западной цивилизации. Или — проецирование правопорядка государства во времени, когда он фактически уже прекратил свое существование, но потребовался как промежуточное звено для создания нового правопорядка⁵⁸.

Применительно к предмету настоящей статьи, прежде чем вводить в рассмотрение наблюдателя во времени и вне его, требуется предварительно глубокое осмысление того, что такое время метавселенной. Поэтому оставим временной аспект, и сосредоточимся на более простых пространственных отношениях.

В привычной парадигме внутреннего и внешнего каждое государство ставит в центр рассмотрения национальную правовую систему. Множество национальных правовых систем окружено внешним (!) слоем международного права, которое устанавливает основные правила взаимодействия государств и их правовых систем. Сегодня, когда возник виртуальный мир, носящий трансграничный характер, правоведы задумываются об общей основе регулирования в нем, а в будущем — в метавселенной. Как идут поиски?

Вернемся к *схеме 1*. Позиции наблюдателя, обозначенные на ней, можно в более наглядном виде представить в виде *схемы 2*.

В чем суть и различия между указанными позициями?

1. Позиция игнорирования необходимости регулирования отношений в метавселенной, как

⁵⁸ См.: Броунли Я. Международное право: в двух книгах. М., 1977. Книга вторая. С. 137, 138.

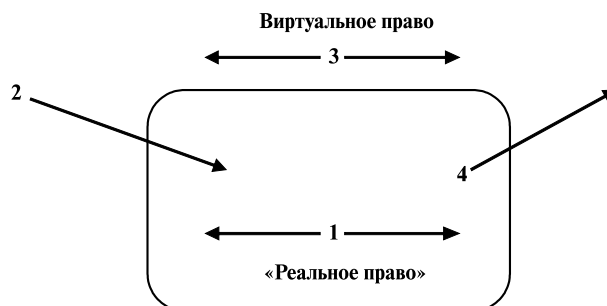

Схема 2. Структура возможных позиций наблюдателя не имеющего отношения к праву реального мира («реального права»). Как было показано выше, это неконструктивная позиция.

2. Точка зрения юриста, предлагающего пути развития «реального права» с позиции пользователя метавселенной, заслуживает большего внимания, хотя и игнорирует развитие и перспективы виртуального права. Эта позиция, несколько отстраненная, заключается в том, что для пользователей метавселенной будет удобнее, если в реальном праве будут созданы некоторые опоры для виртуального права и интерфейсы между ними, но развитие права реального мира само по себе для такого наблюдателя интереса не представляет.

3. Еще дальше идут те, кто считает самоценным и вполне достаточным виртуальное право и отрицает «реальное право». В качестве примера можно привести максимализм защитника полной свободы виртуального мира Джона Перри Барлоу (*John Perry Barlow*), который в своей «Декларации свободного киберпространства» провозгласил: «Правовые понятия собственности, юридической максимы, установления личности, подвижности и недвижности, юридической ситуации к нам неприменимы... Мы должны провозгласить свободу наших виртуальных сущностей от вашего суверенитета, даже если мы и продолжаем соглашаться с вашими нормами, регулирующими поведение наших физических тел»⁵⁹.

4. Наконец, отметим взгляд юристов, предлагающих пути развития виртуального права по аналогии с «реальным правом». Ряд публикаций о регулировании отношений в виртуальных мирах и метавселенной написан именно с позиции 4⁶⁰.

Если отбросить крайние взгляды «автономистов» реального и виртуального миров, остаются

⁵⁹ A Declaration of the Independence of Cyberspace [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 11.06.2023).

⁶⁰ Начальная попытка подойти к этому решению — анализ правоотношений на «пересечениях» виртуального и «реального» права, их «сшивание» — содержится в: Батулин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 9–35.

подходы 2 и 4, из содержания которых ясно видна условность оппозиции «внутреннего» и «внешнего». Действительно, «извне» — «изнутри» — лишь мыслительная конструкция, которую нетрудно «вывернуть наизнанку» (*turning inside out*). Произведя операцию выворачивания привычной конструкции, отталкивающейся от позиции 4, получим совершенно иную структуру: для юриста, изначально находившегося в позиции 2, «внутри» оказывается как раз метавселенная, а «вне» — реальный мир с его правовой системой. Такая структура значительно более удобна: если удастся договориться об общей основе регулирования метавселенной (виртуальных миров), то она станет частью своего внешнего кольца — международного права, а уже оттуда может приобретать национальные расширения в правовых системах каждого государства.

По подсчету специалистов экономика внутри метавселенной быстро превысит объем экономики, которую мы имеем в офлайне. При этом совершенно логично рассматривать реальный мир как дополнение (расширение) виртуальной метавселенной, а не наоборот. Коль скоро это так, особое внимание следует уделить принципам и правилам регулирования отношений в метавселенной, имея в виду, что в недалеком будущем именно от них будут зависеть в значительной степени национальные правовые системы, которые вместе с международным правом составят правовой континуум «реальность-виртуальность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батури́н Ю. М. От интернета до виртуальной Земли и метавселенной (краткая история информационных технологий на критическом рубеже). М.; Саратов, 2022. С. 146–150.
2. Батури́н Ю. М., Полу́бинская С. В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 9–35.
3. Броу́нли Я. Международное право: в двух книгах. М., 1977. Книга вторая. С. 137, 138.
4. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 139.
5. Степанов П. П., Филатова М. А. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества // Всеросс. криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 744–755.
6. Al-Ghaili A. M., Kasim H., Al-Hada N. M. et al. A Review of Metaverse's Definitions, Architecture, Applications, Challenges, Issues, Solutions, and Future Trends // IEEE Access. 2022. Vol. 10. P. 125839.
7. Anderson J., Rainie L. The Metaverse in 2040 // Pew Research Center. June 30, 2022. P. 6–8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2022/06/30/the-metaverse-in-2040/> (дата обращения: 25.05.2023).
8. Brenner S. W. Fantasy Crime: The Role of Criminal Law in Virtual Worlds // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2008. Vol. 11. No. 1. P. 20–31, 46, 47, 52–61.
9. Cabasso A. Piercing Pennoyer with the Sword of a Thousand Truths: Jurisdictional Issues in the Virtual World // Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal. 2012. Vol. 22. No. 2. P. 432, 435.
10. Chen Z., Wu J., Gan W., Oi Z. Metaverse Security and Privacy: An Overview // IEEE International Conference on Big Data. 2022. P. 2953–2956 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/367455946_Metaverse_Security_and_Privacy_An_Overview (дата обращения: 25.05.2023).
11. Cheng X., Zhang S., Fu S. et al. Exploring the Metaverse in the Digital Economy: An Overview and Research Framework // Journal of Electronic Business and Digital Economics. 2022. Vol. 1. Iss. 1/2. P. 206–224 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JEBDE-09-2022-0036/full/html> (дата обращения: 12.05.2023).
12. Chengoden R., Victor N., Huynh-The H. et al. Metaverse for Healthcare: A Survey on Potential Applications, Challenges and Future Directions // IEEE Access. 2023. Vol. 11. P. 12765–12795 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/10034994> (дата обращения: 10.05.2023).
13. Chow Y.-W., Susilo W., Li Y. et al. Visualization and Cybersecurity in the Metaverse: A Survey // Journal of Imaging. 2023. Vol. 9. Iss. 1. Art. 11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.mdpi.com/2313-433X/9/1/11> (дата обращения: 12.05.2023).
14. Dilla W. N., Harrison A. J., Mennecke B. E., Janvrin D. J. The Assets Are Virtual but the Behavior Is Real: An Analysis of Fraud in Virtual Worlds and Its Implication for the Real World // Journal of Information Systems. 2013. Vol. 27. No. 2. P. 131–158.
15. Di Pietro R., Cresci S. Metaverse: Security and Privacy Issues // Third IEEE International Conference on Trust, Privacy and Security in Intelligent Systems and Applications (TPS-ISA). Atlanta, GA, USA. 2021. P. 281–288.
16. Fairfield J. A. T. Mixed Reality: How the Laws of Virtual Worlds Govern Everyday Life // Berkeley Technology Law Journal. 2012. Vol. 27. Iss. 1. P. 72.
17. Fairfield J. A. T. Virtual Property // Boston University Law Review. 2005. Vol. 85. Iss. 4. P. 1047–1102.
18. Grimmelmann J. Regulation by Software // The Yale Law Journal. 2005. Vol. 114. No. 7. P. 1719–1758.
19. Huang Y., Li Y. J., Cai Z. Security and Privacy in Metaverse: A Comprehensive Survey // Big Data Mining and Analytics. 2023. Vol. 6. No. 2. P. 234–247.
20. Janhianen J. S., Krohn C., Junnilla J. Metaverse and Sustainability: Systematic Review of Scientific Publications until 2022 and Beyond // Sustainability. 2023. Vol. 15. Iss. 1. Art. 346 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/15/1/346> (дата обращения: 07.05.2023).

21. *Jankowich A.E.* EU Law: The Complex Web of Corporate Rule-Making in Virtual Worlds // *Tulane Journal of Technology and Intellectual Property*. 2006. Vol. 8. P. 5, 9, 54–56.
22. *Kerr O.S.* Criminal Law in Virtual Worlds // *University of Chicago Legal Forum*. 2008. Vol. 2008. Iss. 1. P. 415–429.
23. *Kim Y.* Virtual Privacy Data and Its Privacy Regulatory Challenges: A Call to Move Beyond Text-Based Informed Consent // *California Law Review*. 2022. Vol. 110. P. 252.
24. *Kye B., Han N., Kim E. et al.* Educational Applications of Metaverse: Possibilities and Limitations // *Journal of Educational Evaluation for Health Professions*. 2021. Vol. 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://jeehp.org/journal/view.php?number=424> (дата обращения: 10.05.2023).
25. *Laeeq K.* Metaverse: Why, How and What [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/358505001_Metaverse_Why_How_and_What (дата обращения: 07.05.2023).
26. *Lastowka G.F., Hunter D.* The Laws of the Virtual Worlds // *California Law Review*. 2004. Vol. 92. Iss. 1. P. 1–74.
27. *Lastowka G.F., Hunter D.* Virtual Crimes // *New York Law School Law Review*. 2004. Vol. 49. Iss. 1. P. 306–310.
28. *Laue C.* Crime Related to Metaverse // *Virtual Worlds and Criminality* / K. Cornelius, D. Hermann (eds). Berlin, Heidelberg, 2011. P. 21–26.
29. *Lee L.-H., Braud T., Zhou P. et al.* All One Needs to Know about Metaverse: A Complete Survey on Technological Singularity, Virtual Ecosystem, and Research Agenda. Technical Report. October 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/355172308_All_One_Needs_to_Know_about_Metaverse_A_Complete_Survey_on_Technological_Singularity_Virtual_Ecosystem_and_Research_Agenda?channel=doi&linkId=619c4bc5d7d1af224b199c8d&showFulltext=true (дата обращения: 10.05.2023).
30. *Lee L.-H., Zhou P., Braud T., Hui P.* What is the Metaverse? An Immersive Cyberspace and Open Challenges. June 8, 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/361161855_What_is_the_Metaverse_An_Immersive_Cyberspace_and_Open_Challenges (дата обращения: 10.05.2023).
31. *Lemley M.A., Volokh E.* Law, Virtual Reality, and Augmented Reality // *Pennsylvania Law Review*. 2018. Vol. 166. No. 5. P. 1070–1094.
32. *Lemley M.A., Volokh E.* The Real Law of Virtual Reality // *UC Davis Law Review*. 2017. Vol. 51. No. 1. P. 55.
33. *Mayer-Schnberger V., Crowley J.* Napsters's Second Life?: The Regulatory Challenges of Virtual Worlds // *Northwestern University Law Review*. 2006. Vol. 100. Iss. 4. P. 1783, 1784.
34. *Mistrette S.* The Metaverse – An Alternative Education Space // *AI, Computer Science and Robotics Technology*. Nov., 2022. P. 1–3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.intechopen.com/journals/1/articles/87> (дата обращения: 10.05.2023).
35. *Pooyandeh M., Han K.-J., Sohn I.* Cybersecurity in the AI-Based Metaverse: A Survey // *Applied Sciences*. 2022. Vol. 12. Iss. 24. Art. 12993. P. 6, 7, 10–13.
36. *Pridmore J., Overocker J.* Privacy in Virtual Worlds: A US Perspective // *Journal of Virtual Worlds Research*. 2014. Vol. 7. No. 1. Lantern – Part 1. P. 4.
37. *Ritterbusch G.D., Teichmann M.R.* Defining Metaverse: A Systematic Literature Review // *IEEE Access*. 2023. Vol. 11. P. 12371, 12373.
38. Value creation in the metaverse. The real business in virtual world. McKinsey&Company. June 2022. P. 21, 22, 24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/value-creation-in-the-metaverse> (дата обращения: 07.05.2023).
39. *Wang Y., Su Z., Zhang N. et al.* A Survey of Metaverse: Fundamentals, Security and Privacy // *IEEE Communications Surveys and Tutorials*. 2023. Vol. 25. Iss. 1. P. 320, 322, 326, 328–338.
40. *Wiederhold B.K.* Sexual Harassment in the Metaverse // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2022. Vol. 25. No. 8. P. 479.
41. *Wu J., Lin K., Lin D. et al.* Financial Crimes in Web3-enabled Metaverse: Taxonomy, Countermeasures, and Opportunities // *IEEE Open Journal of the Computer Society*. 2023. Vol. 4. P. 37–49.
42. *Yang D., Zhou J., Chen Y. et al.* Expert Consensus on the Metaverse in Medicine // *Clinical eHealth*. 2022. Vol. 5. P. 1–9.
43. *Zack J.S.* The Ultimate Company Town: Wading in the Digital Marsh of Second Life // *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*. 2007. Vol. 10. Iss. 1. P. 228, 229.
44. *Zallio M., Clarkson P.J.* Designing the Metaverse: A Study of Inclusion, Diversity, Equity, Accessibility and Safety for Digital Immersive Environment // *Telematics and Informatics*. 2022. Vol. 75. Art. 101909. P. 2.

REFERENCES

1. *Baturin Yu. M.* From Internet to the Virtual Earth and the Metaverse (A Brief History of Information Technology at the Critical Frontier). M.; Saratov, 2022. P. 146–150 (in Russ.).
2. *Baturin Yu. M., Polubinskaya S.V.* What Makes Virtual Crimes to Be Real // *Proceedings of the Institute of State and Law*. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 9–35 (in Russ.).
3. *Brownlie J.* Principles of Public International Law: in two books. M., 1977. Book two. P. 137, 138 (in Russ.).
4. *Savel'ev A.I.* The legal nature of virtual objects acquired for real money in multiplayer games // *Herald of Civil Law*. 2014. No. 1. P. 139 (in Russ.).
5. *Stepanov P.P., Filatova M.A.* Problems of criminal law protection of virtual gaming property // *Russian Journal of Criminology*. 2021. Vol. 15. No. 6. P. 744–755 (in Russ.).
6. *Al-Ghaili A.M., Kasim H., Al-Hada N.M. et al.* A Review of Metaverse's Definitions, Architecture, Applications, Challenges, Issues, Solutions, and Future Trends // *IEEE Access*. 2022. Vol. 10. P. 125839.
7. *Anderson J., Rainie L.* The Metaverse in 2040 // *Pew Research Center*. June 30, 2022. P. 6–8 [Electronic resource]. – Assess mode: URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2022/06/30/the-metaverse-in-2040/> (accessed: 25.05.2023).

8. *Brenner S.W.* Fantasy Crime: The Role of Criminal Law in Virtual Worlds // *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. 2008. Vol. 11. No. 1. P. 20–31, 46, 47, 52–61.
9. *Cabasso A.* Piercing Pennoyer with the Sword of a Thousand Truths: Jurisdictional Issues in the Virtual World // *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*. 2012. Vol. 22. No. 2. P. 432, 435.
10. *Chen Z., Wu J., Gan W., Oi Z.* Metaverse Security and Privacy: An Overview // *IEEE International Conference on Big Data*. 2022. P. 2953–2956 [Electronic resource]. – Assess mode: URL: https://www.researchgate.net/publication/367455946_Metaverse_Security_and_Privacy_An_Overview (accessed: 25.05.2023).
11. *Cheng X., Zhang S., Fu S. et al.* Exploring the Metaverse in the Digital Economy: An Overview and Research Framework // *Journal of Electronic Business and Digital Economics*. 2022. Vol. 1. Iss. 1/2. P. 206–224 [Electronic resource]. – Assess mode: URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JEBDE-09-2022-0036/full/html> (accessed: 12.05.2023).
12. *Chengoden R., Victor N., Huynh-The H. et al.* Metaverse for Healthcare: A Survey on Potential Applications, Challenges and Future Directions // *IEEE Access*. 2023. Vol. 11. P. 12765–12795 [Electronic resource]. – Assess mode: URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/10034994> (accessed: 10.05.2023).
13. *Chow Y.-W., Susilo W., Li Y. et al.* Visualization and Cybersecurity in the Metaverse: A Survey // *Journal of Imaging*. 2023. Vol. 9. Iss. 1. Art. 11 [Electronic resource]. – Assess mode: URL: <https://www.mdpi.com/2313-433X/9/1/11> (accessed: 12.05.2023).
14. *Dilla W.N., Harrison A.J., Mennecke B.E., Janvrin D.J.* The Assets Are Virtual but the Behavior Is Real: An Analysis of Fraud in Virtual Worlds and Its Implication for the Real World // *Journal of Information Systems*. 2013. Vol. 27. No. 2. P. 131–158.
15. *Di Pietro R., Cresci S.* Metaverse: Security and Privacy Issues // *Third IEEE International Conference on Trust, Privacy and Security in Intelligent Systems and Applications (TPS-ISA)*. Atlanta, GA, USA. 2021. P. 281–288.
16. *Fairfield J.A.T.* Mixed Reality: How the Laws of Virtual Worlds Govern Everyday Life // *Berkeley Technology Law Journal*. 2012. Vol. 27. Iss. 1. P. 72.
17. *Fairfield J.A.T.* Virtual Property // *Boston University Law Review*. 2005. Vol. 85. Iss. 4. P. 1047–1102.
18. *Grimmelmann J.* Regulation by Software // *The Yale Law Journal*. 2005. Vol. 114. No. 7. P. 1719–1758.
19. *Huang Y., Li Y.J., Cai Z.* Security and Privacy in Metaverse: A Comprehensive Survey // *Big Data Mining and Analytics*. 2023. Vol. 6. No. 2. P. 234–247.
20. *Janhianen J.S., Krohn C., Junnala J.* Metaverse and Sustainability: Systematic Review of Scientific Publications until 2022 and Beyond // *Sustainability*. 2023. Vol. 15. Iss. 1. Art. 346 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/15/1/346> (accessed: 07.05.2023).
21. *Jankowich A.E.* EU Law: The Complex Web of Corporate Rule-Making in Virtual Worlds // *Tulane Journal of Technology and Intellectual Property*. 2006. Vol. 8. P. 5, 9, 54–56.
22. *Kerr O.S.* Criminal Law in Virtual Worlds // *University of Chicago Legal Forum*. 2008. Vol. 2008. Iss. 1. P. 415–429.
23. *Kim Y.* Virtual Privacy Data and Its Privacy Regulatory Challenges: A Call to Move Beyond Text-Based Informed Consent // *California Law Review*. 2022. Vol. 110. P. 252.
24. *Kye B., Han N., Kim E. et al.* Educational Applications of Metaverse: Possibilities and Limitations // *Journal of Educational Evaluation for Health Professions*. 2021. Vol. 18 [Electronic resource]. – Assess mode: URL: <https://jeehp.org/journal/view.php?number=424> (accessed: 10.05.2023).
25. *Laeq K.* Metaverse: Why, How and What [Electronic resource]. – Assess mode: URL: https://www.researchgate.net/publication/358505001_Metaverse_Why_How_and_What (accessed: 07.05.2023).
26. *Lastowka G.F., Hunter D.* The Laws of the Virtual Worlds // *California Law Review*. 2004. Vol. 92. Iss. 1. P. 1–74.
27. *Lastowka G.F., Hunter D.* Virtual Crimes // *New York Law School Law Review*. 2004. Vol. 49. Iss. 1. P. 306–310.
28. *Laue C.* Crime Related to Metaverse // *Virtual Worlds and Criminality* / K. Cornelius, D. Hermann (eds). Berlin, Heidelberg, 2011. P. 21–26.
29. *Lee L.-H., Braud T., Zhou P. et al.* All One Needs to Know about Metaverse: A Complete Survey on Technological Singularity, Virtual Ecosystem, and Research Agenda. Technical Report. October 2021 [Electronic resource]. – Assess mode: URL: https://www.researchgate.net/publication/355172308_All_One_Needs_to_Know_about_Metaverse_A_Complete_Survey_on_Technological_Singularity_Virtual_Ecosystem_and_Research_Agenda?channel=doi&linkId=619c4bc5d7d1af224b199c8d&showFulltext=true (accessed: 10.05.2023).
30. *Lee L.-H., Zhou P., Braud T., Hui P.* What is the Metaverse? An Immersive Cyberspace and Open Challenges. June 8, 2022 [Electronic resource]. – Assess mode: URL: https://www.researchgate.net/publication/361161855_What_is_the_Metaverse_An_Immersive_Cyberspace_and_Open_Challenges (accessed: 10.05.2023).
31. *Lemley M.A., Volokh E.* Law, Virtual Reality, and Augmented Reality // *Pennsylvania Law Review*. 2018. Vol. 166. No. 5. P. 1070–1094.
32. *Lemley M.A., Volokh E.* The Real Law of Virtual Reality // *UC Davis Law Review*. 2017. Vol. 51. No. 1. P. 55.
33. *Mayer-Schnberger V., Crowley J.* Napsters's Second Life?: The Regulatory Challenges of Virtual Worlds // *Northwestern University Law Review*. 2006. Vol. 100. Iss. 4. P. 1783, 1784.
34. *Mistrette S.* The Metaverse – An Alternative Education Space // *AI, Computer Science and Robotics Technology*. Nov., 2022. P. 1–3 [Electronic resource]. – Assess mode: URL: <https://www.intechopen.com/journals/1/articles/87> (accessed: 10.05.2023).
35. *Pooyandeh M., Han K.-J., Sohn I.* Cybersecurity in the AI-Based Metaverse: A Survey // *Applied Sciences*. 2022. Vol. 12. Iss. 24. Art. 12993. P. 6, 7, 10–13.
36. *Pridmore J., Overocker J.* Privacy in Virtual Worlds: A US Perspective // *Journal of Virtual Worlds Research*. 2014. Vol. 7. No. 1. Lantern – Part 1. P. 4.
37. *Ritterbusch G.D., Teichmann M.R.* Defining Metaverse: A Systematic Literature Review // *IEEE Access*. 2023. Vol. 11. P. 12371, 12373.

38. Value creation in the metaverse. The real business in virtual world. McKinsey&Company. June 2022. P. 21, 22, 24 [Electronic resource]. — Assess mode: URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/value-creation-in-the-metaverse> (accessed: 07.05.2023).
39. Wang Y., Su Z., Zhang N. et al. A Survey of Metaverse: Fundamentals, Security and Privacy // IEEE Communications Surveys and Tutorials. 2023. Vol. 25. Iss. 1. P. 320, 322, 326, 328–338.
40. Wiederhold B.K. Sexual Harassment in the Metaverse // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2022. Vol. 25. No. 8. P. 479.
41. Wu J., Lin K., Lin D. et al. Financial Crimes in Web3-enabled Metaverse: Taxonomy, Countermeasures, and Opportunities // IEEE Open Journal of the Computer Society. 2023. Vol. 4. P. 37–49.
42. Yang D., Zhou J., Chen Y. et al. Expert Consensus on the Metaverse in Medicine // Clinical eHealth. 2022. Vol. 5. P. 1–9.
43. Zack J.S. The Ultimate Company Town: Wading in the Digital Marsh of Second Life // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. 2007. Vol. 10. Iss. 1. P. 228, 229.
44. Zallio M., Clarkson P.J. Designing the Metaverse: A Study of Inclusion, Diversity, Equity, Accessibility and Safety for Digital Immersive Environment // Telematics and Informatics. 2022. Vol. 75. Art. 101909. P. 2.

Сведения об авторах

БАТУРИН Юрий Михайлович —
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой компьютерного права
и информационной безопасности Высшей
школы государственного аудита (факультет)
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова;
119992 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
(4-й учебный корпус)

ПОЛУБИНСКАЯ Светлана Вениаминовна —
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора уголовного
права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BATURIN Yuri M. —
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Computer Law
and Information Security Chair,
Supreme State Audit School (Faculty),
Lomonosov Moscow State University;
1, bld. 13 (4th academic building) Leninskie Gory,
119992 Moscow, Russia

POLUBINSKAYA Svetlana V. —
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ И СУЩНОСТЬ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

© 2023 г. О. И. Чуприс

Администрация Президента Республики Беларусь, г. Минск

E-mail: 26-info@president.gov.by

Поступила в редакцию 17.10.2023 г.

Аннотация. В статье анализируется Концепция правовой политики, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. Автором характеризуются предпосылки принятия данного документа: геополитические условия, внутренние политические и собственно правовые факторы, векторы конституционных преобразований. Раскрывается потенциал Концепции правовой политики в качестве основы устранения негативных тенденций развития правовой системы Республики Беларусь и наращивания тенденций положительных, определяются роль и значение документа в эволюции правового просвещения и воспитания, образования и науки. Обосновывается значение Концепции правовой политики в качестве идеологической матрицы развития правовой системы, обогащенной сводом постулатов, определяющих направления развития всех правовых процессов в стране.

Ключевые слова: концепция, правовая политика, идеология белорусского государства, нормотворчество, правоприменение, правовая система, законодательство, правовое образование и просвещение, правовая культура, правосознание.

Цитирование: Чуприс О.И. Предпосылки принятия и сущность основных положений Концепции правовой политики Республики Беларусь // Государство и право. 2023. № 11. С. 170–177.

DOI: 10.31857/S102694520028494-4

PREREQUISITES FOR THE ADOPTION AND ESSENCE OF THE MAIN PROVISIONS OF THE CONCEPT OF LEGAL POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

© 2023 O. I. Chupris

Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk

E-mail: 26-info@president.gov.by

Received 17.10.2023

Abstract. The article analyzes of the Concept of Legal Policy approved by the Decree of the President of the Republic of Belarus No. 196 dated June 28, 2023. The author characterizes the prerequisites for the adoption of this document: geopolitical conditions, internal political and legal factors, vectors of constitutional transformations. The article reveals the potential of the Concept of Legal Policy as a basis for eliminating negative trends in the development of the legal system of the Republic of Belarus and increasing positive trends, defines the role and significance of the document in the evolution of legal enlightenment and upbringing, education and science. The author substantiates the importance of the Concept of Legal Policy as an ideological matrix of the development of the legal system, enriched with a set of postulates that determine the directions of development of all legal processes in the country.

Key words: Concept, legal policy, ideology of the Republic of Belarus, rulemaking, law enforcement, legal system, legislation, legal education and enlightenment, legal culture, legal awareness.

For citation: *Chupris, O.I. (2023). Prerequisites for the adoption and essence of the main provisions of the Concept of Legal Policy of the Republic of Belarus // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 170–177.*

Каждому этапу человеческого развития присущи свои особенности, которые влияют на отдельные государства, а соответственно, и их правовые системы, призванные реагировать на вызовы и угрозы, а еще лучше — упреждать их появление правовыми средствами. Именно Концепция правовой политики государства, принимаемая в виде нормативного правового акта, представляет собой документ программного характера, содержащий системное представление о настоящем состоянии национальной правовой системы, которое определяется как отправная точка, и содержащий стратегическое видение ее будущего. Правовая политика, как отмечает Ю.Н. Стариков, «всегда рассматривается в качестве важнейшего элемента государственной политики. Следовательно, в зависимости от новых жизненных обстоятельств, новых поворотов в установлении национальных приоритетов, социально назревших планирований, универсальной модернизации общества и государства выстраиваются и более актуальные планы совершенствования многообразных областей правового порядка как в частном, так и в публичном праве»¹.

Понимание правовой политики как вида деятельности чаще всего связывается с взаимодействием государственных органов и граждан «по формированию и развитию эффективного механизма правового регулирования, цивилизованному использованию права в достижении следующих целей: безопасность личности, общества, государства; сохранение государства и национальной самоидентичности; обеспечение прав и свобод человека и гражданина; эффективное государственное правление; укрепление дисциплины, законности

и правопорядка; достижение высокого уровня правосознания и правовой культуры и др.»².

В основе формулирования базовых положений Концепции правовой политики должны лежать глубокие теоретические изыскания и объективно обусловленные потребности развития общества³. В качестве базовой современной правовой доктрины Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента РБ от 28 июня 2023 г. № 196, выступила уже укоренившаяся в праве теория конституционной или национальной правовой идентичности, представленная также в схожих по своей сути вариантах как теория конституционного суверенитета или национального правового порядка (Г.А. Василевич, Т.А. Васильева, Г.А. Гаджиев, В.Д. Зорькин, Н.В. Исаева, Н.А. Карпович, Е.А. Лукьянова, П.П. Миклашевич, В.И. Павлов, С.П. Чигринов и др.)⁴.

Однако каждый документ концептуального свойства рождается не сам по себе, а в определенных условиях, которые влияют на его создание и которые следует учитывать в комплексе в процессе правотворчества, на что указывают теоретики

² Семашко Е.В. Справедливость, свобода и равенство как ценностные императивы правовой политики государства // Правовая политика, наука, практика — 2022: материалы Респ. науч.-практ. конф. Минск, 2022.

³ См.: Дробязко С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Дробязко С.Г. Избр. труды. Минск, 2022.

⁴ См., напр.: Васильева Т.А. Принцип уважения национальной идентичности государств — членов ЕС: проблемы интерпретации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 9–12; Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России // Право и государство. Культурологическое измерение: Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 18–27; Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (58). С. 1–12; Исаева Н.В. Правовая идентичность: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2014; Лукьянова Е.А. Идентичность и трансформация современного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 130–147.

¹ Стариков Ю.Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 15–33.

права. В связи с чем в данной публикации пойдет речь о предпосылках принятия Концепции правовой политики РБ и будет раскрыта сущность ее основополагающих взаимосвязанных положений.

В первую очередь следует отметить предпосылки глобального политико-правового свойства, влияющие на развитие национальных правовых систем, обозначенные в современной правовой доктрине и требующие соответствующего реагирования со стороны государства и государственной власти.

Так, в науке небезосновательно указывают на проявление расхождений (полагаем, можно даже уже указывать на нарастание конфликта. — *О. Ч.*) между цивилизационно-культурными содержаниями западных и незападных правовых порядков, идентифицирующих себя как имеющих отличия в правовом поле. В общественном сознании таких государств коренным образом меняется отношение к заимствованным в свое время новоевропейским политико-правовым концепциям⁵. При этом речь не идет об изменении отношения к ценности и значению идей о правах человека, разделении властей, верховенстве права, гражданском обществе и других как таковых, а об изменении их смыслового наполнения с учетом национальных особенностей и интегрирования в отечественный политико-правовой сегмент.

Решение о начале работы над Концепцией принималось в особых условиях возрастающей мировой и региональной нестабильности, сопровождающейся угрозами национальной безопасности Республики Беларусь, столкнувшейся начиная с 2020 г. с массированным воздействием на ее конституционно-правовой строй и стабильность общества. Соответственно, был приведен в действие национальный правовой механизм, призванный обеспечить суверенитет государства и не допустить вмешательства в его внутренние дела, включая принятие законодательных решений, отвечающих интересам безопасности государства и граждан. Затронуты были все уровни законодательного регулирования: от Конституции до отраслевого законодательства.

Принятые на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. конституционные поправки усовершенствовали политическое устройство страны, что повлекло изменения как законодательства, так и характера работы основных государственных институтов. С учетом данных преобразований следовало определить векторы дальнейшего развития правовой системы.

В качестве примеров основных трендов, которые нашли закрепление в Конституции РБ, можно

привести некоторые прямые и косвенные меры по защите суверенитета и национальной безопасности. Во-первых, это исключение из Основного закона нормы о нейтралитете как невыполнимой в текущих реалиях при исключении военной агрессии в отношении других государств (ст. 18).

Во-вторых, поднята на новый уровень защита традиционных ценностей путем определения понятия брака как союза женщины и мужчины, приоритета воспитания детей в семье (ст. 32) во избежание их замены чуждыми псевдодемократическими идеалами (однополые браки, ЛГБТ-пропаганда и т.д.), которые подрывают государство изнутри.

В-третьих, в Конституции нашли отражение идеологические основы белорусской государственности, что было достигнуто как корректировкой положений Преамбулы Конституции РБ, так и закреплении принимаемых всеми белорусами норм о сохранении исторической правды и памяти о подвиге народа в годы Великой Отечественной войны, о патриотизме как долге каждого гражданина (ст. 54).

Для республик СССР позднего советского периода и стран постсоветского лагеря в определенный период времени была характерна утрата идеологических императивов. Однако общество, не имеющее идеологического стержня, не может быть опорой государству в кризисные периоды. Несомненно, что почитание подвига наших предков является скрепой, которая объединяет народы бывшего СССР. Кроме того, как пишет А.Н. Савенков, «сегодня, когда попытки фальсификации истории Второй мировой войны, а также манипулирования общественным сознанием с помощью современных технологий стали частью информационной войны, необходимы усилия, направленные на защиту исторической правды»⁶.

В-четвертых, конституционной мерой, направленной на защиту суверенитета и национальной стабильности и безопасности, является закрепление специального механизма функционирования органов государственной власти в особых обстоятельствах, могущих повлечь дестабилизацию обстановки в стране в случае гибели Президента РБ в результате покушения на его жизнь, совершения акта терроризма или военной агрессии. В данной ситуации, согласно ст. 88-1 Конституции РБ, незамедлительно на основании решения Совета Безопасности вводится чрезвычайное или военное положение, а государственные органы и должностные лица действуют в соответствии с решениями Совета Безопасности.

В-пятых, закреплён конституционный статус Всебелорусского народного собрания (ВНС), на

⁵ См.: Павлов В.И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.by. 2022. № 5. С. 36–42.

⁶ Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.

которое возлагаются стабилизирующая и консолидирующая функции в обществе. Данное Собрание как высший представительный орган народовластия призвано обеспечить незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие (ст. 89-1 Конституции РБ). ВНС является страховкой от непредвиденных политических ситуаций внутри страны. Именно на ВНС возложено определение стратегических направлений развития белорусского государства, а именно:

утверждение основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности;

инициирование изменений в Конституцию, проведения республиканских референдумов;

рассмотрение вопроса о легитимности выборов;

принятие по предложению Президента РБ решения о направлении военнослужащих за пределы страны для участия в обеспечении коллективной безопасности и деятельности по поддержанию международного мира и безопасности;

введение чрезвычайного или военного положения в случае бездействия Президента РБ по этим вопросам;

смещение Президента РБ с должности в случае систематического или грубого нарушения им Конституции РБ либо совершения государственной измены, иного тяжкого преступления и др. (ст. 89-3 Конституции РБ).

ВНС предоставлено право отмены решений правовых актов, иных решений государственных органов и должностных лиц, противоречащих интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов (ст. 89-5 Конституции РБ).

Данные конституционные положения нашли одновременное отражение в отраслевых законах: «О Всебелорусском народном собрании», «Об основах гражданского общества», «О геноциде белорусского народа», «О недопущении реабилитации нацизма» и др.

В рамках конституционных преобразований последовательно внедрен комплекс правовых мер, направленных на реализацию задач административно-деликтного и уголовного законов в части охраны конституционного строя, защиты человека, предупреждения противоправных и преступных посягательств и неотвратимости ответственности.

К моменту утверждения Президентом РБ Концепции правовой политики в 2023 г. за два предыдущих года было принято порядка 90 законодательных актов, приблизительно поровну законов и указов Главы государства, затрагивающих различные аспекты обеспечения национальной безопасности: от ужесточения ответственности за

любые попытки совершения терроризма и измену государству до оптимизации порядка оборота криптовалюты, поскольку ее нередко задействуют в противоправных целях; от предусмотренной возможности уголовного преследования в отношении лиц, скрывающихся за рубежом, путем возбуждения в отношении них специальных (заочных) производств до детализации порядка привлечения Вооруженных Сил для реагирования на акты терроризма, деятельность незаконных вооруженных формирований, массовые беспорядки.

Еще один важный фактор, повлиявший на решение о принятии и содержании Концепции правовой политики: право вообще и национальное право в частности столкнулись с вызовами технологического порядка, обусловленными формированием чрезвычайно сложной виртуальной социореальности и, несомненно, оказывающими «возмущающее действие на право»⁷.

В условиях дигитализации социума наблюдается отрыв общества от государства, а фактически еще более широко — общества от реального мира. В виртуальном пространстве создается параллельная человеческая жизнь, практически не управляемая государством, но управляемая заинтересованными группами. «Государству не принадлежит монополия на управление массовым сознанием, <...> создается потенциальная возможность вмешательства в прерогативы и функции государства»⁸. Как отмечает Т.А. Полякова, «наблюдается стремительный рост как количества внутренних и внешних информационных угроз, так и уровня их негативного воздействия на граждан, государство и общество. Эти угрозы носят трансграничный характер, что порождает новые вызовы для всей системы международной информационной безопасности»⁹.

При этом под влиянием внешних сил легко добиться деструктивного поведения населения, следствием которого являются усиленное давление на представителей власти, увеличение числа деяний экстремистской и террористической направленности. Учеными отмечается как бы «ускользание человека из-под опеки государства» при сохраняющейся субъектности государства на уголовное преследование.

Указанная особенность современности также подлежала учету при разработке Концепции.

⁷ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степаина и юридическая наука. М., 2020.

⁸ Перепелица Е.В. Сетевая коммуникация государства и общества в цифровом мире постиндустриальной эпохи // Право.by. 2021. № 5. С. 149–154.

⁹ Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.Б. Форсайт-сессия «Информационная безопасность в XXI веке: вызовы и правовое регулирование» // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 194–208.

Сложились также предпосылки собственно правового свойства, связанные с признанием практической реализованности положений Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь 2002 года¹⁰, в которой определялись правовые аспекты совершенствования законодательства в переходный период, призванного обеспечить изменение общества и создание условий для новых экономических отношений (отсюда в ней было много положений, связанных с их либерализацией), выстроить систему законодательства на основе кодификации, определить правила нормотворчества, в том числе его плановый характер, упорядочить отрасли и институты законодательства и др.

Правовым основанием работы над Концепцией правовой политики РБ явилось распоряжение Главы Администрации Президента РБ от 2 июня 2022 г., которым была создана межведомственная рабочая группа с полномочиями по привлечению к работе заинтересованных государственных органов и экспертов, в том числе от науки. При подготовке были учтены мнения 44 ведомств, включая Верховный Суд, Генеральную прокуратуру, Национальный банк. Концепция была поддержана Советом по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте РБ (протокол от 15.05.2023 г. № 2).

С учетом совокупности указанных предпосылок, определивших рамки работы, был сформирован документ – *Концепция правовой политики Республики Беларусь*, структурно состоящая из *пяти глав*, охватывающих цели, принципы и определение субъектов правовой политики Республики Беларусь, ее историко-культурные основы и идеологические императивы, современное состояние правовой системы Республики Беларусь, общие подходы к формированию и реализации правовой политики, приоритетные направления, а также особенности правовой политики в области развития отраслей белорусского законодательства.

Концепция совместила несколько групп положений:

стратегического, ценностно-идеологического характера, выступающих скрепляющим компонентом для всех элементов правовой системы;

фактологического свойства, определяющих состояние, положительные тенденции и недостатки правовой системы;

положений тактико-ориентированного характера, определяющих задачи по совершенствованию отраслей законодательства, реформированию работы государственных органов, членов

гражданского общества, включая представителей академического сообщества.

Концепция правовой политики РБ пронизана красной нитью необходимостью обеспечения силами всей правовой системы суверенитета и национальной безопасности, сохранения и укрепления национальной правовой идентичности, к которой Республика Беларусь пришла в результате длительного, сложного пути становления и развития государства и права, что специально раскрывается в п. 6 и 7 Концепции. Так, в п. 6 отмечается: «Неотъемлемое право народа Беларуси на самоопределение, на поступательное, устойчивое, самостоятельное существование в виде суверенного государства реализовалось в различных исторических и полиэтнических формах государственности: Полоцкое княжество, Туровское княжество, Киевская Русь, Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское, Речь Посполитая, Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик».

Особенности территориального расположения обусловили необходимость поиска Беларусью на протяжении всей своей истории компромисса во взаимодействии между Востоком и Западом, отстаивания независимости, обеспечения безопасности по периметру границ, оказания помощи как целым государствам, так и отдельным группам населения. Данные процессы отразились на менталитете белорусов, характер которых всегда отличали толерантность, созидательность, непринятие агрессии и давления извне (п. 7 Концепции).

В Концепции правовой политики основной акцент сделан на защите интересов в целом государства, а не прав отдельных индивидов, хотя необходимость их обеспечения государством подчеркивается. Государственный суверенитет, конституционный строй являются базисом, требующим постоянного правового внимания и охраны, поскольку именно на их основе реализуются народовластие, социальная справедливость, права и свободы граждан, что прямо вытекает из положений п. 10, 11, 28, п/п. 41.1–41.3 п. 41 Концепции. Не случайно поэтому основным субъектом правовой политики закрепляется государство в лице его органов.

В положениях Концепции отмечается необходимость усилить правовыми средствами обеспечение различных сфер национальной безопасности – военной, экологической, экономической и др. (п/п. 42.1 п. 42). Последнее особенно важно в условиях санкционного давления и развязывания отдельными странами экономических войн. Предстоит также повысить защиту информационного суверенитета, разрабатывать наднациональные стандарты и правила в области информационной безопасности. При этом акцент должен делаться на

¹⁰ Утв. Указом Президента РБ от 10.04.2002 г. № 205; утратила силу Указом Президента РБ от 28.06.2023 г. № 196 (см.: ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск, 2023).

продвижение национальных правовых интересов (п/п. 42.2 п. 42).

Обозначенные подходы тесно увязаны с проектом Концепции национальной безопасности и находят свое дальнейшее развитие в ее положениях. Этот документ предстоит утвердить в числе первых после формирования и начала работы Всебелорусского народного собрания.

В Концепции правовой политики развиваются конституционные постулаты о правовом, социальном и демократическом характере белорусского государства. К примеру, ст. 4 Основного закона содержит указание на то, что демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства. Определения идеологии белорусского государства, ее компонентов и основных положений белорусское законодательство в настоящее время не содержит, хотя признается необходимость их проработки и принятия. В то же время Концепция в развитие соответствующей конституционной нормы фиксирует национальные историко-культурные основы, с учетом которых в документе не только перечисляются, но и раскрываются девять универсальных идеологических императивов. Среди них — государственный суверенитет и территориальная целостность; национальная безопасность; социальная справедливость, свобода и равенство; патриотизм; народовластие; и др.

Особенностью данной Концепции стала формулировка самобытных мировоззренческих ориентиров. Так, на смену индивидуализму и патернализму приходят партнерские отношения между государством, обществом и человеком, их взаимовыгодное сотрудничество, повышение социальной ответственности каждого гражданина за свою жизнь, здоровье и благосостояние (п. 13, п/п. 48.1 п. 48).

В Концепции пристальное внимание уделяется вопросам оценки состояния и перспектив национальной правовой системы, которая сформирована на традициях семьи континентального права, передовых подходах иных правовых систем с учетом опыта формирования белорусской государственности. Ее характерными чертами являются конституционная идентичность; верховенство Конституции в системе законодательства и в рамках наднационального права; наличие эффективных государственных институтов, защищающих интересы как всего белорусского народа, так и отдельных граждан (п. 20).

Белорусская правовая система, как и любая другая, имеет свои положительные тенденции (преимущество, планирование, поэтапный переход нормотворчества в цифровой формат и др.) и недостатки, подлежащие устранению (п. 26 Концепции), которые в Концепции сбалансированы в своем сочетании. В ней также сформулировано видение по преодолению негативных моментов.

Например, среди негативных тенденций отмечается избыточность правового регулирования, сложность и неоднозначность изложения правовых норм, внесение частых корректировок, что выливается в чрезмерную детализацию правовых предписаний, наличие большого числа отсылочных норм, размывающих, а порой и приводящих к изменению сути «дочерних» норм права.

В качестве негативного примера можно привести частые изменения Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г., действовавшие до 1 марта 2021 г. С момента их вступления в силу было принято более 50 законов об изменении и дополнении каждого из указанных нормативных правовых актов. Количество статей и пунктов данных законов, в которые внесены правки, с трудом поддавалось подсчету. Схожая ситуация имела место и в других отраслях законодательства, которое значительно прибавило в своих объемах.

Данные примеры указывают на вытеснение на задворки юридического мышления сформулированного классиком юридической науки закона бережливости, содержащего правило о том, что право нуждается в количественном и качественном упрощении¹¹.

В числе одной из причин такого состояния дел видится чрезмерная активность заинтересованных государственных органов, играющих значимую роль в реформировании законодательства. При этом для заинтересованных органов оценка значимости нормативных корректировок в значительной степени связывается с их способностью решать задачи конкретного ведомства в конкретный период для соответствия определенным показателям. То есть цели правоустановления осуществляют служебную роль по отношению к целям правоприменения, что пагубно отражается на законодательстве, ведет к выхолащиванию сути правовых предписаний, потере их правовых качеств.

В то же время следует отметить, что данным государственным органам, выступающим также в роли правоприменителей, недостает не только времени, но и способностей работать на основе принципов права и норм более высокой степени обобщенности.

Исходя из выявленных закономерностей и проблем, в Концепции сформулированы тактические задачи в области правовой политики, содержание которых не сводится только лишь к задачам правотворчества и систематизации законодательства.

¹¹ См.: *Иеринг Р.* Юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М., 2008.

Определяя отправные точки для развития отраслевого законодательства, Концепция чаще устанавливает лишь ориентиры, хотя в ряде случаев достаточно четко указывает на необходимость действовать определенным образом. Например, положения Концепции о повышении самостоятельности Совета Министров и подчиненных ему госорганов и организаций в решении социально-экономических задач республиканского уровня, а местных органов власти — в решении региональных вопросов определяют одновременно и их зоны ответственности в вопросах совершенствования законодательства в сфере государственного управления (п/п. 41.7, 41.8 п. 41).

В свою очередь, требование Концепции о системном пересмотре кодексов по вопросам уголовной ответственности на предмет обеспечения сбалансированности норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РБ, положений о преступлениях и наказаниях, а также оптимизации уголовного процесса носит конкретный характер и подразумевает подготовку соответствующего проекта закона (п/п. 43.1 п. 43).

Устанавливается необходимость принятия мер по урегулированию обращения цифрового имущества и цифровых имущественных прав, регламентации вопросов применения искусственного интеллекта, робототехники, киберфизических систем (п/п. 45.4 п. 45).

Сохраняется тренд на кодификацию законодательства. Концепцией, в частности, предусмотрена кодификация (систематизация) законодательства в сфере охраны окружающей среды; в сфере интеллектуальной собственности; в области здравоохранения; инвестиционного законодательства (п/п. 45.7 п. 45, п/п. 47.1 п. 47, п/п. 48.6 п. 48). Работа над двумя последними в стране уже начата.

В Концепции предусматривается необходимость при осуществлении правовой политики принимать меры по развитию национального законодательства с учетом обязательств Республики Беларусь как члена Союзного государства, иных межгосударственных образований, а также формировать благоприятные правовые условия для интенсификации сотрудничества региональных интеграций — ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, а также для более плотного взаимодействия с ШОС и БРИКС (п. 36, п/п. 41.1 п. 41).

Такое совмещение общих подходов и конкретных задач имеет целью зафиксировать примеры стабильного и предсказуемого нормотворчества, просматриваемого в настоящее время, что не исключает выработку иных значимых правовых решений.

В отношении определения направления движения в развитии правового сознания и правовой культуры, отечественного юридического образования,

правового воспитания и просвещения, а также правовой науки можно отметить следующее.

Недостаточность уровня развития правового воспитания и просвещения населения, системы профилактики противоправного поведения субъектов правовых отношений отмечается в Концепции как одна из тенденций, подлежащих устранению (п/п. 26.2 п. 26). Их повышение нацелено на формирование высокого уровня правового сознания и правовой культуры общества.

В деятельности по правовому воспитанию и просвещению в полной мере должен быть задействован потенциал современных информационных технологий, играющих существенную роль в распространении в обществе, в особенности среди детей и молодежи, знаний о праве (п. 38). Следует обратить внимание также на реализацию п. 39 Концепции о формировании у будущих юристов корпоративной культуры.

В положениях Концепции обозначается связь между повышением эффективности правовой политики и усилением роли правовой науки.

Качество научных исследований надо повышать не только для обогащения самой юридической науки, но и для решения прикладных задач нормотворчества и правоприменения. При общем большом количестве публикуемых научных работ не хватает фундаментальных исследований, которые обогащали бы национальное право. Кроме того, к сожалению, ученые не всегда системно и комплексно подходят к подготовке своих предложений и экспертных заключений на готовые или разрабатываемые проекты законов, зачастую обращая внимание только на отдельные нормы права, не видя акта целиком, механизма его реализации во взаимосвязи с другими актами и при практическом использовании.

Еще одна проблема кроится в сведении в ряде случаев научной аргументации только к сравнительному анализу и отсылке к положительному зарубежному опыту. Таких исследователей Концепция предупреждает: следует взвешенно подходить к его использованию, заимствование не должно быть автоматическим. Необходимо всесторонне анализировать и оценивать опыт правового регулирования и практику его применения в иностранных государствах и предлагать к внедрению нововведения только при условии, если они отвечают государственным и общественным интересам, учитывают национальные традиции (п. 36).

* * *

Таким образом, Концепцию можно охарактеризовать как идеологическую матрицу развития отечественной правовой системы, обогащенную сводом постулатов, определяющих направления развития всех правовых процессов в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Васильева Т.А.* Принцип уважения национальной идентичности государств — членов ЕС: проблемы интерпретации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 9–12.
2. *Гаджиев Г.А.* Конституционная идентичность и права человека в России // Право и государство. Культурологическое измерение: Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 18–27.
3. *Дробязко С.Г.* Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Дробязко С.Г. Избр. труды. Минск, 2022.
4. *Зорькин В.Д.* Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (58). С. 1–12.
5. *Иеринг Р.* Юридическая техника / сост. А.В. Поляков. М., 2008.
6. *Исаева Н.В.* Правовая идентичность: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2014.
7. *Лукьянова Е.А.* Идентичность и трансформация современного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 130–147.
8. *Павлов В.И.* Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.by. 2022. № 5. С. 36–42.
9. *Перебелица Е.В.* Сетевая коммуникация государства и общества в цифровом мире постиндустриальной эпохи // Право.by. 2021. № 5. С. 149–154.
10. *Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.Б.* Форсайт-сессия «Информационная безопасность в XXI веке: вызовы и правовое регулирование» // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 194–208.
11. *Савенков А.Н.* Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.
12. *Семашко Е.В.* Справедливость, свобода и равенство как ценностные императивы правовой политики государства // Правовая политика, наука, практика — 2022: материалы Респ. науч.-практ. конф. Минск, 2022.
13. *Стариков Ю.Н.* Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 15–33.
14. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020.
1. *Vasilyeva T.A.* The principle of respect for the national identity of the EU member states: problems of interpretation // Constitutional and Municipal Law. 2017. No. 6. P. 9–12 (in Russ.).
2. *Gadzhiev G.A.* Constitutional identity and human rights in Russia // Law and the state. Culturological dimension: International Scientific and Practical Conference. SPb., 2017. P. 18–27 (in Russ.).
3. *Drobyazko S.G.* Legal education, law-making, legal establishment, their subjects and principles // Drobyazko S.G. Selected works. Minsk, 2022 (in Russ.).
4. *Zorkin V.D.* Constitutional identity of Russia: doctrine and practice // Journal of Constitutional Justice. 2017. No. 4 (58). P. 1–12 (in Russ.).
5. *Iering R.* Legal technique / comp. A.V. Polyakov. M., 2008 (in Russ.).
6. *Isaeva N.V.* Legal identity: theoretical and legal research: abstract ... Doctor of Lawr: 12.00.01. M., 2014 (in Russ.).
7. *Lukyanova E.A.* Identity and transformation of modern law // Comparative Constitutional Review. 2020. No. 3. P. 130–147 (in Russ.).
8. *Pavlov V.I.* Constitutional identity and the Rule of Law as two different paradigms of modern constitutionalism // Право.by. 2022. No. 5. P. 36–42 (in Russ.).
9. *Perebelitsa E.V.* Network communication of the state and society in the digital world of the post-industrial era // Право.by. 2021. No. 5. P. 149–154 (in Russ.).
10. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B.* Foresight session “Information security in the XXI century: challenges and legal regulation” // Proceedings of IGP of the RAS. 2018. Vol. 13. No. 5. P. 194–208 (in Russ.).
11. *Savenkov A.N.* The genocide of the Soviet people: from history to law, without a statute of limitations // State and Law. 2021. No. 9. P. 7–30 (in Russ.).
12. *Semashko E.V.* Justice, freedom and equality as value imperatives of the legal policy of the state // Legal policy, science, practice — 2022: materials of the Rep. Scientific Practical Conf. Minsk, 2022 (in Russ.).
13. *Starilov Yu. N.* Conservatism of legal policy as a guarantee of progress in the field of administrative and other public legal relations // Administrative Law and Process. 2023. No. 6. P. 15–33 (in Russ.).
14. *Khabrieva T. Ya., Chernogor N.N.* The future of law. The legacy of Academician V.S. Stepin and legal science. M., 2020 (in Russ.).

Сведения об авторе

Authors' information

ЧУПРИС Ольга Ивановна —

CHUPRIS Olga I. —

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь,
заместитель Главы Администрации
Президента Республики Беларусь;
220016 Республика Беларусь, г. Минск,
ул. К. Маркса, д. 38

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Belarus,
Deputy Head of the Administration
of the President of the Republic of Belarus;
38 K. Marx str., 220016 Minsk, Republic of Belarus

УНИВЕРСАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СКАНДИНАВСКИХ ГОСУДАРСТВ

© 2023 г. А. И. Черкасов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: aligorch@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.08.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается роль принципа универсализма как «краеугольного камня» социальной политики скандинавских государств. Подчеркивается, что скандинавский универсализм традиционно базируется на более высоком уровне социального равенства, чем тот уровень, который присутствует в рамках иных систем социальной защиты, нацеленных на выборочный подход и социальную стратификацию. Скандинавская модель социального обеспечения в последнее время сталкивается с целым рядом проблем, связанных с глобализацией, обострением конкуренции на рынке труда, демографическими изменениями, расширяющимся притоком мигрантов. В сложившейся ситуации данная модель становится все более экономной и рыночно-ориентированной, а действующие социальные программы корректируются путем сокращения их избыточной щедрости. Растет понимание необходимости расширения принципа универсализма и внедрения в социальную политику гораздо большей дифференциации с учетом реальных потребностей отдельных слоев населения.

Ключевые слова: Скандинавия, универсализм, эгалитаризм, социальные услуги, публичный сектор, право на труд, демографические изменения, иммиграция.

Цитирование: Черкасов А. И. Универсализм в социальной политике скандинавских государств // Государство и право. 2023. № 11. С. 178–184.

DOI: 10.31857/S102694520028728-1

UNIVERSALISM IN SOCIAL POLICY OF THE SCANDINAVIAN STATES

© 2023 A. I. Cherkasov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: aligorch@yandex.ru

Received 31.08.2022

Abstract. The article deals with the role of the principle of universalism as the “cornerstone” of the social policy of the Scandinavian states. It is emphasized that Scandinavian universalism is traditionally based on a higher level of social equality than the level that is present within other social welfare systems aimed at a selective approach and social stratification. The Scandinavian social welfare model has recently been facing a number of problems related to globalization, increased competition on the labor market, demographic changes and an expanding influx of migrants. In the current situation, this model is becoming more economical and market-oriented, and existing social programs are being adjusted by reducing their excessive generosity. There is a growing understanding of the need to expand the principle of universalism and introduce much greater differentiation into social policy, taking into account the real needs of individual segments of the population.

Key words: Scandinavia, universalism, egalitarianism, social services, public sector, right to work, demographic changes, immigration.

For citation: Cherkasov, A.I. (2023). Universalism in social policy of the Scandinavian states // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 178–184.

Модель социального обеспечения населения, которая сложилась в скандинавских государствах (именуемых в научной литературе также «северными странами»¹), носит уникальный характер благодаря предоставляемым ею всеохватывающим социальным правам и широкому внедрению принципа универсализма. Последний предполагает реализацию «инклюзивных схем социального обеспечения, направленных на все население», а «не просто на борьбу с бедностью и гарантирование определенного уровня доходов»². Скандинавский универсализм традиционно базировался на более высоком уровне социального равенства, чем тот уровень, который присутствует в рамках иных систем социальной защиты, «нацеленных на выборочный подход и социальную стратификацию» и «предполагающих разработку отдельных программ для разных групп населения»³. Представляя собой «краеугольный камень»⁴ всей проводимой северными государствами социальной политики, универсализм основывается на предположении о том, что даже при отсутствии доходов от трудовой деятельности все жители страны имеют право на экономическую безопасность.

Скандинавская модель социального обеспечения предусматривает определенный способ организации общественной жизни, «основывающийся на широком наборе ценностей и воспроизводящих их норм»⁵. Получение социальных услуг в северных государствах понимается прежде всего как «право гражданина»⁶, которое, как правило, может быть юридически защищено. Оно обычно не обусловлено занятостью и чаще всего гарантируется всем местным жителям без имущественных ограничений и в значительной степени «независимо от действия рыночных механизмов»⁷. Скандинавская модель социального обеспечения, таким образом,

«не направлена на отдельные проблемные группы» и призвана «охватить все население»⁸.

Универсализму скандинавской модели, базирующейся на эгалитарных ценностях, способствует активная перераспределительная политика. В основе последней лежит принцип социальной солидарности, предполагающий участие в финансировании системы социальной защиты в той или иной степени всех граждан, вносящих свой вклад соразмерно имеющимся возможностям. Универсализм содействует укреплению подобной солидарности, поскольку предполагается, что «политика социального обеспечения, которая в принципе охватывает всех жителей соответствующей страны, способна гораздо лучше развивать всеобщую солидарность, чем политика, которая выборочно ориентируется на отдельные категории населения»⁹.

Место проживания в рамках универсалистской скандинавской модели в конечном итоге является основным критерием для предоставления социальной помощи. На нее может рассчитывать практически «любой человек, проживающий в соответствующей стране на законных основаниях»¹⁰. Даже лица, «ранее никак не связанные с рынком труда и не делавшие никаких предварительных социальных взносов»¹¹, в северных странах получают минимальные социальные пособия. Универсализм, таким образом, благоприятствует неработающим замужним женщинам, поскольку позволяет последним быть относительно независимыми от мужа и других работающих родственников. Это немаловажно с точки зрения функционирования скандинавского социального государства, поскольку «именно женский труд полностью доминирует как в механизме оказания социальных услуг, так и в начальном образовании»¹².

Подобная ситуация, впрочем, касается не только женщин. Скандинавская модель рассматривается как некий «институциональный порядок, в значительной степени ослабляющий зависимость любых индивидуумов от своих семей»¹³. Главным критерием оценки личности и ее состоятельности

¹ См., напр.: *Bakke I.B.* The “Idea of Career” and “a Welfare State of Mind”: On the Nordic Model for Welfare and Career // *Career and Career Guidance in the Nordic Countries* / ed. by E.H. Haug, T. Hooley, J. Kettunen, R. Thomsen. Leiden, 2020. P. 23–36.

² *Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives* / ed. by S. Bendixsen, M.B. Bringslid, H. Vike. Cham, 2018. P. 225.

³ *Blomquist P., Palme J.* Universalism in Welfare Policy: The Swedish Case beyond 1990 // *Social Inclusion*. 2020. Vol. 8. Iss. 1. P. 114.

⁴ *Greve B.* What Characterise the Nordic Welfare State Model // *Journal of Social Sciences*. 2007. Vol. 3. No. 2. P. 44.

⁵ *Breidahl K.N., Hedegaard T.F., Kongshøj K., Larsen Ch.A.* Migrants’ Attitudes and the Welfare State: The Danish Melting Pot. Cheltenham, 2021. P. 6.

⁶ *Sipilä J., Anttonen A., Kröger T.* A Nordic Welfare State in Post-industrial Society // *The Welfare State in Post-industrial Society: A Global Perspective* / ed. by J.L. Powell, J. Hendricks. Dordrecht, 2009. P. 182.

⁷ *Frelle-Petersen C., Hein A., Christiansen M.* The Nordic Social Welfare Model: Lessons for Reform. Copenhagen, 2020. P. 11.

⁸ *Melin H.* The Nordic Model and Social Inequalities // *Welfare State at Risk: Rising Inequality in Europe* / ed. by D. Eißel, E. Roßkicka, J. Leaman. Heidelberg, 2014. P. 107.

⁹ *Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K.* Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945–2010. Basingstoke, 2012. P. 25.

¹⁰ *Kiesel V.* The Promise of Universalism – Gender, Migration, and the Limits of the Nordic Welfare State // *IZGOnZeit*. 2020. No. 9. P. 37.

¹¹ *The Nordic Models in Political Science: Challenged, but Still Viable?* / ed. by O. Knutsen. Bergen, 2017. P. 6.

¹² *Vike H.* Politics and Bureaucracy in the Norwegian Welfare State: An Anthropological Approach. Cham, 2018. P. 139.

¹³ *Ibid.* P. 138.

(как материальной, так и чисто человеческой) является трудовая деятельность и тот доход, который индивид получает по месту своей основной работы, «а не социально-экономический статус его семьи и доход, получаемый по семейной линии, например, в виде наследства»¹⁴.

В основе скандинавской модели лежит концепция некоего «коллективного индивидуализма», предполагающая, что наиболее действенная реализация потенциала каждой конкретной личности возможна лишь в рамках определенной коллективистской системы. Каждый индивид вносит возможный для себя вклад в эту систему, действуя с определенной степенью альтруизма и отдавая себе отчет в том, что первым выгоду из нее может извлечь не он, а кто-то иной, более нуждающийся. При этом присутствует осознание того, что данная система поддерживается тобой не зря. В случае необходимости она обязательно придет тебе на помощь и чужие вложения сработают уже на тебя.

Северная модель социального обеспечения является, по типологии датского социолога Г. Эспинг-Андерсена, социал-демократической¹⁵. В ее основе лежит некий «классовый компромисс, который обеспечивается союзом, заключенным между государством, работодателями и профсоюзами»¹⁶. Указанная модель базируется на широком участии граждан в экономической и социальной жизни и высокой степени доверия, проявляемой ими как в отношениях между собой, так и применительно к государству и проводимой органами власти политике¹⁷. Граждане готовы платить высокие налоги в обмен на гарантию обеспечения своих социальных прав и стабильную защиту от социальных рисков.

Между обществом и государством в северных государствах традиционно существует весьма прозрачная грань, «практически невидимая граница»¹⁸, и поддерживаются достаточно тесные отношения. Здесь «население практически никогда не выступало в качестве солидарной оппозиции государству», а последнее традиционно рассматривалось как «исполнитель некой коллективной демократической воли»¹⁹. Как подчеркивают

норвежские исследователи Г. Брокманн и А. Хагелунд, «Скандинавия является регионом с наибольшим в мире доверием к политическим институтам и той роли, которую играет государство»²⁰.

Государство в северных странах «гарантирует всеобщее равенство перед законом, а также равный политический статус всех граждан»²¹ и несет значительную ответственность за благосостояние проживающих на его территории людей, присутствуя во многих аспектах их жизни с самого момента рождения. Инвестируя непосредственно в население, государство стремится «сохранять и развивать способность индивидуумов быть активной составной частью рабочей силы страны и продуктивными членами общества»²². Регулируя наиболее значимые сферы общественной жизнедеятельности, государство способствует перераспределению социальных благ в интересах более уязвимых слоев населения.

Вопросы функционирования государства всеобщего благосостояния и предоставления населению социальных услуг в скандинавских странах в значительной степени политизированы. Именно социальная политика и ее успешная реализация представляют собой «основной источник политической поддержки и легитимности»²³. Борьба за голоса избирателей в рамках электорального процесса обычно определяется стремлением политических партий и отдельных кандидатов убедить население в своей способности обеспечить «предоставление большего количества социальных услуг и их лучшее качество»²⁴, а также повысить эффективность публичного сектора. Идея универсалистской модели социального государства остается настолько популярной, что даже ее потенциальные противники, т.е. либерально и консервативно настроенные политические деятели, «на публике вынуждены выступать в качестве защитников действующей социальной модели, если только они не собираются совершить электоральное самоубийство»²⁵.

Универсализм предполагает значительный акцент на реализации права граждан на труд и борьбе с безработицей. Скандинавская модель направлена на «обеспечение достойного дохода и для тех, кто не способен трудиться или не может найти

¹⁴ Forsander A. Social Capital in the Context of Immigration and Diversity: Economic Participation in the Nordic Welfare State // JIMI/RIMI. 2004. Vol. 5. No. 2. P. 219.

¹⁵ См.: Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, 1990. P. 27, 28.

¹⁶ Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States / ed. by P. Kivisto, Ö. Wahlbeck. Houndmills, 2013. P. 11.

¹⁷ См.: The Relational Nordic Welfare State: Between Utopia and Ideology / ed. by S. Hänninen, K.-M. Lehtelä, P. Saikkonen. Cheltenham, 2019. P. 2.

¹⁸ Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives / ed. by S. Bendixsen, M.B. Bringslid, H. Vike. P. 138.

¹⁹ Ibid. P. 10.

²⁰ Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K. Op. cit. P. 1.

²¹ Kildal N., Kuhnle S. The Principle on Universalism: Tracing a Key Idea in the Scandinavian Welfare Model. Bergen, 2002. P. 5.

²² Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 184.

²³ Vike H. Op. cit. P. 86.

²⁴ Ibid.

²⁵ Viggeland N. Democratic Governance in Scandinavia: Developments and Challenges for the Regulatory State. Cham, 2020. P. 70.

работу»²⁶. При этом в рамках указанной модели «социальная политика должна быть организована таким образом, чтобы как можно большее число людей могли работать и занятие трудовой деятельностью себя бы оправдывало»²⁷. Без достижения высокого уровня занятости достаточно сложно обеспечить необходимые налоговые поступления в казну государства. А ведь из этих поступлений, собственно, и финансируются социальные услуги.

Активно действуя на рынке труда, государство стремится к «декоммодификации социальных прав»²⁸, т.е. к ослаблению зависимости этих прав, а также индивидуального и группового благосостояния в целом от действия рыночных сил. Как подчеркивается в скандинавской литературе, «главная задача социальной политики состоит в использовании политических средств для вмешательства в отношения между гражданами и рынком в целях формирования нового типа отношений между ними»²⁹.

Для эгалитарно-ориентированных северных стран характерен феномен т.н. сжатия дифференциации заработной платы, т.е. «относительно небольшая разница между наибольшими и наименьшими зарплатами, выплачиваемыми на рынке труда»³⁰. При этом оказывается всяческая поддержка усилиям работников по повышению квалификации и получению дополнительного профессионального образования.

Скандинавский универсализм отнюдь не предполагает всеобщую стандартизацию и унификацию оказываемых населению услуг. Северная модель носит интерактивный характер, будучи направленной на «адаптацию оказываемых услуг к нуждам и предпочтениям их потребителей»³¹. По мере расширения предоставляемой гражданам свободы выбора «социальные услуги все больше индивидуализируются»³², чему способствует внедрение в социальную сферу нового публичного менеджмента и подключение к оказанию услуг населению частных компаний. Число последних неуклонно расширяется в результате процессов приватизации и информализации, т.е. расширения взаимодействия индивидуумов и социальных институтов вне рамок непосредственного государственного регулирования.

²⁶ Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K. Op. cit. P.150.

²⁷ Ibid.

²⁸ Esping-Andersen G. Op. cit. P. 27.

²⁹ Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 185.

³⁰ Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives / ed. by S. Bendixsen, M.B. Bringslid, H. Vike. P. 9.

³¹ Promoting Active Citizenship: Markets and Choice in Scandinavian Welfare / ed. by K. H Sivesind, J. Saglie. Oslo, 2017. P. 294.

³² Voluntary and Public Sector Collaboration in Scandinavia: New Approaches to Co-Production / ed. by B. Ibsen. Cham, 2021. P. 59.

При этом видоизменяется роль самого государства, уже не столь концентрирующегося на «обеспечении одинакового качества услуг для всех» и все больше «перекалывающего ответственность за результаты социальной политики на самих потребителей, которые делают соответствующий выбор»³³.

Скандинавская модель социального обеспечения в последнее время сталкивается с целым рядом проблем, связанных с глобализацией, обострением конкуренции, ухудшением положения дел на рынке труда, демографическими изменениями, определяющими, в частности, феномен старения населения и сокращение экономически активной его части. Существенную роль играет и расширяющийся приток мигрантов, на содержание и дальнейшую интеграцию которых приходится тратить значительные средства, которые иначе могли бы быть использованы на другие цели, включая обеспечение благосостояния местного населения.

Приток мигрантов имеет и ощутимые социально-культурные последствия. Население северных государств становится более разнородным, в том числе с точки зрения религии, культуры, языка и быта. В этих условиях «расширяется ценностный плюрализм», а «социальное неравенство приобретает новое измерение»³⁴ — мультикультурное и этническое. Растет напряженность между государством всеобщего благосостояния и мигрантами (в первую очередь прибывшими с Востока), далеко не всегда способными адекватным образом воспринимать европейские ценности и интегрироваться в местную жизнь. При этом отнюдь не все мигранты прибывают легальным путем, что неизбежно отрезает их от значительной доли социальных благ.

Предоставление мигрантам социальных прав в северных странах имеет и свою обратную сторону — «наличие у них некоторых личных обязательств», предполагающих «достижение определенного уровня индивидуальной самодостаточности»³⁵. Подобная самодостаточность может быть надлежащим образом обеспечена лишь в условиях экономического роста, полной занятости и максимального приближения к характерному для скандинавских государств «идеалу гражданина в качестве трудящегося»³⁶. В данном контексте немаловажен и субъективный фактор — желание самих мигрантов и их способность к активному приложению личных

³³ Promoting Active Citizenship: Markets and Choice in Scandinavian Welfare / ed. by K. H Sivesind, J. Saglie. P. 5.

³⁴ Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K. Op. cit. P. 1, 2.

³⁵ Borevi K. Multiculturalism and Welfare State Integration: Swedish Model Path Dependency // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2014. Vol. 21. No. 6. P. 711.

³⁶ Ibid.

усилий, соблюдению предписываемой трудовой этики. Квалификация мигрантов, однако, зачастую невысока, что является одной из причин, затрудняющих их интеграцию на рынке труда.

В условиях высокой минимальной заработной платы и существенных затрат на содержание рабочей силы значительный акцент в северных государствах делается на производительности труда, что определяет наличие на рынке труда своеобразного «заградительного барьера»³⁷ для мигрантов. С учетом характерного для государств региона феномена сжатия дифференциации заработной платы применение дешевой и низкоквалифицированной рабочей силы становится невыгодным и «сравнительно дорогим»³⁸. Низкооплачиваемые работы либо переносятся в страны с дешевой рабочей силой, либо исчезают в результате развития процессов автоматизации. Одна из причин, затрудняющих интеграцию мигрантов, видится также в их менталитете. Многие мигранты настроены иначе, чем местное население, пребывая из стран, жители которых считают, что не обязательно постоянно прикладывать личные усилия для достижения успеха и можно вполне себе неплохо жить, «опираясь исключительно на поддержку со стороны своей семьи»³⁹.

В скандинавской литературе отмечается, что «иммиграция подтачивает веру людей в государство в качестве сплачивающей и стабилизирующей силы»⁴⁰. В целях обеспечения большей устойчивости государства всеобщего благосостояния и предотвращения усиления социальной и своеобразной ментальной дифференциации, способной это государство делегитимизировать, предпринимаются меры, направленные на ужесточение правил приема мигрантов. Применительно к миграционной политике в свое время был сформулирован принцип «твердый снаружи» (ограничительный подход в сфере предоставления гражданства) и «мягкий внутри» (инклюзивная социальная политика). При этом подчеркивается, что ни одно полноценное государство всеобщего благосостояния, даже столь эгалитарное, как скандинавское, не желает, «чтобы через его заградительную сеть проникало большое число людей или групп, которые бы нарушали нормальный рабочий процесс, перегружали социальные бюджеты и тем самым подрывали солидарность среди населения»⁴¹.

Сама социальная политика постепенно становится менее инклюзивной и более требовательной, в том числе по отношению ко вновь прибывшим. Даже в традиционно дружелюбной по отношению к мигрантам Швеции речь ведется об «отходе от политики мультикультурализма и движении в сторону гражданской интеграции»⁴². В соответствии с общеевропейскими тенденциями последняя предполагает более полное вовлечение мигрантов в общественную жизнь принимающей страны, включая их действительную адаптацию к имеющимся социально-экономическим условиям. В такой ситуации выполнение интеграционных требований (знание местного языка, истории и культуры, наличие должного представления о том, как функционируют местные политические институты, демонстрация лояльности к нормам и ценностям, составляющим основу национальной идентичности) призвано стать важнейшим условием для получения допуска к различным правам и социальным благам.

Произошедшие в последние десятилетия изменения касаются не только этнического состава, но и всей социальной структуры населения северных государств. Укрепился т.н. средний класс, который накопил некоторые экономические ресурсы и стал более независимым, в том числе по отношению к государству. Средний класс все чаще справляется со своими проблемами самостоятельно, будучи уже «не столь заинтересованным в солидарности и взаимной ответственности»⁴³. Происходит своеобразная «индивидуализация ценностей», в рамках которой растет спрос на более персонализированное предоставление благ с учетом конкретных личных потребностей. Социологические опросы показывают, что «при наличии выбора многие бы предпочли услугам денежную компенсацию их стоимости»⁴⁴.

В сложившейся ситуации принцип универсализма несколько утрачивает былую незыблемость. Все более активными становятся дебаты относительно того, какие, собственно, социальные льготы заслуживают те или иные слои населения. В Дании, например, высказывается мысль о том, что при предоставлении социальной помощи следует каким-то образом различать тех, «кто трудился большую часть своей жизни», и тех, «кто не так много времени провел на рынке труда»⁴⁵. Аналогичным образом в норвежской литературе делается вывод об «изменении парадигмы», усилении дифференциации в рамках действующей социальной модели и движении

³⁷ Forsander A. Op. cit. P. 214.

³⁸ Brochman G., Hagelund A. Migrants in the Scandinavian Welfare State: The Emergence of the Social Policy Problem // Nordic Journal of Migration Research. 2011. Vol. 1. Iss. 1. P. 14.

³⁹ Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 185.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K. Op. cit. P. 13.

⁴² Borevi K. Op. cit. P. 708.

⁴³ Melin H. Op. cit. P. 108.

⁴⁴ Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 188.

⁴⁵ Greve B. Denmark: Still a Nordic Welfare State After the Changes of Recent Years? // Challenges to European Welfare Systems / ed. by K. Schubert., P. de Villota., J. Kuhlmann. Heidelberg, 2017. P. 172.

в направлении «сегментированного общества всеобщего благосостояния»⁴⁶. В северных странах в конечном счете растет понимание того, что «государство более не должно являться гарантом процветания всех граждан применительно к их повседневной жизни, оставаясь при этом гарантом социальной безопасности в кризисной ситуации»⁴⁷.

Несмотря на определенную эрозию, принцип универсализма продолжает действовать и в той или иной степени реализовываться на практике. Северные государства по-прежнему характеризуются высокой степенью внутренней социально-экономической интеграции, в рамках которой «домашние хозяйства, рынки, государство и институты гражданского общества действуют совместно в качестве органического целого»⁴⁸.

Универсализм остается «ведущим принципом социальной политики северных стран»⁴⁹, которым «пока удается адаптировать действующую модель социального обеспечения к новым обстоятельствам»⁵⁰. Поддерживаются относительно высокие стандарты оказываемых гражданам социальных услуг. Сохраняется низкий уровень бедности и по-прежнему невелик разрыв в доходах различных слоев населения. Скандинавские государства продолжают входить в число стран с наименьшим уровнем социального неравенства, а женщины и пожилые люди здесь все еще активны на рынке труда. Эгалитарные нормы, «в целом, все еще считаются релевантными маркерами северных государств всеобщего благосостояния», а само социальное государство остается «частью национального самосознания и своеобразным брендом, выделяющим северные страны в современном мире»⁵¹.

Адаптация скандинавской модели к изменяющейся ситуации, однако, проходит отнюдь не безболезненно. Она становится все более экономной и рыночно-ориентированной. Это обуславливает растущую «маркетизацию» процесса предоставления социальных услуг и более активное вступление организаций частного сектора в контрактные отношения с институтами публичной власти⁵².

⁴⁶ Kildal N., Kuhnle S. Op. cit. P. 1, 2.

⁴⁷ Czarny R. M. A Modern Nordic Saga: Politics, Economy and Society. Cham, 2017. P. 85.

⁴⁸ Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives / ed. by S. Bendixsen, M.B. Bringslid, H. Vike. P. 138.

⁴⁹ Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 183.

⁵⁰ Frelle-Petersen C., Hein A., Christiansen M. Op. cit. P. 20.

⁵¹ Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives / ed. by S. Bendixsen, M.B. Bringslid, H. Vike. P. 225.

⁵² См.: Petersen O. H., Hjelm U. Marketization of Welfare Services in Scandinavia: A Review of Swedish and Danish Experiences // Scandinavian Journal of Public Administration. 2014. Vol. 17. No. 4. P. 5.

В подобной ситуации «коллективные риски все больше уступают место индивидуальным»⁵³. Гражданам приходится принимать самостоятельные решения по многим социальным вопросам: какой пенсионный фонд выбрать для инвестирования своих капиталов, какую политику предпочесть в области страхования, следует ли приобретать частную медицинскую страховку и т.п.

Былого пиршества, судя по всему, уже не вернуть. По признанию скандинавских исследователей, «золотые годы» северной модели закончились еще в последнем десятилетии минувшего века, когда в условиях экономического кризиса пришлось пойти на ощутимое ограничение публичных расходов, особенно в социальной сфере⁵⁴. Скандинавская модель «в своих определенных аспектах становится менее универсалистской»⁵⁵ за счет определенной корректировки действующих социальных программ. Так, в Дании, по мнению известного специалиста по социальной проблематике Б. Гревве, принцип универсализма в полной мере продолжает действовать лишь в таких сферах, как здравоохранение и уход за детьми и престарелыми⁵⁶.

Более жесткой и конкурентной становится ситуация на рынке труда. Для того чтобы иметь доступ к различным благам, безработные вынуждены предпринимать определенные активные действия и доказывать, что они действительно находятся в поиске работы⁵⁷. Безработным также приходится участвовать в различных программах, призванных обеспечить их скорейшее трудоустройство. Соглашаясь на помощь по такой программе, индивид зачастую берет на себя обязательство пройти обучение какой-либо другой, более востребованной профессии, участвовать в выполнении общественных работ и т.п.

Все чаще раздаются голоса в пользу расширения принципа универсализма и отказа от его трактовки «как удовлетворения одинаковых общественных нужд одинаковым способом»⁵⁸. Признается, что социальное равенство и солидарность были достигнуты в скандинавских государствах «в определенном смысле путем ограничения личной свободы»⁵⁹, посредством позитивной дискриминации

⁵³ Lapidus J. The Quest for a Divided Welfare State: Sweden in the Era of Privatization. Cham, 2019. P. 51.

⁵⁴ См.: Melin H. Op. cit. P. 108.

⁵⁵ Blomquist P., Palme J. Op. cit. P. 114.

⁵⁶ См.: Greve B. Denmark: Still a Nordic Welfare State After the Changes of Recent Years? P. 176.

⁵⁷ См.: Voluntary and Public Sector Collaboration in Scandinavia: New Approaches to Co-Production / ed. by B. Ibsen. P. 53.

⁵⁸ Sipilä J., Anttonen A., Kröger T. Op. cit. P. 195.

⁵⁹ Voluntary and Public Sector Collaboration in Scandinavia: New Approaches to Co-Production / ed. by B. Ibsen. P. 52.

различных обездоленных групп, прогрессивного налогообложения и активной перераспределительной политики.

Растет понимание того, что социальная сфера становится все менее подъемной для государства, одних лишь усилий которого оказывается недостаточно.

REFERENCES

1. *Bakke I.B.* The "Idea of Career" and "a Welfare State of Mind": On the Nordic Model for Welfare and Career // *Career and Career Guidance in the Nordic Countries* / ed. by E.H. Haug, T. Hooley, J. Kettunen, R. Thomsen. Leiden, 2020. P. 23–36.
2. *Blomquist P., Palme J.* Universalism in Welfare Policy: The Swedish Case beyond 1990 // *Social Inclusion*. 2020. Vol. 8. Iss. 1. P. 114.
3. *Borevi K.* Multiculturalism and Welfare State Integration: Swedish Model Path Dependency // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2014. Vol. 21. No. 6. P. 708, 711.
4. *Breidahl K.N., Hedegaard T.F., Kongshøj K., Larsen Ch.A.* Migrants' Attitudes and the Welfare State: The Danish Melting Pot. Cheltenham, 2021. P. 6.
5. *Brochman G., Hagelund A., Borevi K., Jönsson H.V., Petersen K.* Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945–2010. Basingstoke, 2012. P. 1, 2, 13, 14, 25, 150.
6. *Czarny R.M.* A Modern Nordic Saga: Politics, Economy and Society. Cham, 2017. P. 85.
7. *Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States* / ed. by P. Kivisto, Ö. Wahlbeck. Houndmills, 2013. P. 11.
8. *Egalitarianism in Scandinavia: Historical and Contemporary Perspectives* / ed. by S. Bendixsen, M.B. Bringslid, H. Vike. Cham, 2018. P. 9, 10, 138, 225.
9. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, 1990. P. 27, 28.
10. *Frelle-Petersen C., Hein A., Christiansen M.* The Nordic Social Welfare Model: Lessons for Reform. Copenhagen, 2020. P. 11, 20.
11. *Forsander A.* Social Capital in the Context of Immigration and Diversity: Economic Participation in the Nordic Welfare State // *JIMI/RIMI*. 2004. Vol. 5. No. 2. P. 214, 219.
12. *Greve B.* Denmark: Still a Nordic Welfare State After the Changes of Recent Years? // *Challenges to European Welfare Systems* / ed. by K. Schubert., P. de Villota, J. Kuhlmann. Heidelberg, 2017. P. 172, 176.
13. *Greve B.* What Characterise the Nordic Welfare State Model // *Journal of Social Sciences*. 2007. Vol. 3. No. 2. P. 44.
14. *Kiesel V.* The Promise of Universalism – Gender, Migration, and the Limits of the Nordic Welfare State // *IZGOnZeit*. 2020. No. 9. P. 37.
15. *Kildal N., Kuhnle S.* The Principle on Universalism: Tracing a Key Idea in the Scandinavian Welfare Model. Bergen, 2002. P. 1, 2, 5.
16. *Lapidus J.* The Quest for a Divided Welfare State: Sweden in the Era of Privatization. Cham, 2019. P. 51.
17. *Melin H.* The Nordic Model and Social Inequalities // *Welfare State at Risk: Rising Inequality in Europe* / ed. by D. Eißel, E. Rokicka, J. Leaman. Heidelberg, 2014. P. 107, 108.
18. *Petersen O.H., Hjelmar U.* Marketization of Welfare Services in Scandinavia: A Review of Swedish and Danish Experiences // *Scandinavian Journal of Public Administration*. 2014. Vol. 17. No. 4. P. 5.
19. *Promoting Active Citizenship: Markets and Choice in Scandinavian Welfare* / ed. by K.H. Sivesind, J. Saglie. Oslo, 2017. P. 5, 294.
20. *Sipilä J., Anttonen A., Kröger T.* A Nordic Welfare State in Post-industrial Society // *The Welfare State in Post-industrial Society: A Global Perspective* / ed. by J.L. Powell, J. Hendricks. Dordrecht, 2009. P. 182–185, 188, 195.
21. *The Nordic Models in Political Science: Challenged, but Still Viable?* / ed. by O. Knutsen. Bergen, 2017. P. 6.
22. *The Relational Nordic Welfare State: Between Utopia and Ideology* / ed. by S. Hänninen, K.-M. Lehtelä, P. Saikkonen. Cheltenham, 2019. P. 2.
23. *Viggeland N.* Democratic Governance in Scandinavia: Developments and Challenges for the Regulatory State. Cham, 2020. P. 70.
24. *Vike H.* Politics and Bureaucracy in the Norwegian Welfare State: An Antropological Approach. Cham, 2018. P. 86, 138, 139.
25. *Voluntary and Public Sector Collaboration in Scandinavia: New Approaches to Co-Production* / ed. by B. Ibsen. Cham, 2021. P. 52, 53, 59.

Сведения об авторе

ЧЕРКАСОВ Александр Игоревич —
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

CHERKASOV Alexander I. —
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher
of the Sector Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

СОДЕЙСТВИЕ ПРАВОСУДИЮ В СОВРЕМЕННОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН)

© 2023 г. В. С. Латыпов

Уфимский юридический институт МВД России

E-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.05.2022 г.

Аннотация. В статье анализу подвергнут институт содействия правосудию в мусульманской системе права на примере уголовного процесса Исламской Республики Афганистан (на основе Уголовно-процессуального кодекса), но использующий каноны священных религиозных писаний.

В рамках проведенного исследования сформулирован вывод о том, что в уголовном процессе Исламской Республики Афганистан к лицам, оказывающим содействие отправлению правосудия, следует относить свидетеля, эксперта и переводчика, врача и специалиста. Отмечается, что их процессуальный статус не закреплен в отдельных нормах, но вместе с тем прослеживается наличие прав, обязанностей и ответственности данных участников, упоминаемых законодателем в Уголовно-процессуальном кодексе Исламской Республики Афганистан. Установлено, что уголовно-процессуальное законодательство Исламской Республики Афганистан не позволяет в полном объеме обеспечить безопасность лиц, оказывающих содействие правосудию, поскольку ограничивается лишь обеспечением безопасности свидетеля (гл. 7 УПК ИРА).

Ключевые слова: содействие, уголовный процесс, помощь, свидетель, специалист, эксперт, доказательство, судопроизводство, правосудие, показания.

Цитирование: Латыпов В. С. Содействие правосудию в современной мусульманской модели уголовного судопроизводства (на примере уголовно-процессуального законодательства Исламской Республики Афганистан) // Государство и право. 2023. № 11. С. 185–192.

DOI: 10.31857/S102694520020257-3

ASSISTANCE TO JUSTICE IN THE MODERN MUSLIM MODEL OF CRIMINAL PROCEEDINGS (ON THE EXAMPLE OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION ISLAMIC REPUBLIC OF AFGHANISTAN)

© 2023 V. S. Latypov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru

Received 23.05.2022

Abstract. The article analyzes the institute for the promotion of justice in the Muslim system of law on the example of the criminal process of the Islamic Republic of Afghanistan (based on the Code of Criminal Procedure), but using the canons of the sacred religious scriptures. Within the framework of the conducted research, the conclusion is formulated that in the criminal process of the Islamic Republic of Afghanistan, the persons assisting in the administration of justice should include a witness, an expert and an interpreter, a doctor and a specialist. It is noted that their procedural status is not fixed in the hotel rules, but at the same time, the existence of the rights, duties and responsibilities of these participants mentioned by the legislator in the Criminal Procedure Code of the Islamic Republic of Afghanistan is traced. It is established that the criminal procedure legislation of the Islamic Republic of Afghanistan does not allow to fully ensure the safety of persons assisting justice, since it is limited only to ensuring the safety of a witness (Chapter 7 of the Criminal Procedure Code of the IRA).

Key words: assistance, criminal procedure, assistance, witness, specialist, expert, evidence, legal proceedings, justice, testimony.

For citation: Latypov, V.S. (2023). Assistance to justice in the modern muslim model of criminal proceedings (on the example of criminal procedure legislation Islamic Republic of Afghanistan) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 185–192.

Введение и постановка проблемы

Настоящая статья представляет собой продолжение предпринятого нами исследования уголовно-процессуального института содействия правосудию в различных моделях уголовного процесса зарубежных стран¹.

Напомним, что согласно выдвинутой нами теории под содействием правосудию следует понимать систему правовых норм, направленных на регулирование отношений, складывающихся в уголовном процессе и связанных с деятельностью, направленной на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультативной, технической (организационной) и иной помощи сторонам и суду, способствующей установлению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, лицами, не наделенными властными полномочиями, привлекаемыми к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

Содержанием выделенной самостоятельной функции содействия правосудию является процессуальная деятельность лиц с нейтральным по отношению к сторонам процессуальным статусом и не наделенных властными полномочиями, а потому являющихся неотъемлемым элементом самого правосудия. Такая особенность процессуальной функции содействия правосудию требует создания эффективного публично-правового механизма обеспечения равной доступности использования этой функции для обеих состязующихся сторон.

Разделяем позицию Дж.Г. Азизова о том, что уголовно-процессуальная функция каждого субъекта максимально формализована законодательством и предопределена его задачами и целями участия в уголовном деле². В рамках настоящего

исследования предложено осуществление сравнительно-правового анализа реализации функции содействия правосудию в уголовном процессе Исламской Республики Афганистан, относящейся к мусульманской системе права.

Выбор именно этой правовой системы неслучаен. Республика Башкортостан, на территории которой проводится данное исследование, исторически стала «первым регионом, где со второй половины XVI века проходило становление государственно-конфессиональных взаимоотношений между Российским государством и Исламом. В течение нескольких столетий формировались отношения между российскими государственными органами управления и исламской уммой, между православными колонистами-переселенцами и местным населением, в целом воспринявшим ислам, начиная с X-го и в массовом порядке с XV века. Ислам прочно вошел в культурную традицию башкир, татар и др. народов Урало-Поволжья...»³.

Результаты исследования

Традиционно к странам с мусульманской системой права принято относить Исламскую Республику Афганистан, Королевство Саудовская Аравия, Исламскую Республику Иран, Турцию, Объединенные Арабские Эмираты, некоторые государства Африки и Юго-Восточной Азии.

Следует отметить, что в теории права выделяют религиозно-правовую систему права, поскольку ей присущи черты, не свойственные странам Запада. Во-первых, это «стремление сохранить свой духовный и политический суверенитет»⁴. Во-вторых, это специфические источники права, где наряду с нормативными правовыми актами действуют религиозные традиции и обычаи.

Ошибочно полагать, что во всех странах мусульманской системы права уголовный процесс основан на религиозных писаниях, а правосудие — на принципах шариата. В уголовно-процессуальной доктрине мусульманские государства принято

¹ См., напр.: Латыпов В.С. Анализ института иных субъектов (участников) уголовно-процессуальной деятельности в законодательстве различных правовых систем. М., 2012; Его же. К вопросу о процессуальном статусе «иных участников уголовного судопроизводства» в законодательстве Германии // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. 2015. № 3. С. 22–25; Его же. Лица, содействующие правосудию в уголовно-процессуальном законодательстве Швейцарии // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 4 (80). С. 45–50.

² См.: Азизов Дж. Г. Уголовно-процессуальная функция обвинения и её реализация в деятельности военного прокурора // Государство и право. 2020. № 5. С. 154.

³ Бердин А.Т., Юсупов Ю., Карамышев Р. Мусульманская умма Башкортостана // Политобразование: информационно-аналитический журнал. 2016. 29 окт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://lawinrussia.ru/content/musulmanskaya-umma-bashkortostana> (дата обращения: 20.05.2022).

⁴ Клейменов И.М. Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнительное исследование): автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2002. С. 16.

делить на три группы в зависимости от вида уголовного процесса: государства, не применяющие нормы религиозных писаний в уголовном процессе (Албания, Турция); государства, осуществляющие уголовное судопроизводство на основе Уголовно-процессуального кодекса, но использующие основополагающие каноны священных писаний (Исламская Республика Афганистан, Марокко, Алжир, Ливан, Египет). Для данной группы стран характерен дуализм, двухвекторное направление развития уголовно-процессуального законодательства. И наконец, третья группа, в которую входят государства, основывающие свой уголовный процесс на нормах шариата (Королевство Саудовская Аравия, Исламская Республика Иран)⁵.

В отечественной юридической литературе вопросы уголовного судопроизводства в мусульманских странах рассмотрены в недостаточном объеме, отсутствуют монографические исследования, посвященные данной тематике. Из известных следует назвать диссертационные исследования Ф.Б. Мухаметшина⁶ (1990) и П.А. Гусеновой⁷ (2016). Проблема отсутствия научных исследований, посвященных мусульманскому уголовно-процессуальному праву, отмечена П.А. Гусеновой, которая также указывает на нехватку зарубежных работ по данной тематике, имеющиеся же отражают исключительно исламскую правовую традицию, без привязки к конкретному государству. Анализ уголовного процесса современных мусульманских стран в типологическом и национально-правовом аспекте в отечественной (и зарубежной) литературе еще не проводился, хотя необходимость в этом уже назрела⁸.

В рамках настоящего исследования мы не ставим перед собой задачу рассмотреть исторический путь развития уголовного процесса в мусульманских государствах и религиозные предпосылки, повлиявшие на изменение мусульманского права. Отметим лишь, что в традиционном мусульманском праве (вне зависимости от страны) вовлечение в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию, имело определенную специфику.

Так, традиционно производство в суде должно было осуществляться в течение одного дня и не должно было продлеваться. Судья единолично рассматривал все категории уголовных дел; судебной иерархии не существовало. Для производства

в суд приглашались стороны, каждая из которых отстаивала свою правоту. В качестве доказательств предъявлялись показания свидетелей. При этом показания свидетелей классифицировались в зависимости от половой принадлежности свидетеля: показания мужчин признавались полноценными, а показания женщин считались неполноценными. Показанию одного мужчины соответствовали показания двух женщин. Это объясняется тем, что положение женщин в мусульманских государствах основано на патриархальных нормах, а не идеалах Корана, там до сих пор сохраняется гендерное неравенство. Для принятия решения по делу достаточно было показаний двух достойных доверия мужчин. В подтверждение этого приведем цитату из Корана: «И берите в свидетели двух из ваших мужчин. А если не будет двух мужчин, то мужчину и двух женщин, на которых вы согласны, как свидетелей, чтобы если сообразится одна, то напomniaла бы ей другая. И пусть не отказываются свидетели, когда их зовут...»⁹. Достойными доверия являлись свидетели, которые вели праведный образ жизни согласно всем канонам религии.

Н.Е. Торнау отмечал, что в случае дачи свидетелем ложных показаний он привлекался к ответственности по тому преступлению, по которому лжесвидетельствовал¹⁰. О наличии других лиц, оказывающих содействие мусульманскому уголовному правосудию, не сообщается.

Однако процесс правового интегрирования не оставил в стороне и страны, относящиеся к религиозно-правовой системе права. Так, во многих из них наряду с религиозными писаниями ныне действуют и кодифицированные нормативные правовые акты.

Предлагаем рассмотреть институт содействия правосудию в мусульманской системе права на примере Исламской Республики Афганистан (далее — ИРА), относящейся ко второй группе в приведенной нами классификации.

Традиционными источниками права в данных государствах являются: 1) Коран — священная книга ислама¹¹; 2) Сунна — руководство и образец поведения для всех членов мусульманской общины; 3) Иджма — мнение или решение по рассматриваемому вопросу, к которому уважаемые члены общины пришли единогласно; 4) Кияс, или суждение по аналогии.

⁹ Коран / пер. и комм. И.Ю. Крачковского. М., 1963. С. 282.

¹⁰ См.: Торнау Н.Е. Изложение начал мусульманского законодательства. Дрезден, 1880. С. 463.

¹¹ Нередко в научной литературе можно встретить понятие «кораническое право», используемое как синоним понятия «мусульманское право», поскольку Коран представляет собой священное религиозное писание закона.

⁵ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

⁶ См.: Мухаметшин Ф.Б. Уголовный процесс Республики Афганистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1990.

⁷ См.: Гусенова П.А. Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2016.

⁸ См.: там же. С. 10.

Следует также отметить существование достаточно прогрессивной точки зрения, согласно которой Коран — уникальный источник знаний¹².

Проведенный анализ уголовно-процессуального законодательства Исламской Республики Афганистан позволил установить, что помимо указанных источников там действуют Конституция ИРА (2004) и кодифицированные нормативные правовые акты, в частности Уголовно-процессуальный кодекс ИРА (2014)¹³.

В соответствии с п. 30 ст. 2 УПК ИРА в качестве доказательств признаются «улики, предметы и документы, найденные на месте преступления или в ходе других специальных проверок, а также показания свидетелей и результаты проведенных экспертиз».

Свидетелями в уголовном процессе Афганистана являются лица, обладающие информацией о преступлении, имеющие возможность охарактеризовать подозреваемого или обвиняемого либо располагающие информацией о нем и об иных обстоятельствах уголовного дела (ст. 25 УПК ИРА). При этом в законе закреплена категория лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей по уголовным делам: лицо, показания которого нарушают его (ее) правовую обязанность не разглашать секреты, связанные с организацией, предусмотренной действующим законодательством, если только он (она) не освобождается от своих обязанностей соответствующим органом; адвокат защиты; сообщник, если он привлекается к уголовной ответственности совместно с подозреваемым; лица, состоящие в родстве с обвиняемым; юрисконсульт, врач, эксперт, психиатр или журналист, которые обязаны хранить конфиденциальную информацию, полученную в ходе выполнения своих обязанностей; ребенок, не достигший семилетнего возраста; лицо с физическими недостатками, ограничивающими человека в возможности давать показания. В исключительных случаях, когда показания указанных лиц важны для подтверждения преступного характера или невиновности подозреваемого или обвиняемого либо когда социальные выгоды значительно выше сохранения конфиденциальности, суд на основании запроса любой из сторон может заслушать показания свидетеля

в суде, при необходимости — без присутствия сторон (ч. 3 ст. 26 УПК ИРА).

Свидетель имеет право отказаться от дачи показаний, если они могут привести к уголовному преследованию его или его родственников (ч. 1 ст. 27 УПК ИРА). Данная норма позволяет говорить о существовании в уголовном процессе Афганистана т.н. свидетельских привилегий и иммунитетов.

Законом предусмотрена административная ответственность свидетеля за неявку по вызову в суд или покидание места допроса без разрешения или обоснования причины. Размер штрафа установлен в зависимости от категории правонарушения, по которому он должен был давать показания (не более 2000 афгани, если свидетель должен был дать показания по мелкому преступлению, 5000 афгани, если он должен был дать показания по правонарушению, 10 000 афгани, если он должен был дать показания по уголовному делу). От уплаты штрафа свидетель может быть освобожден, если обоснует причину неявки для дачи показаний (ч. 2, 3 ст. 28 УПК ИРА).

Порядок вызова для дачи показаний регламентирован ст. 29 УПК ИРА, в которой предусмотрено, что свидетель вызывается для дачи показаний повесткой, в которой отражаются фамилия и имя свидетеля, место его рождения и жительства, род занятий; место и время дачи показаний; статус свидетеля (обвинения или защиты); уголовное дело, по которому будет дано показание; последствия неявки без уважительных причин.

Несовершеннолетние свидетели, не достигшие возраста 18 лет, приглашаются для дачи показаний с родителями или законными представителями. Следует отметить, что закон содержит упоминание о возможности привлечения в «экстренных ситуациях» в качестве свидетеля лица, не достигшего 18-летнего возраста, без сопровождения законных представителей. Какие ситуации относятся к экстренным, не уточняется.

Прогрессивной является норма, закрепившая право на возмещение расходов, понесенных свидетелем для обеспечения явки. Согласно ст. 30 УПК ИРА расходы, понесенные свидетелями, оплачиваются органом, выдавшим повестку.

Свидетель имеет право давать показания на понятном и известном ему языке. В этом случае ему назначается переводчик (ст. 11 УПК ИРА). Таким образом, возможность вовлечения переводчика в уголовный процесс позволяет выделить еще одного участника уголовного судопроизводства, оказывающего содействие в отправлении правосудия в Афганистане.

К обязанностям свидетеля законодатель отнес необходимость говорить правду (ст. 32 УПК ИРА).

¹² См.: Идрисов Х. В. Священный Коран как фундаментальный источник мусульманской системы права: происхождение и специфика содержания вопросов ответственности // Вестник Чеченского гос. ун-та им. А. А. Кадырова. 2022. № 1 (45). С. 105–115; Редькин О. И., Берникова О. А. Коран как объект междисциплинарных исследований // Ислам в современном мире. 2020. № 16 (4). С. 51–61; и др.

¹³ См.: Justice Sector Support Program translation of the final version of the Criminal Procedure Code endorsed by the President. Islamic Republic of Afghanistan. Criminal Procedure Code. Justice Sector Support Program (JSSP) Translated March 9, 2014.

В случае дачи ложных показаний свидетель подлежит уголовному преследованию (ст. 30 УПК ИРА).

Перед дачей показаний свидетель проходит процедуру принесения клятвы Аллаху в том, что не будет лжесвидетельствовать. Лица, не исповедующие ислам, дают присягу или клятву в соответствии со своими убеждениями (ст. 43 УПК ИРА).

Закон содержит упоминание о том, что в ходе допроса должны учитываться помимо возраста свидетеля его пол, психологическое развитие и положение, которое он занимает в обществе (ч. 1 ст. 36 УПК ИРА).

Любопытной видится норма, в которой закреплен порядок удостоверения показаний свидетелем в протоколе допроса. В Уголовно-процессуальном кодексе ИРА определено, что свои показания свидетель подтверждает подписью либо отпечатком пальца, кроме того, свидетель обязан записывать свои показания собственноручно, за исключением случаев, когда он не владеет грамотой (ч. 1, 4 ст. 37).

Возможность удостоверения показаний оттиском следа пальца руки является уникальным способом заверения процессуальных документов, не используемым в уголовном процессе других государств. С научной точки зрения идентифицировать подлинность документа по следу пальца руки не представляет сложности, равно как и невозможно подделать след пальца, в отличие, например, от подписи. Возможно, данный способ удостоверения подлинности документа является перспективным, поскольку несет в себе как минимум два положительных результата: первый — непосредственное удостоверение процессуального документа, второй — пополнение базы данных следов пальцев рук, что позволит в последующем в случае необходимости установить нужное следствию лицо.

Закон содержит отдельные нормы, регламентирующие процедуру допроса несовершеннолетних свидетелей.

Так, лица, не достигшие возраста 14 лет, могут быть допрошены, если они могут описать произошедшее событие или дать необходимые показания. Данная категория участников уголовного судопроизводства не подлежит приведению к присяге. Допрос таких лиц может быть проведен только в присутствии родителей либо законных представителей (ст. 39 УПК ИРА).

Для допроса в качестве свидетеля лица, страдающего психическими расстройствами, приглашаются врачи или психиатры (ст. 40 УПК ИРА). Указанная норма позволяет выделить еще одного участника уголовного процесса, оказывающего содействие в отправлении правосудия, — врача. Несмотря на то что данный участник не имеет самостоятельного процессуального статуса, само

упоминание о нем свидетельствует о всесторонности и объективности афганского уголовного судопроизводства.

Еще одним фактом, положительно отличающим уголовный процесс Афганистана от такового же Российской Федерации, является предусмотренная законодателем гл. 7, посвященная защите свидетелей, аналог которой отсутствует в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Так, ст. 53 УПК ИРА предусмотрены уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности свидетелей. К ним законодатель отнес: сокрытие имени, адреса проживания, рабочего места, рода занятий или любой другой информации, по которой можно установить личность свидетеля; запрет адвокату обвиняемого раскрывать личность свидетеля или любую информацию, которая может позволить установить его личность; недопущение разглашения любых записей или документов, которые могли бы привести к установлению личности свидетеля, если компетентным судьей не принято иное решение.

В целях реализации первой меры безопасности предусмотрено использование псевдонима. Для обеспечения сохранности внешности (физических характеристик) предусмотрена возможность дачи показаний за «непрозрачным занавесом» (п. 1 ч. 3 ст. 53 УПК ИРА), с использованием технических средств для изменения голоса или визуального восприятия (п. 2 ч. 3 ст. 53 УПК ИРА), с помощью видеоконференцсвязи (п. 3 ч. 3 ст. 53 УПК ИРА). Кроме того, закон предусматривает возможность оглашения показаний свидетеля в суде путем воспроизведения заранее записанных его показаний при условии присутствия защитника обвиняемого во время этих записей.

Для обеспечения безопасности свидетеля в ходе дачи показаний в суде предусмотрена возможность удаления из зала суда подсудимого при условии присутствия во время оглашения показаний его защитника. По возвращении подсудимого ему доводятся сообщенные свидетелем сведения.

Инициатором обеспечения безопасности должен быть сам свидетель. Он вправе подать мотивированное заявление в прокуратуру или суд в запечатанном конверте. Данная информация является секретной и разглашению не подлежит. Лица, имеющие право на обеспечение безопасности: свидетель или его родственник, безопасность которых находится под угрозой; свидетель, получивший физическую или психологическую травму в результате преступления; свидетель, страдающий психическими расстройствами; несовершеннолетний свидетель. Указанным лицам безопасность обеспечивается на основании решения прокуратуры и суда до устранения опасности (ст. 54 УПК ИРА).

Следующим участником уголовного судопроизводства, оказывающим содействие правосудию, является эксперт. В соответствии с п. 33 ст. 2 УПК ИРА под экспертом понимается специалист, обладающий достаточными знаниями или опытом в определенной области.

Закон содержит основания отвода эксперта: если у сторон возникают сомнения в беспристрастности или специальности (компетентности) эксперта; если эксперт знаком с подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим; если эксперт ранее привлекался по данному уголовному делу в качестве судебного работника, прокурора, защитника, свидетеля и (или) судьи или был врачом жертвы преступления (ст. 12 УПК ИРА). Вместе с тем у эксперта также есть право отказаться от участия в производстве по делу в случае собственной некомпетентности по исследуемому вопросу (ст. 18 УПК ИРА).

Уголовно-процессуальный кодекс ИРА содержит гл. 6, посвященную экспертам. Согласно ст. 44 УПК ИРА в случае, когда письменные документы, вещественные доказательства и идентификация преступника требуют профессиональной или специализированной оценки, судебный полицейский, прокуратура или суд могут обратиться за помощью к экспертам на основании запроса одной или обеих сторон. В запросе отражается необходимый вид проводимой экспертизы, а также вопросы, подлежащие разрешению экспертом.

Научный интерес представляет ч. 3 ст. 44 УПК ИРА, предусматривающая возможность органов прокуратуры и суда использовать мнения других лиц, обладающих необходимым опытом, знаниями в данной области, в дополнение к мнению эксперта, если эти лица представили свои суждения и зарегистрировали их в суде. Полагаем, речь идет о специалистах, обладающих специальными знаниями в интересующей следствие и суд области, но не проводящих экспертизу. Анализ указанной нормы свидетельствует о том, что их показания также могут быть использованы в суде для возможных пояснений по проведенной экспертизе, а значит, являться значимой информацией. Однако самостоятельного процессуального статуса у этой категории участников процесса нет, что не лишает их возможности выступать в качестве лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия.

Стороны вправе присутствовать при производстве экспертиз, ознакомливаться с их результатами, задавать вопросы и делать замечания.

Если при производстве экспертизы возникает необходимость в дополнительных специальных знаниях или в использовании дополнительной технической помощи, эксперты вправе обратиться к другим экспертам (ч. 2 ст. 46 УПК ИРА).

В качестве экспертов по уголовным делам допускаются лица, которые включены в единый государственный реестр, а значит, соответствуют высоким стандартам и требованиям закона. Этот реестр ежегодно обновляется органами прокуратуры.

Результаты проведенного исследования оформляются в виде экспертного мнения в письменной форме, которое должно быть подготовлено в установленный прокуратурой срок, причем, в случае необходимости допустимо продление указанного срока.

Мнение эксперта содержит: имя и фамилию эксперта, ученую степень, специализацию и должность, которую эксперт занимает в соответствующей профессии; имя, фамилию и другую информацию, касающуюся личности лиц, которые участвовали в подготовке мнения; дату запроса мнения, дату проведения экспертизы и дату представления мнения; информацию о проведенных мероприятиях и их результатах; подписи всех экспертов, участвующих в подготовке мнения (ст. 48 УПК ИРА). Структурно мнение эксперта в уголовном процессе Афганистана соответствует заключению эксперта в уголовном процессе Российской Федерации (ст. 204 УПК РФ).

Если эксперт необоснованно отказывается представить свою точку зрения или высказывает ее без учета профессиональных стандартов либо на основании результатов оценок, он подвергается штрафу в размере 10 000 афгани. Если эксперт умышленно дает ложное заявление, то он привлекается к уголовной ответственности в соответствии со ст. 52 УПК ИРА.

Еще один уже упомянутый нами участник уголовного судопроизводства, оказывающий содействие правосудию, — переводчик. Его участие регламентировано ст. 11 УПК ИРА, которая предусматривает обязательное вовлечение в уголовный процесс данного лица в случаях, когда потерпевший, свидетель, подозреваемый или обвиняемый не знают языка, используемого в ходе судебного преследования, или являются глухими или немыми. Услуги переводчика оплачиваются за счет государства. В его обязанности входит перевод поставленных вопросов точно и полно. В случае фальсификации переводов переводчик подлежит уголовному преследованию (ч. 2 ст. 11).

Лица, вовлекаемые в уголовный процесс, обязаны принести присягу следующего содержания: «Клянусь во имя всемогущего Аллаха, что я буду выполнять поставленные задачи на основе профессиональных знаний и стандартов и буду выполнять свои задачи беспристрастно и честно и не буду скрывать правду» (ст. 47 УПК ИРА).

Выводы

Проведенное исследование института содействия правосудию в уголовно-процессуальном законодательстве Исламской Республики Афганистан позволяет сформулировать ряд выводов:

во-первых, уголовное судопроизводство в мусульманских государствах значительно отличается от устоявшегося мнения и сложившихся стереотипов о правосудии в исламской системе права;

во-вторых, помимо традиционных, религиозных источников права в Афганистане действуют Конституция и кодифицированные нормативные правовые акты, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс ИРА;

в-третьих, структура Уголовно-процессуального кодекса ИРА значительно отличается от Уголовно-процессуального кодекса РФ, в нем отсутствует дифференциация участников уголовного судопроизводства по сторонам, не отражены их процессуальные статусы, многие уголовно-процессуальные институты лишь упоминаются, не раскрывается их сущность;

в-четвертых, в Уголовно-процессуальном кодексе ИРА к лицам, оказывающим содействие отправлению правосудия, отнесены свидетель, эксперт, переводчик. Их процессуальный статус не закреплен в отдельных нормах, но вместе с тем прослеживается наличие прав, обязанностей и ответственности данных участников. Упоминаются также врач и специалист, что позволяет сделать вывод о том, что такие участники также присутствуют в уголовном процессе Афганистана;

в-пятых, в качестве положительного момента следует отметить наличие в Уголовно-процессуальном кодексе ИРА самостоятельной главы, посвященной защите свидетелей, но, к сожалению, в ней не упоминается о защите других лиц, оказывающих содействие правосудию;

в-шестых, любопытным представляется способ заверения показаний участников уголовного судопроизводства оттиском следа пальца руки, который с технической точки зрения сложно подделывать. Данный способ удостоверения подлинности документа представляется перспективным, поскольку несет в себе как минимум два положительных результата: непосредственное удостоверение процессуального документа и пополнение базы данных следов пальцев рук, что позволит в случае необходимости установить нужное следствию лицо.

Подводя итог, отметим, что мусульманской модели уголовного судопроизводства не чужд институт оказания содействия. Как правило, представлен он классическим составом лиц, оказывающих содействие правосудию, и нуждается в дальнейшем изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азизов Дж. Г.* Уголовно-процессуальная функция обвинения и её реализация в деятельности военного прокурора // Государство и право. 2020. № 5. С. 154.
2. *Бердин А. Т., Юсупов Ю., Карамышев Р.* Мусульманская умма Башкортостана // Политобразование: информационно-аналитический журнал. 2016. 29 окт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://lawinrussia.ru/content/musulmanskaya-umma-bashkortostana> (дата обращения: 20.05.2022).
3. *Гусенова П. А.* Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2016. С. 10.
4. *Идрисов Х. В.* Священный Коран как фундаментальный источник мусульманской системы права: происхождение и специфика содержания вопросов ответственности // Вестник Чеченского гос. ун-та им. А. А. Кадырова. 2022. № 1 (45). С. 105—115.
5. *Клейменов И. М.* Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнительное исследование): автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2002. С. 16.
6. Коран / пер. и комм. И. Ю. Крачковского. М., 1963. С. 282.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
8. *Латыпов В. С.* Анализ института иных субъектов (участников) уголовно-процессуальной деятельности в законодательстве различных правовых систем. М., 2012.
9. *Латыпов В. С.* К вопросу о процессуальном статусе «иных участников уголовного судопроизводства» в законодательстве Германии // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. 2015. № 3. С. 22—25.
10. *Латыпов В. С.* Лица, содействующие правосудию в уголовно-процессуальном законодательстве Швейцарии // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 4 (80). С. 45—50.
11. *Мухаметшин Ф. Б.* Уголовный процесс Республики Афганистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1990.
12. *Торнау Н. Е.* Изложение начал мусульманского законодательства. Дрезден, 1880. С. 463.
13. *Редькин О. И., Берникова О. А.* Коран как объект междисциплинарных исследований // Ислам в современном мире. 2020. № 16 (4). С. 51—61.

REFERENCES

1. *Azizov J. G.* The criminal procedural function of the prosecution and its implementation in the activities of the military prosecutor // State and Law. 2020. No. 5. P. 154 (in Russ.).
2. *Berdin A. T., Yusupov Yu., Karamyshev R.* Muslim umma of Bashkortostan // Political education: information and analytical journal. 2016. 29 Oct. [Electronic resource]. —

- Access mode: URL: <http://lawinrussia.ru/content/musulmanskaya-umma-bashkortostana> (accessed: 20.05.2022) (in Russ.).
3. *Gusenova P.A.* Islamic criminal process: religious and legal nature and characteristic features (on the example of the Islamic Republic of Iran and the Kingdom of Saudi Arabia): dis. ... PhD in Law: 12.00.09. SPb., 2016. P. 10 (in Russ.).
 4. *Idrisov Kh. V.* The Holy Quran as a fundamental source of the Muslim legal system: origin and specifics of the content of responsibility issues // Herald of Kadyrov Chechen State University. 2022. No. 1 (45). P. 105–115 (in Russ.).
 5. *Kleimenov I.M.* The fight against crime in states of different legal systems (comparative study): abstract ... PhD in Law: 12.00.08. Omsk, 2002. P. 16 (in Russ.).
 6. Koran / transl. and comm. I. Yu. Krachkovsky. M., 1963. P. 282 (in Russ.).
 7. Course of criminal procedure / ed. by L.V. Golovko. M., 2016 [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus", 2022 (in Russ.).
 8. *Latypov V.S.* Analysis of the institute of other subjects (participants) of criminal procedural activity in the legislation of various legal systems. M., 2012 (in Russ.).
 9. *Latypov V.S.* On the issue of the procedural status of "other participants in criminal proceedings" in German legislation // International Criminal Law and International Justice. 2015. No. 3. P. 22–25 (in Russ.).
 10. *Latypov V.S.* Persons assisting justice in the criminal procedure legislation of Switzerland // Herald of the SPbU of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2018. No. 4 (80). P. 45–50 (in Russ.).
 11. *Mukhametshin F.B.* Criminal procedure of the Republic of Afghanistan: abstract ... PhD in Law: 12.00.09. M., 1990 (in Russ.).
 12. *Tornau N.E.* Presentation of the principles of Muslim jurisprudence. Dresden, 1880. P. 463 (in Russ.).
 13. *Redkin O.I., Bernikova O.A.* The Koran as an object of interdisciplinary research // Islam in the modern world. 2020. No. 16 (4). P. 51–61 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛАТЫПОВ Вадим Сагитьянович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России; 450103 г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2

Authors' information

LATYPOV Vadim S. — PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2 Muksinov str., 450103 Ufa, Russia

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ И СНАБЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

© 2023 г. В. Г. Медведев

Тольяттинский государственный университет

E-mail: medved.valentin@rambler.ru

Поступила в редакцию 14.11.2021 г.

Аннотация. В статье исследуется малоизученная в историко-правовой науке проблема государственного регулирования торговли и снабжения на территории Юга России. Выявлено, что до лета 1919 г. деникинское правительство осуществляло регулирование товарно-распределительной сферы на основе дореволюционного законодательства о хлебной монополии и продразверстке зерна и фуража по губерниям. Летом законодатель отменил хлебную монополию, но ввел обязательную военную повинность на поставку в армию продовольствия и фуража. Установлено, что надежды правительства на заготовку с/х продукции через кооперативы себя не оправдали вследствие неудачного администрирования по установлению низких и невыгодных для крестьян закупочных цен при высокой стоимости необходимых им промышленных товаров, а также в связи с задержками оплаты произведенных поставок и неудовлетворительной организации коммерческих перевозок. Выявлено, что привлечение после отмены хлебной монополии к поставкам зерна и фуража крупных частных торговцев и фирм привело к коррумпированию государственного аппарата, разгулу спекуляции и формированию черного рынка, с которыми правительству не удалось справиться, несмотря на принятие достаточно сурового закона о спекуляции. Констатируется, что законодательная и административная деятельность правительства в сфере торговли и снабжения не способна была обеспечить армию продовольствием, фуражом и снаряжением, в результате чего командиры частей вынуждены были в нарушение закона заниматься самообеспечением своих войск посредством проведения вызывавших возмущение крестьян реквизиций или обмена захваченных трофеев на продукты питания.

Ключевые слова: торговля и снабжение, военная повинность, законодательство, хлебная монополия, спекуляция, коррупция, черный рынок, кооперативы, сельхозпродукция, промтовары.

Цитирование: Медведев В. Г. Регулирование торговли и снабжения правительством генерала Деникина в годы Гражданской войны в России // Государство и право. 2023. № 11. С. 193–200.

Настоящая публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 20-011-00347.

DOI: 10.31857/S102694520017476-4

REGULATION OF TRADE AND SUPPLY BY THE GOVERNMENT OF GENERAL DENIKIN DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

© 2023 V. G. Medvedev

Togliatti State University

E-mail: medved.valentin@rambler.ru

Received 14.11.2021

Abstract. The article examines the little-studied problem of state regulation of trade and supply in the territory of the South of Russia in historical and legal science. It is revealed that until the summer of 1919, the Denikin government regulated the commodity distribution sphere based on pre-revolutionary legislation on the grain monopoly and the distribution of grain and fodder in the provinces. In the summer, the legislator abolished the grain monopoly, but introduced compulsory military service for the supply of food and fodder to the army. It is established that the government's hopes for the procurement of agricultural products through cooperatives did not justify themselves due to unsuccessful administration to establish low and unprofitable purchase prices for peasants at a high cost of the industrial goods they need, as well as due to delays in payment for the deliveries made and unsatisfactory organization of commercial transportation. It is revealed that the involvement of large private traders and firms in the supply of grain and fodder after the abolition of the grain monopoly led to the corruption of the state apparatus, rampant speculation and the formation of a black market, which the government failed to cope with, despite the adoption of a rather harsh law on speculation. It is stated that the legislative and administrative activities of the government in the field of trade and supply were not able to provide the army with food, fodder and equipment. Because of which the commanders of the units were forced, in violation of the law, to engage in self-sufficiency of their troops by conducting requisitions that caused outrage among peasants or exchanging captured trophies for food.

Key words: trade and supply, military service, legislation, grain monopoly, speculation, corruption, black market, cooperatives, agricultural products, manufactured goods.

For citation: Medvedev, V.G. (2023). Regulation of trade and supply by the government of general Denikin during the Russian Civil War // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 193–200.

This publication was prepared within the framework of the scientific project No. 20-011-00347 supported by the Russian Foundation for Basic Research.

Введение

Торговля и снабжение населения продовольствием и промышленными товарами играют важную роль в жизни любого общества, в связи с чем этот вопрос занимает особое место в законодательной и административной деятельности правительственных органов. Наибольшую актуальность эта проблема приобретает в военное время, что наглядно проявилось в годы Гражданской войны в России. Необходимость обеспечения армии и населения продуктами и товарами первой необходимости в условиях полного расстройств финансовой системы, безудержной инфляции и хозяйственной разрухи требовали от советского и белых правительств поиска особых подходов в регулировании данной сферы экономики.

Но если практическая деятельность и законодательство советского правительства в торговой и товарно-распределительной области раскрыты достаточно широко, доказательством чему служит имеющийся массив научных и публицистических работ, то исследования о деятельности правительств «белой» России по государственному регулированию торговли и снабжения в исторической и историко-правовой науке представлены в весьма скромном количестве, при этом они в основном принадлежат перу чистых историков, а не юристов. Причинами тому служили существовавшие в СССР идеологические штампы и табу, в результате чего беспристрастное и объективное изучение экономики белого движения, как и в целом этого феномена отечественной истории, по существу, оказалось под запретом. Исключение составили 1920-е годы, отмеченные определенным либерализмом властных структур в отношении деятельности частных издательств, в которых печатались мемуары участников белого движения и работы ученых представителей «старой» школы¹. Советская цензура смотрела на это

довольно снисходительно, поскольку в большинстве публикаций, в том числе и мемуарах бывших белогвардейцев, говорилось о проведении антисоветскими правительствами социально-экономического эксперимента, вобравшего в себя все недостатки политики Совмина бывшей Российской Империи и Временного правительства, что и привело к краху «белой» России.

С 1990-х годов исследования по тематике белого движения приобрели необыкновенную популярность, однако в большинстве своем они проводятся чистыми историками и посвящены в основном политическим, идеологическим и военным проблемам. Исследованиями экономики антисоветских государственных образований занимается весьма незначительное количество российских ученых, к которым можно отнести С.В. Карпенко², В.М. Рынкова³, Р.А. Хазиева⁴, М.В. Ходякова⁵, В.Ж. Цветкова⁶ и некоторых других. Однако в их работах вопросы законодательства белых правительств в сфере торговли и снабжения раскрываются лишь фрагментарно, кроме того, большинство из них посвящено исследованию «белой» Сибири. Зарубежные ученые, занимающиеся проблематикой Гражданской

Стальной В. Кадеты (Конституционно-демократическая партия народной свободы). Харьков, 1929; Калинин И.М. Русская Вандея. М.; Л., 1926; и др.

² См.: Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). 3-е изд., доп. и перераб. М., 2006.

³ См.: Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006.

⁴ См.: Хазиев Р.А. Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг.: характеристика источников. Уфа, 2000.

⁵ См.: Ходяков М.В. Центробежный синдром: сепаратизм в экономике России. 1917–1920 гг. // Centrifugal Syndrome: Separatism in the Economics of Russia. 1917–1920. М.; Нью-Йорк; СПб., 2008.

⁶ См.: Цветков В.Ж. Кооперация и сельское хозяйство на белом Юге России в 1919–1920-е гг. // Экономический журнал. 2016. № 3 (43). С. 110–130.

¹ См.: Ячевский Н.Л. Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917–1920 г.). Ростов н/Д., 1924; Гражданская война в России (1918–1921 гг.): хрестоматия / сост. С.А. Пионтовский. М., 1925;

войны в России, в своих работах в основном сосредоточиваются на военно-политических аспектах белого движения, законодательная деятельность и административная практика белых правительств в сфере экономики ими почти не затрагиваются⁷. В связи с этим целью данной статьи являются исследование вопросов организации торговли и снабжения правительством генерала Деникина, анализ его законодательной и административной деятельности, выявление соотношения диспозитивных и императивных методов правового регулирования данной сферы и выявление причин невозможности эффективного налаживания торгово-распределительных отношений.

Государственное регулирование торговли и снабжения в конце 1918 — первой половине 1919 г.

Некоторые исследователи считают, что генерал А.И. Деникин в первые месяцы формирования южнорусского государственного образования не уделял должного внимания экономике, рассчитывая на быструю победу над большевиками⁸. Однако факты говорят о другом — Главком ВСЮР требовал от своего правительства скорейшего налаживания торговли и снабжения «посредством правительственного аппарата». Специально созданному для этой цели Управлению продовольствия в начале 1919 г. он поставил задачу по разработке основ продовольственной политики с учетом предстоявшего наступления на Москву через голодные нехлебобордные губернии центра России⁹. В таких условиях торговля и снабжение становились не менее важным средством ведения войны, чем винтовки, пулеметы и пушки.

В конце 1918 — начале 1919 г. в регулировании торгово-распределительных отношений Особое совещание руководствовалось Законом Временного правительства от 25 марта (7 апреля) 1917 г. о хлебной монополии¹⁰. В соответствии с ним в южнорусском государственном образовании устанавливались твердые цены на хлеб как для государственных закупок, так и для последующего его распределения среди потребителей. Весь хлеб подлежал передаче государству, потребитель был вправе оставить себе лишь необходимый объем зерновых для будущего посева, прокорма своей семьи и имеющегося в хозяйстве скота. В случае сокрытия хлебных запасов местным властям предписывалось отчуждать их установленный объем за полцены, при отказе производителя от сдачи хлеба — проводить реквизиции.

Оставалось также в силе декабрьское 1916 г. постановление Министерства земледелия Российской Империи «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной»¹¹. В соответствии со ст. 1 которого на губернии возлагалась обязанность по разверстке по уездам и волостям необходимых для закупки по твердым ценам и поставке государству «объемов хлебов и фуража» в зависимости от размеров урожая, имевшихся запасов и сложившихся норм потребления.

Таким образом, Главком ВСЮР и его правительство, несмотря на активное обсуждение планов введения на территории, находившейся под их юрисдикцией, «свободной торговли», до середины лета 1919 г. не видели альтернативы хлебной монополии, как и советское правительство, которое, вводя в стране продовольственную диктатуру, по существу, продолжило политику Временного правительства. В основе майского 1918 г. декрета ВЦИК и СНК были те же положения о твердых закупочных ценах на хлеб и о монополии на торговлю им с той лишь разницей, что в случае сокрытия запасов хлеба он отбирался бесплатно, а те, кто отказывался добровольно его сдавать, объявлялись врагами народа и подлежали уголовной репрессии¹².

Нежелание крестьян сдавать хлеб по твердым ценам на территориях как советской, так и «белой» России, вылилось в бесконечные реквизиции и конфискации с применением жестоких репрессий. В местных газетах отмечалось, что от этого производители сельскохозяйственной продукции терпели значительные убытки, например, на Кубани на сумму более 1 млн с четвертью рублей, а на Ставрополье почти полностью прекратились производство и переработка шерсти из-за значительного сокращения поголовья овец мериносов¹³.

Администрирование в области кооперации

При осуществлении продовольственной политики и разработке соответствующих нормативных правовых актов Управление продовольствия Особого совещания должно было учитывать, что значительно ослабленные хозяйства помещиков в результате революции и «черного передела» во многом утратили свое положение на рынке. В такой ситуации государственное регулирование торговли и снабжения деникинскому, как, впрочем, и советскому, правительству выдвинулось на пути развития сельскохозяйственной кооперации. Однако этому мешала бюрократическая волокита в деле регистрации кооперативов, которая находилась в ведении губернаторов. По многочисленным жалобам кооперативных союзов ОС ВСЮР приняло Постановление от 22 января 1919 г. № 29 о восстановлении дореволюционного порядка регистрации кооперативных уставов соответствующими отделениями Окружных судов и изъятии этих вопросов из ведения губернских властей¹⁴.

Кроме того, Постановлением Особого совещания от 22 января 1919 г. на территории ВСЮР вводился в действие весь пакет законодательных актов Временного правительства о кооперативных товариществах и их союзах¹⁵. С целью осуществления руководства кооперативным движением из членов Управления продовольствия (УП)

¹² См.: Декрет ВЦИК и СНК от 13.05.1918 г. о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию // Декреты советской власти. Т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 270—275.

¹³ См.: О вреде контрибуций // Кубанский кооператор. Екатеринодар, 1919. № 11. С. 10; Ставропольская кооперация // Там же. С. 30.

¹⁴ См.: постановление ОС ВСЮР от 22.01.1919 г. № 29 «Об оставлении в силе кооперативного закона Временного правительства от 20 марта 1917 г.» // ГА РФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 110. Л. 41 об.

¹⁵ См.: постановление Временного правительства от 20.03.1917 г. «О кооперативах и их союзах» // Сборник постановлений Временного правительства о кооперации. М., 1917 г. С. 1—16; постановление Временного правительства от 21.06.1917 г. «О регистрации товариществ, обществ и союзов» // Там же. С. 17—24; постановление Временного правительства от 01.08.1917 г. «О съездах представителей кооперативных учреждений» // Там же. С. 25—29.

⁷ См.: *Bullock D.* The Russian Civil War of 1918—22. Oxford, 2008; *Rex A.* The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. L., 2001; *Smele J.D.* The «Russian» civil wars, 1916—1926: ten years that shook the world. L., 2016; *Smith S.A.* Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. NY, 2017.

⁸ См.: *Карпенко С.В.* Указ. соч. С. 86.

⁹ См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: в 5 т. Берлин, 1925. Т. 4. С. 221.

¹⁰ См.: О передаче хлеба в распоряжение государства // Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУРП). Пг., 1917. № 85.

¹¹ СУРП. 1916. № 338, ст. 1696.

и представителей кооперативных обществ был создан Временный комитет по делам кооперации¹⁶.

В принятых нормативных правовых актах кооперативным организациям гарантировались неприкосновенность их имущества, недопущение конфискаций, секвестров и реквизиций, возмещение возможных убытков в связи с аннулированием советских дензнаков с перечислением полученных в период советской власти денежных сумм в счет погашения долга казначейству, предоставление кредитов, привлечение представителей кооперации к «правительственной работе».

Однако данные положения вступали в противоречие с Временным положением о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением Главкома ВСЮР¹⁷. Этот нормативный правовой акт предоставлял право главноначальствующим областями и губернаторам без судебных решений по своему усмотрению прекращать деятельность кооперативов и их союзов и требовать закрытия принадлежавших им торговых и промышленных заведений.

Кроме того, администрирование в сфере кооперативного движения предполагало жесткую бюрократическую опеку государственных органов над кооперативами в виде представления в уездные и губернские канцелярии данных об уставе, времени регистрации, месте нахождения своего управления и его составе. Бумажная волокита предполагала постоянную необходимость декларировать характер своей деятельности и в любой момент быть готовыми отчитаться по тому или иному вопросу. Невыполнение каких-либо требований влекло за собой привлечение к различным мерам юридической ответственности, включая уголовную¹⁸. Осенью 1919 г. репрессии против кооперативов стали систематическими. В городах Крыма и Украины в массовом порядке проводилось не только закрытие складов и контор с конфискацией имущества и денежных средств, но и практиковались многочисленные аресты кооператоров¹⁹.

В значительной степени это объяснялось тем, что у руководителей центральных и региональных органов власти возникали подозрения о связях кооперативных организаций со своими управлениями, расположенными на территории Советской России, что расценивалось в качестве подрывной деятельности в интересах большевистского правительства. В связи с тем, что в кооперативном движении участвовало значительное количество представителей социалистических партий, среди командования и правительственных чиновников сложилось твердое убеждение в том, что социалисты использовали деньги кооперативов на пропаганду против ВСЮР²⁰. Таким образом, политические предубеждения оказались сильнее экономических соображений.

¹⁶ См.: постановление ОС ВСЮР «О Временном комитете по делам кооперации» // ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 86. Л. 195.

¹⁷ См.: Временное положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое Особым совещанием при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России (СУР ОС ГК ВСЮР). Екатеринодар, 1919, ст. 16. С. 16–38.

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ См.: *Покровский Г.* Деникинщина: год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). Берлин, 1923. С. 2, 185, 186.

²⁰ См.: *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 230.

Не последнюю роль в неудачном опыте использования кооперативного движения по развитию торговли и снабжения сыграла коррумпированность государственного аппарата. Несмотря на то что при поддержке правительства кооперативы могли бы проводить заготовку больших партий сельхозпродукции и тем самым положительно влиять на снижение рыночных цен, служащие УП и Главного военного интендантства (ГВИ) старались заключать договоры на поставку продовольствия и сельхозсырья с руководством частных торговых фирм, которые имели возможность подкупать чиновников крупными взятками. В силу этого кооперативы постепенно вытеснялись из сферы торговли и снабжения²¹.

Перечисленные причины, а также низкие закупочные цены, долговременная неоплата казной произведенных поставок и неудовлетворительная работа железнодорожного транспорта по организации коммерческих перевозок привели к тому, что роста товарооборота и насыщения рынка в результате работы кооперации не произошло. Крестьянам выгоднее было иметь дело не с кооперативами, скупавшими зерно по твердым ценам, а сбывать свою продукцию спекулянтам, предлагавшим более выгодные условия²².

Невозможность налаживания адекватного товарообмена между городом и деревней

Непременным условием организации торговли и снабжения являлось налаживание взаимодействия между городом и деревней в вопросах спроса и предложения, в поставке на рынок товаров фабрично-заводского производства, с одной стороны, и сельхозпродукции – с другой. Однако ввиду развала промышленности, а зачастую и близости фронта такое взаимодействие между городом и селом оказывалось весьма проблематичным. Наглядным примером этому служит Сводка (апрель 1919 г.) уполномоченного по продовольствию о сложившейся ситуации на Ростовском и Новороссийском рынках. В документе отмечалось, что в продаже полностью отсутствовали кожевенные и частично «железные» товары, цены на которые к тому же были непомерно высоки. Листового железа практически не было, поскольку оно поставлялось только с одного Таганрогского металлургического завода. Галантерейные товары и мануфактура поступали в ограниченном количестве и исключительно контрабандным путем²³.

Вместе с тем региональные рынки территории ВСЮР значительно отличались друг от друга. Например, весной 1919 г. на Северном Кавказе обстановка была иной, поскольку регион был более развит в промышленном отношении, чем остальные территории. В связи с этим для снабжения сельского населения УП имело возможность заключать договоры с местными торгово-промышленными предприятиями, обществами и союзами на закупку у них сельскохозяйственных машин и инвентаря с последующей прямой поставкой их сельхозпроизводителям в обмен на продовольствие и сырье. Так, например, с Таганрогским кредитным и ссудно-сберегательным товариществом были заключены договоры на поставку 43 плугов, 49 борон,

²¹ См.: там же.

²² См.: *Цветков В. Ж.* Состояние продовольственного рынка районов Юга России, занятых ВСЮР (лето – осень 1919 г.) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: материалы региональной науч.-практ. конф. Белгород, 1996. С. 90, 91.

²³ См.: Сводка о положении Ростовского и Новороссийского рынков в начале апреля 1919 г. // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.

70 лобогреек, 331 пуда бечевы и другого имущества, а также 700 сельхозмашин²⁴. В Ставропольской губернии УП обменяло у крестьян закупленные по договору с Таганрогским металлургическим заводом 15 000 пуд. кровельного железа на 34 вагона пшеницы²⁵. Заключались и другие договоры. Этот опыт привел правительство к выводу о перспективности такой бартерной формы взаимодействия с крестьянами-производителями.

Однако даже на богатом продовольствием и промышленными товарами Северном Кавказе администрирование в рамках товарообмена не могло удовлетворить правительство, потому что, во-первых, дабы удержать сельхозпроизводителя на рынке, приходилось устанавливать более высокие цены на хлеб по сравнению с ценами на заводскую продукцию и нефть, что вызывало недовольство промышленников. Во-вторых, при равноценном обмене промтоваров на зерно Управление продовольствия обязано было предоставлять это зерно владельцам товаров, которые затем могли сбывать его по спекулятивным ценам, а для снабжения армии ничего не оставалось. В связи с этим административная практика пошла по пути оплаты поставщикам промышленной продукции 50% хлебом и 50% деньгами, что никак их не устраивало. К тому же, ввиду отсутствия в казне необходимых средств, денежные выплаты зачастую заменялись расписками²⁶.

Недовольство поставщиков промышленных товаров вылилось в требование восстановления фритредерства, ликвидации различных барьеров на границах губерний и областей в виде ввозных пошлин и налогов и ликвидации контроля военных властей над железнодорожным транспортом²⁷. Так, например, из-за запрета на вывоз продуктов с территории Кубани, установленного Кубанским краевым правительством осенью 1918 г., страдала изолированная от хлебных районов Черноморская губерния, но вместе с тем прекратилась поставка мануфактуры и промышленных товаров и в сам Краснодарский край²⁸.

Весной 1919 г. усилившаяся инфляция привела, как отмечалось в сводках Отдела пропаганды ОС ВСЮР, к «быстрому повышению цен на предметы продовольствия», «обострению продовольственного кризиса» и росту социального недовольства населения²⁹. В таких условиях в регулирование торговли и снабжения вынуждены были вмешиваться военные власти. В Крыму, например, генерал А.А. Боровский своим приказом установил, что торговля могла производиться только на основе специальных разрешений и при условии

открытия предпринимателями специфических продовольственных лавок под вывеской «Добр. Армия населению». Торговцы по покупной цене обязаны были поставлять половину своего товара в такие лавки для обеспечения спроса населения. Таким образом, в свободной торговле оставалась только половина имевшихся в Крыму товаров³⁰.

Отмена хлебной монополии, военная повинность и их последствия

В целом хлебная монополия вызывала крайнее недовольство торгово-промышленников и сельхозпроизводителей. Вследствие этого правительство встало перед выбором поиска новых правил регулирования продовольственного рынка с учетом соблюдения интересов деловых кругов и государства. Эти правила были выработаны в ходе февральского 1919 г. продовольственного совещания, на котором присутствовали представители Управления продовольствия, военного ведомства, Отдела снабжения, торгово-промышленных организаций, земств и городских самоуправлений.

Результатом работы совещания стала констатация того факта, что хлебная монополия привела к крайнему разрастанию государственных чиновничьих структур по закупкам и распределению и исчезновению с рынка важнейших товаров. Итоговое постановление совещания, определившее дальнейшую правовую политику правительства в продовольственном вопросе, сводилось к следующему: отмена хлебной монополии; формирование централизованного продовольственного аппарата с привлечением государственных чиновников, представителей хлебных и товарных бирж и кооперативов, а также частных торговцев; создание крупного резервного запаса хлеба для снабжения армии и городов в случае дестабилизации рынка; сохранение за государством на определенное время права регулирования цен на продукты; осуществление правительственной поддержки частного бизнеса в вопросах закупки продовольствия и сельхозсырья с их последующей реализацией на рынке при посредничестве Управления продовольствия³¹.

Запасы же промышленных товаров, предназначенных для сельского населения, а также функции по торговле ими закреплялись за УП, его губернскими уполномоченными (уполпродам) и подчиненными им уездными канцеляриями и агентствами. Помимо этого, в их компетенцию входило заключение на комиссионных началах договоров с кооперативами, частными торговыми предприятиями и лицами о покупке ими зерна и фуража у сельхозпроизводителей и последующее их распределение по нарядам военных интендантов, управлений железных дорог и запросам земств³².

В преддверии генерального наступления на Москву перед правительством встала сложная задача обеспечения не только армии, но и населения непродовольствующих губерний Центральной России хлебом из южных регионов. Ее можно было решить только централизованным путем с использованием единого закупочного аппарата, контролируемого

²⁴ См.: Договоры Управления продовольствия с Таганрогским кредитным и ссудно-сберегательным товариществом за дек. 1918 — май 1919 гг. // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 6. Л. 28—28 об.

²⁵ См.: Переписка с Уполномоченным по продовольствию Ставропольской обл. // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

²⁶ См.: Циркулярные письма уполномоченных по продовольствию агентам по закупке (март — окт. 1919) // ГАРФ. Ф. Р-879. Оп. 1. Д. 22. Л. 3—7; Сообщение Уполпрода Ставрополя Стрельчанинова в Управление Продовольствия при Особом Совещании от 10 апреля 1919 г. о расчетах с поставщиками промышленной продукции // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 6. Л. 76—76 об.

²⁷ См.: Переписка Управления продовольствия с кооперативными организациями и потребительскими обществами о содействии в их деятельности по снабжению населения продовольствием и промышленными товарами (январь—авг. 1919) // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 4. Л. 105—105 об.

²⁸ См.: О нехватке промышленных товаров // Кубанский кооператор. Екатеринодар. 1918. № 12. С. 20, 21.

²⁹ См.: Сводки Отдела пропаганды о настроениях населения // ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 34А. Л. 97, 208, 237.

³⁰ См.: Приказ Командующего Крымско-Азовской Добровольческой Армией ген. А.А. Боровского о торговле от 12.05.1919 г. № 151 // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 7. Л. 59.

³¹ См.: Стенографический отчет продовольственного съезда, созванного Управлением продовольствия (27 февр. — 3 марта 1919) // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2.

³² См.: Постановление Особого совещания от 20.08.1919 г. о местных органах Управления продовольствия // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 31. Л. 7—8.

правительством. Для создания такого органа лично генералом Деникиным в середине марта 1919 г. было проведено совещание с участием представителей краевых правительств Кубани, Терской области, Ставрополя, Дона и Крыма. По свидетельству Главкома, с итогами совещания согласились все присутствующие, за исключением кубанской делегации, не желавшей, чтобы полное право распоряжения их продовольственными ресурсами получило ОС ВСЮР. Краевое правительство отказалось выполнять утвержденное Деникиным 26 марта Положение о Совете по продовольствию³³.

Начало лета 1919 г. показало хорошие виды на урожай, и представители деловых кругов южных губерний обратились к Главкому ВСЮР с требованием отмены рыночных ограничений и предоставления бизнесу наибольшей свободы в сфере закупочных и обменных операций. Результатом этого обращения стал Приказ генерала Деникина от 13 июля 1919 г. № 106 об отмене хлебной монополии³⁴. В приказе отмечалось, что двухлетнее применение закона о хлебной монополии принесло «огромные стеснения на сельского хозяина», но не обеспечило необходимого снабжения армии и населения продовольствием. В предвидении обильного урожая появилась возможность отменить хлебную монополию и твердые цены, начать осуществлять снабжение армии и населения «на началах свободной торговли». Вместе с тем приказ в определенной степени ограничивал свободу торговли предоставлением уполномоченным права по действовавшим рыночным ценам реквизировать продукты у производителей в случае несвоевременной поставки их на рынок в целях ожидания нового скачка цен. Кроме того, не надеясь на эффективность государственных закупок для обеспечения армии продовольствием и фуражом в условиях свободной торговли, законодатель вводил своеобразную продразверстку в виде «военного сбора», предусматривавшего обязательную поставку с каждой засеянной десятины пяти пудов зерновых и зернофуражных культур по твердым и заранее установленным ценам. Отказ от сдачи зерна грозил его конфискацией в двойном размере.

Однако из-за дефицита бюджета Управление финансов не имело возможности ассигновать Управлению продовольствия необходимых сумм для проведения заготовок в рамках военной повинности. Для оплаты наличными оно могло выделить только четвертую часть стоимости сдаваемого хлеба, на остальные три четверти выдавались квитанции. К тому же инфляция привела к тому, что установленные Управлением продовольствия цены оказались значительно ниже рыночных, и крестьяне, несмотря на угрозу репрессии, не спешили сдавать хлеб. В силу этого, сбор зерна по повинности правительство вынуждено было осуществлять путем реквизиций с привлечением для этого воинских команд³⁵.

Приказ об отмене хлебной монополии внес значительные коррективы в организацию торговли снабжения на территории ВСЮР. Он снимал все ограничения в определении отпускных цен и осуществлении товарообмена. Администрирование в продовольственной сфере на местах стало осуществляться на основаниях, изложенных в директивной

телеграмме УП от 14 июля 1919 г.³⁶ Главной задачей местных продорганов становилась заготовка хлеба и фуража через закупки и товарообмен на основе их рыночной стоимости, установившейся в южных регионах, определение возможного количества сельскохозяйственных заготовок и ведение переговоров о поставках с кооперативами и частными торговцами. При этом в правительстве понимали, что товарообмен практически исключался из-за невыгодных для крестьян низких цен на сельхозпродукцию и высоких — на промышленные товары.

Вместе с тем, как показала практика, отмена хлебной монополии и провозглашение свободы рынка не привело к его стабилизации. Во-первых, межрегиональные экономические связи были нарушены. Власти казачьих областей, несмотря на требования правительства, разрешали пропуск через свои административные границы только той сельхозпродукции, которая предназначалась для оптового обмена. По словам председателя ОС ВСЮР генерала А.С. Лукомского, это приводило к накоплению на Дону, Кубани и Тереке значительных запасов продовольствия, в то время как в других местностях население испытывало в них острую нужду³⁷.

Во-вторых, урожай 1919 г. ввиду неблагоприятных погодных условий в ряде губерний, а также сокращения крестьянами посевных площадей из-за низких цен на зерно на деле оказался не таким богатым, как предполагалось. В такой ситуации Управление продовольствия попыталось вести закупки хлеба не только через кооперативы, но и с помощью частных торговцев-контрагентов. Однако эти заготовители из-за отсутствия у них необходимых сумм могли приобретать у крестьян только мелкие партии зерна и другой продукции. В результате, например, из требуемых по нарядам военного интендантства ежедневных поставок 11 вагонов зерна и муки для Добровольческой армии с трудом поставлялось лишь два вагона³⁸.

Таким образом, стремление УП экономить государственные средства на закупках сельхозпродукции привело к срыву их поставок. В силу этого среди командования ВСЮР к концу 1919 г. созрело решение об установлении жесткого контроля органов военного управления над гражданскими структурами, занимавшимися снабжением войск, с последующей передачей этой функции военному ведомству. В соответствии с этим решением своим приказом по гражданскому управлению от 17 декабря 1919 г. генерал Деникин упразднил Управление продовольствия и передал его функции в компетенцию Главного начальника снабжений ВСЮР³⁹.

Рост спекуляции и неспособность правительства к эффективной борьбе с ней

Коррупцированное Главное интендантство ВСЮР самостоятельно проводило закупки, заключая договоры с крупными, по словам Деникина, «спекулянтами-хищниками», подкупавшими администрацию при получении нарядов на поставку продукции, обиравшими казну при получении субсидий и наживавшимися за счет спекулятивных махинаций,

³³ См.: Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 59, 60.

³⁴ См.: приказ Главнокомандующего Вооружёнными Силами на Юге России № 106 (по Общему управлению) «Об отмене постановления Временного Правительства от 25 марта 1917 года о передаче хлеба в распоряжение Государства и о местных продовольственных органах» (копия) // ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 110. Л. 138, 138 об.

³⁵ См.: Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 229.

³⁶ См.: Телеграмма Управления продовольствия губернским уполномоченным по продовольствию // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 30. Л. 162, 162 об.

³⁷ См.: Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. М., 1991. Т. VI. С. 150, 151.

³⁸ См.: Покровский Г. Указ. соч. С. 193—195.

³⁹ См.: Приказ ГК ВСЮР об упразднении Управления продовольствия и передаче его функций Главному начальнику снабжения ВСЮР // ГАРФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 62. Л. 6.

что чрезвычайно затрудняло проведение закупок по более низким и твердым государственным ценам⁴⁰. Кроме того, привлечение к закупкам крупных торговцев привело к стремительному росту спекуляции. Ярким примером этому служит деятельность купца Молдавского на Кубани, с которым Главным интендантством был заключен договор на скупку хлеба и поставку его в армию, при этом ему был выделен аванс в 200 млн руб., в то время как кубанское правительство получало в счет оплаты поставок лишь ассигновки. Его агенты скупали пшеницу не по установленной в договоре цене в 75 руб. за пуд, а по 120–140 руб., а к концу года цена на пшеницу поднялась до 160 руб., на муку — до 270 руб. При этом хлеб направлялся не в армию, а в Новороссийский порт, что говорило о попытке вывоза его за границу. Расследование показало, что в этой афере активное участие принимали и интендантские чиновники⁴¹.

Спекулятивные операции крупных торговцев влекли за собой не только продовольственный голод, но и образование дефицита промтоваров. Большая часть скупленного ими зерна отправлялась на экспорт, на вырученные деньги за границей приобретались промышленные товары, которые по прибытии на территорию ВСЮР распродавались крупными партиями перекупщикам в портовых городах в ущерб розничной торговле. Они переходили из рук в руки оптовых торговцев и поднимались в цене, по которой крестьяне просто не могли покупать мануфактуру и галантерею⁴².

Спекуляция и расцвет черного рынка приводили к срыву заготовок продовольствия для армии и городов. Для борьбы с данными явлениями генерал Деникин потребовал от управления юстиции разработать проект закона о борьбе со спекуляцией. Однако чиновники этого управления не справились с поставленной задачей, не решаясь дать юридического определения спекуляции как противоправного деяния. Тем не менее властью Главкома ВСЮР такой закон был принят в порядке верховного управления и 4 ноября обнародован. Виновные в спекуляции привлекались к уголовной ответственности. Наказание предусматривало помимо конфискации имущества отправку осужденного на каторжные работы на срок от 4 до 20 лет в зависимости от тяжести содеянного⁴³. Однако в силу коррумпированности следственно-судебных органов применение этого закона оставляло желать лучшего, взятки позволяли крупным спекулянтам успешно уходить от ответственности, а газеты пестрели статьями о нежелании правительства по-настоящему бороться со спекуляцией⁴⁴.

Неспособность Управления продовольствия и Главного военного интендантства обеспечить армию продовольствием и фуражом вынуждала командиров воинских частей по своему усмотрению проводить реквизиции сельхозпродукции у крестьян, не считаясь с нормами «Временного положения о расчетах за вред и убытки, нанесенные действиями войск ВСЮР», требовавших создания для этого реквизиционных и оценочных комиссий⁴⁵. Кроме того, командиры частей старались обменивать захваченные трофеи на необходимую им продукцию,

для чего приходилось возить за собой большие обозы с трофеями, что значительно снижало боеспособность войск.

Выводы

До середины лета 1919 г. государственное регулирование торговли и снабжения Особым совещанием ВСЮР осуществлялось на основе законодательства царского и Временного правительств о хлебной монополии и развёрстке зерна и фуража по губерниям.

Аналогичную политику, но с более жесткими законодательными ограничениями, проводило и советское правительство, поскольку законы рынка в условиях хозяйственной разрухи диктовали противоборствовавшим сторонам примерно одинаковые условия решения продовольственного вопроса.

Управление продовольствия деникинского правительства в проведении заготовок для армии и населения делало ставку на кооперацию, используя для этого дореволюционное законодательство. Однако установление твердых низких закупочных цен, недофинансирование поставок и плохая организация коммерческих перевозок сделали работу кооперативов неэффективной.

Отмена хлебной монополии летом 1919 г. и привлечение к торговле и снабжению крупных частных торговцев и фирм привели к безудержной спекуляции и расцвету черного рынка, с которыми правительство, несмотря на принятие закона о борьбе с данными явлениями, не способно было справиться.

Из-за дороговизны необходимых промышленных товаров крестьяне отказывались от поставок зерна и фуража государству через заготовительные органы и уклонялись от выполнения обязательной военной повинности, предпочитая скрывать имевшиеся запасы и сбывать их спекулянтам по рыночным ценам, что позволяло им приобретать на вырученные деньги товары первой необходимости.

Неспособность правительства обеспечить армию хлебом и фуражом заставляла командиров воинских частей проводить на селе незаконные реквизиции, что вызывало у крестьян недовольство властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданская война в России (1918–1921 гг.): хрестоматия / сост. С.А. Пионтковский. М., 1925.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 5 т. Берлин, 1925. Т. 4. С. 59, 60, 88, 221, 229, 230, 253; т. 5. С. 274.
3. Калинин И.М. Русская Вандея. М.; Л., 1926. С. 185–187.
4. Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). 3-е изд., доп. и перераб. М., 2006. С. 86.
5. Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. М., 1991. Т. VI. С. 150, 151.
6. О вреде контрибуций // Кубанский кооператор. Екатеринодар, 1919. № 11. С. 10.
7. О нехватке промышленных товаров // Кубанский кооператор. Екатеринодар. 1918. № 12. С. 20, 21.
8. Покровский Г. Деникинщина: год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). Берлин, 1923. С. 2, 185, 186, 193–195.
9. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 2006.

Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го — декабрь 1919 года. М., 2008. С. 597.

⁴⁰ См.: Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 88.

⁴¹ См.: там же. С. 253.

⁴² См.: Калинин И.М. Указ. соч. С. 185–187.

⁴³ См.: Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 274.

⁴⁴ См.: Черниченко М.Ю. «Спекуляция празднует свою вакханалию»: образы спекуляции и спекулянта в периодической печати Белого юга России (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2013. № 4 (38). С. 78–81.

⁴⁵ См.: Временное положение о расчетах за вред и убытки, нанесенные действиями войск Вооруженных Сил на Юге России // Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем

10. Ставропольская кооперация // Кубанский кооператор. Екатери-
нодар, 1919. № 11. С. 30.
11. *Стальной В.* Кадеты (Конституционно-демократическая партия
народной свободы). Харьков, 1929.
12. *Хазиев Р.А.* Государственное администрирование экономики
и рынок на Урале в 1917–1921 гг.: характеристика источников.
Уфа, 2000.
13. *Ходяков М.В.* Центробежный синдром: сепаратизм в экономи-
ке России. 1917–1920 гг. // Centrifugal Syndrome: Separatism in the
Economics of Russia. 1917–1920. М.; Нью-Йорк; СПб., 2008.
14. *Цветков В.Ж.* Кооперация и сельское хозяйство на белом Юге
России в 1919–1920-е гг. // Экономический журнал. 2016.
№ 3 (43). С. 110–130.
15. *Цветков В.Ж.* Состояние продовольственного рынка районов
Юга России, занятых ВСЮР (лето – осень 1919 г.) // Юг России
в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: материа-
лы региональной науч.-практ. конф. Белгород, 1996. С. 90, 91.
16. *Черниченко М.Ю.* «Спекуляция празднует свою вакханалию»:
образы спекуляции и спекулянта в периодической печати Бе-
лого юга России (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2013.
№ 4 (38). С. 78–81.
17. *Янчевский Н.Л.* Краткий очерк истории революции на
Юго-Востоке (1917–1920 г.). Ростов н/Д., 1924.
18. *Bullock D.* The Russian Civil War of 1918–22. Oxford, 2008.
19. *Rex A.* The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. L., 2001.
20. *Smele J.D.* The “Russian” civil wars, 1916–1926: ten years that shook
the world. L., 2016.
21. *Smith S.A.* Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928.
NY, 2017.
5. *Lukomsky A.S.* From memoirs // Archive of the Russian Revolution.
M., 1991. Vol. VI. P. 150, 151 (in Russ.).
6. On the harm of indemnities // Kuban cooperator. Ekaterinodar, 1919.
No. 11. P. 10 (in Russ.).
7. On the shortage of industrial goods // Kuban cooperator. Ekaterinodar.
1918. No. 12. P. 20, 21 (in Russ.).
8. *Pokrovsky G.* Denikin: the year of politics and economics in the Kuban
(1918–1919). Berlin, 1923. P. 2, 185, 186, 193–195 (in Russ.).
9. *Markets V.M.* Financial Policy of the Anti-Bolshevik governments of the
East of Russia (the second half of 1918 – the beginning of 1920). Novo-
sibirsk, 2006 (in Russ.).
10. Stavropol cooperation // Kuban cooperator. Ekaterinodar, 1919. No. 11.
P. 30 (in Russ.).
11. *Stalny V.* Cadets (Constitutional Democratic Party of People’s Free-
dom). Kharkov, 1929 (in Russ.).
12. *Khaziev R.A.* State administration of the economy and the market in the
Urals in 1917–1921: characteristics of sources. Ufa, 2000 (in Russ.).
13. *Khodyakov M.V.* Centrifugal syndrome: Separatism in the Russian
Economy. 1917–1920 // Centrifugal Syndrome: Separatism in the Eco-
nomics of Russia. 1917–1920. M.; NY; SPb., 2008 (in Russ.).
14. *Tsvetkov V. Zh.* Cooperation and agriculture in the white South of Russia
in the 1919–1920s // Economic Journal. 2016. No. 3 (43). P. 110–130
(in Russ.).
15. *Tsvetkov V. Zh.* The state of the food market of the districts of the South
of Russia occupied by VSYUR (summer – autumn 1919) // The South
of Russia in the past and present: history, economy, culture: materi-
als of the regional Scientific and Practical Conference. Belgorod, 1996.
P. 90, 91 (in Russ.).
16. *Chernichenko M. Yu.* “Speculation celebrates its bacchanalia”: images
of speculation and speculator in the periodical press of the White South
of Russia (1919) // New Historical Herald. 2013. No. 4 (38). P. 78–81
(in Russ.).
17. *Yanchevsky N.L.* A brief sketch of the history of the revolution in the
South-East (1917–1920). Rostov-on-Don, 1924 (in Russ.).
18. *Bullock D.* The Russian Civil War of 1918–22. Oxford, 2008.
19. *Rex A.* The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. L., 2001.
20. *Smele J.D.* The “Russian” civil wars, 1916–1926: ten years that
shook the world. L., 2016.
21. *Smith S.A.* Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928.
NY, 2017.

REFERENCES

1. The Civil War in Russia (1918–1921): textbook / comp. S.A. Pion-
kovsky. M., 1925 (in Russ.).
2. *Denikin A.I.* Essays of the Russian troubles: in 5 vols. Berlin, 1925.
Vol. 4. P. 59, 60, 88, 221, 229, 230, 253; vol. 5. P. 274 (in Russ.).
3. *Kalinin I.M.* Russian Vendee. M.; L., 1926. P. 185–187 (in Russ.).
4. *Karpenko C.B.* Essays on the history of the White Movement in the
South of Russia (1917–1920). 3rd ed., supplement and rev. M., 2006.
P. 86 (in Russ.).
5. *Lukomsky A.S.* From memoirs // Archive of the Russian Revolution.
M., 1991. Vol. VI. P. 150, 151 (in Russ.).
6. On the harm of indemnities // Kuban cooperator. Ekaterinodar, 1919.
No. 11. P. 10 (in Russ.).
7. On the shortage of industrial goods // Kuban cooperator. Ekaterinodar.
1918. No. 12. P. 20, 21 (in Russ.).
8. *Pokrovsky G.* Denikin: the year of politics and economics in the Kuban
(1918–1919). Berlin, 1923. P. 2, 185, 186, 193–195 (in Russ.).
9. *Markets V.M.* Financial Policy of the Anti-Bolshevik governments of the
East of Russia (the second half of 1918 – the beginning of 1920). Novo-
sibirsk, 2006 (in Russ.).
10. Stavropol cooperation // Kuban cooperator. Ekaterinodar, 1919. No. 11.
P. 30 (in Russ.).
11. *Stalny V.* Cadets (Constitutional Democratic Party of People’s Free-
dom). Kharkov, 1929 (in Russ.).
12. *Khaziev R.A.* State administration of the economy and the market in the
Urals in 1917–1921: characteristics of sources. Ufa, 2000 (in Russ.).
13. *Khodyakov M.V.* Centrifugal syndrome: Separatism in the Russian
Economy. 1917–1920 // Centrifugal Syndrome: Separatism in the Eco-
nomics of Russia. 1917–1920. M.; NY; SPb., 2008 (in Russ.).
14. *Tsvetkov V. Zh.* Cooperation and agriculture in the white South of Russia
in the 1919–1920s // Economic Journal. 2016. No. 3 (43). P. 110–130
(in Russ.).
15. *Tsvetkov V. Zh.* The state of the food market of the districts of the South
of Russia occupied by VSYUR (summer – autumn 1919) // The South
of Russia in the past and present: history, economy, culture: materi-
als of the regional Scientific and Practical Conference. Belgorod, 1996.
P. 90, 91 (in Russ.).
16. *Chernichenko M. Yu.* “Speculation celebrates its bacchanalia”: images
of speculation and speculator in the periodical press of the White South
of Russia (1919) // New Historical Herald. 2013. No. 4 (38). P. 78–81
(in Russ.).
17. *Yanchevsky N.L.* A brief sketch of the history of the revolution in the
South-East (1917–1920). Rostov-on-Don, 1924 (in Russ.).
18. *Bullock D.* The Russian Civil War of 1918–22. Oxford, 2008.
19. *Rex A.* The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. L., 2001.
20. *Smele J.D.* The “Russian” civil wars, 1916–1926: ten years that
shook the world. L., 2016.
21. *Smith S.A.* Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928.
NY, 2017.

Сведения об авторе

МЕДВЕДЕВ Валентин Григорьевич –
доктор юридических наук, кандидат
исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Тольяттинского
государственного университета;
445020 Самарская обл., г. Тольятти,
ул. Белорусская, д. 14

Authors' information

MEDVEDEV Valentin G. –
Doctor of Law, Candidate
of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of Theory and History
of State and Law,
Togliatti State University;
Belorusskaya str., 445020 Samara Region,
Togliatti, Russia

«МЯГКАЯ СИЛА» И ЕЁ ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГОСУДАРСТВА КАК ФОРМЫ И СПОСОБА БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

© 2023 г. А. Л. Панищев

*Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса;
Славяно-Греко-Латинская академия, г. Москва*

E-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Поступила в редакцию 16.12.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена понятию «мягкая сила», её формам и содержанию. Термин «мягкая сила» был введён сравнительно недавно, но по своему практическому воплощению он имеет многовековую историю. В определённом смысле слова «мягкой силой» осмысленно пользовались со времён государств Древнего Рима и Древнего Ирана. В статье отмечается неоднозначность политики «мягкой силы», поскольку её форма может варьироваться сообразно интересам государства, а также его социально-политического устройства. Так, применение «мягкой силы» в СССР качественно отличалось от той «мягкой силы», которую используют государства с капиталистическим укладом. Важно видеть разницу между «мягкой силой» и экономической экспансией, тем более граница между ними может оказаться весьма условной.

Важной идеей представленной статьи является то, что в условиях кризиса государства как формы и способа бытия человека значительно усиливается влияние транснациональных компаний, которые, по сути, выдавливают государства и стремятся заменить его собой. При этом природа и сущность транснациональных корпораций сильно отличается от природы и сущности государства, поэтому происходит процесс трансформации «мягкой силы», наполнение её новыми смыслами и мотивами. Если для государств в их классическом понимании культура с её традициями, духовными категориями, общечеловеческими ценностями могла стать семантическим наполнением политики «мягкая сила», то для транснациональных корпораций в основу политики обычно ложится экономический мотив. Такого рода мотив легко выльется в эксплуатацию одних людей другими людьми и утрате обществом таких черт, которые его определяют в качестве человеческого. Таким образом, в том виде, в котором понятие «мягкой силы» было актуальным ещё в конце XX в., в настоящее время выглядит рудиментом ушедшей исторической эпохи. Тем не менее степень развития информационных технологий, уровень их доступности могут стать новым содержанием «мягкой силы» во внешней политике государств.

Ключевые слова: «мягкая сила», культура, ценности, мотивы, внешняя политика, государство, антропологический кризис, транснациональные корпорации.

Цитирование: Панищев А.Л. «Мягкая сила» и её перспективы в условиях кризиса государства как формы и способа бытия человека // Государство и право. 2023. № 11. С. 201–206.

DOI: 10.31857/S102694520028730-4

“SOFT POWER” AND ITS PROSPECTS IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF THE STATE AS A FORM AND MODE OF HUMAN EXISTENCE

© 2023 A. L. Panishchev

*Kursk Institute of Management, Economics and Business;
Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow*

E-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Received 16.12.2022

Abstract. The article is devoted to the concept of “soft power”, its forms and content. The term “soft power” was introduced relatively recently, but in its practical implementation it has a centuries-old history. In a certain sense, the word “soft power” has been meaningfully used since the times of the states of Ancient Rome and Ancient Iran. The article notes the ambiguity of the “soft power” policy, since its form can vary according to the interests of the state, as well as its socio-political structure. Thus, the use of “soft power” to the Soviet Unions was qualitatively different from the “soft power” used by states with a capitalist way of life. It is important to see the difference between “soft power” and economic expansion, especially since the border between them can be very conditional.

An important idea of the presented article is that in the conditions of the crisis of the state as a form and way of being of a person, the influence of transnational companies is significantly increasing, which, in fact, squeeze out the state and seek to replace it with themselves. At the same time, the nature and essence of transnational corporations is very different from the nature and essence of the state, therefore, there is a process of transformation of “soft power”, filling it with new meanings and motives. If for states in their classical understanding, culture with its traditions, spiritual categories, and universal values could become the semantic content of the “soft power” policy, then for transnational corporations, the economic motive usually forms the basis of the policy. This kind of motive will easily result in the exploitation of some people by other people and the loss by society of such traits that define it as human. Thus, in the form in which the concept of “soft power” was relevant at the end of the twentieth century, it now looks like a vestige of a bygone historical era. Nevertheless, the degree of development of information technologies, the level of their accessibility can become a new content of “soft power” in the foreign policy of states.

Key words: “soft power”, culture, values, motives, foreign policy, state, anthropological crisis, transnational corporations.

For citation: Panishchev, A.L. (2023). “Soft power” and its prospects in the context of the crisis of the state as a form and mode of human existence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 201–206.

В течение последних двух десятилетий обозначилась тенденция к усилению транснациональных компаний, которые претендуют на то, чтобы заменить собой государство. Сейчас эта замена происходит лишь в некоторой части общественного бытия, но, сообразно вектору социального и экономического развития общества, уместно прогнозировать в будущем высокую вероятность поглощения государства корпорациями, которые управляются узкой группой лиц. **Мотивом** к написанию данной статьи послужило стремление осмыслить производные государственного развития общества в таких условиях, которые в ближайшее десятилетие станут социальной реальностью. Среди таковых производных в данной статье выделена политика «мягкой силы». **Цель** данного исследования состоит в анализе смыслового содержания понятия «мягкая сила» в условиях усиления роли транснациональных корпораций на фоне кризиса государственного бытия человека. Сообразно поставленной цели постараемся решить вопросы, связанные с детекцией возможностей применения и специфики «мягкой силы» в Российской Федерации в системе

международных отношений, а также роли государства в характере и способе применения «мягкой силы». Методологической основой для настоящего исследования является концепция диалога культур, обоснованная в трудах М.М. Бахтина. Именно культура, духовно-нравственный авторитет нации являются обязательным условием для эффективного применения «мягкой силы». В диалоге культур востребованы самые лучшие стороны общества, его традиции, связанные с добротой, ответственностью, благочестием — всем тем, что характеризует его в качестве человеческого.

В 1990 г. вышла в свет работа американского учёного Джозефа Найта “Bound to Lead: The Changing Nature of American Power”, в которой фигурировало понятие «мягкая сила». Это понятие органично присуще системе дипломатических отношений между государствами на разных уровнях, в том числе геополитическом. Нельзя сказать, что категория «мягкой силы» безупречна с точки зрения внутренней честности, так как нередко эффективность её применения обусловлена прямой угрозой применения насильственных

методов. Например, когда в 1853–1854 гг. commodор США Мэтью Перри вёл переговоры с Японией, то добился успеха на фоне присутствия боевой эскадры, которой японскому правительству нечего было противопоставить. Удобно описывать преимущества культуры, системы образования, религии своей нации, имея под рукой подавляющую военную силу. Тем не менее в диалектическом взаимодействии мягкой и жёсткой силы формируется мера эффективности или неэффективности внешней политики государства. По сути, интеллект правящей государственной элиты отражается в умении распоряжаться силовыми ресурсами как в мягкой, так и в жёсткой форме.

В некотором смысле предпосылкой к формированию концепции «мягкой силы» стал европоцентризм, достигший своего пика в начале XX столетия. В это время крупнейшие европейские государства активно и жёстко делили колониальные владения. К борьбе за колонии в косвенной форме подключились США, победившие в 1898 г. Испанию и забравшие у неё те колонии, ради освобождения которых саму войну и инициировали. При этом потенциал культуры конкурирующих наций стал средством в такой борьбе. Нельзя сказать, что противостояние ведущих колониальных стран обязательно сводилось к вооружённым конфликтам. Имела место и демонстрация собственных культурных традиций в качестве наиболее развитых. Местному же поработавшему населению предлагалось лишь восхищаться высотами западноевропейской или североамериканской цивилизации, рабски обслуживая интересы метрополий.

Среди ведущих капиталистических государств начала XX в. была и Российская Империя. В этот период она оказалась в состоянии системного и тяжёлого кризиса, следствием которого был ряд трагичных событий, включая русско-японскую войну, относящуюся в советской историографии к империалистической и по своей природе не соответствующую нормам традиционной русской культуры. Вместе с тем в период формирования Российской Империи в XVI–XVIII вв. именно «мягкая сила» стала основой для её территориального и цивилизационного расширения от берегов Балтики до Тихого океана. Невозможно никакими военными методами удерживать обширные земли Сибири, Алтая, Дальнего Востока, тем более при соседстве таких густонаселённых держав, как, например, Китай. Поэтому-то в основу расширения Российской Империи была положена её культура. Сам термин «культура» для русского языка довольно-таки поздний (впервые в Российской Империи зафиксирован в 1845 г.), но значимый по своему духовному содержанию на протяжении столетий истории Российского государства.

Ценности культуры православного христианства стали основой для включения в состав России множества народов. Концепция «Москва – Третий Рим» предполагала то, что русский народ своей праведностью призван оправдывать бытие всего человечества пред Богом. Подобно десяти праведникам, ради которых Господь милует весь город (Библия, Бытие: 18), один народ, сохраняя христианскую веру и соответствующий образ жизни, защищает право на жизнь всех остальных народов. Отсюда и выражение В.С. Соловьёва: «Спасающий спасётся. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет»¹. Стало быть, многие народы, входя в состав Российской Империи, считали, что именно в единстве с русским народом они с наибольшей вероятностью достигнут духовного и интеллектуального благополучия. Когда «в 1754 году многотысячный китайский

военный отряд захватил южную часть Горного Алтая (Чуйскую, Канскую долины и берега реки Берель), двенадцать племенных вождей алтайцев – зайсанов – обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой о принятии их народа в российское подданство. Что и произошло 2 мая 1756 года»². Примечательно то, что в данном регионе почти не было русских солдат, однако огромные армии Китайской империи не смогли продолжить экспансию и воспрепятствовать присоединению к Российской Империи целых народов с их землями. Причём представители многих народов, принявших российское подданство, приобретали высокое социальное положение, достигали таких высот в органах центральной государственной власти, которые в среде их стран были для них невозможными.

В XVIII в. частью Российской Империи стала Аляска. В своём большинстве население Аляски представлено алеутами, которые также живут на Камчатке и Чукотке. Когда рыльский купец (Курская область) Григорий Иванович Шелехов (1745–1795) прибыл на остров Кадьяк, то прежде всего построил со своими товарищами школу для алеутских детей. Помощь в развитии системы образования стала своеобразной визитной карточкой русской культуры, которая стала символом присутствия России и в более поздний – советский – период. Так, после того как множество африканских стран провозгласили независимость, именно СССР оказал системную помощь в развитии школьного образования внутри этих государств, а также в подготовке профессиональных кадров среди местного населения в советских вузах. Символом такой помощи стал Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (ныне – РУДН). Год основания этого Университета – 1960-й – совпадает со временем пика освобождения африканских стран от колониального гнёта, поэтому иногда называется «годом Африки» (17 государств на этом континенте в 1960 г. провозгласили независимость). Российская Федерация также содействует развитию образования в других странах, готова в своих вузах профессиональные кадры по ряду специальностей и командировать своих специалистов для помощи в развитии образования среди народов других государств.

Одна из составляющих «мягкой силы» проявляется в работе СМИ. Так, с 1961 г. Московское радио начало вещание в страны Африки передачи на местных языках (амхарском, суахили, хауса). Способность донести информацию до местного населения в понятной для него форме и желательно на родном для него языке есть также составляющая дипломатической работы и политики «мягкой силы».

Таким образом, видим, что «мягкая сила» в российской внешней политике выражается в содействии развитию нравственных и интеллектуальных качеств других народов. Если для капиталистического мира мягкая сила представлена прежде всего присутствием значительных финансовых средств, которые имеют неоднозначные последствия для развития местной экономики и сохранения государственного суверенитета, то в русской культуре мягкая сила обращена к духовным и душевным качествам. Россия привыкла добиваться не финансового или политического влияния, а любви. Это и есть специфика мягкой силы нашего государства. Причём следует признать, что такой подход к трактовке «мягкой силы» представляется вполне разумным. Человек, получивший образование на русском языке, с высоты занимаемой должности в своей стране сможет конструктивно и в русле добротолерантности развивать

¹ Соловьёв В.С. Тайна прогресса // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 556, 557.

² Рыжков Владимир. О Сибири с любовью // National geographic. 2008. Авг. С. 48.

отношения с Россией. История России, её классическая литература, музыка, кино для него будут не малоизвестной экзотикой, а составляющей его мышления. Система, которая предлагалась и защищалась в СССР, привлекала высоким уровнем социального обеспечения, нравственной безопасностью, стабильностью развития, что гарантировалось государством. Поэтому в советский период мягкая сила делала акцент на духовной культуре, на социальных аспектах, которые предрасполагали к комплексному развитию человека. Вместе с тем финансовый компонент в «мягкой силе» СССР был слабо выражен. «Мягкая сила» капиталистических государств предполагает обеспечение возможностей большого заработка и финансовой успешности. По сути, такая сила хотя и не использует военные методы, но обращена к материальному воздействию, а поэтому может быть названа экономической. Иногда экономическая сила являет собой привлекательный образ жизни, наполненный бытовым комфортом и финансовой обеспеченностью, но может свестись к экономической зависимости и шантажу. Поэтому «мягкая сила» при использовании рыночных капиталистических механизмов потенциально способна выражаться в разных ракурсах, некоторые из которых превращают её в экономическую экспансию. Тем не менее при использовании «мягкой силы» в русле экономических приоритетов ведущим капиталистическим государствам удалось укоренить свои ценности в мировоззрении многих народов мира. В некотором смысле речь идёт о постулировании и инкорпорировании в социальную среду тех норм, которые в государстве, применяющем «мягкую силу», считаются правильными. По сути, такое государство демонстрирует свой стиль жизни в качестве наилучшего, а также способность убедить других желать того же, к чему стремитесь вы сами³. По мере развития рыночных отношений брэнды страны и финансовых компаний, с которыми она ассоциируется, также стали частью «мягкой силы». По сути, всё это есть предпосылка к современным процессам глобализации.

Культурные ценности в применении «мягкой силы» являются спецификой России. Разумеется, в стране долгое время считалось, что она символизирует высокие духовные ценности, не случайно визитной карточкой России стал храм Василия Блаженного, расположенный на Красной площади в Москве. В США аналогичным символом государственности стала статуя Свободы, во Франции — Эйфелева башня, в Австралии — здание театра в Сиднее, в Соединенном Королевстве — Big Ben, а в России — православный храм. Это не означает того, что русский народ не интересуется развлечениями или не ценит свободу — всё это есть, но занимает не столь важное место, как категории праведности и святости. С.Л. Франк отмечал: «Общественный порядок должен быть не только целесообразным — в смысле наилучшего удовлетворения земных нужд человека, — но и праведным...»⁴. Свобода или комфорт не были культовыми в русской культуре, ибо сам человек мыслился в контексте бытия Бога.

Однако ошибочно считать, что в других странах игнорируют нормы культуры. «Мягкая сила» как опора на привлекательность национальных ценностей, культуры и внешней политики для достижения целей и увеличения влияния страны в мире играла существенную роль в британской внешнеполитической стратегии задолго до

появления соответствующего термина»⁵. С учётом того, что Великобритания была крупнейшим колониальным государством, её обращение к «мягкой силе» выглядит закономерным явлением. Одна из составляющих применения «мягкой силы» Великобританией состоит в стремлении создать на международной арене имидж Англии как сильного и справедливого государства. Это делается за счёт инкорпорации в сознание людей определённого понимания истории, посредством популяризации тех литературных произведений, где прославляется Англия. Например, во все школьные учебники по всемирной истории внесены сведения о победе Англии над «великой армадой» испанцев в 1588 г. При этом только узкая группа историков знает о том, что уже в следующем 1589 г. английский флот потерпел как минимум не менее тяжёлое поражение от испанцев. Между тем историческое сознание развивается прежде всего на основе того материала, который внесён в школьные учебники, поэтому в случае с Великобританией известны её громкие победы, но редко кто знает о её поражениях. Огромный пласт художественной и учебной литературы, популяризированной в XIX в., был ориентирован на интересы Великобритании. Так или иначе, но умение повлиять на историческое сознание разных народов также представляется компонентом «мягкой силы».

Таким образом, видим, что «мягкая сила» имеет различные способы своего выражения, в значительной степени зависит от политического устройства и господствующего мировоззрения в том государстве, которое её применяет. Вместе с тем за последние десятилетия в мире наметились серьёзные изменения. С. Хантингтон писал: «Государства являются основными, даже единственными важными игроками на международной сцене»⁶. Применительно к XX в. государства, действительно, выглядели неизбежной формой социального устройства, безальтернативным способом развития человечества. Тем не менее в конце XX столетия на фоне антропологической катастрофы, констатируемой рядом учёных, обозначился кризис государственности как формы и способы бытия человека. В таких условиях новыми акторами «мягкой силы», её инициаторами могут оказаться не государства, а иные системы, совершенно другой природы и сущности. Речь идёт прежде всего о транснациональных корпорациях. Ж. Аттали прогнозирует распад государства как такового и его вытеснение глобальными компаниями финансового характера⁷. Такие корпорации вряд ли будут ставить ценности культуры, социального обеспечения в качестве ведущих или базисно мотивирующих. По сути, может с высокой долей вероятности произойти усугубление антропологического кризиса, а на фоне усиления тенденций трансгуманизма продолжится вырождение человека в традиционном его понимании. Не следует полагать, что транснациональные корпорации не в состоянии абсорбировать в себе концепцию «мягкой силы». Более того, они смогут её предложить в том виде, который внешне покажется привлекательным. Так, есть вероятность на софистической игре такими амбивалентными понятиями, как *жизнь* и *смерть*, придать иное смысловое наполнение концепту «мягкая сила». Отмечается, что «сила суверенитета — это мощь меча. Он угрожает смертью и использует «привилегию овладевать жизнью, чтобы подавлять ее». Напротив, дисциплинарная власть — это не сила, имеющая дело со смертью, а власть

³ См.: Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY, 2004. P. 191.

⁴ Франк С.Л. С нами Бог. М., 2003. С. 384.

⁵ Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 7.

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 34.

⁷ См.: Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб., 2014. С. 181.

над жизнью: ее функция больше не убивать, а «повсеместно инвестировать в жизнь». Таким образом, «старая сила смерти» уступает место осторожному «управлению телами» и «расчетливому управлению жизнью»⁸. Крупные корпорации с большой долей вероятности постараются сыграть на этом таким образом, чтобы государство представить в глазах сообщества жестоким карающим механизмом, а частный бизнес — гибкой и либеральной системой. Между тем такой либерализм есть лишь видимость, за которой скрывается расчёт финансовой корпорации, ориентированной на извлечение материальной выгоды.

Нельзя забывать, что именно в рамках государственного развития стал возможен отказ от смертной казни, а правом на помилование или амнистию обладает глава государства. Именно в государстве был поставлен вопрос о развитии такого антропологического качества, как чувство доброты. В транснациональных корпорациях трудно надеяться на заинтересованность власти в духовном развитии подчинённых им людей. Более того, в условиях кризиса нравственного сознания государства становятся крайне уязвимыми, поскольку по своей сути являются производными от человеческой сущности. Государства могут распасться прежде всего в силу того, что «человек становится предметом археологии и этнографии, неким символом изживших себя форм биологического существования»⁹. Сущность «мягкой силы» в своей основе обращена к культуре, к духовности людей, однако при антропологическом кризисе, вырождении культуры происходит не только разрыв между естественным и позитивным правом с последующим упадком государства, но и утрата содержания политики «мягкой силы». В некоторой степени государство может сохранить своё влияние посредством экологической политики. Ряд исследователей отмечают то, что с 1990-х годов усилила позиции «социо-эколого-экономическая система» как модель балансирования трех групп целей: социальных, экономических и экологических¹⁰. Тема экологической безопасности в СМИ стала культовой. Многие концепции XX в. ко времени его окончания приняли экологический подтекст и смыслы. Например, «идея ноосферы сегодня рассматривается практически исключительно в контексте отношения человека к природе и угрозе экологического кризиса... Неизменным остаётся сведение проблематики ноосферы в основном к решению глобальных экологических проблем»¹¹. Однако не следует переоценивать роль экологической политики в области сохранения силы и влияния государства.

Выводы

В Российской Федерации с её акцентом на духовных ценностях сложившееся положение дел может оказаться особенно тяжёлым. В условиях конкуренции с теми государствами, интересы которых совпадают с векторами развития транснациональных корпораций, характер пространства финансового роста далеко не всегда будет ориентирован на интересы России. Исходя из экономических возможностей Российской Федерации как государства, трудно будет защищать её

национальные ценности в приближающихся реалиях, характер которых определится финансовыми интересами транснациональных корпораций. Российская Федерация, с одной стороны, имеет ряд преимуществ, таких как развитая атомная энергетика, высокий уровень доступности сети Интернет, наличие собственного военно-промышленного комплекса, но при этом «у неё слабая промышленность, дорогая рабочая сила», нет самостоятельного финансового рынка¹². Апеллирование же к человеческим категориям, носящим этический смысл, в новых реалиях потеряет свою действенность. «Антропологическая катастрофа породила особый тип “человекоподобных существ”, для которых характерен отказ от метафизического измерения...»¹³. С.В. Колычев пишет: «Антропологическая катастрофа — это свершившийся метафизический акт, который проявился в духовных исканиях начала XX века, эта ситуация в культуре проявилась в том, что проблема укоренения человека в мире оказалась трудновыполнимой...»¹⁴. Похожие мысли мы находим в работах Р.М. Руповой¹⁵. В таких условиях «мягкая сила» станет рудиментом прежних уже несуществующих систем, а стало быть, либо прекратит применяться, либо примет иное смысловое наполнение. Полагаем, что в сложившихся обстоятельствах особое место занимают информационные технологии, средства организации виртуальной реальности, которые, подменяя собой ценности традиционной культуры, становятся значимыми объектами притяжения. Те страны, которые смогут наполнить смысл «мягкой силы» новыми технологическими возможностями с высоким уровнем их доступности, окажутся в лучших условиях как для взаимодействия с транснациональными компаниями, так и для осуществления внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб., 2014. С. 181.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика. М., 2018. С. 16.
3. Вертакова Ю.В., Евченко А.В., Шербаков Д.Б. Зелёная экономика и устойчивое развитие: на пути к «экологизации» государственной социально-экономической политики в условиях институциональной трансформации // Известия ЮЗГУ. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. № 10 (5). С. 26.
4. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 20.
5. Гуров В.А. Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 191.
6. Колычев С.В. Проблема антропологической катастрофы в западноевропейской философии XX века // Антропологические конфигурации современной философии: материалы науч. конф. М., 2004. С. 115.
7. Рупова Р.М. Антропологические модели в социальной философии XX — начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.

⁸ Гуров В.А. Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 191.

⁹ Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 20.

¹⁰ См.: Вертакова Ю.В., Евченко А.В., Шербаков Д.Б. Зелёная экономика и устойчивое развитие: на пути к «экологизации» государственной социально-экономической политики в условиях институциональной трансформации // Известия ЮЗГУ. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. № 10 (5). С. 26.

¹¹ Бодрунов С.Д. Ноономика. М., 2018. С. 16.

¹² См.: Тимошук А.С., Тяги Р. Системная безопасность России и искушения глобального мира // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 15.

¹³ Сайкина Г.К. Социальный потенциал метафизики человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2013. С. 14.

¹⁴ Колычев С.В. Проблема антропологической катастрофы в западноевропейской философии XX века // Антропологические конфигурации современной философии: материалы науч. конф. М., 2004. С. 115.

¹⁵ См.: Рупова Р.М. Антропологические модели в социальной философии XX — начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.

8. *Рыжков Владимир*. О Сибири с любовью // National geographic. 2008. Авг. С. 48.
9. *Сайкина Г.К.* Социальный потенциал метафизики человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2013. С. 14.
10. *Соловьев В.С.* Тайна прогресса // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 556, 557.
11. *Тимошук А.С., Тяги Р.* Системная безопасность России и искушения глобального мира // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 15.
12. *Франк С.Л.* С нами Бог. М., 2003. С. 384.
13. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 34.
14. *Харитонов Е.М.* «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 7.
15. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY, 2004. P. 191.
4. *Gurevich P.S.* The phenomenon of human deanthropologization // Questions of philosophy. 2009. No. 3. P. 20 (in Russ.).
5. *Gutorov V.A.* Bio-power and the political: actual aspects of modern discussions // Power and elites. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 191 (in Russ.).
6. *Kolychev S.V.* The problem of anthropological catastrophe in Western European philosophy of the twentieth century // Anthropological configurations of modern philosophy: materials of Scientific Conf. M., 2004. P. 115 (in Russ.).
7. *Rupova R.M.* Anthropological models in social philosophy of the XX – early XXI centuries: abstract ... Candidate of Philos. M., 2008 (in Russ.).
8. *Ryzhkov Vladimir*. About Siberia with love // National geographic. 2008. Aug. P. 48 (in Russ.).
9. *Saikina G.K.* The social potential of human metaphysics: abstract ... Doctor of Philosophy. Kazan, 2013. P. 14 (in Russ.).
10. *Solovyov V.S.* The Secret of progress // Solovyov V.S. Essays: in 2 vols. M., 1988. Vol. 2. P. 556, 557 (in Russ.).
11. *Timoshchuk A.S., Tyagi R.* Systemic security of Russia and the temptations of the global world // Noospheric studies. 2021. Iss. 3. P. 15 (in Russ.).
12. *Frank S.L.* God is with us. M., 2003. P. 384 (in Russ.).
13. *Huntington S.* Clash of Civilizations. M., 2003. P. 34 (in Russ.).
14. *Kharitonova E.M.* “Soft power” of Great Britain: comparative analysis of mechanisms, tools and practices // Comparative politics. 2017. No. 1. P. 7 (in Russ.).
15. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY, 2004. P. 191 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Attali J.* A brief history of the Future. SPb., 2014. P. 181 (in Russ.).
2. *Bodrunov S.D.* Noonomika. M., 2018. P. 16 (in Russ.).
3. *Vertakova Yu. V., Evchenko A. V., Shcherbakov D.B.* Green economy and sustainable development: on the way to “greening” state socio-economic policy in the context of institutional transformation // Izvestiya YuZGU. Ser.: Ekonomika. Sociology. Management. 2020. No. 10 (5). P. 26 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПАНИЩЕВ Алексей Леонидович — кандидат философских наук, доцент, профессор РАЕ, старший научный сотрудник Курского института менеджмента, экономики и бизнеса; 305099 г. Курск, ул. Радищева, д. 35; профессор кафедры философии, теологии и религиоведения Славяно-Греко-Латинской академии; 105005 г. Москва, ул. Радио, д. 20
ORCID: 0000-0003-4327-1225

Authors' information

PANISHCHEV Alexey L. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of RAE, Senior Researcher at the Kursk Institute of Management, Economics and Business; 35 Radishchev str., 305099 Kursk, Russia; Professor of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies, Slavic-Greek-Latin Academy; 20 Radio str., 105005 Moscow, Russia

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ И КАТЕГОРИИ (ВСЕРОССИЙСКИЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»)

© 2023 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 04.07.2023 г.

Аннотация. 18 апреля 2023 г. в Институте государства и права РАН состоялся Всероссийский «круглый стол» «Сравнительное конституционное право: новые подходы, концепции и категории». В его работе приняли участие представители ведущих вузов и научных учреждений страны, а также исследователи из Республики Беларусь и Республики Узбекистан. На «круглом столе» был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с современными тенденциями в развитии сравнительного конституционного права, новыми концепциями конституционализма, конституционными реформами, синхронным и диахронным сравнением конституционных институтов, сравнительным исследованием прав человека, использованием сравнительной методологии в практике национальных и наднациональных судебных органов.

Ключевые слова: сравнительное конституционное право, конституционализм, конституционные реформы, конституционный контроль, права человека.

Цитирование: Варламова Н. В., Васильева Т. А. Сравнительное конституционное право: новые подходы, концепции и категории (Всероссийский «круглый стол») // Государство и право. 2023. № 11. С. 207–215.

DOI: 10.31857/S102694520028732-6

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL LAW: NEW APPROACHES, CONCEPTS AND CATEGORIES (ALL-RUSSIAN THE “ROUND TABLE”)

© 2023 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 04.07.2023

Abstract. On April 18, 2023 the Institute of State and Law of the RAS hosted the All-Russian the “Round Table” “Comparative Constitutional Law: new approaches, concepts and categories”. It was attended by representatives of leading Russian scientific and educational institutions, as well as researchers from Belarus and Uzbekistan. The “Round Table” examined a wide range of problems related to modern trends in the development of Comparative Constitutional Law, new concepts of constitutionalism, constitutional reforms, synchronous and diachronic comparison of constitutional institutions, comparative research of human rights, the use of comparative methodology in the practice of national and supranational judicial bodies.

Key words: Comparative Constitutional Law, constitutionalism, constitutional reforms, constitutional review, human rights.

For citation: Varlamova, N. V., Vasilieva, T. A. (2023). Comparative Constitutional Law: new approaches, concepts and categories (All-Russian the “Round Table”) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 207–215.

18 апреля 2023 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялся Всероссийский «круглый стол» «Сравнительное конституционное право: новые подходы, концепции и категории». В его работе приняли участие более 40 ученых, представляющих ведущие вузы и научные учреждения страны, а также исследователи из Республики Беларусь и Республики Узбекистан.

Пленарное заседание открыл доклад д-ра юрид. наук, доц. Т.А. Васильевой (ИГП РАН), который был посвящен новым проблемам и подходам в сравнительных конституционно-правовых исследованиях. Она отметила, что 1980–1990 гг. были «золотым веком» сравнительного конституционного права. В этот период во многих странах учреждаются органы конституционного контроля, растет влияние наднациональных судебных инстанций, интенсифицируется миграция конституционных идей, развивается транснациональная кооперация органов публичной власти. Сегодня можно проследить несколько направлений в развитии сравнительного конституционного права: исследование интеграционных процессов и универсальных стандартов функционирования конституционно-правовых институтов, их влияния на национальное конституционное право; анализ «живого судебного права» — практики национальных органов конституционного контроля и наднациональных судебных органов, освоение методик рассмотрения судами дел в области защиты прав человека; использование политологических конструкций и понятий (конституционный дизайн и инжиниринг, партисипативная и делиберативная демократия) в сфере конституционно-правовых исследований; изучение влияния инновационных технологий на функционирование конституционно-правовых институтов. В первое десятилетие XXI в. в целом ряде государств наблюдаются определенный отход от универсальных демократических

принципов, абсолютизация национальной конституционной идентичности, обращение к исторической памяти, рост популизма.

В доктрине международного права высказываются различные точки зрения относительно его соотношения с национальным законодательством, отметил д-р юрид. наук, проф. В.А. Карташкин (ИГП РАН). Данный спор имеет не только теоретическое значение, он затрагивает такие важные вопросы, как суверенитет государств и реализация основных прав и свобод человека. За последние годы активизировалась дискуссия относительно соотношения международного права и конституции, пределов ее верховенства. Россия, заключая международные договоры и принимая на себя международные обязательства, никогда не отказывалась от государственного суверенитета и территориального верховенства, не передавала международным организациям часть своих полномочий. Но это не означает, что она может отказываться от исполнения международных соглашений. В Конституции РФ установлено, что она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, законы и иные правовые акты не должны ей противоречить (ч. 1 ст. 15). Некоторые российские юристы-международники толкуют эту статью как устанавливающую приоритет Конституции над международными договорами, которые не могут противоречить ей. Однако если исходить из верховенства национальных конституций и законодательства над Уставом ООН, основными принципами и нормами международного права, обязательствами, взятыми государствами по международным договорам, то это будет означать гибель международного права, анархию в межгосударственных отношениях.

Закреплению на конституционном уровне принципа разделения властей был посвящен доклад д-ра **юрид. наук, проф. А.И. Ковлера (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. В большинстве учредительных актов европейских государств (Австрия, Германия, Финляндия и др.) этот принцип непосредственно не упоминается, хотя в текстах используются термины «законодательная», «исполнительная» и «судебная власть». В Конституции Греции разграничиваются три функции власти (ст. 26), в Конституции Ирландии подчеркивается, что все власти в системе правления — законодательная, исполнительная и судебная — в соответствии с Божьим велением исходят от народа (ст. 6). В Декларации прав человека и гражданина 1789 г., инкорпорированной в Конституцию Франции (гл. XVII), провозглашается, что «общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции» (ст. 16).

Более осязаемое воздействие идеи Ш. Монтескье можно проследить в учредительных актах стран американского континента. Так, Конституция Мексики содержит гл. I «О разделении властей» (разд. 3). Конституция Коста-Рики предусматривает три разделенные и независимые друг от друга власти — законодательную, исполнительную и судебную (ст. 9). В африканских государствах в силу культурного и языкового многообразия не установилось единое толкование принципа разделения властей в конституционной доктрине, там преобладает прагматический подход к разграничению компетенции между государственными органами. На азиатском континенте еще сложнее, чем на африканском, выделить единые подходы к реализации принципа разделения властей. Так, например, Конституция Индии предусматривает только отделение судебной власти от исполнительной (ст. 50).

Таким образом, современная конституционная доктрина предпочитает прагматический подход к закреплению структуры и компетенции институтов публичной власти, не слишком заботясь о соблюдении формулы Ш. Монтескье. В ряде стран в учредительных актах выделяют избирательную власть (Венесуэла, Никарагуа, Эквадор), контрольную власть (Эквадор, Тайвань), а в Венесуэле — гражданскую власть, осуществляемую Республиканским советом по этике, состоящим из Народного защитника, Генерального прокурора и Генерального контролера Республики (ст. 273 Конституции). Сравнительное конституционное право должно учитывать реалии современного мира и не замыкаться в рамках прежних доктрин. Соответствующие коррективы необходимо вносить и в учебники.

Анализ новых концепций и интерпретаций конституционализма был представлен в докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламовой (ИГП РАН)**. В настоящее время конституционализм сталкивается с целым рядом серьезных вызовов, которые существенным образом сказываются на функционировании традиционных конституционных институтов. Формирование наднационального уровня публичной власти и развитие саморегулирования коммерческих организаций на национальном и транснациональном уровнях ведут к деиерархизации правовых систем. Национальные правовые порядки оказываются включенными в целую сеть транснациональных порядков, и их конституционализация более не может основываться исключительно на национальной конституции и ее высшей юридической силе. Эти трансформации нашли выражение в концепциях плюралистического, сетевого, многоуровневого конституционализма.

Приобретение частной (корпоративной) властью публичных функций породило проблему ее демократизации

(посредством вовлечения в процессы саморегулирования профсоюзов, потребительских и экологических объединений, экспертных сообществ) и ограничения. Данные процессы отражает концепция социетального конституционализма, акцентирующая конституционную функцию частного права, которое ограничивает саморегулирование частных акторов. Отсюда — актуализация проблем конституционализации частного права и действия конституционных прав в отношениях между частными лицами.

Стремительное развитие инновационных технологий обуславливает необходимость распространения принципов конституционализма на новые сферы отношений и формирования на их основе новых принципов, приспособленных для регулирования данных сфер. Конституционализация новых сфер во многом происходит через формирование специфического каталога новых прав человека — цифровых, соматических, репродуктивных, нейроправ, прав в сфере геномных исследований и т.п., которые, по сути, представляют собой распространение на соответствующие отношения традиционных конституционных гарантий с необходимыми модификациями.

Таким образом, на современные вызовы конституционализм реагирует вполне традиционно, устанавливая ограничения новых возникающих видов власти и обеспечивая гарантии прав человека в новых сферах социального взаимодействия. Квинтэссенция конституционализма, выраженная в ст. 16 Французской декларации прав человека и гражданина, сохраняет свою актуальность и присутствует во всех его новейших концепциях и интерпретациях.

В центре внимания д-ра **юрид. наук, проф. И.А. Кравца (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет)** был вопрос о том, как нормы и принципы конституции участвуют в регулировании процессов мобилизации в ходе конституционной модернизации, обсуждения и принятия поправок к конституции, выявления желательности конституционных изменений и принятия новой конституции. Обычно учредители — органы государства и публичные должностные лица, уполномоченные принимать решения в сфере конституционной модернизации, — рассматривают конституцию как текст и корпус правил, которые следует изменить; конституция в этом случае выступает объектом преобразований. Конституционная мобилизация включает как юридические, так и политические формы коммуникации в публичной сфере, которая подвергается серьезным изменениям в связи с конституционными преобразованиями. В современном мире используются различные формы конституционных изменений, основанные на определенной публично-правовой мобилизации: проведение конституционных (императивных) референдумов по поправкам к конституции или по вопросу принятия новой конституции; использование технологии краудсорсинга для разработки проекта конституции с привлечением широкого круга граждан, не обладающих профессиональными юридическими знаниями; создание гражданской ассамблеи для обсуждения поправок к конституции. Современный конституционализм оснащается новыми технологиями (информационными и цифровыми), которые обеспечивают гибридизацию процесса конституционных изменений с вовлечением в него широких слоев граждан.

Вопрос использования сравнительных методов в практике Европейского Суда по правам человека в связи с признанием прав рассмотрел д-р **юрид. наук, проф. Д.И. Дедов (МГУ им. М.В. Ломоносова)**. Он отметил значение сравнения различных правовых институтов и подходов для

накопления знаний и развития национальной правовой культуры. В эпоху глобального противостояния либеральных и консервативных ценностей не надо отказываться от методологии европейского права и европейских стандартов, если они являются политически нейтральными и лишены признаков утопизма. В целом практика и стандарты Европейского Суда по правам человека предоставляют большие возможности для сравнительного конституционного правоповедения. Однако необходимо критически относиться к правовым позициям и обращать внимание на поиск баланса публичных и частных интересов. Следует также находить оптимальное соотношение универсальности прав человека и национальных традиций.

С развитием цифровых технологий претерпевают изменения многие конституционные права, в первую очередь право на уважение частной жизни и право на защиту персональных данных, отметила **д-р юрид. наук Э.В. Талапина (ИГП РАН)**. Не остается неизменным и само право на информацию. Для многих государств непрозрачность алгоритмов, используемых публичной администрацией, стала политическим вопросом и обусловила ряд законодательных изменений. В докладе данная проблема была рассмотрена на примере Франции. Право на доступ к публичной информации обычно называют правом на доступ к административным документам. Французская правовая система придерживается широкого подхода к их определению. Более того, Франция решила изменить концепцию административных документов, признав, что они включают и исходные коды, хотя широкое определение административного документа априори позволяет относить к ним такие коды. 7 октября 2016 г. была расширена трактовка понятия коммуницируемого (сообщаемого) административного документа в Законе «О цифровой Республике»¹. Исходные коды теперь упоминаются и в Кодексе отношений между гражданами и администрацией², который определяет передаваемые и многократно используемые административные документы. Открытие исходных кодов государственных администраций делает часть ИТ-систем государственного сектора доступной для чтения. Их публикация способствует повышению прозрачности административных решений, если они связаны с алгоритмами.

В России алгоритмы весьма активно используются в государственном управлении. При этом вопросы о доступности кодов, лежащих в основе их функционирования, практически не возникают. В этой связи французский опыт может оказаться полезным.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Т.С. Масловской (Белорусский государственный университет)** была проанализирована конституционная реформа в Люксембурге. Конституция Великого Герцогства 1868 г. — одна из немногочисленных действующих «старых» европейских конституций. Первоначально предполагалось разработать новый учредительный акт, отвечающий современным требованиям демократии, исключая устаревшую терминологию, закрепляющий реальную практику функционирования государственных органов. В 2005 г. парламентская Комиссия по

институтам и конституционному пересмотру начала работу над текстом проекта. Однако в 2018 г. было принято решение осуществить пересмотр действующей Конституции в целях сохранения преемственности учредительных актов.

В январе 2023 г. было принято четыре закона о пересмотре отдельных глав Конституции, которые вступают в силу с 1 июля 2023 г. Данные законы представляют собой четыре блока поправок, касающихся судебной системы, характеристик люксембургской государственности, прав и свобод человека, парламента и Государственного совета. Среди конституционных новелл — закрепление положения об участии в европейской интеграции, конституционализация статуса омбудсмана и Национального совета правосудия. Особое внимание докладчик уделила участию граждан в конституционной реформе посредством направления предложений на специальный интернет-сайт, участия в консультативном референдуме 2015 г., публичных слушаниях и тематических дебатах по конституционным поправкам.

Парламентскому совету по делам обороны Норвегии был посвящен доклад **канд. юрид. наук, доц. И.А. Ракитской (МГИМО МИД России)**. Она отметила, что в государственном механизме отдельных стран существует должность уполномоченного по правам военнослужащих, который является своеобразным связующим звеном между армией и обществом и институциональной гарантией соблюдения прав и законных интересов военнослужащих, а также лиц, подлежащих призыву на военную службу. В Норвегии функцию военного омбудсмана с 1952 г. выполняет Совет по делам обороны. Существование данного специализированного института обеспечивает высокий уровень контроля за соблюдением прав и интересов военнослужащих, а также способствует компетентному рассмотрению вопросов, затрагивающих военный персонал. Примечательно, что в Норвегии этот институт появился за десять лет до учреждения должности парламентского омбудсмана по делам администрации, т.н. гражданского омбудсмана.

Закон о Совете по делам обороны от 16 июня 2021 г.³ наделяет данный орган правом осуществлять контроль за законностью деятельности военной администрации, расширяет его полномочия, в том числе по развитию международного сотрудничества, более четко разграничивает сферы компетенции военного и гражданского омбудсманов. Изучение норвежского опыта представляет интерес для российского законодателя в свете внесения в Государственную Думу ФС РФ в октябре 2022 г. законопроекта «Об уполномоченных по защите прав военнообязанных и военнослужащих в Российской Федерации».

«Круглый стол» продолжил работу в рамках двух секций. На *первой секции «Конституционные концепции и институты: синхронное и диахронное сравнение»* обсуждались тенденции развития конституционных институтов в различных странах и регионах.

Доклад **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасова (ИГП РАН)** был посвящен концепции многоуровневого правления. Данный термин характеризует такую форму территориальной организации публичной власти, при которой усиливается взаимовлияние различных уровней власти и растет их взаимозависимость. В наибольшей степени данная концепция ассоциируется с той структурной трансформацией системы публичной власти, которая определяется процессом

¹ См.: Loi n° 2016–1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 12.05.2023).

² См.: Code des relations entre le public et l'administration, 23 octobre 2015. Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000031366350?etatTexte=VI-GUEUR (дата обращения: 12.05.2023).

³ См.: Lov om Stortingets ombudsmenn for Forsvaret // Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2021-06-18-115> (дата обращения: 12.05.2023).

европейской интеграции. В рамках многоуровневого правления отсутствует четкая иерархическая структура с каким-либо одним доминирующим компонентом, но при этом принимаются определенные обязывающие решения. Концепция многоуровневого правления находит все более широкое применение, с ее помощью стали изучаться федерализм, децентрализация, регионализация, а также деятельность транснациональных сетей. Данная концепция носит «зонтичный» характер, в ее рамках могут развиваться различные подходы (например, государственно-центристский, делающий упор на роль национальных властей в европейской интеграции, и неофункционалистский, предполагающий акцент на наднациональном регулировании).

Концепция многоуровневого правления подвергается критике за определенную аморфность и расплывчатость. Она так и не дает окончательный ответ на вопрос: что же в первую очередь представляет собой многоуровневое правление — структуру либо процесс? Вместе с тем именно эта концепция позволила осмыслить осуществление публичной власти в объединенной Европе, предложив интерпретацию процесса принятия решений в Европейском Союзе, на что оказались неспособны традиционные теоретические конструкции.

Я.И. Лебедева (ИГП РАН) обратилась к истории утверждения специфических характеристик права Европейского Союза — его прямого действия и верховенства в правовых порядках государств-членов. Традиционно признавалась ведущая роль Суда ЕС в этом процессе. Однако архивные материалы⁴ и исследования европейских авторов⁵ демонстрируют, что идеологическим центром разработки данных доктрин являлась Юридическая служба Комиссии Европейских сообществ. Идеи конституционного прочтения учредительных договоров и признания особой природы права интеграционного объединения разделяли не все правительства государств-основателей, а также политики и правоведа, принимавшие участие в интеграционном строительстве. Изначально судьи, генеральные адвокаты, а также государства-основатели, в частности Германия, Италия, Нидерланды, Бельгия и Люксембург, по различным причинам не восприняли подходы Комиссии Европейских сообществ и выступали против признания указанных принципов действия права ЕС и наделения Суда ЕС соответствующей компетенцией. Компромиссом, который сгладил существовавшие противоречия, стала позиция Суда ЕС, согласно которой только отдельным положениям коммунитарного права при определенных условиях могло придаваться прямое действие, а после этого и верховенство в национальном праве государств-членов. Однако в 2013 г. в деле *Melloni* Суд ЕС признал верховенство за рамочным решением (вид правовых актов Союза), которое не обладает прямым действием⁶.

⁴ См.: Foundation Jean Monnet Pour L'Europe. AMFG Fonds Michel Gaudet. URL: <https://archives.jean-monnet.ch/doc/inventaires/pdf/Michel-Gaudet.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).

⁵ См.: *Rasmussen M. Establishing a Constitutional Practice of European Law: The History of the Legal Service of the European Executive, 1952–65* // Contemporary European History. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 375–397; *Idem. Agents of Constitutionalism: The Quest for a Constitutional Breakthrough in European Law, 1945–1964* // Crafting the International Order. Practitioners and Practices of International Law since c. 1800 / ed. by M.M. Payk, K.C. Priemel. Oxford, 2021. P. 249–276; *Arnulf A. The Many Ages of the Court of Justice of the European Union* // New Legal Approaches to Studying the Court of Justice: Revisiting Law in Context / ed. by C. Kilpatrick, J. Scott. Oxford, 2020. P. 12–44.

⁶ См.: CJEU (Grand Chamber). Case C-399/11. Stefano Melloni v Ministero Fiscal. Judgment of 26 February 2013. Paras. 58–62 (подробнее см.: *Besselink L.F.M. The Parameters of Constitutional Conflict after Melloni*. European Law Review. 2014. Vol. 39. No. 4. P. 531–552).

Такой подход меняет соотношение наднациональных и международных начал в праве ЕС.

В докладе **канд. юрид. наук С.А. Грачевой (ИЗиСП при Правительстве РФ)** рассматривались конституционные основания критериев качества законов. Положения Конституции РФ позволяют вывести из ее текста два вида таких критериев. Формальные критерии связаны с закрепленной в Конституции нормативной иерархией: любой нормативный правовой акт должен быть принят уполномоченным на то органом в рамках его компетенции и не противоречить положениям источников права более высокого уровня. Содержательные критерии обеспечивают поддержание доверия граждан к закону (нормативному правовому регулированию). Данные критерии едины для всех источников права и выражают их общее ценностно-целевое назначение. Они были разработаны в практике Европейского Суда по правам человека и восприняты Конституционным Судом РФ. Среди них — возможность знать о содержании закона (требование его обнародования), определенность, конкретность и относительная стабильность его предписаний, что позволяет их адресатам в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и исключает произвол при их толковании и применении. Критерии качества нормативных предписаний второго вида в определенной мере могут быть атрибутированы и тексту самой Конституции как необходимые условия доверия граждан к правовой системе в целом.

Деятельность органов конституционного правосудия, как указал **канд. юрид. наук К.В. Карпенко (МГИМО МИД России)**, всегда направлена на стабилизацию правовой системы. Это достигается в том числе за счет устранения неопределенности в законодательстве. В результате действия органов государственной власти, физических и юридических лиц становятся понятными и предсказуемыми. Отсюда логично предположить, что и практика органов конституционного правосудия должна быть определенной, прогнозируемой и в конечном счете отвечать законным ожиданиям гражданского общества.

Конституционный совет Франции представляет собой любопытный пример неоднозначного подхода к обоснованию изменений в своей практике. За более чем 60-летнюю историю правовые позиции Совета менялись не раз. Можно попытаться обобщить основания изменений практики Конституционного совета. Во-первых, Конституционный совет всегда внимательно отслеживает и учитывает в своей деятельности социально-политические и экономические изменения, происходящие в обществе. Его правовые позиции, следовательно, согласуются с законными ожиданиями граждан. Во-вторых, Совет находится в тесном контакте с иными «контрольно-надзорными» органами Республики — Кассационным судом и Государственным советом. Нередко изменения в его правовых позициях объясняются влиянием этих органов. Наконец, Совет прислушивается к мнению наднациональных судов, таких как Суд ЕС и Европейский Суд по правам человека. Отслеживая их практику, юристы способны понять и даже предвосхитить решения Конституционного совета Франции.

В большинстве государств органы конституционного контроля обращаются к сравнительному методу и зарубежной судебной практике в процессе толкования положений национальных конституций и аргументации своих решений, отметила **канд. юрид. наук Е.А. Сорокина (ИГП РАН)**. Однако судьи Конституционного суда ЮАР используют зарубежную судебную практику чаще, чем их коллеги в других странах. Это связано с тем, что такая возможность

прямо предусмотрена в Конституции ЮАР 1996 г. (ст. 39). Как показывает анализ практики, Суд не рассматривает обращение к зарубежному опыту в качестве своей обязанности, но международные стандарты и зарубежная практика являются образцом для решения сложных конституционных вопросов и делают его аргументацию более убедительной. Вместе с тем использование сравнительного метода не всегда способствует учету особенностей южноафриканской правовой системы и правовых традиций страны.

Деятельности органов судейского сообщества в зарубежных странах был посвящен доклад **канд. юрид. наук Е.А. Фокина (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Современные тенденции развития органов судейского сообщества в зарубежных странах, по его мнению, задаются правовыми позициями, формулируемыми международными организациями и органами международного правосудия. В докладе были обоснованы четыре такие тенденции: 1) конкретизация статуса члена органа судейского сообщества, формирование стандартов их независимости и беспристрастности; 2) уточнение правовой природы процедур, используемых органами судейского сообщества; 3) определение форм взаимодействия с органами исполнительной власти, прежде всего министерством юстиции; 4) уточнение пределов полномочий органов судейского сообщества. Деятельность последних крайне важна, поскольку от нее зависят фактическая независимость судебной власти и практическая реализация концепции правового государства.

Конституционные основы регламентации правового положения юридических лиц публичного права были предметом внимания **канд. юрид. наук А.В. Ульянова (ИНИОН РАН)**. В современном мире государство и муниципальные образования не только являются властными регуляторами общественно-экономических отношений, но и опосредованно участвуют в данных отношениях через деятельность субъектов, именуемых юридическими лицами публичного права. Речь идет об организациях — корпоративных или унитарных, коммерческих или некоммерческих, — которые подконтрольны публично-правовым образованиям или сотрудничают с ними в целях осуществления их публичных функций и полномочий. основополагающие нормы о юридических лицах публичного права или по крайней мере отдельных видах этих лиц (государственных корпорациях, предприятиях, учреждениях, центральных банках, национальных университетах и пр.) часто закрепляются в конституции, которая таким образом обеспечивает гарантии их статуса и деятельности.

В докладе **канд. юрид. наук С.Б. Нанбы (ИЗиСП при Правительстве РФ)** рассматривались правовые позиции Европейского Суда по правам человека, касающиеся природы муниципалитетов. Европейский Суд признает их государственными органами в связи с тем, что они действуют на основании публичного права и осуществляют публичные функции, переданные им на основании Конституции и законов⁷. В соответствии с практикой Суда финансовая несостоятельность муниципалитетов не является основанием для освобождения их от исполнения обязательств, вытекающих из вынесенных против них окончательных решений судов⁸.

Применению историко-правового подхода при изучении конституционной терминологии посвятила свое

выступление **канд. юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (НИУ ВШЭ)**. Понятийный аппарат конституционного права представляется вполне сложившимся и устоявшимся, он является предметом дискуссий главным образом при рассмотрении вопросов юридической техники. Вместе с тем исследователи явно недооценивают историко-правовой подход, позволяющий выявить исторический контекст появления понятий и их лингвистического оформления, влияние социально-политических факторов на формирование юридических терминов, на их содержание и динамику.

Историко-правовой подход — важный инструмент сравнительного анализа терминов, используемых в юридической доктрине и конституционном законодательстве различных государств. Обращение к историко-правовому подходу будет полезно в научных исследованиях таких терминов, как «республика», «диктатор», «федерация», «суверенитет», «империя». Их современное содержание существенно отличается от первоначального, что полезно иметь в виду в целях более глубокого и многоаспектного изучения соответствующих правовых и политических институтов. Так, термин «*res publica*» в Древнем Риме (согласно дефиниции Цицерона) обозначал общность людей, объединенных общими интересами и пониманием права. Данное представление о республике было характерно для лексикона императора Юстиниана (что отражено, например, в конституции *Deo auctore*), мыслителей (в частности, Ф. Суареса в XVI–XVII вв.) и законодателей (в том числе Учредительных кортесов, принявших Конституцию Испанской республики в 1931 г.) последующих столетий.

К роли сравнительной методологии в становлении науки публичного права обратился **канд. юрид. наук В.Е. Кондров (СПбГУ)**. Начало юридической науки принято вести от деятельности глоссаторов в XI в. Их метод был текстоцентричным и антиисторичным. Положения *Corpus Juris Civilis* толковались ими как универсальные стандарты, применимые к любым обстоятельствам, народам и эпохам. Упадок метода глоссаторов связывают со становлением школы комментаторов (постглоссаторов), однако окончательный разрыв со старой методологией произошел все же позднее — в XVI в., когда Г. Бюде призвал реконструировать оригинальное значение понятий и положений римского права⁹. В области публичного права аналогичный «историцистский» поворот совершил монарх Ф. Отман, который утверждал, в частности, что римское право не может быть применимо к совершенно отличному от римского французскому порядку¹⁰. Так, в область публичного права проникла историческая методология, предполагавшая, что принципы публичного права должны обосновываться исследованиями реальных политических практик прошлого, местных «древних конституций» и традиционных свобод.

Следующий шаг в формировании методологии публичного права сделал Ж. Боден, дополнивший установку на историческое исследование сравнительным методом. В соответствии с предлагаемым им подходом для получения знания о принципах публичного права необходимо исследовать основные формы правления и конституции народов в их историческом сравнении. Вместе с тем степень

⁷ См.: ECtHR. Galina Petrovna Gerasimova v. Russia. Application no. 24669/02. Decision of 16 September 2004.

⁸ См.: ECtHR. De Luca v. Italy. Application no. 43870/04. Judgment of September 2013. Para. 54.

⁹ См. подр., напр.: *Franklin J.H. Jean Bodin and the Sixteenth-Century Revolution in the Methodology of Law and History*. New York, London, 1963. P. 19, 20.

¹⁰ См.: *Hotman F. Antitribonian* / ed., transl. by H.A. Lloyd. Leiden, Boston, 2021. P. 74 etc.; см. также: *Franklin J.H. Op. cit.* P. 21; *Kelley D.R. Civil Science in the Renaissance: Jurisprudence in the French Manner // History of European Ideas*. 1981. Vol. 2. Iss. 4. P. 271.

свободы Ж. Бодена от старых понятий римского права и его авторитетов не стоит преувеличивать. Так, в труде «О демономании колдунов» он прямо опирается на постгlossаторов Бартоло да Сассоферрато, Бальдо и др.¹¹ Кроме того, ряд используемых им понятий были взяты из частного римского права. Например, Ж. Боден юридически квалифицировал публичную власть как *potestatem publicam*, что, по существу, представляет собой перенос *potestas privata* частного права в сферу права публичного. Соответственно, даже в трудах Ж. Бодена публичное право, получив известную и чрезвычайно важную методологическую автономию, еще не приобрело окончательной концептуальной и догматической самостоятельности.

Вторая секция «Права человека в сравнительном ракурсе» была посвящена сравнительному анализу проблем обеспечения прав человека в различных юрисдикциях. В докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотовой (ИГП РАН)** обосновывалась необходимость формирования концепции уязвимости и общего понятия «уязвимые группы» в контексте защиты прав человека. Большинство конституций провозглашают гарантии дополнительной социальной защиты отдельных групп населения (дети, пожилые люди, инвалиды и т.д.). Эти категории лиц могут считаться уязвимыми, поскольку дискриминационные практики в отношении них приводят к более существенному ущербу, чем применительно к другим группам в тех же обстоятельствах. Юридическое понятие «уязвимость» складывается из практики отношения к уязвимым категориям отдельных групп населения в связи с распространенностью дискриминации, основанной на гендерных или возрастных различиях, этнической принадлежности, состоянии здоровья, социальном положении, а также лиц, находящихся в особых обстоятельствах (заключенные, пациенты закрытых больниц, медицинские и социальные работники в условиях пандемии COVID-19 и т.п.). Существенный вклад в формирование данного понятия вносит судебная практика, способствовавшая появлению понятия мультиуязвимости, предполагающего наличие сразу нескольких оснований уязвимости.

Необходимость особой защиты уязвимых групп обусловила становление специализированных институтов по обеспечению их прав. Так, в Норвегии в 1981 г. был учрежден первый уполномоченный по правам детей¹² (с тех пор этот институт укоренился в значительном количестве государств мира¹³), в 1999 г. — уполномоченный по делам пациентов¹⁴ а в 2020 г. — уполномоченный по правам пожилых людей¹⁵

(данный институт пока является нетипичным¹⁶). Анализ зарубежного опыта способствует формированию общих критериев отнесения к уязвимым группам и общих подходов к оказанию им помощи, а также развитию национального регулирования данной сферы отношений.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Т.О. Кузнецовой (МГИМО МИД России)** обсуждалась проблема признания соматических прав человека, которые принято относить к четвертому поколению прав и свобод, принципиально отличающемуся от других категорий прав человека. Под соматическими правами понимают признаваемые обществом и государством правомочия по распоряжению человека своим телом. Эти права рассматриваются как современная модификация личных прав и свобод. Формы правового закрепления и названия данных прав могут быть различны. Как правило, устанавливаются определенные правовые ограничения на их реализацию. Большинство исследователей сходятся во мнении, что эта комплексная группа прав и свобод в первую очередь связана с естественным правом человека на жизнь, а также притязанием на определенное качество жизни. В группу соматических прав и свобод принято включать: право на жизнь в современном осмыслении (включая отказ от смертной казни как вида юридической ответственности, а также право на смерть); права человека в отношении его органов и тканей; сексуальные права человека; репродуктивные права человека как позитивного характера (право на искусственное оплодотворение), так и негативного (право на прерывание беременности, стерилизацию, использование контрацепции); право на изменение пола; право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов; право на употребление наркотиков и психотропных веществ и т.п. Специальное внимание в докладе было уделено признанию соматических прав в Японии.

Перспективы конституционализации права на репродуктивное самоопределение проанализировала **канд. юрид. наук, доц. В.И. Чехарина (ИГП РАН)**. Большинство государств прямо не закрепляют репродуктивные права в своих конституционных актах. В некоторых странах провозглашается свобода принятия решения в отношении рождения детей (ст. 55 Конституции Словении, п. «а» ч. 2 ст. 12 Конституции ЮАР). Однако чаще если в конституции упоминаются права, связанные с прерыванием беременности, то это делается в негативном ключе, т.е. обычно речь идет о запрете абортов. Например, в соответствии с ч. 4 ст. 26 Конституции Кении аборт не допускается, за исключением случаев, когда, по мнению квалифицированного медицинского работника, существует необходимость в неотложной медицинской помощи, или если жизнь или здоровье матери находятся в опасности, или если это разрешено писанным законом. Между тем репродуктивное самоопределение неразрывно связано с принципом равенства, поскольку предполагает автономию женщины, позволяющую ей определять стратегию своей жизни и, таким образом, пользоваться равным статусом с мужчинами¹⁷. Поэтому конституционные ограничения права на прерывание беременности выявляют серьезные конституционные проблемы. В целом

¹¹ См.: Боден Ж. О демономании колдунов / пер. с ср.-фр. и лат. И. Сахарчука. СПб., 2021. С. 303, 336, 338, 350.

¹² См.: Lov om barneombud [barneombudsloven] — LOV-1981-03-06-5 // LOVDATA. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1981-03-06-5> (дата обращения: 07.05.2023); Официальный сайт уполномоченного по правам ребенка // <https://www.barneombudet.no/> (дата обращения: 07.05.2023).

¹³ Институты, уполномоченные защищать права детей, объединены в региональные и субрегиональные ассоциации. Одна из крупных ассоциаций действует в странах Европы (см.: European Network of Ombudspersons for Children. URL: <https://enoc.eu> (дата обращения: 07.05.2023)).

¹⁴ См.: The Act of 2 July 1999 No. 63 relating to Patients' Rights (the Patients' Rights Act) (Chapter 8) <https://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-19990702-063-eng.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁵ См.: Lov om Eldreombudet (eldreombudsloven) — LOV-2020-06-19-80 // LOVDATA. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2020-06-19-80> (дата обращения: 07.05.2023); Официальный сайт уполномоченного по правам пожилых людей в Норвегии // <https://www.eldreombudet.no/> (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁶ Аналогичный институт создан в 2021 г. в Финляндии (см.: Laki vanhusasiavaltuutetusta. 13.08.2021/753 // FINLEX. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2021/20210753> (дата обращения: 07.05.2023); Официальный сайт уполномоченного по делам пожилых людей в Финляндии: <https://vanhusasia.fi/vanhusasiavaltuutetun-tehtavat> (дата обращения: 07.05.2023)).

¹⁷ См.: Siegel N. S., Siegel R. B. Equality Arguments for Abortion Rights // UCLA Law Review Discourse. 2013. Vol. 60. P. 160–170.

следует признать, что конституционализация репродуктивных прав — довольно отдаленная перспектива.

Л.О. Гордейченко (МГИМО МИД России) остановилась на проблемах обеспечения права на прерывание беременности в странах Латинской Америки. Предоставление доступа к таким услугам — часть обязательств государства по ликвидации дискриминации в отношении женщин и гарантированию их права на охрану здоровья, а также других основных прав человека. Американская конвенция о правах человека¹⁸, признавая право на жизнь, закрепляет, что это право охраняется законом с момента зачатия (ст. 4). Однако это не предполагает полного запрета на прерывание беременности. Некоторые конституции содержат исключения, разрешающие аборт при определенных обстоятельствах. Например, ст. 16 Конституции штата Сан-Луис-де-Потоси в Мексике допускает прерывание беременности, если она явилась результатом изнасилования или если роды могут привести к смерти женщины.

Ситуация с абортами в Латинской Америке неоднозначна. В одних странах (Уругвай, Чили) стремятся к либерализации аборт, в других (Сальвадор, Гватемала, Никарагуа) усиливают ограничения. По Декрету № 18-2022¹⁹ гватемальские женщины за прерывание беременности могут быть приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (ранее — до трех лет). В марте 2022 г. в Гватемале Конгресс обсуждал вопрос об увеличении сроков лишения свободы, назначаемых в качестве наказания за производство аборта, предлагалось ввести еще более суровые наказания для врачей и других лиц, которые помогают женщинам прерывать нежелательную беременность. Аборты признаются допустимыми, только когда жизнь матери находится в опасности.

В целом в Латинской Америке криминализация или декриминализация аборт — это не только юридический вопрос, в большей степени данные процессы связаны с общей культурой населения, влиянием и авторитетом католической церкви.

С.А. Карпов (ИГП РАН) рассмотрел вопросы защиты персональных данных в странах Латинской Америки. Система защиты данных в государствах региона основывается на праве на информационное самоопределение, заимствованном из европейской доктрины, и институте *habeas data*, являющемся традиционным и специфичным для данных стран и закрепленном в конституциях, например Бразилии (ч. LXXII ст. 5), Парагвая (ст. 135), Перу (п. 3 ч. 1 ст. 200). *Habeas data* отражает процессуальную сторону защиты персональных данных, а право на информационное самоопределение — характер отношения человека к его персональным данным, заключающийся в возможности контроля данных, но отличающийся от права собственности. При этом понимание права на информационное самоопределение в странах Латинской Америки отличается большим единообразием по сравнению с европейскими подходами. В Европе до сих пор ведутся споры о существовании такого права за пределами немецкого правопорядка, а также о его содержании, а в Латинской Америке это право в большинстве государств признается фундаментальным, и набор

входящих в него правомочий описывается примерно одинаково и учеными, и судами.

Д.Е. Тонков (Адвокатская фирма «ТонковЪ и Партнеры») остановился на специфике восприятия конституционализма и прав человека в Швеции. По мнению докладчика, Швеция, а также и другие скандинавские страны, несмотря на свое экономическое благополучие, социально ориентированную внутреннюю политику, традиционно миролюбивую внешнюю политику и репутацию «моральных сверхдержав», в целом весьма скептически относятся ко многим принципам и институтам конституционализма, в том числе к правам человека. В скандинавском сравнительном конституционном правоведении это принято называть «нордической исключительностью» (*“Nordic exceptionalism”*) и «нордическим парадоксом прав человека» (*“Nordic human rights paradox”*). Докладчик привел исторические и современные примеры их проявления и показал, что во многом они обусловлены влиянием философских идей скандинавского правового реализма.

Конституционным основам социального государства был посвящен доклад канд. юрид. наук, доц. **Е.Д. Костылевой (РГУП)**. Реальный уровень социальности государства раскрывается через такие признаки, как направленность политики на защиту социальных прав и законных интересов человека, обеспечение занятости населения, реализация социальных программ для поддержки уязвимых групп, развитие социального партнерства. Социальное государство может реализовывать свои цели только при наличии высокоэффективной социально ориентированной экономики и ответственного отношения к труду всего активного населения.

В докладе канд. юрид. наук **М.С. Пермиловского (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова)** были затронуты вопросы ограничения конституционных прав, что является средством защиты частных и публичных интересов и одновременно может создавать препятствия для реализации того или иного интереса. При этом важно, чтобы соблюдался баланс между разными интересами; нарушение баланса между частными и публичными интересами приводит к умалению прав человека, а не к их ограничению. Особое внимание было уделено ограничениям прав человека в целях защиты конституционных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Boden J.* О демонии колдунов / пер. с ср.-фр. и лат. И. Сахарчука. СПб., 2021.
2. *Arnall A.* The Many Ages of the Court of Justice of the European Union // *New Legal Approaches to Studying the Court of Justice: Revisiting Law in Context* / ed. by C. Kilpatrick, J. Scott. Oxford, 2020. P. 12–44.
3. *Besselink L.F.M.* The Parameters of Constitutional Conflict after Melloni // *European Law Review*. 2014. Vol. 39. No. 4. P. 531–552.
4. *Franklin J.H.* Jean Bodin and the Sixteenth-Century Revolution in the Methodology of Law and History. New York, London, 1963.
5. *Hotman F.* *Antitribonian* / ed., transl. by H.A. Lloyd. Leiden, Boston, 2021.
6. *Kelley D.R.* Civil Science in the Renaissance: Jurisprudence in the French Manner // *History of European Ideas*. 1981. Vol. 2. Iss. 4. P. 261–276.
7. *Rasmussen M.* Agents of Constitutionalism: The Quest for a Constitutional Breakthrough in European Law, 1945–1964 // *Crafting the International Order. Practitioners and Practices of International*

¹⁸ См.: American Convention on Human Rights (“Pact of San Jose”). Adopted at the Inter-American Specialized Conference on Human Rights, San José, Costa Rica, 22 November 1969 // United Nations. URL: treaties.un.org/doc/publication/untfs/volume%201144/volume-1144-i-17955-english.pdf (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁹ См.: Decreto Número 18–2022 // Plaza Pública. URL: https://www.plazapublica.com.gt/sites/default/files/decreto_18-2022_aprobado.pdf (дата обращения: 16.05.2023).

- Law since c. 1800 / ed. by M.M. Payk, K.C. Priemel. Oxford, 2021. P. 249–276.
8. *Rasmussen M.* Establishing a Constitutional Practice of European Law: The History of the Legal Service of the European Executive, 1952–65 // Contemporary European History. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 375–397.
 9. *Siegel N.S., Siegel R.B.* Equality Arguments for Abortion Rights // UCLA Law Review Discourse. 2013. Vol. 60. P. 160–170.
 4. *Franklin J.H.* Jean Bodin and the Sixteenth-Century Revolution in the Methodology of Law and History. New York, London, 1963.
 5. *Hotman F.* Antitribonian / ed., transl. by H.A. Lloyd. Leiden, Boston, 2021.
 6. *Kelley D.R.* Civil Science in the Renaissance: Jurisprudence in the French Manner // History of European Ideas. 1981. Vol. 2. Iss. 4. P. 261–276.
 7. *Rasmussen M.* Agents of Constitutionalism: The Quest for a Constitutional Breakthrough in European Law, 1945–1964 // Crafting the International Order. Practitioners and Practices of International Law since c. 1800 / ed. by M.M. Payk, K.C. Priemel. Oxford, 2021. P. 249–276.
 8. *Rasmussen M.* Establishing a Constitutional Practice of European Law: The History of the Legal Service of the European Executive, 1952–65 // Contemporary European History. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 375–397.
 9. *Siegel N.S., Siegel R.B.* Equality Arguments for Abortion Rights // UCLA Law Review Discourse. 2013. Vol. 60. P. 160–170.

REFERENCES

1. *Bodin J.* (2021) On Demonomania of Sorcerers. SPb., 2021 (in Russ.).
2. *Arnall A.* The Many Ages of the Court of Justice of the European Union // New Legal Approaches to Studying the Court of Justice: Revisiting Law in Context / ed. by C. Kilpatrick, J. Scott. Oxford, 2020. P. 12–44.
3. *Besselink L.F.M.* The Parameters of Constitutional Conflict after Melloni // European Law Review. 2014. Vol. 39. No. 4. P. 531–552.

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна —
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна —
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора
прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. —
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Sector
of Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher of the Sector
of Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ФОРУМА С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

© 2023 г. Д. В. Зорилэ^{1, *}, Е. Н. Трикоз^{2, 3, **}, А. С. Туманова^{1, ***}

¹НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

²МГИМО МИД России

³Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва

*E-mail: sorina.dosha.2014@yandex.ru

**E-mail: alena_trikoz@mail.ru

***E-mail: anastasiya13@mail.ru

Поступила в редакцию 10.04.2023 г.

Аннотация. Представлен обзор материалов научно-практического форума с международным участием «Актуальные проблемы сравнительно-исторического правоведения и теоретико-правовых исследований», прошедшего в марте 2023 г. на факультете права НИУ «Высшая школа экономики». В рамках форума состоялся «круглый стол» «Научное наследие Н.А. Крашенинниковой: к 95-летию юбилею профессора».

Ключевые слова: сравнительно-правовые исследования, трансформация права, Н.А. Крашенинникова и ее вклад в историко-правовую науку, актуальные проблемы теоретической юриспруденции, история отечественного государства и права.

Цитирование: Зорилэ Д. В., Трикоз Е. Н., Туманова А. С. (2023). Обзор материалов научно-практического форума с международным участием «Актуальные проблемы сравнительно-исторического правоведения и теоретико-правовых исследований» // Государство и право. 2023. № 11. С. 216–223.

DOI: 10.31857/S102694520028734-8

REVIEW OF THE MATERIALS OF THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL FORUM WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION “ACTUAL PROBLEMS OF COMPARATIVE-HISTORICAL JURISPRUDENCE AND THEORETICAL-LEGAL RESEARCH”

© 2023 D. V. Zorile^{1, *}, E. N. Trikoz^{2, 3, **}, A. S. Tumanova^{1, ***}

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow

²MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia

³Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

*E-mail: sorina.dosha.2014@yandex.ru

**E-mail: alena_trikoz@mail.ru

***E-mail: anastasiya13@mail.ru

Received 10.04.2023

Abstract. The review of the materials of the Scientific and Practical Forum with international participation “Actual problems of comparative historical jurisprudence and theoretical and legal research”, held in March 2023 at the Faculty of Law of the Higher School of Economics. Within the framework of the Forum, the “Round Table” “The scientific heritage of N.A. Krasheninnikova: to the 95th anniversary of the Professor” was held.

Key words: comparative legal research, transformation of law, N.A. Krasheninnikova and her contribution to historical and legal science, actual problems of theoretical jurisprudence, history of the national state and law.

For citation: Zorile, D.V., Trikoz, E.N., Tumanova, A.S. (2023). Review of the materials of the Scientific and Practical Forum with international participation “Actual problems of comparative-historical jurisprudence and theoretical-legal research” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 216–223.

17 марта 2023 г. на факультете права НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва) прошел научно-практический форум с международным участием «Актуальные проблемы сравнительно-исторического правоведения и теоретико-правовых исследований».

С приветственным словом к участникам конференции обратился заместитель декана факультета права по научной работе НИУ ВШЭ, д-р юрид. наук, доц. А.А. Ларичев, который пожелал участникам форума плодотворной работы. Руководитель департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права НИУ ВШЭ, канд. юрид. наук, доц. С.И. Нагих рассказал собравшимся об идее проведения конференции, посвященной 95-летию юбилею его преподавателя – профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Н.А. Крашенинниковой.

Пленарное заседание докладом «Сравнительно-правовые исследования исторической реальности в условиях перехода к постнеклассической научной рациональности» открыл главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д-р юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцев. Докладчик подчеркнул, что в современных условиях переход к постнеклассической научной рациональности определяет поиск новых методологических подходов в сравнительном правоведении, а также в историко-правовых исследованиях. Важную роль в процессе конструирования правовой реальности играет роль субъектов права, которые своими повседневными действиями способствуют реализации правовых норм, превращая эти нормы в реальное, «живое» право. В связи с этим предлагается акцент в сравнительно-правовых и сравнительно-исторических исследованиях делать на правовое поведение, его различные модели, а также детерминирующие его факторы. Среди таких факторов важное место занимают правовая традиция, а также ее аксиологическое содержание. Для историко-сравнительных исследований правовое поведение в разные исторические эпохи может стать важным предметом научного анализа.

Заведующий кафедрой теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. А.В. Корнев представил научной общественности доклад «Трансформация права во времени и пространстве», предложив под трансформацией понимать изменения, происходящие в праве, которые в качестве универсального регулятора общественных отношений постоянно находятся в состоянии постоянных перемен, как и всё в этом мире.

Ниже приводим тезисы его доклада.

Трансформация права, если рассматривать его в таком качестве, происходит под воздействием различных факторов. Условно одни из них можно назвать внутренними.

Это касается только тех процессов, которые имеют место в какой-либо стране. Факторы иного порядка позволительно именовать внешними. К примеру, санкционное давление на Российскую Федерацию. Появилась даже такая конструкция, как «санкционное право», которое некоторые авторы представляют как систему норм, позволяющую снижать негативное воздействие подобной политической практики. Конечно, удачным во всех отношениях такое словосочетание признать сложно, ибо оно противоречит самой природе права.

Трансформация (развитие) происходит во времени и пространстве. Что касается времени, то наука пока не имеет достаточных сведений, чтобы дать ему точную характеристику. Философы приучили нас к тому, что пространство и время следует понимать как формы существования материи. Мы не знаем, существуют ли законы исторического развития или нет? Как происходит движение – линейно или циклично? Версий много. Тем не менее если применительно к социуму можно сомневаться в существовании законов, которым подчиняется всякое развитие (трансформация), то уж отвергать наличие закономерностей по меньшей мере неразумно. В противном случае исключается любая рациональная деятельность. Таковой она может быть только тогда, когда подчиняется определенным закономерностям.

«Открытие» древними греками точки послужило первичной основой понимания пространства. Его также следует рассматривать конкретно исторически. По легенде Александр Македонский, достигнув Индии, горько заплакал. Ему показалось, что завоевывать уже просто нечего.

Все древние цивилизованные народы выводили свое право из воли богов или приписывали его создание мифическим героям-законодателям. Сегодня божественная версия права свойственна иудаизму, исламу и индуизму. Следовательно, трансформация права в религиозном формате происходит по мере распространения этих религий.

Право в виде позитивного закона, обычая, прецедента или доктрины распространяется несколько иначе. «Свое» право приносят на «чужую» территорию преимущественно три субъекта: солдат, предприниматель, миссионер. Солдат на штыках, предприниматель при помощи денег (универсальной формы господства), миссионер продвигает туземцам своих богов.

Ранее в истории только Запад (его культура есть синтез национализма и технологий – А. Дж. Тойнби) трансформировал свои правовые институты. Политическая, промышленная, религиозная и научная революции дали Западу неоспоримое преимущество над всем остальным миром. Это господство он стремится сохранить, принося в жертву политике право, экономику, даже здравый смысл. Однако необходимо отдать

должное этой цивилизации. Его политические, экономические, правовые институты, опирающиеся на технологическое преимущество, оказывались более эффективными, чем иные. Мир стремительно меняется. Можно строить только прогнозы, в том числе и в части сосуществования различных правовых систем и их взаимного влияния.

Председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, д-р юрид. наук, проф. П.В. Крашенинников, специалист в области гражданского права и российской истории права, принял заочное участие в форуме. Его доклад о жизненном пути Нины Александровны Крашенинниковой и ее научном вкладе в историко-правовую науку нашел отражение в статьях, опубликованных к моменту начала форума в юбилейном сборнике¹, а также в журнале «Государство и право» РАН².

В рамках форума состоялся «круглый стол» «Научное наследие Н.А. Крашенинниковой: к 95-летию юбилею профессора», объединивший большинство ее учеников и близких коллег, которые подготовили к изданию и посвятили своему наставнику и коллеге памятный сборник научных статей по историко-правовой проблематике³.

Заседание «круглого стола» открыл **руководитель департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, канд. юрид. наук, проф. С.И. Нагих**.

Одна из учениц проф. Н.А. Крашенинниковой **доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России, канд. юрид. наук, доц. Е.Н. Трикоз** выступила с *биографической презентацией*, прокомментировав важные вехи ее научного пути. Она отметила, что Н.А. Крашенинникова стояла у истоков особой научной школы, в рамках которой возглавила новое направление в отечественной историко-правовой науке по исследованию колониальной правовой культуры и религиозного персонального права (на примере индусского права)⁴. Последний период своей научной жизни профессор посвятила исследованию социолого-правовых и историко-культурных особенностей Индии и ее смешанной правовой системы. За этот короткий, но насыщенный период ученым были подготовлены более 10 статей и монография по данной проблематике⁵.

Е.Н. Трикоз посвятила памяти своего наставника и научного руководителя сообщение об *особенностях итальянской модели систематики средневекового права и подсистеме*

regula juris в творчестве итальянского правоведа Филиппо Деччио (1454–1535).

В выступлении-воспоминании доцента кафедры истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук О.Л. Лысенко как близкой ученицы и коллеги уважаемого профессора были отмечены такие высокие характеристики личности Н.А. Крашенинниковой, как непоколебимая сила духа, исключительное жизнелюбие, глубина научной мысли и удивительная работоспособность, отточенные научные подходы к изучению историко-правового материала. О.Л. Лысенко посвятила памяти Нины Александровны свое научное сообщение *по истории развития доктринальных основ принципа «справедливого» («эквивалентного») договора в западноевропейском праве средневекового и современного периодов*.

Описывая общение с проф. Н.А. Крашенинниковой на ее родной кафедре в МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры правоведения и практической юриспруденции РАНХиГС при Президенте РФ, канд. юрид. наук И.А. Шершнева-Цитульская подчеркнула, что профессора Н.А. Крашенинникова и О.И. Чистяков остались в ее памяти «как два столпа, на которых зиждилась кафедра истории государства и права, которые были не просто профессорами, а настоящими атлантами», на плечи которых опирались в своем развитии всеобщая история государства и права. И.А. Шершнева-Цитульская посвятила своему педагогу научное сообщение на тему *византийского наследия в формировании Третьего Рима*.

О своих незабываемых встречах с легендарным проф. Н.А. Крашенинниковой ярко и эмоционально вспоминал доцент кафедры публичной политики и истории государства и права РУДН, канд. юрид. наук М.В. Федоров. Он рассказал о ее особом педагогическом мастерстве и успешном научном руководстве иностранными и талантливыми советскими студентами. Так, в 70-е годы во главе с Н.А. Крашенинниковой в качестве научного руководителя он вместе с группой студентов Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы принял активное участие во Всесоюзной студенческой научной конференции, завоевав почетные призы и грамоты. В завершение М.В. Федоров подчеркнул, что задолго до увлечения правовой культурой Индии и других стран британского мира Нина Александровна в стенах интернационального Университета впервые обратилась к латиноамериканской проблематике, подготовив монографию по истории государства и правовой системы Республики Куба⁶.

В научном сообщении бывшая аспирантка Н.А. Крашенинниковой, а ныне доцент департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, канд. юрид. наук Д.В. Зорилэ обратилась к *анализу процессов становления системы подготовки служащих финансово-налоговых органов в Германии XX в. и развития в целом общегерманской отрасли налогового права*.

Другие участники «круглого стола» также поделились впечатлениями о своих встречах и общении с Н.А. Крашенинниковой, известным ученым и педагогом, глубоким собеседником и интереснейшим человеком (среди них А.Ю. Ишков, М.О. Окунева, К.И. Шинкаренко).

В завершение «круглого стола» было подчеркнуто, что проф. Н.А. Крашенинникова своими методиками и научными идеями всегда щедро делилась с учениками и коллегами,

¹ См.: Крашенинников П.В., Трикоз Е.Н. Долгий путь в науке профессора Нины Александровны Крашенинниковой // Правовая культура и правовая традиция: сб. ст. памяти профессора Нины Александровны Крашенинниковой / под общ. ред. С.И. Нагих, О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. М., 2023. С. 5–9.

² См.: Крашенинников П.В., Трикоз Е.Н. История права в жизни профессора Нины Александровны Крашенинниковой: к 95-летию юбилею // Государство и право. 2023. № 2. С. 98–110. DOI: 10.31857/S102694520024163-0

³ В их числе авторы: Д.В. Зорилэ, А.Ю. Ишков, Л.Л. Кофанов, П.В. Крашенинников, И.М. Лифшиц, О.Л. Лысенко, С.И. Нагих, Д.Ю. Полдников, В.Н. Сафонов, Е.Н. Трикоз, И.А. Шершнева-Цитульская, К.И. Шинкаренко, А.А. Шулу и др. (см.: Правовая культура и правовая традиция: сб. ст. памяти профессора Нины Александровны Крашенинниковой / под общ. ред. С.И. Нагих, О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз).

⁴ Более подробно см.: Крашенинников П.В., Трикоз Е.Н. История права в жизни профессора Нины Александровны Крашенинниковой: к 95-летию юбилею. С. 98–110.

⁵ См.: Трикоз Е.Н., Крашенинникова Н.А. Сравнительное уголовное право (Индия). М., 2020.

⁶ См.: Крашенинникова Н.А. История государства и права Кубы. М., 1966.

вырастила целую школу своих последователей, за профессиональным ростом и научными работами которых следила и поддерживала, давая ценные советы и стремясь сделать их настоящими ценителями истории права.

В рамках форума был организован ряд *дискуссионных площадок*. Одной из которых стала *секция № 1 «Актуальные проблемы теоретической юриспруденции»*, организованная профессором департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права НИУ ВШЭ, д-ром юрид. наук, проф. Ю. Г. Арзамасовым и доцентом того же департамента, канд. юрид. наук Р. Ю. Бельковичем. Было представлено 22 научных доклада.

Профессор кафедры теории государства и права Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. Т. Н. Радько в своем выступлении поставил вопрос *о необходимости исследования истории славянской правовой семьи*, о которой много говорилось в начале XX в., но затем эта тема исчезла из внимания российской юридической науки. Почему это произошло — ясных ответов нет, а они необходимы.

Заведующая кафедрой юриспруденции Сахалинского государственного университета (г. Южно-Сахалинск), канд. юрид. наук, доц. В. С. Бреднева представила доклад *«Проблемные аспекты апробации результатов теоретической юриспруденции»*, указав, что профессия юриста меняется (добавляется функционал по управлению рисками, правовой информацией, использования IT-технологий), в результате расширяется объект исследования фундаментальных наук, в связи с чем возникает вопрос нормативного закрепления новых способов и форматов апробации своих экспертных взглядов и научных идей (блок-схемы, базы данных, посты в блогах, консультации на правовых порталах) для дальнейшего учета в рамках эффективного контракта. В этой связи актуализируется необходимость защиты своих прав в свете распространяющейся практики научных журналов запрашивать исключительные права на объекты интеллектуальной собственности (взамен ранее существовавших традиций оформлять передачу неисключительных прав по ч. 1 ст. 1236 ГК РФ).

Особый интерес у собравшихся вызвали доклады, посвященные проблемам юридического языка и систематизации юридических терминов. Директор Юридического института, зав. кафедрой конституционного и муниципального права Пятигорского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. Л. А. Тхабисимова выступила с обстоятельным докладом на тему *«К вопросу о государственном языке в нормотворчестве и юридической технике»*. Она обратила внимание на то, что, как показывает практика, количество экспертиз и их эффективность не обеспечивают подготовку нормативных правовых актов в соответствии со всеми требованиями. Отмечена расплывчатость в определении, под нормами современного русского литературного языка понимаются совокупность языковых средств и правила их использования, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках. В докладе прозвучала мысль, что язык закона представляет собой общелитературный язык, который имеет такие особенности, как четкость, сжатость, определенность и точность мысли законодателя, императивный характер изложения, наличие специальных терминов. Нормативные правовые акты формируют первичный уровень нормативно-правового регулирования на территории государства, региона, муниципального образования, являются конкретными по своему содержанию и регламентируют вопросы, отнесенные к предметам ведения.

Дискуссию о юридическом языке продолжил зав. кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, д-р юрид. наук, проф. В. Ю. Туранин. В докладе *«Современные проблемы юридического языка»*, подняв вопрос о двойственной природе юридических терминов, он акцентировал внимание на содержании недавно введенного в официальный текст термина «руководитель (лидер) преступного сообщества» (ст. 210 УК РФ), где слово «лидер» поменяло трактовку с изначально позитивной (в общеупотребительном смысле) на негативную. Помимо этого докладчик остановился на проблеме появления терминов, продиктованных текущей политической ситуацией: «импортозамещение», «суверенный Рунет», «цифровой суверенитет», отметив, что политика в определенных случаях является предпосылкой для трансформации юридического языка.

Профессор департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, д-р юрид. наук, проф. Ю. Г. Арзамасов в докладе *«Новые подходы к систематизации правового материала»* представил стройную концепцию систематизации нормативного материала (юридических терминов, нормативных правовых актов и т. д.) посредством цифровизации, где актуализировал проблему принятия Федерального закона «О правовом тезаурусе Российской Федерации», который должен быть принят в электронной форме⁷. Докладчик подчеркнул, что «сам тезаурус, как и все регистры и реестры нормативных правовых актов Российской Федерации, должен располагаться на одной цифровой платформе, где для всех законов следует создать “досье закона”, которое должно включать не только проекты федеральных законов и сопроводительные документы к ним, но и научные работы по вопросам предполагаемого регулирования, а также данные правового мониторинга». В заключение была представлена авторская дефиниция систематизации нормативного материала.

Профессор кафедры публичного права МГИМО МИД России, д-р юрид. наук В. В. Денисенко посвятил свое выступление *легитимности в сравнительном историческом праве*, обратив внимание на правовое мышление как содержательный критерий классификации правовых систем. Были затронуты также вопросы синхронного и диахронного методов в сравнительном правоведении.

С сообщением на тему *«Нормативная конституционная основа экономического суверенитета государства»* выступил профессор кафедры публичного права МГИМО МИД России, профессор департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, д-р юрид. наук И. В. Левакин. Им была обоснована мысль, согласно которой конституционное государство предполагает гармонию между правами человека, демократией и экономическим суверенитетом.

Заведующая кафедрой конституционного и административного права НИУ ВШЭ (г. Н. Новгород), д-р юрид. наук И. В. Михеева представила доклад *«Актуальные проблемы публичного права через призму теоретико-правовых знаний»*, посвященный проблемам современного подзаконного нормотворчества, которые требуют приложения общетеоретического знания. Обращено внимание на отсутствие единства в определении природы административного акта в разных отраслях права, не всегда обоснованную вариативность использования

⁷ Подробно об этом см.: Арзамасов Ю. Г., Певцова Е. А. Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 24–34.

форм государственного управления, в том числе при нормативном закреплении режимных ограничений.

В докладе профессора Высшей школы права Университета КазГЮУ (Казахстан, г. Астана), д-ра филос. наук, канд. юрид. наук, доц. А.Б. Дидикина обсуждались аргументы, доказывающие полезность *принципа лингвоцентризма для теории права*. Автор упомянул о нормативной природе права, возможности познания правовых явлений через призму речевых актов, а также значимости интерпретации в деятельности ученого-юриста.

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, д-р юрид. наук, доц. А.Г. Репьев в своем выступлении остановился на *тенденционных явлениях, отражающих искажение состояния профессионального правового сознания субъектов со специальным правовым статусом*. На основе эмпирических данных была выдвинута и аргументирована гипотеза о кризисе правосознания государственных служащих, восприятию ими таких элементов своего правового статуса, как правовые преимущества в качестве инструмента для обхода закона при привлечении их к юридической ответственности за совершенные правонарушения. Были предложены меры, направленные на укрепление правового сознания субъектов со специальным правовым статусом, подчеркнута важность зрелого, развитого профессионального правового сознания для эффективного осуществления должностных обязанностей.

Доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Петрозаводского государственного университета, доцент кафедры общеправовых дисциплин Северного института (филиала) ВГУЮ РПА Минюста России, канд. юрид. наук, доц. С.Г. Голенок в докладе «*Поиск теоретических подходов в определении природы правовой идентификации территориальной общности*» указала, что в условиях глубокой трансформации обществ, продиктованной глобальными изменениями в экономической, геополитической, технологической, ценностной сферах, одной из главных задач науки является решение проблемы по формированию оптимальной модели правовой идентификации, что позволит обеспечить сохранение обществ как целостных феноменов, в рамках которого его разнородные, но взаимоувязанные сегменты получают возможность развиваться без утраты самобытности и идентичности. Сделан вывод о преимуществе в познании указанного предмета интегративной методологии, где социологическая концепция оказывается ведущей.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, канд. юрид. наук, доц. С.Н. Касаткин в своем выступлении отметил, что «разрушение единого понятийного ядра (парадигмы) современного англоязычного позитивизма требует поиска адекватных средств его описания, отличных от определения через набор необходимых и достаточных признаков». При этом докладчик подчеркнул, что «одной из альтернатив может выступать модель позитивизма как идейно-исторической традиции с пересекающимися друг с другом теориями». Такой подход, с одной стороны, имеет собственные сложности (дискуссионность понимания рассматриваемой традиции, их плюрализм, экстенсивность данных), с другой — избегает узости закрытых определений, дает более гибкую рамку анализа позитивизма как «семьи теорий», а также опору для его новой концептуализации.

В рамках работы форума прошла секция № 2 «Сравнительно-правовые исследования в области истории отечественного государства и права». Работа секции была организована сотрудниками департамента теории права

и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, профессорами А.А. Сафоновым и А.С. Тумановой, а также доц. М.Б. Аверинным. Было заявлено в общей сложности 33 научных доклада. Предметом обсуждения специалистов стали сравнительные исследования в области изучения суда и судебной власти в России, церкви и церковных реформ, социальных институтов разного рода (ремесленных корпораций, общественных организаций, политических партий), правотворческого процесса и рецепции законодательства зарубежных стран, конституционных преобразований и др.

Доклад профессора кафедры государственного и муниципального права ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, д-ра юрид. наук, проф. К.П. Краковского был посвящен поиску *причин, обусловивших возвышение роли суда в России от правоприменителя к правотворцу во второй половине XIX — начале XX в.* Докладчик остановился на острой дискуссии в отечественной научной среде по данному вопросу между представителями позитивистского и социологического направлений юридической мысли. Были проанализированы примеры «творческого значения судебной практики» кассационных департаментов Сената, действовавшего не столько в формальных рамках закона, сколько «партизанским образом», создавая прецеденты, становившиеся фактически обязательными в силу иерархического отношения низших судебных инстанций к высшим. Подводя итоги дискуссии о правопонимании и источниках права в дореволюционной русской юридической доктрине, К.П. Краковский заключил, что за «позитивистами» стояли закон и прошлое, а за сторонниками «судебного правотворчества» — справедливость и будущее, которое, увы, не наступило, а напротив, оборвалось в 1917 г.

Обсуждению судебных реформ в российской истории была посвящена серия докладов участников конференции (например, доклад канд. юрид. наук, проф. В.М. Деревсковой (Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры) об *общемперской и региональных моделях реализации судебной реформы 1864 г.*).

Доцент НИУ ВШЭ, канд. юрид. наук, канд. ист. наук М.Б. Аверин в своем докладе рассказал о *проблеме применения общегосударственного законодательства в народных судах Российской Империи в период конца XIX — начала XX в., до 1914 г.*

Младший научный сотрудник ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. юрид. наук Р.Г. Оганесян выступил с докладом на тему *реакции на судебную реформу 1864 г. консервативной газеты «Московские ведомости»*.

Профессор департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, д-р юрид. наук, д-р ист. наук, проф. А.С. Туманова представила доклад, посвященный *правовой регламентации деятельности некоммерческих организаций в Российской Империи в сравнительно-историческом контексте*. Она охарактеризовала основные правовые режимы регламентации действий общественных организаций: концессионный, регистрационный, явочный, известные в теории права, а также показала, как в истории России эти режимы последовательно сменяли друг друга. По мнению докладчика, выбор той или иной правовой формы регламентации действий обществ и союзов позволял сделать вывод о состоянии политического и правового режимов в тот или иной период российской истории.

Месту и роли различных форм самоорганизации, в частности политических партий и российской модели многопартийности, а также ремесленных корпораций, и их правового статуса были посвящены доклады доцента Университета прокуратуры Российской Федерации, канд. юрид. наук

М.М. Какителашвили и доцента ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. юрид. наук Т.К. Красильниковой.

Профессор департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, д-р юрид. наук, проф. А.А. Сафонов представил научной общественности доклад на тему *«Законодательство о свободе вероисповедания в Российской Империи начала XX века в оценке С.П. Мельгунова»*. Он показал, как известный российский публицист и религиовед С.П. Мельгунов, выражавший интересы либерально и отчасти умеренно-социалистически настроенных групп населения позднеимперской России, воспринимал религиозную реформу начала прошлого века, ее содержание, вектор и направленность, какие стороны политики российского правительства подвергались критике, а какие, напротив, рассматривал как шаг вперед в развитии правового регулирования конфессий в России.

Доцент Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук, доц. А.В. Лапаева охарактеризовала *воззрения видного российского правоведа С.А. Котляревского на правовое государство*, рассмотрев данную проблему в фокусе международного права.

Значительный интерес вызвал доклад доцента Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, канд. юрид. наук, доц. А.В. Ильина, посвященный *сравнительному анализу Основного закона Индии в контексте советской конституционной традиции*.

На секции прозвучали также доклады молодых ученых.

В рамках форума работала секция № 3 «Актуальные проблемы сравнительно-исторического правоведения и государствоведения». Модераторами выступили: канд. юрид. наук, доц. С.И. Нагих, канд. юрид. наук Д.В. Зорилэ, канд. юрид. наук В.Ю. Скоробогатов. На секции было заслушано 13 докладов и научных сообщений, как в формате офлайн, так и онлайн-формате.

Профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Тимонин выступил с докладом *«К дискуссии об историко-правовых корнях европейской модели государства»*. Будучи крупным специалистом по теоретическим и методологическим аспектам ранних стадий развития государственности, в частности генезиса Древнерусского государства, опираясь на обширный исторический материал, обобщенный в результате многолетних исследований, а также компаративистские подходы, докладчик очертил некоторые специфические особенности государствообразования в различных регионах Европы во взаимосвязи с проблемами влияния религиозного, военного, географического и иных факторов.

Профессор департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России, д-р юрид. наук Д.Ю. Полдников представил доклад на тему *«Правовая традиция как предмет сравнительной истории права»*. Давний пристальный интерес исследователя к методологическим проблемам истории государства и права как научных и учебных дисциплин вылился в выработку новой версии методологического подхода к преподаванию истории государства и права. С опорой на обновленный методологический понятийный инструментарий в докладе предложена универсальная модель структурирования историко-правового материала, что позволяет охватить его во всем многообразии.

Профессор юридического факультета Университета Чангмай (Таиланд) А.Н. Читов в докладе на тему

«Кашмирская правовая традиция: от правового плюрализма к легальному универсализму» изложил особенности двух господствующих в индийском праве подходов – принципа правового плюрализма, основанного на постулате о том, что каждая религиозная община должна следовать собственной уникальной правовой традиции, и принципа правового универсализма, отстаивающего идею единства юридических прав и обязанностей для различных религиозных и политических идентичностей. С целью избежания политических последствий конфликта между этими подходами и для обеспечения единства индийского общества в целом и Кашмира в частности в кашмирских поэтических и исторических произведениях проводится идея синтеза двух правовых начал и формирования универсальной правовой системы как возможного пути развития национального права.

Заместитель директора по науке Уфимского университета науки и технологий, канд. юрид. наук, доц. Н.С. Латыпова представила доклад *«Империализм от века XVII к веку XXI: цивилизационные особенности развития Соединенных Штатов Америки»*. Она обратила внимание на особенности формирования североамериканского государства, в силу исторических, географических, политических факторов изначально основанного на экспансионистском, экстенсивном пути развития, ставшем в дальнейшем его цивилизационной особенностью и сохраняющем ее на всем протяжении своего существования.

Доцент кафедры теории государства и права и международного права Тюменского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. М.Г. Пинигин представил доклад *«Эволюция права в свете конкуренции правовых систем»*. Он указал на способность правовой системы эволюционировать и трансформироваться как одну из наиболее важных для сохранения ее конкурентоспособности в стремительно меняющейся правовой действительности. В качестве фактора ее обеспечения докладчик выделил на первый план процесс правотворчества в его широком понимании, выходящем за рамки деятельности исключительно законодательных органов.

Доцент кафедры гражданского права и процесса Московского университета им. С.Ю. Витте, канд. юрид. наук, доц. А.В. Дашко в докладе на тему *«О роли традиционных религий в построении российского государства и права»* остановился на некоторых функциях религии, выделив среди них регулятивную функцию, непреходящее значение библейских заповедей как источника нравственных ориентиров, и в первую очередь для воспитания подрастающего поколения, для определения его места в социуме, а также интегрирующую функцию религии, выражающуюся в поддержании и сохранении духовного единства российского общества с целью обеспечения национальной идентичности как одной из основ Российского государства. Докладчик наметил основные пути интеграции традиционных конфессий в органы государственной власти для достижения указанных целей.

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. юрид. наук А.В. Путинцев в докладе *«Правосознание как предмет и методологический концепт в сравнительно-исторических правовых исследованиях»* предложил обновленный подход к пониманию традиционного, базового для цикла исторических и теоретических дисциплин понятия «правосознание» и его роли в современной компаративистике.

Соискатель Саратовской государственной юридической академии, специалист по УМР, преподаватель кафедры юриспруденции (КГУ им. К.Э. Циолковского) О.С. Афонина в докладе «Проблема соотношения правовых категорий “процедура” и “процесс”» подробно осветила многообразие подходов к разграничению указанных правовых категорий, теоретическую и практическую значимость такого разграничения. Докладчик высказала свою позицию, выражающуюся в атрибуции «процесса» к сфере судебной власти и отнесении «процедуры» как обязательных законодательно закрепленных действий к иным сферам правоприменения.

В продолжение дискуссии о процедурных вопросах в сфере правоприменения старший преподаватель кафедры теории и истории права Государственного академического университета гуманитарных наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ВАВТ Минэкономразвития РФ А.Ю. Ишков обратился к трудам итальянских и французских пеналистов XVI–XVII вв., внесших большой вклад в развитие уголовного процесса в эпоху Возрождения. В докладе «Итальянские и французские постглоссаторы и их влияние на развитие уголовного процесса: право и наука в слиянии» была отмечена ценность этого наследия, состоящая в сочетании практического судебного опыта и его теоретического осмысления.

Генеральный директор ООО «Палюлин и партнеры» А.Ю. Палюлин в докладе «Правовая квалификация прерывания беременности. Международный опыт и перспективы для России» осветил современное состояние сложной, пока не нашедшей окончательного разрешения указанной проблемы. Им был проведен сравнительный анализ правовых норм, регулирующих проведение искусственного прерывания беременности в Российской Федерации и весьма разнообразный опыт некоторых штатов США. Рассмотрены основные положения соответствующих законов и подзаконных актов, регулирующих отношения в сфере здравоохранения, уголовное законодательство, а также недавнее решение Верховного суда США по данному вопросу. Высказана идея о необходимости обеспечения прав женщины при окончательном решении вопроса о прерывании беременности с учетом всего комплекса морально-нравственных, социальных, религиозных и иных факторов.

Преподаватель департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ Д.С. Благой в сообщении на тему «Банкротный нигилизм как феномен российской правовой культуры» обобщил отечественный постсоветский опыт применения института банкротства. Докладчик отметил наличие национальных российских особенностей восприятия статуса банкрота, предполагающих иные от европейских методы правового регулирования, обратил внимание на положительную

практику законодательного регулирования и правоприменения банкротства в дореволюционной России, подчеркнув целесообразность использования его элементов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасов Ю.Г., Певцова Е.А. Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 24–34.
2. Крашенинников П.В., Трикоз Е.Н. Долгий путь в науке профессора Нины Александровны Крашенинниковой // Правовая культура и правовая традиция: сб. ст. памяти профессора Нины Александровны Крашенинниковой / под общ. ред. С.И. Нагих, О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. М., 2023. С. 5–9.
3. Крашенинников П.В., Трикоз Е.Н. История права в жизни профессора Нины Александровны Крашенинниковой: к 95-летию юбилею // Государство и право. 2023. № 2. С. 98–110. DOI: 10.31857/S102694520024163-0
4. Крашенинникова Н.А. История государства и права Кубы. М., 1966.
5. Правовая культура и правовая традиция: сб. ст. памяти профессора Нины Александровны Крашенинниковой / под общ. ред. С.И. Нагих, О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. М., 2023.
6. Трикоз Е.Н., Крашенинникова Н.А. Сравнительное уголовное право (Индия). М., 2020.

REFERENCES

1. Arzamasov Yu. G., Pevtsova E.A. The role of digitalization in the systematization of legal terminology // Herald of Moscow State University. Ser.: Jurisprudence. 2022. No. 4. P. 24–34 (in Russ.).
2. Krashenninnikov P.V., Trikoz E.N. A long way in the science of Professor Nina Alexandrovna Krashenninnikova // Legal culture and legal tradition: collection of articles in memory of Professor Nina Alexandrovna Krashenninnikova / under the general editorship of S.I. Nagikh, O.L. Lysenko, E.N. Trikoz. M., 2023. P. 5–9 (in Russ.).
3. Krashenninnikov P.V., Trikoz E.N. The history of law in the life of Professor Nina Alexandrovna Krashenninnikova: to the 95th anniversary // State and Law. 2023. No. 2. P. 98–110. DOI: 10.31857/S102694520024163-0 (in Russ.).
4. Krashenninnikova N.A. History of State and Law of Cuba. M., 1966 (in Russ.).
5. Legal culture and legal tradition: collection of articles in memory of Professor Nina Aleksandrovna Krashenninnikova / under the general editorship of S.I. Nagikh, O.L. Lysenko, E.N. Trikoz. M., 2023 (in Russ.).
6. Trikoz E.N., Krashenninnikova N.A. Comparative Criminal Law (India). M., 2020 (in Russ.).

Сведения об авторах

ЗОРИЛЭ Дорина Валентиновна — кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права НИУ «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Authors' information

ZORILE Dorina V. — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

ТРИКОЗ Елена Николаевна —

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории права
и сравнительного правоведения
международно-правового факультета
МГИМО МИД России;
119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
доцент Юридического института
Российского университета
дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ТУМАНОВА Анастасия Сергеевна —

доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор,
профессор департамента теории права
и сравнительного правоведения
факультета права
НИУ «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

TRIKOZ Elena N. —

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory of Law and Comparative Law,
Faculty of International Law,
MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia;
76 Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russia;
Associate Professor of the Law Institute,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia;
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

TUMANOVA Anastasia S. —

Doctor of Law,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory of Law and Comparative Law,
Faculty of Law, National Research
University Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

**СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА /
отв. ред. А.Я. Капустин. М.: ИЗиСП: НОРМА: ИНФРА-М, 2023. – 336 с.**

© 2023 г. А. Н. Вылегжанин¹, *, С. А. Лобанов^{1, 2}, **, Р. А. Каламкьян³, ***

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

²Московский государственный лингвистический университет

³Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

*E-mail: danilavy@mail.ru

**E-mail: Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru

***E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

Поступила в редакцию 20.09.2023 г.

Аннотация. В рецензируемой монографии представлена современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права.

Ключевые слова: международное право, взаимодействие международного и внутригосударственного права, система международной юриспруденции.

Цитирование: Вылегжанин А.Н., Лобанов С.А., Каламкьян Р.А. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / отв. ред. А.Я. Капустин // Государство и право. 2023. № 11. С. 224–226.

DOI: 10.31857/S102694520028737-1

**THE MODERN CONCEPT OF THE INTERACTION
BETWEEN INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW / res. ed.
A. Ya. Kapustin. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under
the Government of the Russian Federation: NORMA: INFRA-M, 2023. – 336 pp.**

© 2023 А. Н. Vylegzhanin¹, *, S.A. Lobanov^{1, 2}, **, R.A. Kalamkaryan³, ***

¹Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

²Moscow State Linguistic University

³Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
Stoletov's Vladimir State University

*E-mail: danilavy@mail.ru

**E-mail: Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru

***E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

Received 20.09.2023

Abstract. The reviewed monograph presents a modern concept of the interaction between International and domestic law.

Key words: International Law, the interaction between International and domestic law, the system of international jurisprudence.

For citation: Vylegzhanin, A.N., Lobanov, S.A., Kalamkaryan, R.A. (2023). The modern concept of the interaction between International and domestic law / res. ed. A. Ya. Kapustin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 224–226.

Коллективом ученых — сотрудников Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ представлена монография «Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права» (отв. ред. А.Я. Капустин, зав. отделом международного права ИЗаСП, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ).

Позитив монографии обозначен формированием новационным по своему юридическому

содержанию концептуальным видением взаимодействия международного и внутригосударственного права в свете внесенных в 2020 г. поправок в Конституцию РФ. Новационно также представлена правоприменительная практика Российской Федерации в части конкретных примеров применения международных договоров в правовой системе Российской Федерации. Дана интерпретация применения судебных норм международного права с учетом внесенных в 2020 г. поправок в Конституцию РФ. Обозначена проблема реализации международных стандартов правосудия при функционировании института судебной власти в Российской Федерации (с. 11–46); показаны особенности доктрины международного права о соотношении международного и внутригосударственного права (с. 46–60); представлены онтологические основания международного права (с. 60–78); обоснована включенность Венецианской комиссии о взаимодействии международного и внутригосударственного права (с. 78–110); установлены процедуры осуществления универсальной гражданской юрисдикции как отражение взаимодействия международного и внутригосударственного права (с. 110–143).

Принятые поправки к Конституции РФ в 2020 г., как справедливо констатируется в монографии, с одной стороны, позволяют выполнять международные обязательства Российской Федерации в соответствии с принципом добросовестности, а с другой — способствуют реализации принципа суверенного равенства государств. Тем самым на сбалансированной и взаимосогласованной основе обеспечивается верховенство Конституции РФ и защита прав и свободы человека и гражданина согласно принятым международно-правовым стандартам (с. 185–216).

Монография состоит из *пяти глав*, в которых системно представлены юридически обоснованные позиции по проблематике концептуального восприятия института взаимодействия международного и внутригосударственного права.

В *гл. 1 «Становление отечественной концепции взаимодействия международного и внутригосударственного права»* речь идет о создании необходимых условий не только для

урегулирования коллизий между международным и внутригосударственным правовыми порядками, но и поступательного развития Российской Федерации (с. 46).

В *гл. 2 «Международное и внутригосударственное право: концептуальные проблемы»* обобщена правоприменительная практика Венецианской комиссии о взаимодействии международного и национального права (с. 60–110); дано целостное восприятие универсальной гражданской юрисдикции (с. 110–143).

Научно-практическая значимость *гл. 3 «Конституция государства и международное право»* обозначена посредством раскрытия юридического содержания позиционирования конституции государства при сосуществовании международного и внутригосударственного права (с. 143–164).

В *гл. 4 «Применение международного права в контексте конституционной реформы 2020 года»* всесторонне раскрывается юридическая сущность поправок к Конституции РФ в 2020 г. Представлено применение международного права с учетом поправок к Конституции (с. 216–233).

В *гл. 5 «Проблемы международной безопасности в контексте взаимодействия международного и внутригосударственного права»* определена роль Российской Федерации в современном миропорядке в параметрах установленной востребованности обеспечения государственной безопасности Российской Федерации как суверена системы международных правоотношений с учетом Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г.

Обоснован заключительный вывод о том, что Конституция РФ является единственно легитимным источником конституционности международных договоров в правовой системе государства. Она определяет механизмы применения или имплементации любых норм международного права или иных международных актов в правовой системе вне зависимости от их природы (с. 326, 327).

* * *

Рецензируемая монография «Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права» вносит существенный вклад в науку международного права.

Книга будет интересна для юристов — ученых и практиков, а также преподавателей, студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / отв. ред. А.Я. Капустин. М., 2023. С. 11–164, 185–233, 326, 327.

REFERENCES

2. The modern concept of the interaction between International and domestic law / res. ed. A. Ya. Kapustin. M., 2023. P. 11–164, 185–233, 326, 327.

Сведения об авторах

ВЫЛЕГЖАНИН Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, вице-президент Российской ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

ЛОБАНОВ Сергей Александрович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового регулирования топливно-энергетического комплекса Международного института энергетической политики и дипломатии, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; профессор кафедры международного права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

КАЛАМКАРЯН Рубен Амаякович — доктор юридических наук, профессор, лауреат премии им. Ф.Ф. Мартенса Президиума Российской академии наук (2007), профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; 117437 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; профессор кафедры «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Authors' information

VYLEGZHANIN Alexander N. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Vice-President of the Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia; 76 Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russia

LOBANOV Sergey A. — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Professor of the Department of International Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia; 76 Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russia; Professor of the Department of International Law at the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University

KALAMKARYAN Ruben A. — Doctor of Law, Professor, Laureate of the Martens Prize Presidium of the Russian Academy of Sciences (2007), Professor of the Department of Human Rights and International Law, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 12 Akademika Volgina str., 117437 Moscow, Russia; Professor of the Department of International Law and Foreign Economic Activity of Speransky Law Institute of Stoletov's Vladimir State University